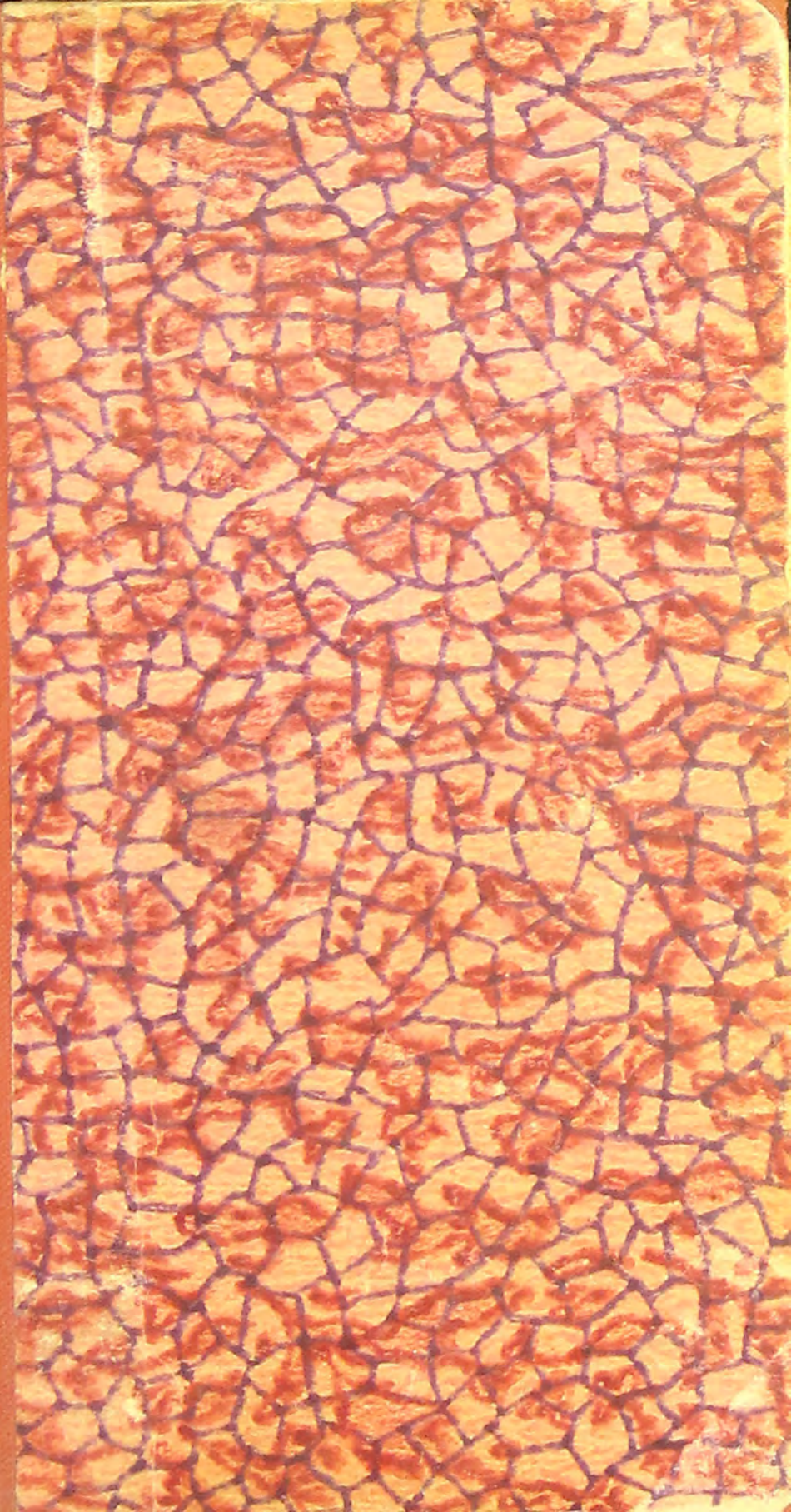
H
0-6



5568
О-65 ~~А8814~~ ~~6589~~
Оржешко, Э.
Сотр. соч. т 9.
Bene nati
Ч7 5/4 1896 25р.
Г1862

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

5477 5/VI
269 12/VI

Кол. пред. выдач —
г. Сокол бум. комбинат

Собраніе сочиненій

Элизы Оржешко.

ірная библіотека.

Собранія сочиненій извѣстныхъ

ихъ и иностранныхъ писателей.

Русскіе писатели:

ъ, С. , подъ редакціей *А. Г. Горнфельда;*
Л. Н., со вступительной статьей проф. *М. А. Рейснера;*
. А., подъ наблюденіемъ *автора;*
ъ, А. В., подъ наблюденіемъ *автора;*
подъ наблюденіемъ *автора;*
одъ редакціей *В. В. Каллаша;*
І. А., подъ редакціей *В. П. Кранихфельда;*
М., съ многочисл. приложеніями;
І. Н., подъ наблюденіемъ *автора;*
, подъ редакціей *Арс. Ив. Введенскаго;*
подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
А., подъ наблюденіемъ *автора;*
И. со вступ. статьей *А. А. Измайлова;*
Л. Ю., подъ ред. *Арс. И. Введенскаго;*
. В., со вступ. статьей *П. В. Быкова;*
., подъ редакціей *Д. П. Сильчевскаго;*
В., подъ наблюденіемъ *автора;*
М., подъ наблюденіемъ *автора;*
С., подъ ред. *А. Г. Фомина,* со вступительной стат
хенвальда;
Іанченко, Вас. И., подъ наблюденіемъ *автора;*
Ф., подъ наблюденіемъ *автора;*
. М., подъ наблюденіемъ *автора;*
. Н., подъ ред. *М. И. Писарева;*
Н. Г., съ біограф. очеркомъ *Н. А. Благовѣщенскаго;*
А., подъ наблюденіемъ *автора;*
С., подъ редакціей *П. О. Морозова* и *В. В. Каллаша;*
. Я., съ портретомъ *автора;*
одъ наблюденіемъ *автора;*
І., подъ редакціей *А. М. Хирьякова;*
га, подъ наблюденіемъ *автора.*

С.-Петербургъ.
здательское Товарищество „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Собраніе сочиненій

Элизы Оржешко.

Съ портретомъ автора, автографомъ, біографіей и вступительной статьей.

Переводъ съ польскаго,

подъ редакціей

С. С. Зелинскаго.

Томъ девятый.

Bene nati.

Переводъ **С. А. Борнштейнъ.**

Разсказы.

Библиотека завкома № 51
Катуфрестного р-да кислотных
Инв. №
Дмитровская
Централизованная
Библиотечная система
Московской области
Библиотека
Инв. №

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Акціонернаго О-ва „Самообразованіе",
Забалканскій просп., д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы

Оглавленіе.

	Стр.
Bene nati (повѣсть).	1
Кустъ сирени (разсказъ)	233
Звенья (разсказъ)	271
Одна сотая (разсказъ).	309

Bene Nati.

Деревенская повѣсть.

I.

Несмотря на морозъ, Флорьянъ Кулеша, арендаторъ Ляскова, стоялъ на крыльцѣ длиннаго низкаго дома и привѣтливымъ взглядомъ провожалъ юношу въ изящной шапочкѣ и охотничьемъ костюмѣ въ обтяжку, который, перекинувъ ружье черезъ плечо, проходилъ по двору. Онъ не спускалъ съ него глазъ и тогда, когда юноша уже за воротами, среди полей, покрытыхъ снѣгомъ, шелъ по дорогѣ, обсаженной съ обѣихъ сторонъ вербами, направляясь къ лѣсу, который окружалъ усадьбу огромнымъ темнымъ вѣнцомъ. Да и могъ ли морозъ что сдѣлать этому коренастому сильному человѣку съ покрытымъ здоровымъ загаромъ лицомъ, которое оживляли, какъ два василька, воткнутые въ піонъ, прекрасные, синіе глаза! Это были добрые, искренніе, блестящіе глаза, — глаза простака, здороваго душой и тѣломъ, довольнаго своей судьбой человѣка, относящагося съ любовью къ людямъ, небу и землѣ. Стоялъ ли лѣтній зной, бушевала ли буря, трещалъ ли морозъ, лилъ ли дождь или завывала мятель, онъ былъ невозмутимъ, и ничто никогда не нарушало мира между нимъ, небомъ и землей. Стихіи дѣлали свое, а Кулеша свое. Онъ съ ними сжился и мирился наилучшимъ образомъ. Когда по какому-либо капризу неба или земли случался неурожай, то это

огорчало Кулешу, но не до такой степени, чтоб доходить до отчаянія и болѣзни. Онъ боролся с бѣдою, какъ умѣлъ: пахалъ, сѣялъ, молотилъ, вы считывалъ, сберегалъ, только бы имѣть возможност уплатить владѣльцу земли арендную плату и как нибудь просуществовать съ семьей. Вотъ и дожил онъ до пятидесяти лѣтъ, что подтверждали нѣсколь морщинъ на его низкомъ лбу и легкая сѣдина в густыхъ волосахъ, и чему противорѣчилъ блескъ си нихъ глазъ и снѣжная бѣлизна зубовъ, обнаружи ваемыхъ улыбкой. Изъ-за этихъ глазъ и изъ-за этой улыбки можно было простить этому лицу огрубѣ лость кожи и грубыя черты его, низкій лобъ, а главнымъ образомъ, толстыя губы и тяжелый под бородокъ, ясно изобличавшіе одинъ изъ семи смерт ныхъ грѣховъ: чревоугодіе. Казалось несомнѣннымъ, что ему необходимо было много работать, смѣяться и ѣсть. Такъ же несомнѣнна была его любовь, его сердечная привязанность къ юношѣ, выходившему изъ воротъ. Но съ этой любовью, очевидно, была связана какая-то глубокая забота, потому что улыбка вскорѣ исчезла съ его лица. Обращаясь къ женщинѣ, сидѣвшей близъ него на скамейкѣ и указывая кивкомъ головы на уходящаго, онъ произнесъ съ печалью въ голосѣ:

— Жаль!

Женщина, закутанная въ старый платокъ такъ, что отъ всего ея лица видны были лишь маленькіе черные глазки, маленькій вздернутый носикъ и маленькія увядшія губы, закачала головой и грустно отвѣтила:

— О, жаль!

Сейчасъ они впервые коснулись того, что лежало у нихъ на сердцѣ, но тѣмъ не менѣе сразу поняли

другъ друга. Не даромъ они прожили вмѣстѣ больше двадцати лѣтъ. Послѣ минутнаго молчанія женщина, глядя на мужа, тихо сказала ему:

— Аврелька похудѣла!

Онъ пожалъ плечами.

— Вотъ сейчасъ ужъ и похудѣла! Бабье обыкновеніе — дѣлать изъ мухи слона! Изъ-за чего худѣть-то? Не будетъ этого, — найдется другой. По ярмаркамъ возить ее не стану, возьмутъ и изъ дому. Чахотки въ нашей семьѣ ни у кого не было, слава Богу. И отъ любви тоже никто изъ нашихъ не умиралъ. Бабій вздоръ!

Женщина съ глубокой грустью въ черныхъ глазахъ развела подъ платкомъ руками и проговорила:

— Что же дѣлать, когда онъ обрученъ!..

— Вотъ ужъ, матушка, новость сообщила! Ужъ какъ Теофилія что скажетъ, такъ ужъ скажетъ! Вѣдь, кажется, сейчасъ же послѣ пріѣзда онъ сказалъ, что обрученъ, и Аврелька глупа, если, зная это, вскружила себѣ голову.

— Аврелька молода, — съ внезапной живостью возразила женщина, — а ты, Флорьянъ, старъ, значитъ, долженъ былъ имѣть разсудокъ и не приглашать его къ намъ въ нахлѣбники!..

— Ну, вотъ, опять изрекла! Что жъ, я звѣрь, что ли, чтобъ такому порядочному человѣку позволить извести себя чертъ знаетъ какой ѣдой. Не могъ же я предвидѣть, что дѣвицы должны влюбляться въ каждаго, кто въ домѣ столуется. Можетъ быть, у дѣвицъ ужъ такой обычай? Почемъ я знаю? Ты, Теофилія, баба, значитъ, знаешь бабью натуру и должна была предупредить меня, что если дѣвица увидитъ мужчину, съ ложкой у рта, то сейчасъ и влюбится въ него. Если такъ, то въ меня, ей-Богу,

поголовно всѣ дѣвицы должны бы влюбиться, потому что лучше меня по части ѣды никто не отличится.

Сначала Кулеша какъ будто разсердился на жену за сдѣланный ему упрекъ, но потомъ, обративъ все въ шутку, заразилъ и ее своимъ смѣхомъ. Она же, все еще съ сожалѣніемъ покачивая головой, но уже улыбаясь, продолжала:

— Ахъ, Флорьянъ, Флорьянъ! Вѣчно ты съ шутками! Вѣрно и на моихъ похоронахъ ты шутилъ бы!

Несмотря на печальный характеръ послѣдняго предположенія, было очевидно, что шутка мужа доставила Теофиліи удовольствіе. Онъ же стоялъ передъ ней подбоченясь и глядѣлъ на нее съ усмѣшкой.

— Ну что же? Ты, Теофилія, любишь поохать, а я хоть иногда хочу посмѣяться. Довольно оханья въ нашемъ домѣ... А дѣти въ меня пошли, не стонутъ, а смѣются всегда... Ну, право!

— Аврелька теперь ужъ не такъ... — начала было со вздохомъ Теофилія, въ голосѣ которой снова зазвучали грустныя ноты; но она не успѣла кончить начатой фразы: ее внезапно прервалъ раздавшійся внутри дома шумъ голосовъ и топотъ ногъ. Вслѣдъ за этимъ на крыльцо вдругъ вырвался изъ сѣней веселый хороводъ, во главѣ котораго неслась, размахивая пустымъ ведромъ, босая двадцатилѣтняя дѣвушка въ розовой кофточкѣ и короткой юбкѣ, съ толстой золотистой косой на спинѣ. Вслѣдъ за нею, стараясь ее догнать, бѣжала другая дѣвушка, помоложе, но очень на нее похожая, а затѣмъ третья, тринадцатилѣтній подростокъ въ фіолетовой кофточкѣ, схватившая вторую за рукавъ голубого платья. За нею бѣжалъ, протянувъ обѣ руки и шлепая какою-то слишкомъ просторною обувью, девятилѣтній мальчуганъ въ зеленой блузкѣ, котораго старались

задержать два совсѣмъ маленькихъ мальчика въ бѣлыхъ рубахахъ, подпоясанныхъ самотканными поясками. Громко хохоча и выкрикивая что-то неудобопонятное, вся эта орава пронеслась по крыльцу и сбѣжала во дворъ; дѣтвора побѣжала по искрившемуся на солнцѣ снѣгу, направляясь къ колодцу съ большимъ колесомъ, находившемуся въ сосѣдствѣ конюшенъ и другихъ службъ, окаймлявшихъ съ одной стороны усадебный дворъ большимъ полукругомъ; съ другой стороны усадьбы такой же полукругъ образовали высокіе, покрытые снѣгомъ тополи. При блѣдномъ свѣтѣ зимняго солнца, по снѣгу, усѣянному искрами, подъ тополями, мчалась вереницей веселая дѣтвора, пестрѣли розовые, голубые, фіолетовые, зеленые, красные и бѣлые цвѣта блузокъ, кофточекъ и юбокъ, блестѣли золотистыми лучами бѣлокурыя головки дѣвушекъ и раздавался звонкій, дружный хохотъ. Этотъ хохотъ выманилъ изъ кухни, находившейся на концѣ длиннаго дома, и изъ стараго флигеля, гдѣ жила челядь, всѣхъ, кто тамъ находился. Выбѣжали женщины и дѣвушки, держа въ рукахъ, кто горшокъ, кто ножъ, кто мокрую тряпку, выбѣжало три-четыре батрака съ пилами и топорами, нѣсколько босоногихъ, бѣлоголовыхъ ребятишекъ разнаго возраста, одѣтыхъ въ однѣ только рубахи. Старшіе, громко болтая, остановились у двери, одна изъ бабъ, еле держась на ногахъ отъ хохота, размахивала ножомъ, которымъ только что чистила картофель, а дѣти бросились бѣжать мимо службъ по снѣгу, такой же полукруглой вереницей, какъ и тѣ, что бѣжали подъ тополями. Къ этой процессіи присоединились, какъ будто для вящшей полноты картины, двѣ мохнатыя дворняжки въ бѣлыхъ и желтыхъ пятнахъ, съ развѣваю-

щимися хвостами: отчаянно лая, бросились онѣ со всѣхъ ногъ черезъ дворъ къ колодцу. Ко всей этой какофоніи звуковъ примѣшивался голосъ Теофиліи, выскочившей на самое крыльцо и пискливымъ голосомъ кричавшей изо всѣхъ силъ:

— Аврелька! Аврелька! Аврелька!

А Флорьянъ Кулеша, очевидно привыкшій къ такимъ сценамъ, не говорилъ ни слова; онъ лишь разставилъ широко ноги, подбоченился, и широкая улыбка открыла два ряда его бѣлыхъ зубовъ. Но когда его жена, не переставая кричать благимъ матомъ:

— Аврелька! Аврелька! Зоська! Каролька! Антекъ! — сама уже подняла съ обѣихъ сторонъ юбку, намѣреваясь побѣжать въ догонку за дѣтьми, онъ ее удержалъ за платокъ и сказалъ:

— Ну, чего, Теофилія, кричишь? Куда летишь? Что за чудачество?

— Босые, въ лѣтнихъ кофточкахъ, по снѣгу, въ такой морозъ... Іезусъ, Марія... — со стономъ ломала она руки.

— Такъ что же такое? — флегматично спросилъ Кулеша.

— Простудятся! Захвораютъ! Іезусъ, Марія! Какъ дѣти батраковъ, какъ нищіе подъ костеломъ! Какъ сироты, не имѣющіе одежды!

Смѣясь до слезъ, Кулеша принялся уговаривать свою жену:

— Плюнь ты на это! Ты рада всякому случаю поохать! Что жъ онѣ, княжны, что ли, чтобъ имъ босыя ноги и лѣтняя одежда повредить могли? Можетъ быть, ты намѣревалась произвести на свѣтъ княженъ, почемъ мнѣ знать? Но этотъ проектъ не удался, и онѣ родились простыми шляхтянками, хотя

отецъ ихъ и арендаторъ. Онѣ пошли въ отца, въ бабушекъ и прабабушекъ, которые всегда босые по снѣгу бѣгали. Ну, довольно охать, а теперь прошу тебя дать мнѣ покушать, — я голоденъ, какъ вотъ эти дворняжки...

— Ты все шуточками, а дѣти расхвораются, особенно Аврелька...

— Почему же именно Авреяька особенно? А? Она такая нѣженка? Или потому, что она мамина любимица?

Поддразнивая такимъ манеромъ жену, Кулеша вмѣстѣ съ нею вошелъ въ домъ.

Въ эту минуту розовыя, голубыя, лиловыя кофточки дѣвушекъ и бѣлыя рубахи подпрыгивающихъ дѣтей сгруппировались около большого колеса колодца, которое стало быстро вертѣться, все быстрѣе, все ускоряя темпъ, а подъ тактъ его оборотовъ по всему двору раздалось пѣніе дѣвушки въ розовой кофточкѣ, сидѣвшей высоко надъ всѣми окружившими ее, на срубѣ колодца:

Если бъ столько васъ было,
Сколько листьевъ на деревѣ,
Такого не было и не будетъ,
Какъ мой Янекъ милый.
Если бъ столько васъ было,
Сколько пѣны на морѣ,
Такого не было и не будетъ,
Какъ мой Янекъ любимый.

— Не Янъ, а Юрась... и то помолвленный! — ворчалъ себѣ въ усъ Кулеша, сидя у стола надъ миской бигоса и ветчиной.

Жена, нарѣзывая ему ломти отъ большого каравая хлѣба, прошептала:

— Что тамъ! Помолвки — паутина! Еще, мо-

жетъ быть, Богъ дастъ, изъ этого ничего и не выйдетъ.

— Теофилія! Ты такая набожная, каждую пятницу меня голодомъ моришь — а ближнему зла желаешь, — началъ Кулеша, но остановился, такъ какъ это было не въ пятницу, на столѣ стояло такое вкусное блюдо, и пока оно не было кончено, не могло быть мѣста ни шуткамъ, ни огорченіямъ.

Но его жена, менѣе чѣмъ онъ дорожившая вкусными блюдами, присѣвши тутъ же у стола, продолжала:

— Говорятъ, ея семья очень противится этому браку...

— А почему? — съ набитымъ пищей ртомъ, еле шевеля губами, съ трудомъ выдавилъ изъ себя Кулеша.

— А потому, что онъ мужикъ...

Кулеша вдругъ пересталъ жевать и, вытаращивъ на жену глаза, почти со злостью проворчалъ:

— Теофилія, ты болтаешь глупости...

Но женщина, сложивъ на столъ свои маленькія, темныя ручки, тянула невозмутимо дальше своимъ монотоннымъ, немного стонущимъ, пискливымъ голоскомъ:

— Ты говоришь, что я глупости болтаю, а между тѣмъ ты самъ не очень уменъ. Надо же понимать, что шляхтянка — это шляхтянка, а мужикъ — мужикъ...

Теперь, увлекшись опять ѣдой, онъ только буркнулъ:

— Бабій вздоръ!..

— Совсѣмъ не бабій, — возразила женщина, — потому что сильнѣе другихъ противится этому браку именно мужчина — ея братъ. Онъ, какъ говорятъ,

очень гордый и не хочетъ, чтобъ его сестра пропадала между мужиками. Есть у нея и шурьяки и другіе родственники, которые также не хотятъ...

— Ослы, болваны, бараны! — страшно выпучивъ глаза, выпалилъ Кулеша.

— Ты говоришь, ослы, болваны, бараны, а я говорю — ужъ самъ Богъ, вѣрно, такъ устроилъ, что шляхтянка, то шляхтянка, а что мужикъ, то мужикъ.

Кулеша положилъ ложку на столъ и уперся ладонями о колѣни: по лицу его видно было, что въ немъ злость такъ и кипитъ.

— Теофилія гусыня, — началъ онъ, но тутъ же его гнѣвъ прошелъ, и онъ съ минуту смотрѣлъ на жену молча, съ полупрезрительной, полунасмѣшливой улыбкой. Потомъ нагнулся къ самому ея уху и шепнулъ:

— Ну, а какъ же было бы съ Аврелькой? Что? А почему ты только что сказала: жаль! и почему пожелала, чтобъ изъ этой помолвки ничего не вышло, чтобъ эта помолвка оказалась, точно паутина?

Она сразу растерялась. Маленькіе глазки забѣгали, ноздри вздернутаго носика раздулись; она не знала, какъ примирить свое материнское чувство съ житейскими принципами. Послѣ минуты раздумья она, махнувъ рукой, тихо признесла:

— Флорьянъ, ты Богъ знаетъ, что выдумываешь. Аврелька мое дитя, и ея счастье мнѣ дороже всего на свѣтѣ. Пусть онъ будетъ панъ, мужикъ, цыганъ или шляхтичъ, лишь бы ей съ нимъ было хорошо...

Кулеша гомерически расхохотался, а послѣ долго съ насмѣшкой покачивалъ головой.

— Дѣло вотъ въ чемъ, — сказалъ онъ наконецъ, — ты, Теофилія, добрая женщина, но жен-

щина, а у женщины умъ, что двѣ собаки, связанныя между собою за хвостъ: одна тянетъ въ одну сторону, другая въ другую, а обѣ стоятъ на одномъ мѣстѣ.

Но она уже и не слушала его. Мелкими, но быстрыми шажками побѣжала она въ кухню, откуда на весь домъ разносились крики и смѣхъ возвратившейся отъ колодца оравы.

Тѣмъ временемъ человѣкъ, которымъ такъ живо интересовались Кулеши, углублялся въ лѣсъ по вившейся между деревьями узкой дорожкѣ. Одно только имя могло напомнить о его мужицкомъ происхожденіи, но не черты лица и не движенія, отличавшіяся необыкновенной ловкостью и изяществомъ. Въ эту минуту Георгія Хутко можно было принять скорѣе за настоящее дитя культуры, для развлеченія прогуливающееся по лѣсу. Въ простомъ, тѣсно облегавшемъ его, платьѣ, съ ружьемъ на плечѣ, гибкій и стройный, онъ шелъ не спѣша, легкимъ шагомъ, и во всей его фигурѣ красиво сочетались сила и эластичность. На его лицѣ сіяла тихая радость. Сѣрые, миндалевидные глаза мягко глядѣли кругомъ изъ-подъ козырька шапочки, а тонкія красивыя губы изъ-подъ золотистыхъ усовъ весело, довѣрчиво и, пожалуй, нѣсколько самонадѣянно улыбались всему Божьему міру. Очевидно, весь міръ былъ добръ и ласковъ къ этому человѣку, и тотъ считалъ себя вполнѣ достойнымъ этихъ благъ. Когда онъ, высоко поднявъ голову, весело засвисталъ, ясно видно было, что первые шаги его жизни были очень удачны. Когда онъ оглядывался кругомъ, онъ, вѣроятно, думалъ о томъ, что удачи эти имъ заслужены, и что онъ надѣется и впредь быть удачникомъ. Годъ тому назадъ онъ окончилъ военную службу, а мѣсяца два

тому назадъ получилъ подъ свой надзоръ полторы тысячи морговъ княжескаго лѣса, и ему даны были нѣсколько помощниковъ, начальникомъ которыхъ онъ и является въ качествѣ старшаго лѣсника. Собственно, всѣмъ этимъ онъ обязанъ долголѣтней и вѣрной службѣ прадѣда, дѣда и отца въ княжескихъ лѣсничествахъ, но отчасти и своей смѣлости и ловкости — это онъ знаетъ. Вызванный къ самому князю, онъ не растерялся и держался предъ нимъ, какъ слѣдуетъ. Когда ливрейный лакей ввелъ его въ княжескій кабинетъ, онъ, правда, почувствовалъ нѣкоторую неловкость, но тотчасъ успокоился, подумалъ: „ни я ему, ни онъ мнѣ ничего дурного не сдѣлали, меня никто ни въ чемъ дурномъ упрекнуть не можетъ, чего же мнѣ стѣсняться или бояться“. И онъ спокойно и смѣло вошелъ въ роскошную комнату и, остановившись недалеко отъ порога, поклонился почтительно, но не низко, совсѣмъ не низко; онъ самъ не понималъ, какое такое странное чувство поддержало его голову, чтобъ она не слишкомъ низко наклонялась, и затѣмъ сейчасъ выпрямило всю его фигуру и подсказало ему принять хоть и скромную, но не покорную позу. Князь, сидѣвшій въ креслѣ у круглаго стола, осмотрѣлъ его съ ногъ до головы и спросилъ:

— Ты сынъ Николая Хутко?

И, услышавъ утвердительный отвѣтъ, проворчалъ: — Гмъ, гмъ!

Онъ казался немного удивленнымъ. Георгій не зналъ навѣрное, но догадывался, что князь потому такъ долго и съ такимъ удивленіемъ глядитъ на него, что онъ такъ мало похожъ на отца и дѣда. У тѣхъ были плотныя фигуры, темныя лица и кланялись они до самой земли — онъ же даже глазъ

не опустилъ. Ему бояться или стыдиться было нечего, и князь могъ долго смотрѣть въ живые смѣлые глаза юноши, почтительно, но смѣло стоявшаго передъ нимъ у порога. Очевидно, ему понравились и глаза, и наружность, и осанка Георгія, такъ какъ онъ очень ласково подозвалъ юношу къ себѣ, поближе къ столу, и сталъ выпытывать, насколько тотъ освѣдомленъ въ лѣсномъ хозяйствѣ. Тутъ уже Георгій сталъ твердой ногой на знакомую и близкую его сердцу почву. Въ лѣсу онъ родился и выросъ, ивлѣсной работѣ присматривался всю жизнь, нѣлько онъ не любилъ такъ, какъ лѣсъ. Поэтому кождеотвѣчалъ на заданные вопросы съ легкостью, шіяся тѣмъ и съ увлеченіемъ. И такъ какъ въ его эту ружности не было ничего грубаго, а металличе рѣе голосъ звучалъ пріятно для уха, то князь, оглянроего вторично съ ногъ до головы и еще разъ пребормотавъ свое: — гмъ, гмъ! — спросилъ, сможетъ ли онъ давать ежемѣсячные отчеты въ главное управленіе? На это Георгій смѣло отвѣтилъ въ утвердительномъ смыслѣ. Онъ хорошо писалъ и ловко считалъ, чѣмъ былъ обязанъ прежде всего своему учителю, котораго отецъ въ складчину съ другими лѣсниками держалъ для сына въ продолженіе трехъ лѣтъ, а потомъ тому прилежанію и вниманію, съ какими онъ самъ относился къ ученью. Спросилъ его также князь, женатъ ли онъ? на это онъ отвѣтилъ, что обрученъ и, какъ только получитъ мѣсто, тотчасъ женится.

— У тебя, вѣрно, красивая невѣста! — очень ласково пошутилъ князь, а Георгій понялъ изъ шутки князя, что тотъ думаетъ, что лишь красивая невѣста можетъ ему быть парой. Онъ снова почтительно поклонился, какъ подобаетъ юношѣ кла-

няться старшему почтенному человѣку но безъ всякаго самоуничиженія, характеризующаго поклонъ слуги, глаза его просвѣтлѣли, и онъ, весь покраснѣвъ, отвѣтилъ:

— Не знаю, ваше сіятельство, красива ли она, но для меня она дороже всего на свѣтѣ.

Князь, все улыбаясь, мягкимъ жестомъ отпустилъ Георгія, но когда тотъ уже былъ у двери, онъ его снова спросилъ:

— А на комъ ты женишься?

— На дочери Осиповича изъ Толлочекъ, ваше сіятельство.

— Стало быть, на шляхтянкѣ?

Нѣчто вродѣ плутовской улыбки пробѣжало по лицу Георгія.

— На столбовой, — отвѣтилъ онъ.

Нѣсколько часовъ спустя послѣ этого разговора въ избу Николая Хутко изъ главнаго управленія былъ присланъ приказъ, чтобы сынъ его Георгій немедленно отправился въ Лясково, куда онъ назначенъ старшимъ лѣсникомъ на мѣсто прежняго, старика, оставленнаго за штатомъ, т. е. на хлѣбѣ изъ милости. На слѣдующій день Георгій прощался съ родителями. Отецъ множество разъ крестилъ его низко наклоненную голову, мать и маленькая сестра громко плакали, а братья стояли у двери, опустивъ руки и грустно повѣсивъ головы. Онъ перецѣловалъ отцу руки, горячо обнялъ мать, сестренку поднялъ на прощанье, какъ перышко, до потолка, а братьевъ просилъ при первой возможности навѣстить его въ Лясковѣ. Несмотря на грустное чувство разлуки, онъ былъ бодръ и даже веселъ. Лицо его раскраснѣлось, глаза блестѣли, и губы улыбались. У двери его словно что то толкнуло снова

къ отцу. Онъ вдругъ почувствовалъ къ нему горячую благодарность за то, что тотъ его никогда не билъ и вообще ничѣмъ не обижалъ въ дѣтствѣ, за то, что онъ, отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ, держалъ сыну учителя, за то, что, желая доставить сыну мѣсто у князя, онъ долгіе часы и даже дни дожидался у воротъ имѣнія и дверей кухни, пока добился разрѣшенія предстать передъ лицомъ князя, а, добившись наконецъ этого, онъ долженъ былъ еще не мало кланяться, бить челомъ, напоминать князю о своей вѣрной службѣ и о заслугахъ отца и дѣда. Вспомнилъ объ этомъ Георгій, вернулся обратно съ порога и, съ влажными глазами ставъ на одно колѣно, долгимъ поцѣлуемъ прильнулъ къ босой ногѣ отца. Тогда губы старика задрожали, и вѣки глазъ его странно замигали. Мать и сестра уже прямо заревѣли, и самъ Георгій заплакалъ, обнявъ руками колѣни отца. Но этотъ приливъ нѣжныхъ чувствъ скоро миновалъ. Теперь Георгій каждой каплей своей крови, каждымъ мускуломъ чувствовалъ свою молодость, здоровье, желаніе и силу жить. Фантазія ему рисовала какія-то нѣжныя картины, что-то неопредѣленное; тутъ переплетались надежды, честолюбивыя желанія, мечты о высокомъ положеніи на княжеской службѣ, о собственной усадьбѣ, хорошемъ домѣ, красивыхъ лошадяхъ, дорогомъ ружьѣ. Но ни на чемъ мысль его долго не останавливалась. Въ двухъ вещахъ онъ однако не сомнѣвался: что онъ пойдетъ далеко и что черезъ нѣсколько недѣль Салюся будетъ его женой. Прямо страшно подумать, до чего сильно онъ привязался къ этой дѣвушкѣ! Начиная съ той первой минуты, когда онъ, помогая гасить пожаръ, сходилъ съ высокой лѣстницы, держа въ рукахъ

вырванный имъ у пламени сундукъ бѣдныхъ погорѣльцевъ, и увидѣлъ ее, стоявшую внизу и глядѣвшую на него вверхъ такъ удивительно блестѣвшими глазами и протягивавшую къ нему какъ будто въ помощь свои руки — съ той минуты, не зная еще, кто она и какъ называется, онъ почувствовалъ, что и она для него и онъ для нея не то, что всѣ другіе другъ для друга. Что тутъ говорить. Онъ видѣлъ, что дѣвушка въ него влюбилась сразу, и это его прежде всего заинтересовало и увлекло. Потомъ все въ ней ему нравилось. Она была хороша, искренна, весела, смѣла, а онъ въ женщинахъ очень любилъ смѣлость. Она одна ночью ходила въ аптеку и къ доктору, не думая ни о какихъ страхахъ, когда у ея сестры, Анульки Коньцовой, хворали дѣти, и какъ она ухаживала за этими малютками, сколько ночей не спала! Правда, большею частью они оба вмѣстѣ ухаживали за дѣтворой и тогда-то они и полюбили другъ друга такъ сильно. Никогда въ своей жизни не видѣлъ онъ ни у кого такихъ очей, горячихъ и глубокихъ. Они глубоки, какъ озера, и взглядъ ихъ обжигаетъ точно пламенемъ; фигура у нея дивная, а лицо похоже на розу, но глаза — это самое прекрасное въ ней. Иногда кажется, что въ нихъ написано: буду твоей или умру. За любовью изъ нихъ глядитъ смерть. Она его любитъ до смерти — это фактъ.

Тутъ Георгій Хутко покраснѣлъ до самыхъ корней золотистыхъ волосъ и провелъ рукой по глазамъ и лицу. Буйная, здоровая, молодая кровь стремительно заиграла въ его жилахъ и жаркимъ пламенемъ отразилась въ глазахъ. На смерть зацѣлуетъ онъ ей уста и очи, когда, наконецъ, привезетъ ее сюда, какъ свою. Всю онъ свою душу передъ ней

Библіотека Инвентарный № 2

выложитъ. Стосковался же онъ по ея устамъ и глазамъ! Многое, многое онъ ей долженъ сказать! Какъ дивно хорошо имъ будетъ жить вдвоемъ, въ этихъ двухъ большихъ красивыхъ комнатахъ съ чистой кухней, которыя имъ назначены въ надворномъ флигелѣ! Другіе послѣ вѣнчанія привозятъ своихъ женъ въ избу, гдѣ живутъ свекровь, сестры, братья, гдѣ тотчасъ начинаются бабьи дрязги, зависть, хозяйственные хлопоты, раздраженіе и всякая гадость. Ихъ же тутъ будетъ только двое съ женой, никто ей надоѣдать не будетъ, да и ему не помѣшаетъ каждую свободную минуту проводить съ нею, разсказывать ей все, что только въ голову взбредетъ, а все, что онъ заработаетъ, раздобудетъ, отдавать ей одной. Гей, не житье, а рай! Свѣтлѣй, чѣмъ на небѣ!

Надвинувъ шапку на голову, онъ блестящими глазами сталъ оглядывать окрестность. Подъ блѣдно голубымъ куполомъ неба стоялъ у подножья горы подвижный высокоствольный лѣсъ, покрытый пушистымъ снѣгомъ словно бѣлыми вздымающимися волнами. Изъ-подъ твердой, бугристой, снѣжной коры выглядывали зеленыя сосновыя иглы, низко свѣшиваясь тяжелыми кистями. А мелкій иней стлался повсюду прозрачнымъ узоромъ, — и на землѣ по оливковому мху и по деревьямъ до самыхъ вершинъ ихъ, и по темнымъ пнямъ, по красной корѣ громадныхъ сосенъ, и по вѣтвямъ и стволамъ ольхъ, березъ и орѣшника, туго сплетаясь въ воздушныя кружева.

Ничто въ этой картинѣ не поражало глазъ блескомъ, ничто не сіяло, такъ какъ лучи заходящаго солнца не проникали въ эту глухую чащу; но здѣсь царила чистая, безукоризненная, строгая и вмѣстѣ

съ тѣмъ успокаивающая бѣлизна. Мѣстами кусты можжевельника цвѣта ржавчины и пучки увядающаго папоротника нарушали общій фонъ бѣлаго покрова, да на пняхъ изъ-подъ инея просвѣчивала красноватая больная кора. Далеко на опушкѣ, гдѣ сосны рѣдѣли и раздвигалась чаща вѣтвей ольховыхъ и березовыхъ деревьевъ, сверкало, какъ серебряный столбъ, одно тонкое, высокое деревцо, облитое косыми солнечными лучами, и бѣлая пелена тамъ рдѣла и сіяла и, словно усыпанная алмазами, переливала всѣми цвѣтами радуги.

Теперь Георгій шелъ уже не по тропинкѣ, а прямо лѣсной чащей, между серебрящимися подъ солнечными лучами деревьями. Ежеминутно передъ нимъ выростали снѣжные сугробы, нанесенные вѣтромъ; онъ обходилъ ихъ, скользя по глубокимъ неровнымъ оврагамъ, какъ по гладкому навощенному полу, перескакивая черезъ попадавшіеся подъ ноги кустарникъ и пучки папоротника и раздвигая плечами мѣшавшія ему вѣтви, осыпавшія его голову твердымъ, мелкимъ дождемъ инея. Георгій спѣшилъ къ тому мѣсту, гдѣ лѣсъ рѣдѣлъ надъ недавно выкорчеванным и распаханнымъ полемъ, откуда къ нему доходили отдаленные звуки топора.

Вдругъ онъ остановился и радостнымъ взоромъ оглядѣлся кругомъ. Онъ находился на краю небольшой полянки. Тутъ росъ рѣдкій можжевельникъ, на верхушки котораго словно упирался блѣдноголубой куполъ неба съ полоской розовыхъ облаковъ посрединѣ. Здѣсь было свѣтлѣе, чѣмъ въ лѣсной чащѣ, но все же не слишкомъ свѣтло. Лишь мѣстами серебрился снѣгъ изъ-подъ темнаго можжевельника или, какъ желтыя свѣчки, то тамъ, то сямъ, пылали среди деревьевъ концы тонкихъ суч-

ковъ; отблескъ розовыхъ облаковъ, блуждая по землѣ, окрашивалъ зигзагообразные слѣды разныхъ мелкихъ звѣрьковъ, и вся поляна отъ этого казалась словно усѣянной переплетающимися шнурками крупныхъ бусъ.

Внезапно у него мелькнула мысль:

— Объ этой полянкѣ нужно подать рапортъ въ управленіе, чтобъ распорядились засѣять ее къ веснѣ. И сейчасъ же эта мысль улетучилась, вытѣсненная изъ головы наполнявшимъ рощу шорохомъ вѣтвей. Минутами онъ переходилъ въ шумъ, минутами ослабѣвалъ, но не смолкалъ ни на мгновеніе. Окутанный пушистымъ покровомъ, насыщенный тихимъ, морознымъ воздухомъ, лѣсъ жилъ. Въ его холодныхъ, тѣнистыхъ нѣдрахъ, подъ мнимой скорлупой смерти, скрывалось и дышало безчисленное множество жизней. Рыжія лисицы водились въ извилистыхъ и длинныхъ подземныхъ норахъ, такихъ запутанныхъ, что самый опытный охотникъ тамъ могъ бы заблудиться. Сѣрые зайцы, полузакрывъ глаза, дремали въ снѣгахъ между мховъ, въ глубинѣ большихъ кустовъ; при малѣйшемъ шелестѣ, произведенномъ хотя бы только ничтожной полевой крысой, выбѣгавшей на добычу изъ своей норки, или парой длинныхъ куницъ, пугливо пробѣгавшихъ подъ сплетенными вѣтвями деревьевъ, зайцы срывались съ мѣстъ, чтобы бѣжать. Но не угадать и не сосчитать, сколько маленькихъ глазъ созерцало ослѣпительную бѣлизну снѣга и сколько ихъ закрывалось тутъ къ раннему сну. Сколько сокращенныхъ, извилистыхъ ходовъ скрывалось въ трещинахъ пней, въ засѣянныхъ снѣгомъ муравейникахъ, въ вѣтромъ нанесенныхъ холмикахъ перегнившихъ листьевъ, расщепленныхъ шишекъ, засохшихъ иглъ, затвердѣв-

шихъ отъ мороза ягодъ можжевельника, клюквы, брусники. Все прячущееся здѣсь было слабо, сонно, пугливо, тѣмъ не менѣе во всей своей колоссальной совокупности оно создавало какой-то неопредѣленный шумъ: страшные, непонятные вздохи лѣса, то короткіе и отрывистые, то протяжные и глубокіе. Различить въ этомъ шумѣ какіе-либо отдѣльные звуки возможно было бы только при помощи очень тонкаго слухового прибора, какимъ для глаза является микроскопъ. Это море звуковъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности былъ едва уловимъ, въ массѣ своей говорило о томъ, что лѣсъ жилъ, несмотря на кажущуюся оцѣпенѣлость.

Но здѣсь не только слышалось робкое біеніе жизни покорныхъ, пугливыхъ, ничтожныхъ созданій, но чувствовалось присутствіе и иной жизни, смѣлой, игривой, рѣзвой и веселой.

На открытой полянѣ, всполошенная шумомъ человѣческихъ шаговъ, стая свиристелей сорвалась съ куста можжевельника, перелетѣла поляну и, сверкая золотистыми перышками, направилась въ сосновую чащу, откуда еще долго доносился шелестъ крыльевъ испуганныхъ птичекъ, не знавшихъ, усѣсться ли имъ здѣсь поблизости или поспѣшить уйти изъ заманчиваго уголка, столь обильнаго пищей; сидѣвшія на ближайшемъ деревѣ сороки, болѣе смѣлыя, не обращая вниманія на присутствіе человѣка, болтали во всю, то въ одиночку, то всѣ вмѣстѣ, но ихъ неумолчное стрекотаніе нисколько не заглушало свиста снигирей, красные хохолки которыхъ, искрясь, мелькали на фонѣ алебастроваго покрова земли и темной зелени сосенъ. Высоко у вершинъ деревьевъ сойки шумно распускали на лету свои голубыя крылья, дятлы длинными клювами долбили кору де-

ревьевъ и разбивали полныя зеренъ шишки. Къ шишкамъ, которыя, какъ темныя свѣчи, торчали по концамъ вѣтокъ, пробирались и бѣлки, сбивая рыжими хвостами туманные столбы бѣлой пыли. Одна изъ нихъ усѣлась на твердой, покрытой инеемъ вѣткѣ прямо противъ Георгія и, держа шишку въ переднихъ лапкахъ, жадно и съ ловкостью принялась грызть ее острыми зубками. На полянѣ послышалось похрустываніе снѣга. Вѣрно бѣлка была очень голодна и очень смѣла; продолжая пощелкивать зерна, она ни на минуту не спускала своихъ черныхъ глазокъ со стоявшаго противъ нея человѣка и лукавымъ вызывающимъ выраженіемъ ихъ будто говорила: — можешь себѣ стоять тутъ и смотрѣть хоть до свѣтопреставленія, я буду ѣсть, буду ѣсть, потому что шишка моя, вѣтка моя, лѣсъ мой! Георгій, глядя на нее, громко разсмѣялся: въ самомъ дѣлѣ, жадная и заносчивая, сидя на заднихъ лапкахъ съ низко опущеннымъ хвостомъ, она была очень смѣшна. Георгій нагнулся впередъ и сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая снять съ плеча ружье. Недалеко между пнями, огненно-яркой лентой мелькнула лисица и исчезла въ снѣжномъ вихрѣ, поднятомъ ею. При иныхъ условіяхъ Георгій далъ бы по ней выстрѣлъ, но теперь ружье осталось на плечѣ; взоръ Георгія перешелъ къ верхушкамъ деревьевъ, къ нависшему надъ ними голубому куполу, къ плывущимъ розовымъ облачнымъ бороздамъ, и въ глубинѣ души онъ ощутилъ какое-то торжественное волненіе.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ не видалъ ни деревни, ни лѣса. Теперь онъ испытывалъ такое чувство, какъ будто эти годы онъ провелъ во снѣ или въ чужихъ, невѣдомыхъ краяхъ, и теперь

лишь проснулся или возвратился въ родныя мѣста. Все здѣсь ему было знакомо, близко, дорого и любимо имъ, и казалось въ эту минуту такимъ величественнымъ, возвышеннымъ, даже удивительнымъ, и все это было такъ прекрасно и вмѣстѣ такъ мило сердцу, что хотѣлось то къ тому, то къ другому притронуться рукой и приласкать все кругомъ.

Изъ глубины его души, пробивая кору обыденныхъ мыслей и житейскихъ мелочей, поднялось хоть и впервые сознанное имъ, но, какъ каждый даръ природы, присущее ему, какъ человѣку, чувство привязанности къ землѣ, небу, воздуху, среди которыхъ протекала и отъ которыхъ зависѣла жизнь его тѣла и души. Совершенно не думая о томъ, онъ напоминалъ собой теперь дитя, прильнувшее къ груди матери и съ наслажденіемъ сосущее сладкое молоко. Сладостное чувство испытывалъ онъ, созерцая родную землю и небо, къ которымъ привыкъ въ продолженіе всей жизни и которыхъ долго не видалъ; сладки были и воспоминанія, безпорядочной вереницей проносившіяся въ его головѣ; ихъ былъ легіонъ, они быстро мелькали въ его мозгу, и онъ, сообразно свойству каждаго, то улыбался, то жмурилъ брови, то пожималъ плечами, то покачивалъ головой.

Одно изъ этихъ воспоминаній, неизвѣстно чѣмъ вызванное, молніей сверкнуло передъ нимъ и яснымъ видѣніемъ стало передъ глазами. Быть можетъ, глубокая тишина поляны, наполненной таинственнымъ шелестомъ, была этому причиной, быть можетъ, бѣлыя снѣжныя пылинки, падавшія съ деревьевъ, напомнили ему дымчатый воздухъ костела, быть можетъ, виной этому были желтыя свѣчи елей и со-

сенъ, будто зажженныя здѣсь въ зеленой чащѣ передъ алебастровымъ алтаремъ — въ глазахъ его стоялъ образъ памятный и заманчивый.

Это былъ маленькій деревянный костелъ, стоявшій въ мѣстечкѣ посерединѣ рынка, въ оградѣ изъ липъ, кленовъ, малиновой, барбарисовой и разной другой заросли. Въ зимній воскресный день подъѣзжали туда, бывало, некованныя сани его родителей; отецъ первый выходилъ изъ саней, бралъ его на руки и ставилъ въ глубокій снѣгъ. Мать уже сама вылѣзала, какъ могла, изъ сѣна, холстинъ и изъ-подъ коврика. Маленькое кладбище дремало, укрытое волнистымъ снѣгомъ, на липахъ и кленахъ лежалъ онъ твердой сплошной массой; деревья и кусты блестѣли и переливались подъ солнечными лучами, какъ стекляная мишура. Костелъ почти черный, стоялъ посерединѣ и рядомъ съ нимъ небольшая, высокая и тонкая колокольня, и тамъ, наверху, такъ прекрасно звонили, и его дѣтскія уши съ такимъ восторгомъ прислушивались къ этому звону. Вотъ онъ видитъ себя стоящимъ на протоптанной снѣжной тропинкѣ, съ пальцемъ во рту, съ высоко поднятой головой и взглядомъ, устремленнымъ на самый верхъ колокольни. Онъ смѣется этой дивной музыкѣ, смѣется долго, пока не получаетъ въ спину здоровенный толчекъ и сбитый съ тропинки не падаетъ лицомъ прямо въ глубокій снѣгъ. Это какой-то прохожій толкнулъ стоявшаго ему на дорогѣ маленькаго разиню. Но это ничего, онъ выкарабкивается изъ подъ снѣга, вытираетъ лицо рукавомъ сермяги и изо всѣхъ силъ своихъ ногъ, обутыхъ въ тяжелые, стучащіе сапоги, бѣжитъ за родителями, исчезающими въ дверяхъ костела. Тогда ему все казалось такимъ громаднымъ,

величественнымъ внутри костела. Теперь, когда онъ въ большихъ городахъ видѣлъ нѣсколько дѣйствительно величественныхъ храмовъ, ему смѣшно это дѣтское заблужденіе. Теперь онъ улыбается при видѣ этихъ высокихъ, грубо выбѣленныхъ стѣнъ съ небольшими сводчатыми закругленіями, которыя его дѣтскимъ глазамъ казались такими таинственными. Стоя на колѣняхъ позади отца, онъ поминутно поднимаетъ къ сводамъ глаза и съ тревогой опускаетъ ихъ. Онъ воображаетъ, что тамъ, въ этой полутемной глубинѣ, сидитъ самъ Господь съ розгой для непослушныхъ въ рукѣ. Собственно, онъ не долженъ такъ думать; ему уже давно было сказано, что Господь находится въ глубинѣ алтаря, по его понятіямъ очень, очень далеко, гдѣ растянуты бѣлоснѣжныя полотна и горитъ множество свѣчей, гдѣ стоитъ ксендзъ въ блестящемъ облаченіи и поетъ. Впрочемъ, его всего болѣе интересуетъ органъ, играющій надъ входомъ костела и иногда испускающій такой отчаянный визгъ какъ будто скрипятъ несмазанныя колеса. Его также занимаетъ мысль, что его тутъ могутъ задавить, такъ какъ въ костелѣ большая тѣснота и бабьи кожухи и сермяги мужчинъ близко прижаты другъ къ другу. Стоя на колѣняхъ позади отца, съежившись, чтобы занять какъ можно меньше мѣста, онъ смотритъ на желтый кожухъ, покрывающій спину отца, на темную жилистую шею, выглядывающую изъ-подъ мохнатаго воротника, на голову съ лоснящимися отъ сала волосами, трясущуюся въ горячей молитвѣ. Отецъ молится по книжкѣ. На старомъ, черномъ переплетѣ ея есть позолоченный крестъ; всякій разъ, когда домашніе ему позволяютъ, онъ съ удовольствіемъ разглядываетъ этотъ крестъ. Теперь онъ со

смѣшаннымъ чувствомъ любопытства и жалости смотритъ на нѣчто другое.

Между алтаремъ и костеломъ находится протянутая отъ стѣны къ стѣнѣ большая балка, и на ней высокій, до самаго потолка крестъ. На крестѣ изображеніе распятаго Христа въ человѣческій ростъ. И крестъ и распятіе сдѣланы изъ дерева, огромныхъ размѣровъ, грубой работы. На темныхъ волосахъ Христа вѣнокъ изъ терній, и изъ-подъ нихъ текутъ на желтый лобъ и лицо красныя капли. Казалось бы, что это царящее здѣсь надъ всѣмъ окровавленное изображеніе должно было возбудить въ немъ страхъ. Но, наоборотъ, оно лишь дразнитъ его любопытство, а потомъ, чѣмъ больше онъ всматривается, тѣмъ больше его влечетъ ко кресту. Хотя это изображеніе, на первый взглядъ безобразно, все же такимъ страданіемъ вѣетъ отъ него . . . Мальчикъ чувствуетъ это и ему жаль Христа. Въ немъ подымается какая-то смутная и печальная жалость, и черезъ нѣсколько мгновеній онъ, несмотря на овладѣвшее имъ чувство, больше уже не глядитъ на окровавленное, страдальческое изображеніе; ему скучно, онъ зѣваетъ. Его пробираетъ холодъ костела и одуряетъ запахъ кожуховъ, смѣшанный съ человѣческимъ дыханіемъ. Онъ пригибается къ землѣ и, самъ не зная, какимъ образомъ, засыпаетъ, опершись лбомъ объ отцовскій сапогъ. Но внезапно его будитъ громкое пѣніе, такое громкое, что, кажется, отъ него дрожитъ балка съ изображеніемъ Христа и вотъ-вотъ рухнутъ выбѣленныя стѣны костела. Ксендзъ молится, стоя на колѣняхъ, на ступенькѣ передъ алтаремъ, органъ играетъ изо всѣхъ силъ, и весь народъ, стоя на колѣняхъ, широко раскрывъ рты, поетъ громкимъ голосомъ:

„Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный!“ Потому ли, что всѣ опустились на колѣни, но теперь его такъ стиснули со всѣхъ сторонъ боками и колѣнями, что онъ почти не можетъ дышать. У него начинаетъ болѣть спина и плечи. Онъ напрягаетъ всю свою ловкость и выскальзываетъ изъ сжимавшаго его со всѣхъ сторонъ круга молящихся, становится на колѣни рядомъ съ отцомъ и близко прижимается къ нему. Отецъ это чувствуетъ и, не отводя глазъ отъ алтаря, обхватываетъ его такъ, что изъ-подъ желтаго отцовскаго рукава виднѣется лишь его головка со свѣтлыми, какъ ленъ волосами. Теперь чувствуя себя въ безопасности, успокоенный, онъ опять смотритъ и слушаетъ. Пѣніе раздается все звучнѣе, полнѣе, сильнѣе, разливается, какъ море. Лицо отца поднято по направленію къ большому изображенію Спасителя на балкѣ, а пухленькое личико мальчика изъ-подъ рукава обращается то къ отцу, то къ Спасителю. Мальчикъ очень удивляется, замѣтивъ сходство между своимъ отцомъ и Спасителемъ. Правда, на лбу перваго нѣтъ красныхъ капель, но зато въ его глазахъ большія прозрачныя, точно хрусталь слезы. Щеки отца продолговатыя и темныя и на его лицѣ, какъ и на лицѣ Спасителя, выражено страданіе. Мальчикъ не знаетъ самъ, почему онъ чувствуетъ въ себѣ большую охоту пѣть то же, что отецъ и вытянувъ прижатую къ отцовскому рукаву шею съ полненькимъ личикомъ, начинаетъ подтягивать тоненькимъ фальшивымъ голосомъ: „Святый Боже, Святый крѣпкій, святый безсмертный!“

Тутъ Георгій, какъ бы пробудившись, провелъ рукой по лбу и глазамъ. Картина прошлаго сразу исчезла. Онъ осмотрѣлся: поляна нѣсколько поте-

мнѣла; розовыя облака опустились низко за деревь
и казались сквозь лѣсную чащу далекой завѣсой
Георгій съ блестящими глазами и полуулыбкой н
губахъ еще минуту смотрѣлъ по сторонамъ. „Свя
тый Боже, Святый крѣпкій“ — какъ глубоко, отт
всей души, онъ въ эту минуту любилъ небо и зе
млю, снѣгъ, деревья, морозный воздухъ, музыкаль
ный звонъ старой колокольни, колоссальную фигур
Христа на грубой балкѣ и эту отцовскую руку
въ бараньемъ рукавѣ, которая охраняла его отт
давки, происходившей кругомъ, когда у самого сто
яли большія хрустальныя застывшія слезы въ гла
захъ ...

Въ эту минуту ему опять послышались удары то
пора, но гораздо яснѣе прежняго. Они раздавалис
то отдѣльно, то вмѣстѣ, отчетливо, какъ выстрѣлы
изъ нѣсколькихъ ружей, то болѣе равномѣрно, то
отрывисто, постепенно ослабѣвая въ отдаленныхъ
углахъ лѣса, гдѣ пробудившееся каждый разъ эхо
поднимало эти звуки и повторяло ихъ тамъ и сямъ.
По временамъ слышался также трескъ падающихъ
деревьевъ и ломающихся вѣтвей. Удивленныя пере-
пуганныя этими звуками, птицы замолкли, деревья
словно прислушивались, распростерши вѣтви, и даже
вершины двухъ сосенъ, близко сдвинутыя порывомъ
вѣтра, прижались другъ къ другу и обмѣнялись ти-
химъ меланхолическимъ шепотомъ.

Георгій ускореннымъ шагомъ пошелъ въ ту сто-
рону, гдѣ шла рубка лѣса; тамъ за вершинами де-
ревьевъ, покрытыхъ снѣгомъ, горѣло все ярче кра-
снѣвшее огненными красками небо.

Часа два спустя, это яркое огненное облако ос-
тановилось надъ блѣдно-зеленымъ краемъ неба и, об-
ливая верхушки тополей блѣднымъ свѣтомъ, усти-

лало огненными полосами блестящее стекло замерзшаго пруда. Морозъ крѣпчалъ. Въ воздухѣ стало еще тише, чѣмъ прежде. Надъ широкимъ дворомъ зажглось нѣсколько мелкихъ звѣздъ. На крыльцѣ длиннаго невысокаго дома стояла дѣвушка въ розовой кофточкѣ и, видимо, неспокойно, нетерпѣливо глядѣла то на звѣзды, то на зарумянившіяся верхушки тополей, то на блестящее озеро, мѣстами горѣвшее, какъ раскаленное, то на ворота двора и на письмо въ грубомъ конвертѣ, которое она держала въ рукахъ. Быстрыми движеніями головы, она напоминала птицу, испуганную чѣмъ-то и насторожившуюся. Одѣта она была такъ же, какъ тогда, когда бѣгала съ ведромъ къ колодцу, съ той разницей, что ноги ея, выглядывавшія изъ-подъ короткой юбки, были обуты въ кожаные башмаки, а розовая кофточка подпоясана краснымъ крестьянскимъ пояскомъ. Толстая коса лежала на головѣ въ видѣ короны, изъ подъ которой на шею и лобъ дождемъ разсыпались коротенькія, золотистыя завитки. Она казалась нѣсколько приземистой, лицо было шире, носикъ немного толще, чѣмъ слѣдовало бы, но зато красивыя, пухлыя губки были такъ алы, что, чудилось, изъ нихъ вотъ-вотъ брызнетъ кровь; изъ-подъ низкаго бѣлаго лба, какъ золотистыми лучами, усыпаннаго мелкими завитушками, смотрѣли голубые глаза, совершенно такіе же, какъ у Кулеши, большіе, веселые, искренніе. Это лицо, не слишкомъ красивое, но свѣжее и доброе, вдругъ заалѣло. Она соскочила съ крыльца, и сначала быстро, а потомъ медленнѣе и медленнѣе пошла навстрѣчу входившему во дворъ Георгію Хутко. Въ сильно покраснѣвшихъ отъ мороза рукахъ она вертѣла, даже мяла немного письмо изъ толстомъ конвертѣ. Георгій съ улыбкой прило-

жилъ руку къ козырьку и, приблизившись, дружески пожалъ ей руку.

— Что это вы вышли въ такой морозъ?...

— О, морозъ пустяки... я привыкла... но посыльный вернулся изъ мѣстечка и привезъ письмо для васъ....

Глаза Георгія засвѣтились радостью, и онъ быстро протянулъ руку за письмомъ, но она съ плутовской улыбкой удержала его.

— Я хотѣла вамъ передать лично, оно вѣрно очень интересное, но пока не отдамъ; подождемъ немного, изъ-за такого письма и подождать пріятно.

Онъ не сердился и не терялъ терпѣнія. Онъ, видно, любилъ эту веселую, свѣжую дѣвушку, которая теперь съ хохотомъ прятала письмо за спину.

— А если я васъ очень попрошу, вы мнѣ отдадите?...

— Ну просите...

Нагнувъ немного голову, она подняла къ нему глаза, но онъ, весь занятый письмомъ, не замѣтилъ даже красоты этихъ глазъ; схвативъ вторую ея свободную руку, онъ поцѣловалъ ее, крѣпко пожалъ, и съ невольной кокетливостью красиваго парня, глядя ей прямо въ лицо, заговорилъ:

— Прошу васъ, милая, прекрасная, дорогая моя панна Аврелія! очень васъ прошу.

Очевидно, онъ очень хорошо, даже слишкомъ хорошо просилъ, такъ хорошо, что письмо за спиной дѣвушки упало въ снѣгъ, а она сама, съ зарумянившимся, какъ алое облачко лицомъ, повернула къ дому и пустилась бѣжать. На крыльцѣ она, вся въ огнѣ и задыхаясь, остановилась. Постоявъ немного и поглядѣвъ на дверь безсознательнымъ отуманеннымъ взоромъ, она, наконецъ, заставила себя опомниться, вошла въ домъ и принялась звать:

— Каролька! накрывай на столъ къ ужину, а я ечу на кухню. Отецъ идетъ и панъ Георгій изъ ѣсу вернулся.

Георгій уже былъ въ своей опрятной комнатѣ о свѣже выбѣленными стѣнами, бѣлымъ сосновымъ ломъ и новой простой деревянной мебелью. Онъ одошелъ къ окну и разорвалъ конвертъ. Бѣлый зѣтъ снѣга, смѣшанный съ розовымъ отблескомъ ечерней зари, упалъ на толстую бумагу, на которой еопытной рукой, едва разборчивымъ почеркомъ ыло написано слѣдующее:

„Ахъ, дорогой мой Георгій! Я огорчена и страшно олнуюсь, оттого что Константинъ, какъ мнѣ пере-аютъ, про тебя много дурного говоритъ, грозитъ, со за мной ни гроша не дастъ приданаго, а я не наю, какъ я могу выйти замужъ безъ приданаго, ля меня это будетъ большой стыдъ, а ты своей емли не имѣешь, а если ты, упаси Боже, мѣсто по-ряешь, что мы тогда дѣлать будемъ? Я здорова не ень, огорчена и очень по тебѣ скучаю, ужъ безъ бя я бы жить не могла. Онъ такъ взбунтовалъ стеръ и шурьевъ, что они грозятъ сдѣлать боль-ую непріятность твоимъ родителямъ, если ты отъ ня не откажешься“.

Георгій выпрямился, нахмурилъ брови и, сжавъ исьмо въ рукѣ, почти крикнулъ: — моимъ роди-лямъ! До этого не дойдетъ! Да я имъ прежде го-овы разможжу!

Но затѣмъ онъ успокоился и продолжалъ чтеніе: Анулька меня уговариваетъ, чтобъ я сама къ нимъ ѣхала и сказала имъ, что я такъ рѣшила, и что икому не удастся разлучить меня съ тобою. Она бѣ очень предана и поѣдетъ со мною. Я уже се-

годня бѣгала въ городъ нанимать подводу, но не нашла никого, кто бы насъ дешево свезъ. Чрезъ нѣсколько дней поѣдемъ, и я увижусь съ Константиномъ и сестрами, и пусть они меня проклянутъ и откажутся отъ меня, а я для тебя останусь всегда одинаковой. Никогда, никогда я тебя не оставлю и не забуду тебя, ты мнѣ милѣе всѣхъ на свѣтѣ. Они все кричатъ, что ты хамскаго происхожденія и своей земли не имѣешь, что меня съ тобой ждетъ нищета. Можетъ быть, это правда, но я предпочитаю съ тобой нищету богатству съ другимъ.

Привѣтствую тебя, мой дорогой Георгій, и жду твоего письма. Если бъ онъ намъ хоть двѣ коровки далъ на первое хозяйство, хотя тамъ, навѣрно, можно держать и пять, за какія же деньги мы ихъ купимъ? Днемъ я все о тебѣ думаю, а ночью стоитъ мнѣ закрыть глаза, какъ ты мнѣ снишься. Ахъ когда ужъ мы будемъ всегда вмѣстѣ? Этотъ Константинъ злюка и гордецъ, онъ въ самомъ дѣлѣ способенъ сдѣлать какую-нибудь пакость тебѣ или твоимъ родителямъ. Лишь только будетъ возможность, я тебѣ сообщу, какой у насъ будетъ разговоръ, и какъ я отъ нихъ уѣду. Я рѣшила, если онъ не образумится, поѣхать обратно къ Анулькѣ и отъ нея выйти за тебя. Она на это согласна, оттого, что она къ тебѣ хорошо относится, но только она одна изъ всей семьи. Не дай Богъ никому имѣть такую семью. А какъ моя голова кружится отъ всего этого! Будь здоровъ, мой дорогой Георгій, и не забудь меня, какъ я тебя не забуду, что бы тамъ ни случилось. Твоя до могилы

Салюся".

У самаго края листка, украшеннаго позолоченною розой, была еще приписка, написанная очень криво

,у арендатора въ Лясковѣ, какъ говорятъ, красивыя дочки. Мнѣ одинъ человѣкъ оттуда разсказывалъ. Гамъ у васъ вѣрно очень весело, а мнѣ страшно скучно".

Георгій бросилъ письмо на столъ и быстро зашагалъ по комнатѣ. Онъ былъ сердитъ и взволнованъ. Что Салюся писала некрасиво и съ ошибками, это онъ зналъ и нисколько не огорчался. Онъ ее научитъ лучше писать, а если нѣтъ, то отъ этого она не станетъ некрасивой или недоброй и будетъ ему не меньше мила, чѣмъ и теперь. Но зачѣмъ она въ письмѣ повторяетъ все то, что этотъ дуракъ ея братъ болтаетъ, и что вся ея семья про него сплетничаетъ. Почему она его упрекаетъ въ томъ, что у него нѣтъ своей земли, и допускаетъ мысль, что она съ нимъ можетъ дойти до нищеты? Раньше она ни о чемъ подобномъ не говорила и не думала. Но ничего — она перепугана и вдали отъ него, поэтому ей разныя мысли въ голову и лѣзутъ, но укоряетъ его родителями и хамскимъ происхожденіемъ... берегись!..

Онъ остановился у стола и, весь покраснѣвъ, и нахмуря лобъ и въ волненіи теребя себѣ волосы, голосомъ полнымъ отчаянія вскрикнулъ:

— Я имъ головы разможжу! — Но вскорѣ онъ успокоился и даже засмѣялся.

— Вотъ стоитъ волноваться и печалиться! возьму и свою дѣвочку къ себѣ, а ихъ, дураковъ, и знать не хочу. Для нея стоитъ и потерпѣть, а имъ я покажу! Увидятъ они, кто я такой, они еще мнѣ кланяться будутъ!

II.

Низкій сводъ неба, задернутаго сѣрыми облаками, нависъ надъ бѣлой однообразной равниной.

Въ теплое время года здѣсь ярко пестрѣли плодородныя поля и зеленѣли луга, густо зароставшіе сочной душистой травой. Теперь же все здѣсь было сплошь застлано плотнымъ снѣжнымъ покровомъ, сквозь который не могла прорваться наружу ни одна хотя бы сухая былинка. Надъ омертвѣвшей равниной царила теперь тишина, изрѣдка прерываемая хриплымъ карканьемъ воронъ. Мѣстами однообразіе картины нарушалось обнаженными вербами и грушевыми деревьями, которыя этой бѣлой пустынѣ придавали еще болѣе унылый видъ.

Даже разбросанныя на большой равнинѣ деревушки съ засыпанными снѣгомъ деревьями и крышами сливались въ одно общее цѣлое съ окружающей ихъ безпредѣльной, однообразной бѣлизной.

Дороги, тамъ и сямъ обозначенныя рядами деревьевъ, оживлялись лишь изрѣдка, когда по нимъ мелькали, быстро несясь по снѣгу, крестьянскія сани, похожія издали на пролетающія мимо темныя пятнышки. Иногда проносились въ воздухѣ протяжные оклики людей, медленно шествовавшихъ рядомъ съ тянувшимися длинной вереницей, тяжело поскрипывавшими санями, нагруженными деревомъ изъ далекихъ лѣсовъ и сѣномъ изъ стоговъ на пустынныхъ лугахъ.

Сторона была хлѣбородная, обиловавшая лугами, но безлѣсная. Жилъ здѣсь народъ, который послѣ трудового лѣта засыпалъ вмѣстѣ съ природой на всю долгую зиму, и сонъ этотъ въ короткіе зимніе дни прерывался несложной и короткой дневной работой и наступалъ снова съ приходомъ ранней, тихой ночи. Ничѣмъ не нарушалось молчаніе, большею частью царившее въ холодномъ, сыромъ воздухѣ, и это еще болѣе усугубляло навѣваемую видомъ этой мѣстно-

сти грусть, а шумъ налетавшихъ и разносившихся
съ разныя стороны вѣтровъ казался то таинствен-
нымъ разговоромъ, то болтливой бранью невѣдомыхъ
духовъ, блуждающихъ по омертвѣлому пространству
гонимыхъ на покаяніе сверхъестественой силой.

Толлочки, старинное родное пепелище семейства
Осиповичей, Лозовицкихъ, Бжезовскихъ, Струшен-
кихъ, стояли среди бѣлой равнины, окруженные
каймой обнаженныхъ деревьевъ, и оттуда взвивались
къ небу клубы чернаго дыма изъ трубъ жилыхъ по-
мѣщеній. Деревянныя и каменныя ограды, до поло-
вины утопавшія въ снѣгу, необозримой вереницей
тянулись вдоль сорока слишкомъ дворовъ съ боль-
шими и малыми домами, садами и огородами. Крыши
домовъ совершенно исчезали подъ толстымъ слоемъ
покрывавшаго ихъ снѣга, надъ которымъ темными
пятнами чернѣли трубы, а бѣлые косяки оконъ и
столбы, на которые опирались крылечки, мутно бѣ-
лѣли на фонѣ сѣрыхъ, а порой почти черныхъ стѣнъ
домовъ.

Все здѣсь было полно мирной тишины, отдыха и
спокоенія, и это впечатлѣніе не только не наруша-
лось, но даже усиливалось отдаленнымъ мычаньемъ
коровъ въ хлѣвахъ, хрюканьемъ свиней и отрыви-
стымъ рѣдкимъ лаемъ собакъ. Порой поднималъ
голосъ то одинъ, то другой пѣтухъ, и ему подтяги-
вали съ разныхъ концовъ остальные такъ долго, пока
стало по малу все не замирало опять. Время отъ
времени вдоль стѣны пробѣжитъ кошка, промель-
нетъ заблудившійся заяцъ, чирикнетъ воробей, кар-
нетъ ворона или заворкуетъ голубь, но общая ти-
шина все же не нарушалась.

Никакого движенія не замѣчалось ни на дворахъ,
ни въ огородахъ, ни на множествѣ тропинокъ, про-

топтанныхъ по снѣгу. Лѣтомъ они бѣгали среди травы и соединяли дворы и огороды удивительно сложной сѣтью. По извилинамъ этихъ тропинокъ, иногда разбѣгающихся въ разныя стороны и затѣмъ сбѣгающихся снова въ однихъ и тѣхъ же пунктахъ, можно было догадаться, что тутъ происходили общинныя собранія, бесѣды и общія работы. Но теперь эти тропинки тянулись и извивались лишь вдоль стѣнъ домовъ, и вели въ пустую, лишенную листьевъ безлюдную чащу. Тамъ и сямъ по этимъ тропинкамъ пробѣгали кудлатыя дворняжки съ опущенными мордами, или перескакивали съ мѣста на мѣсто вороны, ударяя въ снѣгъ клювами. Время отъ времени по какому-либо изъ дворовъ проходилъ мужчина въ кожухѣ, съ ключами въ рукахъ, лѣнивою направляясь къ амбару пробѣгала, спѣша къ колодцу женщина съ ведромъ, гдѣ сейчасъ же начинало скрипѣть колесо, а высокій журавль опускалъ и подымалъ свой длинный клювъ, выбѣгали изъ воротъ малыя санки, запряженныя въ одну лошадку и исчезали вдали. Затѣмъ опять наступала тишина, и снова царили кругомъ однообразная бѣлизна и глубокое спокойствіе природы.

Однако жъ за этими темными стѣнами съ мутно бѣлѣющими рамами дверей и оконъ жили люди, и вблизи нетрудно было услышать отголоски ихъ жизни. Сквозь стекла оконъ доносились изъ домовъ человѣческій говоръ, равномѣрный стукъ ткацкихъ станковъ трескъ дровъ въ печи, шумъ веретена, гулъ жернововъ, щебетаніе, смѣхъ или плачъ дѣтей, кое-гдѣ громкое пѣніе парней и дѣвушекъ. Изъ всѣхъ домовъ лишь одинъ, самый меньшій и самый бѣдный на видъ, казался совсѣмъ безлюднымъ. Двѣ кудлатыя собаки спали на крошечномъ крылечкѣ,

вернувшись, какъ два пестрыхъ клубка; откормленный сѣрый котъ съ заспанными желтыми глазами сидѣлъ за окномъ, и рядомъ съ нимъ стоялъ цвѣточный горшокъ, весь осыпанный красными розами. Черезъ окно можно было замѣтить нѣсколько бѣлыхъ сѣрыхъ кроликовъ, копающихся и играющихъ на глиняномъ полу. Изъ хлѣва доносилось мычаніе коровы. Разговоровъ, шума, смѣха и пѣнія въ этомъ домѣ не было слышно. Онъ казался необитаемымъ, мертвымъ среди покрытыхъ снѣгомъ деревьевъ и заборовъ.

Однакожъ изъ-за окна, на которомъ сидѣлъ котъ и стоялъ горшокъ съ розовымъ кустомъ, раздался тонкій, протяжный звукъ, точно отъ проведеннаго по струнамъ смычка, за нимъ послѣдовалъ второй, такой же, но болѣе ясный, и затѣмъ по маленькому дворику бѣднаго домика понеслись чистые печальные звуки старой пѣсни: „Тамъ на лугу пестрѣютъ цвѣты“.

Всѣ въ околицѣ знали, что этотъ самый небольшой изъ всѣхъ дворъ казался такимъ безлюднымъ оттого, что владѣлецъ его жилъ одинъ со старой сестрой, со своими собаками, котомъ и кроликами. Онъ назывался Габріэль Осиповичъ, но уже давнымъ давно за нимъ сохранилось прозвище: „глупый Габрысь“. Онъ былъ одинъ, какъ перстъ, нищъ, какъ крыса, ничего ни у кого не просилъ и никакимъ престижемъ у сосѣдей не пользовался. Лѣтомъ онъ обрабатывалъ свой клочекъ земли, а зимой ухаживалъ за комнатными цвѣтами и игралъ на скрипкѣ.

Въ одномъ ряду съ убогой хатой глупаго Габрыся, растянувшись на большомъ пространствѣ, находилась самая значительная въ этой мѣстности усадьба, хозяиномъ которой былъ самый богатый и

самый умный изъ всѣхъ обывателей этой околицы, красивый, развитой и гордый, Константинъ Осипович.

Онъ былъ богатъ потому, что, не имѣя ни одного брата, а только четверыхъ сестеръ, получилъ послѣ смерти родителей всю большую усадьбу. Уменъ онъ былъ потому, что говорилъ много, громко и смѣло. Гордость же его происходила отъ сознанія своего богатства и ума, а также и отъ высокаго представленія, которое онъ себѣ составилъ о древности и почтенности своего рода, три вѣка тому назадъ облагороженнаго причисленіемъ къ дворянству и поселившагося въ этихъ мѣстахъ — рода Осиповичей. Тридцать морговъ поля и луга, хорошій инвентарь, кое-что наличными въ карманѣ съ одной стороны, а съ другой триста лѣтъ дворянства, ясно какъ солнце доказаннаго, это были вещи, которыми развѣ только дуракъ не гордился бы. Константинъ Осиповичъ, какъ человѣкъ умный и знающій цѣну всякой вещи на свѣтѣ, былъ гордъ и, какъ утверждали сосѣди, очень честолюбивъ. Происхожденіе Осиповичей не только являлось причиной гордости, но и наложило особенный отпечатокъ на его наружность. Прекрасный ростъ, правильныя, какъ у камеи, черты, при смугломъ цвѣтѣ лица, волосы черные, какъ воронье крыло, и черные огненные глаза подъ узкими бровями — это были отличительные признаки всѣхъ Осиповичей, издавна славившихся красотой.

Всѣ они были похожи другъ на друга, брюнеты и брюнетки, высокіе, стройные, съ пріятными лицами. Таковъ былъ и Константинъ, но онъ отличался большимъ противъ другихъ задоромъ, крикливостью и вспыльчивостью.

Самымъ близкимъ доказательствомъ его честолюбія являлся недавно имъ выстроенный большой амбаръ, стоявшій посерединѣ деревни у самой дороги и блестѣвшій, какъ солнце, новыми золотисто-желтыми стѣнами. Нѣкоторые ехидно утверждали, что онъ его и выстроилъ у дороги для того, чтобы люди, проѣзжающіе мимо, могли хорошо его видѣть во всемъ величіи. Другіе, зло усмѣхаясь, говорили ему въ глаза, что какой бы ни случился урожай, сколько бы онъ ни собралъ со своихъ полей, этого амбара онъ не въ состояніи наполнить и до половины.

Но онъ на ехидства и смѣхъ сосѣдей не обращалъ никакого вниманія и испытывалъ колоссальное удовольствіе каждый разъ, когда кто-либо, осматривая его амбаръ, замѣчалъ, качая головой: „Фью, фью!“ — или восклицалъ: — „Го, го! вѣдь это амбаръ, какъ у настоящаго помѣщика“.

Тогда онъ клалъ руки въ карманы суконной куртки и, расхаживая по поселку, также насвистывалъ: — фью! фью! фью! А поссорившись съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей, онъ, подбоченясь, кричалъ: „Ты мнѣ не ровня! Я помѣщикъ!“

Но то были лишь минутные порывы гордости. Въ сущности онъ очень хорошо зналъ, что онъ не помѣщикъ, а даже очень высоко цѣнилъ то, что онъ сельскій шляхтичъ: „Всѣ знатныя семейства происходятъ отъ насъ, — говорилъ онъ, — мой дѣдъ былъ равенъ воеводѣ, а я ровня пану Коровицкому“.

Коровицкій былъ самый близкій и самый богатый сосѣдъ поселка Толлочекъ. Гордость не мѣшала однакожъ Константину ходить вмѣстѣ съ батракомъ за плугомъ, косить такъ, чтобы кости трещали, сво-

зить снопы съ поля, цѣпомъ полоть ихъ на току, риги; она ему также не мѣшала жить и одѣваться такъ, какъ всѣ его сосѣди. Наоборотъ, все это служило для него лишь еще однимъ лишнимъ источникомъ гордости, и онъ иногда говорилъ: „Если бъ невозможное стало возможнымъ, то я бы усѣлся на мѣсто пана Коровицкаго въ Яблонной, — онъ вѣдь бездѣльничаетъ и только тратитъ, а я тружусь и копейку берегу, ха, ха, ха!“ Смѣхъ у него былъ громкій, но звучный и пріятный, въ немъ чувствовались тридцатилѣтній возрастъ и довольная душа. Отъ огромнаго амбара, съ блестящими стѣнами, тянулись среди безпредѣльной снѣжной равнины, длинная полоса огорода съ овощами, большой фруктовый садъ и обширный дворъ, а тамъ дальше шелъ домъ, обращенный одной стороной ко двору и сверкающій какъ снѣгъ, бѣлыми столбами крыльца и рамами четырехъ довольно большихъ оконъ. Росшія у самой стѣны дома тоненькія березки и толстые тополи касались обнаженными вѣтвями снѣжнаго покрова, плотнымъ пластомъ покрывавшаго крышу отъ ската до ската; ниже росли густо и ложились тонкими лозами на окна кусты сирени, шиповника и желтой акаціи. Всякій деревенскій житель сразу могъ догадаться, что домъ, стоящій между кустами и деревьями былъ выстроенъ на два конца, то есть, что съ одной стороны была большая свѣтлица и боковая комнатка, а съ другой передняя и кухня, и что всѣ эти комнаты, особенно свѣтлица, довольно порядочныхъ размѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ, свѣтлица была просторная, съ двумя окнами въ одной стѣнѣ и однимъ въ другой, съ очень большой печкой изъ бѣлыхъ изразцовъ, занимавшей всю стѣну, отдѣлявшую ее отъ боковой комнатки. Полъ

былъ простой, изъ гладкихъ досокъ, но чистый, потолокъ низкій, бревенчатый, выкрашенный въ бѣлую краску. Нѣсколько деревянныхъ скамеекъ, стульевъ, столовъ и шкафъ составляли почти всю обстановку этой комнаты. Но между этими предметами доминирующее положеніе занимали тяжелый, желтый комодъ ясеневаго дерева, стоявшій между окнами и такой же диванъ у стѣны, обитый трипомъ, громадный, съ большими ручками, размѣрами и крѣпостью больше всего напоминавшій деревянныя колодки, и съ очень высокой спиной, украшенной галерейкой съ красивой рѣзьбой. Обладаніе такимъ диваномъ само по себѣ было чѣмъ-то вродѣ документа, удостовѣряющаго дворянское происхожденіе Осиповичей; вѣдь это было наслѣдство отъ прадѣдовъ, которые, очевидно, располагали нешуточнымъ состояніемъ и общественнымъ положеніемъ, если они и сами сидѣли на такихъ диванахъ и своихъ гостей на нихъ сажали.

Константинъ Осиповичъ теперь сидѣлъ на этомъ именно диванѣ, плечами опершись объ высокую спинку, небрежно заложивъ ногу на ногу, съ руками въ карманахъ сѣрой куртки, украшенной тесемками и обшивкой. Эта куртка, хотя и сдѣланная изъ простого домотканнаго сукна, но оригинально расшитая, и высокіе до колѣнъ, новые сапоги не были его ежедневнымъ нарядомъ; такъ онъ одѣлся лишь для пріема гостей, которые часа два тому назадъ стали съѣжаться къ нему. Одни изъ нихъ уже подкатили въ одноконныхъ саняхъ къ его крыльцу, другіе явились пѣшкомъ съ сосѣднихъ поселковъ, и теперь въ свѣтлицѣ было шумно и полно людей. Правда, тутъ были все свои: сестры, зятья, двоюродный братъ съ молоденькой женой, но Константинъ

не желалъ, чтобъ даже самые близкіе видѣли его неряшливо одѣтымъ.

Лишь только онъ отъ кого-то вернувшагося изъ города узналъ о томъ, что къ нему въ этотъ день оттуда пріѣдутъ двѣ сестры, онъ сейчасъ же послалъ за двумя старшими сестрами и ихъ мужьями. Одна изъ младшихъ, Анна Конецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышедшая замужъ за зажиточнаго мѣщанина, жила въ городѣ, а самая младшая, Салюся, гостила у нея уже почти цѣлый годъ. Въ это-то время она и сдѣлала большую глупость и намѣревалась сдѣлать еще большую. Но онъ, Константинъ, не допуститъ этого, какъ Богъ святъ, не допуститъ. Онъ не допуститъ ея позора и гибели, онъ предупредитъ несчастье, которое бы отразилось и на всей семьѣ; семья тоже должна ему помочь въ этомъ, и для этого то онъ и пригласилъ всѣхъ ея членовъ; сестры всегда ближе съ сестрами, чѣмъ съ братьями; такъ пусть онѣ и приложатъ всѣ свои силы къ тому, чтобы ее предохранить отъ гибели. Что же касается зятьевъ, то, если всѣ увѣщанія не помогутъ, и Салюся заупрямится въ своемъ легкомысленномъ намѣреніи, ихъ помощь ему нужна будетъ для кой-чего иного... для чего? Ну! объ этомъ теперь говорить еще не время; когда нужно будетъ, онъ скажетъ. Ему кажется, что горшки, въ которыхъ эти хамы заварили кашу, разобьются объ ихъ собственныя головы, потому что онъ, выведенный изъ терпѣнія, готовъ рѣшиться на все. Всяко бываетъ, встрѣчаются на свѣтѣ люди, умѣющіе жестоко мстить за обиду. И онъ сумѣетъ кое-что сдѣлать, если бъ пришлось даже ему рискнуть уголовщиной. Все это онъ говорилъ сначала медленно, выбирая и взвѣшивая каждое слово, прислушиваясь къ собствен-

ному голосу съ видимымъ удовольствіемъ, но потомъ темпераментъ взялъ верхъ надъ краснорѣчіемъ, голосъ зазвучалъ громче и наполнилъ всю комнату, лицо покрылось краской, глаза разгорѣлись. Онъ уже не держалъ рукъ въ карманахъ, а оживленно жестикулировалъ ими. Вдругъ онъ съ ожесточеніемъ ударилъ кулакомъ объ столъ и крикнулъ:

— Когда бѣжитъ, то бѣжитъ, а когда падаетъ, то лежитъ! Вотъ какъ у меня!

Гдѣ не возьму добромъ, тамъ сдѣлаю свое зломъ! Сестрѣ же, что мнѣ родители умирая поручили, пропадать не дамъ!

Къ злости, съ которой онъ выкрикнулъ это, присоединилась жалость, голосъ у него упалъ, и сверкавшіе глаза наполнились слезами. Онъ отеръ ихъ рукой, опять опустился на диванъ и тяжело вздохнулъ; на его вздохъ отозвались тѣмъ же нѣсколько мужчинъ и женщинъ.

Три женщины и трое мужчинъ сидѣли на скамейкѣ и стульяхъ у окна и вокругъ стола, заставленнаго разными закусками. Былъ тамъ супъ изъ молока съ лапшой, вареная колбаса, сыръ, хлѣбъ и фаянсовая масленка съ краснымъ пѣтушкомъ на крышкѣ. Сидѣвшіе у стола гости время отъ времени отправляли въ ротъ кусокъ чего-нибудь, потомъ складывали руки на колѣняхъ и, очень медленно жуя, поддакивали рѣчамъ хозяина разными возгласами.

— О какъ же! конечно! Вѣрно! Разумѣется!

Урожденныя Осиповичъ, по мужьямъ Панцевичъ изъ Кубелякъ и Заневская изъ Заневичъ, которымъ было уже далеко за тридцать, отъ прежней красоты сохранили лишь высокій ростъ, черные волосы и большіе, черные, блестящіе глаза, которые вмѣстѣ

съ рѣзкими чертами ихъ лицъ, говорили о чрезвычайной живости ихъ характера, вспыльчивости и рѣзкости языковъ. Шерстяныя платья и нарядные чепчики не были ихъ будничной одеждой; собираясь въ гости, хотя бы и къ родному брату, они своимъ праздничнымъ нарядомъ выражали почетъ и уваженіе и себѣ, и брату. Мужья выглядѣли спокойнѣе и солиднѣе ихъ. Очевидно, они оба знали себѣ цѣну. Панцевичъ, который, помимо собственнаго, довольно порядочного хозяйства, еще держалъ въ арендѣ сосѣднюю усадьбу, особенно важно сидѣлъ на скамьѣ, нарядный въ свѣтломъ галстухѣ, и внимательно прислушиваясь къ словамъ Константина, очень сочувственно улыбался подъ желтыми усами и въ доказательство своего пониманія то и дѣло двигалъ бровями. Двоюродный братъ Константина, Михаилъ Осиповичъ, и его молодая жена, лишь нѣсколько недѣль тому назадъ повѣнчанные, гораздо больше были заняты собою, чѣмъ тѣмъ, что происходило кругомъ; они перемигивались, перебрасывались хлѣбными шариками, даже цѣлыми кусками хлѣбной корки, а раза два совершенно неожиданно и совсѣмъ не кстати, по причинѣ имъ однимъ понятной, разразились громкимъ смѣхомъ. Такое легкомысленное отношеніе къ интересамъ родственниковъ, а въ особенности этотъ неумѣстный смѣхъ, невольно вырвавшійся у нихъ въ то время, когда ему хотѣлось бить и плакать, волновало и раздражало Константина, и онъ бросалъ гнѣвные и даже бѣшеные взгляды на молодую парочку.

Въ это время дверь изъ сѣней медленно и тихо отворилась и въ свѣтлицу вошелъ мужчина лѣтъ сорока, невысокаго роста, худой, въ простомъ длинномъ, ниже колѣнъ, кафтанѣ съ гладко причесан-

ными волосами надъ продолговатымъ желтымъ и костлявымъ, будто высохшимъ, лицомъ, на которомъ уже издали замѣтны были черные глаза и густые усы. Это былъ Габрысь Осиповичъ, прозванный глупымъ Габрысемъ. Онъ вошелъ, молча отвѣсилъ поклоны на всѣ стороны и присѣлъ тутъ же у порога, на скамейкѣ, стоявшей у стѣны. Такой приходъ и сидѣніе у двери, очевидно, были его обыкновенной манерой, такъ какъ всѣми это было принято, какъ нѣчто обычное, не обративъ ничьего вниманія. Всѣ ему отвѣтили на поклонъ, потому что вѣдь все-таки онъ былъ Осиповичъ, но къ столу его не пригласили, и никто больше уже на него не взглянулъ. Слушали Панцевича, который, медленно жуя колбасу и необыкновенно многозначительно морща свои желтыя брови, разсказывалъ о томъ, что недавно былъ у Казимира Ясмонта, въ Ясмонтахъ, и тамъ видѣлъ двухъ лошадей, которыя тотъ купилъ у Онуфрія Цыдзика. Константинъ, недовольный тѣмъ, что въ разговоръ внесенъ былъ новый элементъ, а то, что его сегодня наиболѣе интересовало, стушевывалось, ворчливо отвѣтилъ, что и онъ нѣсколько дней тому назадъ ѣздилъ къ Казимиру Ясмонту по одному очень важному дѣлу, отъ котораго, быть можетъ, очень многое зависитъ.

Онъ хотѣлъ лишь впослѣдствіи сообщить объ этомъ сестрамъ и зятьямъ, но разъ уже объ этомъ зашла рѣчь.

Но въ эту минуту его прервалъ тихій голосъ гостя, сидѣвшаго у двери.

— Я слыхалъ, что сегодня Салюся пріѣзжаетъ? — спросилъ онъ, не измѣняя своего положенія.

— Пріѣдетъ, ну, да, пріѣдетъ, обѣ, и она и Конецъ пріѣдутъ, — отвѣтило ему нѣсколько голосовъ,

а Константинъ, развалившись на диванѣ, съ таинственнымъ выраженіемъ лица добавилъ:

— Казимиръ Ясмонтъ сегодня пріѣдетъ сюда.

— Зачѣмъ? на что? Развѣ ты намѣренъ продать коня? — спросили его всѣ въ одинъ голосъ.

Константинъ покачалъ головой и произнесъ съ таинственной улыбкой.

— Поважнѣе дѣло будетъ, чѣмъ о конѣ.

Очень довольный собою, онъ всталъ съ дивана и, продолжая таинственно улыбаться, оглянулся по сторонамъ.

— На всякую болѣзнь есть свое лѣченіе, — сказалъ онъ, — и противъ этой болѣзни я тоже придумалъ средство.

Я поѣхалъ къ Ясмонту и сказалъ: Если будетъ такъ и такъ, т. е. такъ, какъ я хочу, то я сейчасъ даю Салюсѣ шестьсотъ рублей приданаго.

Панцевичъ и Заневская даже подпрыгнули на своихъ стульяхъ, а онъ, вытянувшись и положивъ руки въ карманы, продолжалъ:

— Ужъ если я за что-либо возьмусь, то уже ничего и не пожалѣю, и непремѣнно сдѣлаю... Быть можетъ, мнѣ изъ-за этого придется себя сильно стѣснить, пожалуй, и поголодать и безъ сапогъ походить придется, но что я сказалъ, то исполню. Если будетъ по моему, я ей сейчасъ кладу на столъ въ приданое шестьсотъ рублей. Когда бѣжитъ, то бѣжитъ, а когда падаетъ, то лежитъ. Вотъ я какой!

Когда онъ кончилъ, воцарилось молчаніе, которое прервала Панцевичъ, сидѣвшая до сихъ поръ, качаясь взадъ и впередъ на стулѣ и подпершись ладонью лицо.

— Однакожъ, — заговорила она быстро, громко

и пискливо, — однакожъ, Константинъ очень несправедливъ! На какомъ же основаніи самая младшая изъ сестеръ должна получить цѣлыхъ шестьсотъ рублей приданаго, когда старшія получили по триста?

— Это правда, — еще громче заговорила Заневская, — всѣмъ по триста, а одной шестьсотъ. На какомъ это основаніи? Не потому ли, что она своими поступками такъ встревожила всю семью, а мы этого никогда не дѣлали?

— Или потому, — затрещала опять Панцевичъ, — что Константинъ несправедливъ и хочетъ обидѣть свою собственную плоть и кровь?

— Что Константинъ готовъ насъ обидѣть, — прервала ее младшая сестра, — въ томъ я убѣдилась уже и тогда, когда онъ мнѣ обѣщалъ три коровы, а далъ лишь двѣ...

Тутъ отозвался грубый басъ Заневскаго:

— Это правда, на обѣщанія Константина не всегда можно полагаться.

Теперь обѣ сестры сразу подняли крикъ:

— Да мы такія же дочери нашихъ родителей, какъ и Салюся, и что слѣдуетъ ей, то и намъ. Но дѣло въ томъ, что у Константина главную роль играетъ самолюбіе, свой капризъ и, главное, Константинъ больше любитъ того, кто дурно поступаетъ...

Но теперь Константинъ, осыпаемый со всѣхъ сторонъ обвиненіями, потерялъ терпѣніе. Сначала онъ равнодушно принималъ нападки сестеръ, но теперь весь побагровѣлъ отъ злости и, топнувъ ногой, крикнулъ:

— Чего это вы напали на меня, какъ собаки на нищаго? Развѣ я ваше добро даю? Даже и не родительское!

Могу же я распорядиться тѣмъ, что мною добыто тяжелымъ трудомъ! Это моя собственность, и я дамъ, кому дать захочу, а вамъ въ мои горшки заглядывать не позволю.

Женщины опять поднялись со своихъ мѣстъ.

— Вотъ какъ Константинъ насъ принимаетъ въ своемъ домѣ! Такъ вотъ для какого привѣтствія насъ сюда пригласили? Мы очень благодарны за прекрасный пріемъ!

— И впрямь, — прогремѣлъ Заневскій своимъ басомъ, — ужъ очень невѣжливо Константинъ со своими сестрами обошелся.

Но Панцевичъ, усиленно задвигавъ бровями и усами, вступился за своего зятя и сталъ успокаивать сестеръ.

Всѣ встали со своихъ мѣстъ, всѣ разомъ заговорили, женщины отчаянно жестикулировали; Панцевичъ старался остановить потокъ ихъ рѣчи, то и дѣло потягивая то одну, то другую изъ нихъ за рукавъ, а своей женѣ закрывая ротъ ладонью. Заневскій рычалъ, что идетъ заложить лошадь, Константинъ, весь красный, кричалъ, что онъ господинъ своихъ денегъ и можетъ раздавать ихъ по своему желанію, кому угодно.

Во всемъ этомъ шумѣ и переполохѣ не принимали участія лишь трое: двоюродный братъ съ молодой женой, которые, держась за руки, безучастно смотрѣли на все происходившее у нихъ передъ глазами, и Габрысь Осиповичъ, все еще сидѣвшій у двери въ той же самой позѣ. Какъ только обѣ женщины затѣяли споръ о приданомъ, онъ сталъ усмѣхаться подъ густыми короткими усами, а теперь, когда ссора чуть не перешла въ драку, онъ медленно переводилъ свой взглядъ съ одного лица на

ругое, качалъ головой и смѣялся тихимъ внутрен-имъ смѣхомъ; темный кафтанъ его колыхался слегка а груди отъ этого смѣха. Можно было подумать, то онъ насмѣхается или издѣвается надъ кѣмъ-ни-удь изъ окружающихъ, если бы его жалкая наруж-ость и робкая поза у двери не противорѣчили та-ому предположенію.

Но вдругъ, среди самаго яростнаго крика раз-ался у окна чей-то возгласъ:

— Пріѣхали! Пріѣхали! Конецъ и Салюся пріѣхали!

Въ свѣтлицѣ сразу все затихло, въ одну секунду всѣхъ гнѣвъ остылъ, и какъ быстро возгорѣлась ссора, такъ же быстро и утихла, и наступилъ полный миръ. Сестры, братъ и зятья, перемигиваясь глазами и покачивая головами, улыбались другъ другу; женщины торжественно разсѣлись кругомъ стола и у окна, Константинъ, подбоченясь, сталъ у дивана. Въ эту минуту дверь открылась и въ свѣтлицу съ шумомъ ввалились двѣ женщины въ большихъ салопахъ, съ большими платками на головахъ.

— Какъ поживаете, — крикнула одна.

— Господи Боже! И Казя, и Марылька! Всѣ здѣсь! Неужели вы всѣ собрались меня встрѣчать?

Голоса были молодые и веселые. Въ одну минуту изъ салоповъ и платковъ, какъ бабочки изъ кокона, выпутались двѣ молодыя, проворныя женщины. Коньцова выглядывала зажиточной и бывалой мѣщанкой. Волосы у нея были зачесаны кверху и заложены на макушкѣ красивымъ узломъ, платье сшито по городскому. Молодая и еще красивая, она все же въ сравненіи съ младшей сестрой казалась и немолодой, и некрасивой. Та была стройна, гибка, какъ майское утро. Мелкія, но красивыя

черты ея лица отѣнялись густой шапкой черныхъ волосъ, тяжелой косой падавшихъ на спину, щеки играли чуднымъ румянцемъ, глаза искрились, а изъ подъ красныхъ губъ сверкали два ряда жемчужно-бѣлыхъ зубовъ. Не обращая вниманія на торжественный видъ и серьезное настроеніе присутствующихъ она въ одну минуту ловко обѣжала весь столъ кругомъ, расцѣловала женщинъ, мужчинамъ пожала руки и случайно взглянувъ по направленію къ двери и увидѣвъ сидѣвшаго на скамейкѣ гостя, воскликнула: — „какъ поживаешь, Габрысь?“ и подбѣжала къ нему съ рукопожатіемъ. Онъ, съ той минуты, какъ она вошла, съ нея глазъ не спускалъ, а когда она приблизилась къ нему, его желтое лицо стало краснымъ. Онъ сорвался съ мѣста и своими пухлыми усатыми губами впился въ ея руку такъ сильно, что можно было подумать, что онъ намѣревается ее проглотить. Она же второй рукой похлопала его по кафтану и живо повернулась къ брату.

— Какъ поживаешь, Костусь? Что это ты столбомъ стоишь? Быть можетъ, ты не радъ, что я домой вернулась?

Она шла къ нему, весело смѣясь, но онъ все отступалъ до самой стѣны и съ презрительной усмѣшкой, отвѣшивая ей низкіе поклоны приговаривалъ.

— А какъ же жъ? Напротивъ! Это большой почетъ для меня и для моего дома, что госпожа Хутко удостоила меня своимъ посѣщеніемъ. Пусть госпожа Хутко проститъ, что я простой шляхтичъ, не могу и не умѣю ее принять съ подобающей торжественностью, но въ хамскомъ обществѣ не бывалъ и не знаю, какъ у нихъ принято такихъ почетныхъ гостей принимать. Ха, ха, ха, ха!

Онъ трясся отъ злости и, хохоча на всю избу, пронизывалъ сестру колючимъ взглядомъ.

Она же въ удивленіи остановилась неподвижно, какъ вкопанная. Она ожидала гнѣва, упрековъ, но такого пріема она себѣ не представляла. Уже и сестры, когда она ихъ цѣловала, отворачивались отъ нея и зятья еле притрагивались къ ея рукѣ жесткими, какъ лопаты руками, а теперь этотъ съ такимъ издѣвательствомъ говоритъ съ нею!

— Что это такое? — начала она, но Панцевичъ не дала ей договорить.

— А то, что какъ аукнется, такъ и откликнется. Какова ты для насъ, таковы мы для тебя.

— Что же я вамъ дурного сдѣлала?

— А то, — отвѣтила та, — что ты хотѣла перещеголять сестеръ. Мы бѣдныя шляхтянки вышли за такихъ же бѣдныхъ шляхтичей, а ты вотъ нашла себѣ другого рода партію. Вотъ мы и завидуемъ тебѣ, что насъ мужики въ жены не брали, а тебя вотъ одинъ беретъ.

— И какой еще! Съ состояніемъ! — добавила вторая сестра, — у него много земли, столько, что на ней собачью будку не поставить.

— Ни кола, ни двора, — прогремѣлъ Заневскій.

— Безземельный мужикъ, — добавилъ Панцевичъ.

— За то какое званіе, — хохоталъ Константинъ, — го, го, господинъ... съ позволенія сказать, его сіятельство, господинъ мужикъ.

— Хорошая судьба! Видно, она понимаетъ, что ничего лучшаго ве стоитъ.

— Да, додумалась, что лучшій не возьметъ, такъ сама себѣ такого нашла!

— Такой, сякой, лишь бы свой!

Салюся, среди этого перекрестнаго огня насмѣшекъ и ругательствъ, стояла, словно нѣмая, поникнувъ головой и съ опущеннымъ въ землю взглядомъ; на ея ярко вспыхнувшемъ лицѣ, ясно выразились стыдъ и горечь. Все ея существо какъ будто говорило: это все правда, правда! Онъ мужикъ, земли не имѣетъ, всѣ будутъ издѣваться надо мною. Ахъ, какая я несчастная! и уже слезы навернулись ей на глаза, какъ внезапно Заневская, оставивъ насмѣшливый тонъ и придя въ ярость, подскочила на своей скамейкѣ и крикнула:

— Пока живы, мы тебѣ не позволимъ выйти за этого оборванца.

— Да не только оборванецъ, — присоединилась къ ней Панцевичева, — негодяй, распутникъ ... висѣльникъ ...

Тогда Салюся вдругъ подняла голову, выпрямилась, ея глаза метнули молніи и, вся дрожа отъ негодованія, она обернулась къ сестрамъ:

— А вы по какому праву даете ему такія прозвища? Держитесь за свой собственный носъ, а чужого не трогайте! Какой онъ вамъ негодяй, висѣльникъ, распутникъ? За что вы его имя своими гадкими языками треплете?

Теперь видно стало, что и она изъ тѣхъ, которыя не дадутъ себя съ кашей съѣсть. Она была очень похожа на брата, а въ эту минуту это сходство стало еще болѣе замѣтнымъ. Та же вспыльчивость и надменность откинули высоко ея голову, сдвинули ей брови и огнемъ зажгли глаза. Подбоченившись одной рукой, она вся вытянулась, какъ будто выросла и, обращаясь къ брату, вскричала:

— Я вашимъ ртамъ не позволю плевать на моего жениха! Слышишь, Константинъ! Онъ хамъ, это

правда, но хамъ хаму рознь, и онъ такой, какъ всѣ, и дай Богъ, чтобъ всѣ его стоили! Слышишь, Константинъ, и Боже васъ сохрани клеветать на него или называть его дурнымъ именемъ! Ей Богу, я за то выцарапаю всѣмъ вамъ глаза! Слышишь, Константинъ!

Тутъ она обернулась и случайно взглянула на Габрыся, который, прижавшись къ стѣнѣ спиной, вперивъ въ нее глаза, и одобряюще качая головой, тихо смѣялся, но не такъ, какъ прежде, а какимъ-то довольнымъ смѣхомъ. Но она не успѣла обратить на это вниманія, такъ какъ въ комнатѣ поднялся сумбуръ, среди котораго уже ничего нельзя было разобрать. Всѣ присутствовавшіе, за исключеніемъ молодой золовки и Габрыся, озлобленные ея протестомъ, сорвались съ мѣстъ, стали бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ, вскакивали и садились, говорили, и всѣ кричали разомъ. Это уже былъ не разговоръ, а какой-то сплошной гулъ, изъ котораго можно было лишь понять, что ее ругали, укоряли, ей грозили. Укоряли ее, правда, лишь въ двухъ вещахъ: что Георгій Хутко мужикъ, и что онъ своей земли не имѣетъ. Что же касается словъ „негодяй“ и „распутникъ“, которыми его обозвали, то эти слова, какъ ни на чемъ не основанныя, послѣ долгихъ пререканій, спустя нѣкоторое время, были взяты обратно. Изъ двухъ же этихъ упрековъ, имѣющихъ въ сущности одно и то же основаніе, одинъ имѣлъ болѣе важное значеніе для однихъ, другой — для другихъ. Впрочемъ, все это слилось въ одинъ общій хаосъ рѣчей.

— Что это за человѣкъ, который ни одного кусочка земли не можетъ назвать своимъ? Бродяга, нищій съ сумой? Онъ имѣетъ хорошее мѣсто, полу-

чаетъ порядочное жалованье, называется старшимъ лѣсникомъ? Бабьи сказки! Хорошее мѣсто! А если онъ лишится его? Развѣ это невозможно? И тогда что? Тогда манатки на возъ и поѣзжай, куда глаза глядятъ. Другое мѣсто найдетъ? Не тутъ то было! Только его и ждутъ съ мѣстами! Много ли есть свободныхъ мѣстъ въ наше время? А если мѣста не найдетъ, то поселишься въ мѣстечкѣ и начнешь носить заклады жиду, чтобъ достать три гроша на кусокъ хлѣба! Хорошо еще самимъ терпѣть, а если пойдутъ дѣти? Будетъ у тебя пять, шесть, восемъ человѣкъ дѣтей, конечно, у тебя будетъ; откуда ты возьмешь? Когда не къ чему руки приложить. А въ случаѣ войны, если его возьмутъ на службу? Другія женщины хоть и останутся безъ мужей, но на своей землѣ, а что сдѣлаетъ госпожа Хутко? Также пойдетъ служить? Хорошая судьба! Нечего говорить! Видно ты родилась, чтобъ быть коровницей или, чтобъ стирать чужое грязное бѣлье, если ты сама выбираешь себѣ такую судьбу! Но съ дѣтьми тебя и на такую работу никто не возьметъ. Или ты, можетъ быть, придешь къ брату и сестрамъ руки цѣловать, чтобъ тебя приняли? Но они не дураки, чтобъ помогать тому, кто закрывалъ уши и не хотѣлъ слышать ихъ просьбъ и совѣтовъ. Пусть тотъ, кто ихъ ни во что не ставилъ, самъ себѣ помогаетъ; пусть съ голоду умираетъ, они и руки не протянутъ. А сколько униженія, какая бы ни была служба, хотя и самая лучшая, это все же служба, особенно, если служащій, не имѣя своего угла, долженъ ею дорожить и держаться ея, какъ слѣпой забора. Младшій ли онъ лѣсникъ, или старшій, это все равно не то, что хозяинъ въ своемъ домѣ, даже самомъ маленькомъ. Прикажутъ быть лакеемъ —

будетъ! Прикажутъ съ пола передъ господскими ногами пыль языкомъ слизать, — будетъ! Все исполнитъ, все снесетъ, даже подзатыльники и всякую обиду, лишь бы не прогнали съ мѣста и безъ хлѣба не оставили. А что мужу, то и женѣ. Его стыдъ — ея позоръ. Ему, впрочемъ, это нипочемъ — ему на роду написано служить и все сносить, мужику такъ и надо, но ей то за что, она то чѣмъ провинилась? Развѣ лишь тѣмъ, что Богъ ее оставилъ, бѣшій попуталъ и милая сестричка съ пути свела?

Тутъ поднялась буря противъ Конецъ, которая съ своей стороны дѣлала напрасныя попытки перекричать всѣхъ и сказать свое слово. Теперь все обрушилось на нее: ее упрекали въ томъ, что она позволила завязаться этому унизительному роману сестры, что въ ней корень всего зла уже потому одному, что она пригласила къ себѣ въ домъ этого мальчишки, принимала, угощала его, что она даже осмѣлилась говорить брату, когда онъ пріѣзжалъ въ городъ о высокихъ достоинствахъ господина Хутко, о томъ счастьѣ, которое ожидаетъ съ нимъ Сашюсю. Они говорили, что отъ нея, отъ Конецъ, и ожидать ничего лучшаго нельзя было, что она и себѣ не нашла ничего болѣе высокаго, какъ сына такого человѣка, который, можетъ быть, когда-то улицы въ городѣ подметалъ. Но для себя она все таки была умнѣе, взяла себѣ, небось, мужа, хотя и мусорщика, но зато имѣющаго красивый домъ и доходное ремесло, а сестру захотѣла выдать за нищаго, погубить ее, утопить въ вѣчныхъ слезахъ.

Конецъ, болѣе спокойная и уравновѣшенная, чѣмъ ея бушующія сестры, старалась, какъ могла, защищать себя, заступаясь въ то же время и за Георгія, доказывала свою правоту и отражала на-

падки родни. Но когда они всѣ и вмѣстѣ съ ними и Константинъ, стали кричать, что если сестра погибнетъ, то она за нее отвѣтитъ Богу, то она, обиженная, съ гнѣвомъ вскочила и закричала имъ, что не для того она сюда пріѣхала, чтобъ ее унижали, что она къ униженіямъ не привыкла, что у нея, слава Богу, свой домъ есть, что ея мужъ и вообще всѣ люди ее уважаютъ, что она велитъ сейчасъ запрягать лошадь, ни одной минуты долѣе не останется здѣсь, переносить обиды не будетъ, а уѣдетъ въ городъ, въ свой домъ, къ своему мужу, гдѣ ее любятъ и уважаютъ.

Но этого родня совершенно не желала. Въ сущности они всѣ уважали Коньца, а его жену всѣ любили. Кромѣ того, она имъ теперь, какъ самый близкій другъ Салюси, была нужна. Поэтому они ее кое-какъ ублажили и опять всей тяжестью налегли на Салюсю.

Но дѣвушка, стоя посерединѣ комнаты, вся какъ-то выпрямившись, дерзкая, разгоряченная, колола всѣхъ, какъ оса своими словами, чаще всего обращаясь къ брату, такъ что въ общемъ гулѣ ясно можно было отличить ихъ два голоса, какъ будто боровшіеся между собою.

— Собака лаетъ, а вѣтеръ несетъ! не знаешь, а ругаешься! Сперва узнай, послѣ обижай! — кричала Салюся.

— Въ томъ то и дѣло, что я его хорошо знаю, — перекрикивалъ Константинъ, — я его разсмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ и ни съ одной ничего хорошаго не видѣлъ. Ни шерсти, ни молока; ни мяса, ни перьевъ... хамъ... и больше ничего!

— Онъ лучше тебя, потому что воспитанный! Ты такого воспитанія и не видѣлъ, какое онъ получилъ.

— Все равно, мужикъ мужикомъ. Грязную тряпку и воспитаніе не выбѣлитъ.

— Ты баринъ, такъ ищи для себя важную барыню, а я для себя замужъ выхожу, не для тебя!

— Ха, ха, ха! Бѣда лишь въ томъ, что не выйдешь ...

— Почему?

— А потому, что я запрещаю!

— Я вышла изъ дѣтскаго возраста. Мнѣ двадцать три года, и ты мнѣ не можешь ни запрещать, ни приказывать! ...

— Слушай, Салюся! Тутъ есть два выхода — выбирай одинъ изъ нихъ: либо ты меня послушаешься, и я тебя осчастливлю, либо я не дамъ тебѣ ни гроша приданаго, ни одной тряпки и на порогъ не пущу ...

— Меня и въ одной сорочкѣ возьмутъ, а къ твоему порогу моихъ ногъ ничѣмъ не заманишь.

— Съ тобой говорить, что рѣшетомъ воду черпать!

— А съ такимъ, какъ ты, обидчикомъ, который только людей морочить умѣетъ, совсѣмъ и говорить не стоитъ!

— А съ хамомъ стоитъ!

— Глядя на васъ обоихъ, его можно принять за господина, а тебя за мужика.

— А чтобъ его собаки съѣли!

— А мнѣ бы лучше сквозь землю провалиться, раньше, чѣмъ я въ этотъ домъ пріѣхала! — крикнула Салюся съ болью въ голосѣ и, закрывъ лицо руками, выбѣжала съ громкимъ плачемъ черезъ полуоткрытую дверь въ боковую комнатку. Константинъ схватилъ съ окна шапку и, тяжело дыша, весь охваченный гнѣвомъ, вышелъ на дворъ. Всѣ

оставшіеся въ комнатѣ повскакивали со своихъ мѣстъ и черезъ стоявшую еще открытой дверь побѣжали за Салюсей. Стало ли имъ жаль ея? Или они почувствовали, что на эту гордую дѣвушку злостью и криками не подѣйствуешь, а нужно повліять на нее какимъ-либо инымъ способомъ?

Довольно того, что за закрытой дверью боковой комнатки вскорѣ послышались поцѣлуи, нѣжные возгласы, таинственный шопотъ, и легкіе вздохи. Шурья и двоюродный братъ, тихо разговаривая между собою, вышли на дворъ вслѣдъ за Константиномъ. Въ свѣтлицѣ остался одинъ Габрысь. Все время ссоры онъ ни на минуту не спускалъ глазъ съ Салюси, при каждомъ ея движеніи слѣдилъ за нею глазами и на каждое ея слово одобрительно качалъ головою и смѣялся съ видимымъ удовольствіемъ. Не вмѣшиваясь въ слишкомъ оживленный разговоръ ни единымъ словомъ, онъ однакожъ принималъ въ немъ горячее участіе. Теперь, когда въ свѣтлицѣ стало тихо и пусто, онъ опустилъ голову и, сидя съ повисшими вдоль тѣла руками, глубоко задумался. Его руки были тощи и изнурены тяжелымъ трудомъ, высокій лобъ изборожденъ морщинами, о преждевременности которыхъ говорили совсѣмъ еще черные волосы. Задумавшись, онъ такъ выставилъ губы, что между исхудалыхъ продолговатыхъ щекъ усы его торчали, какъ два твердыхъ густыхъ пучка щетины. Видно было, что онъ усиленно о чемъ-то раздумывалъ, такъ какъ раза два кивалъ головой, вздыхалъ и рукой дѣлалъ жестъ, выражавшій не то неудовольствіе, не то презрѣніе. Можно было предположить, что онъ въ эти минуты говоритъ самъ себѣ: „Нѣтъ ничего хорошаго на свѣтѣ!“ или „все трынъ-трава!“ Онъ очнулся лишь тогда, когда жен-

ины, всѣ одновременно, вернулись въ свѣтлицу и
ли у стола. По всему видно было, что между
ими установились самыя лучшія отношенія и что
вства, которыя онѣ другъ къ другу питали, были
маго нѣжнаго свойства. Онѣ обнимались одна съ
ругой и, хихикая, нѣжно перешептывались между
обою. Одна Салюся не смѣялась и молчала, и
отя гнѣвъ ея остылъ, и она отъ времени до вре-
ени цѣловала ласкавшихъ ее сестеръ, ея сдвинутыя
рови и сжатыя губы выражали обиду и глубокую
адумчивость. Все это однако не лишило ее моло-
ого аппетита, усугубленнаго ѣздой на свѣжемъ воз-
ухѣ. Угощаемая сестрами, она принялась за сыръ,
лѣбъ съ масломъ, колбасу, рѣзала, намазывала, ѣла
запивала молокомъ, которое ей Панцевичева по-
ала, въ кувшинчикѣ. Но и во время ѣды съ лица ея
е сходило выраженіе огорченности и задумчивости.
другъ ея взглядъ остановился на Габрысѣ, и лицо
озарилось свѣтлой и хорошей улыбкой.

— Габрысь! — воскликнула она, — почему ты
е садишься къ столу.

Онъ покраснѣлъ, какъ буракъ и, растерянно вер-
ясь на скамейкѣ, отвѣтилъ своимъ тихимъ, пода-
леннымъ голосомъ:

— Спасибо, большое спасибо, Салюся, мнѣ и
дѣсь хорошо.

Салюся поманила его къ себѣ кивкомъ головы;
ри этомъ движеніи ея тяжелая, туго заплетенная
оса перескользнула со спины на плечо.

— Иди сюда! Иди! Садись здѣсь, около меня!
Мы съ тобой такъ долго не видѣлись!

Но онъ не двинулся съ мѣста и не переставалъ
трицательно покачивать головой.

— Спасибо,—повторилъ онъ,—мнѣ и тутъ хорошо!

— Глупый! — шепнула Панцевичъ Коньцовой.

— Онъ все такой же, какъ и раньше?

— Да, все такой! Глупый Габрысь! Дуралей! Остолопъ!

Но Салюся снова обернулась къ нему.

— Такъ отвѣдай же хоть чего-нибудь.

И, взявъ въ одну руку ломоть хлѣба, намазанн наго масломъ, и большой кусокъ колбасы въ другую она съ милой, кокетливой улыбкой подошла к нему. Но онъ, поднявъ на нее глаза, отрицательно тряхнулъ головой и, не беря изъ ея рукъ поднесенн наго ею угощенія, отвѣтилъ:

— Очень благодаренъ, Салюся, большое спасибо но я не голоденъ и ѣсть не буду.

Она настаивала. Присѣвъ около него на скам мейкѣ и поглаживая его рукой по плечу, она просила

— Кушай, пожалуйста, кушай, Габрысь!

Видно было, что съ этимъ робкимъ, пришибленн нымъ судьбой человѣкомъ ее соединяла давняя нер разрывная дружба. Онъ несмѣло, но видимо осча стливленный ея усиленнымъ упрашиваніемъ, продол жалъ, смѣясь, благодарить и отказываться, но когда она все-таки не переставала приставать, онъ, нако нецъ, почти сурово проворчалъ:

— Не хочу! Не буду! Не сердись, Салюся! Я ѣсть не буду! Не голоденъ.

— Оставь, Салюся! — крикнула изъ-за стола Панцевичъ, — ты должна знать, что Габрысь ни когда ни у кого ничего въ ротъ не беретъ. Видно, онъ у себя дома пироги ѣстъ, и ему чужой хлѣбъ горькимъ кажется!

Онъ тихо отвѣтилъ:

— Пироговъ я у себя не ѣмъ, но чужого хлѣба мнѣ не нужно.

— Глупый! — шепнула Заневская.

— Экая гордыня — прошипѣла Панцевичъ.

— А въ сапогахъ дыры просвѣчиваютъ — зарѣялась первая.

Въ самомъ дѣлѣ, на сапогахъ Габрыся, рыжихъ, протертыми отъ долгаго ношенія голенищами, подошвы едва держались.

Салюся вернулась къ столу немного сердитая на непослушнаго гостя. Лишь только она сѣла, какъ сестры Панцевичъ и Заневская, сидѣвшія по обѣ стороны отъ нея, стали ей нашептывать о чемъ то, о чемъ, время отъ времени прорывались въ ихъ разговорѣ возгласы, вродѣ: „Мужики, грубьяны“, „если не онъ, такъ его родители“, „Какъ ты будешь цѣловать руки у его родителей“. „Отца его еще на барщинѣ сѣкли!“

Вернулись въ свѣтлицу и мужчины; Константинъ, два шурина, двоюродный братъ. Первый казался успокоеннымъ, пожалуй, даже веселымъ. Онъ ходилъ по комнатѣ, держа руки въ карманахъ и въ задумчивости посвистывалъ: фью! фью! фью! фью! фью! фью! Ежеминутно подходилъ онъ къ окну и поглядывалъ на дорогу, какъ бы ожидая кого-то. Разъ, проходя мимо стола, онъ нѣжно провелъ рукой по волосамъ Салюси, но она на эту ласку ни-сколько не отозвалась, только глаза ея наполнились слезами.

Она сидѣла неподвижно, темное платье тѣсно облегало ея пышную грудь; изъ окна падали на нее бѣлые отъ снѣга лучи вечерняго свѣта, озаряя ея головку съ шапкой темныхъ волосъ и тяжелой косой, розовое личико и полные слезъ глаза.

Она выглядѣла, какъ человѣкъ, который усиленно себѣ ломаетъ голову надъ чѣмъ-то, отчаянно за что-

то борется, стараясь разрушить стоящія передъ ним неодолимыя преграды. Панцевичъ и Заневская продолжали шептать ей что-то на ухо. Конецъ, прислушиваясь къ ихъ шепоту, понемногу стала тоже одобрительно покачивать головой, а молодая жена двоюроднаго брата, опершись локтями о столъ и положивъ свой подбородокъ на ладони, пострѣливала во всѣхъ окружающихъ голубыми глазами и чутко прислушивалась къ разговорамъ. И вдругъ на всю свѣтлицу раздался ея томный, тягучій голосокъ:

— Знаешь, Салюся? Будь я на твоемъ мѣстѣ не послушалась бы никого! Право, не послушалась бы! Будь мой Михаилъ сто разъ мужикомъ и не имѣй онъ ни клочка земли, я бы за него пошла. Родного отца не послушалась бы и за Михаила бы вышла!

Салюся вздохнула, покраснѣла до корней волосъ и взглянула загорѣвшимися глазами на молодую женщину.

— Хорошо тебѣ говорить, Эмилька, — проговорила она съ суровымъ укоромъ, — если твой Михаилъ и не мужикъ, и имѣетъ свою землю!

— Эмилька такъ говоритъ оттого, что она дѣвчонка и совсѣмъ еще глупа! — крикнулъ Константинъ, гнѣвно глядя на Эмильку.

Но мужъ неожиданно задѣтой женщины тотчасъ выпрямился и, поднеся свою темную руку къ чернымъ усамъ, крикнулъ:

— Съ твоего позволенія, Константинъ, я заявляю, съ моей женой, такъ говорить нельзя. Я никому не позволю ее обижать!

— Зачѣмъ же она глупости говоритъ? — сердито отозвался хозяинъ.

— Мы тебя, Константинъ, не просимъ одолжить намъ ума . . .

Оба родственника напустились другъ на друга, какъ пѣтухи.

Михаилъ звалъ свою жену: — идемъ, Эмилька, — нѣсколько разъ бралъ ее за руку, желая вытянуть изъ-за стола, но Панцевичъ, задавшійся нелегкой задачей успокоить его, схватилъ его за плечо и сталъ всячески уговаривать.

— Пусть Константинъ держитъ языкъ за зубами! Моя жена не его прислуга, чтобъ на ней злость срывать.

— Вотъ Богъ, и вотъ порогъ! Если кому-либо въ моемъ домѣ быть непріятно, то я не задерживаю!

Панцевичъ съ распростертыми въ обѣ стороны руками обращался то къ Михаилу, то къ Константину и жестикулируя и поводя бровьями, оратор-ствовалъ:

— На то Богъ человѣку далъ разумъ, чтобъ онъ управлялъ своими страстями. Страсти, судари мои, это дьяволы, живущіе въ человѣкѣ, и кто своими страстями не управляетъ, тотъ превращается въ животное, судари вы мои.

— Михаилъ! Константинъ! Поцѣлуйтесь!

— Сказки разсказывайте бабамъ! Чтобъ я его еще цѣловалъ за то, что онъ выругалъ мою жену!

— А мнѣ твои поцѣлуи такъ же пріятны, какъ собакѣ падаль!

Но изъ-за стола отозвался тоненькій, на этотъ разъ совсѣмъ не томный, а повелительный голосокъ Эмильки:

— Михаилъ! Поцѣлуйся съ Константиномъ!

Еще три женскихъ голоса заговорили:

— Слышишь, Константинъ? поцѣлуйся съ Михаиломъ!

А Панцевичъ тянулъ ихъ другъ къ другу за полы куртокъ:

— На то Богъ создалъ родныхъ, судари мои, чтобъ они жили въ мирѣ.

— Михаилъ, слышишь! поцѣлуйся немедленно съ Константиномъ!

Около минуты они еще простояли въ нерѣшимости другъ противъ друга, потомъ Михаилъ первый подошелъ къ Константину, и взявъ его за оба плеча, звонко поцѣловалъ сначала въ одну щеку, потомъ въ другую; вслѣдъ за тѣмъ и Константинъ сдѣлалъ то же, такъ что четыре поцѣлуя раздались въ свѣтлицѣ, какъ четыре выстрѣла, а женщины за столомъ, захлебываясь отъ смѣха, ударили въ ладоши.

Въ эту самую минуту во внезапно широко растворившейся двери загремѣло сильнымъ голосомъ произнесенное привѣтствіе:

— Да будетъ восхваленъ Іисусъ Христосъ! Добрый вечеръ, господа!

Занятыя ссорой и примиреніемъ, лица, находившіяся въ свѣтлицѣ, перестали выглядывать въ окно и не видѣли, какъ въѣхали во дворъ красивыя кованыя сани и какъ вышли изъ нихъ двое мужчинъ и, привязавъ возжи къ дереву около сарая, вошли въ домъ.

Теперь въ дверяхъ стоялъ человѣкъ съ рыжими огненнаго цвѣта волосами, съ большимъ усатымъ веснущатымъ лицомъ, дюжій, видный, казавшійся еще грузнѣе отъ одѣтаго на немъ бѣлаго бараньяго кожуха, подпоясаннаго ремнемъ, контрастъ съ кото-

ыми составляли высокіе блестящіе сапоги и элегантная шапочка въ рукахъ.

— Ясмонтъ! Казимиръ Ясмонтъ! — въ одинъ голосъ воскликнули женщины, а Константинъ, лицо котораго озарилось радостью, схватилъ обѣ руки гостя и отчаянно потрясалъ ими до тѣхъ поръ, пока гость, отодвинувшись, наконецъ, отъ порога, открылъ стоявшую за нимъ фигуру, представлявшую собою прямую противоположность.

Показывая рукой на молоденькаго, тоненькаго юношу, онъ проговорилъ:

— Имѣю честь представить! Это Владиславъ Цыдзикъ, единственный и любимый сынъ Онуфрія Цыдзика изъ околицы Малые Цыдзики...

— Знаемъ! съ дѣтства знаемъ! — воскликнули сестры Панцевичъ и Заневская, вставая навстрѣчу прибывшимъ; Салюся же сильно поблѣднѣла, тихо отодвинулась подальше отъ дивана и стала у самаго края печки, ближе къ скамеечкѣ, гдѣ сидѣлъ Габрысь.

Всякому, кто зналъ Казимира Ясмонта, нетрудно было догадаться о цѣли его пріѣзда, когда онъ являлся одѣтый въ бѣлый кожухъ и привозилъ съ собою вышедшаго въ женихи юношу.

Зажиточный, веселый, любящій общество, лучшій въ околицѣ ораторъ, Казимиръ Ясмонтъ, до своей женитьбы былъ излюбленнымъ шаферомъ на всѣхъ свадьбахъ, а послѣ женитьбы сталъ желаннымъ гостемъ на всякихъ торжествахъ, въ которыхъ женатые могутъ выступать въ первыхъ роляхъ.

Но ежедневно онъ такого бѣлаго кожуха не носилъ — куда!

Онъ былъ франтомъ и даже имѣлъ золотые часы, но разъ онъ, отправляясь въ такой домъ, гдѣ

есть дѣвушка, одѣвалъ бѣлый кожухъ и бралъ съ собою молодого человѣка — то не оставалось никакого сомнѣнія, что тутъ дѣло идетъ о сватовствѣ. Въ этомъ домѣ, кромѣ Салюси, дѣвушекъ не было. Стало быть, сваты пріѣхали къ ней, обрученной, такъ любящей своего жениха въ эту минуту, даже болѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ стоялъ передъ ея глазами, какъ живой, смотрѣлъ на нее, улыбался ей, — ея Георгій, ея прекрасный, добрый, милый Георгій! Она посмотрѣла на брата; по его радостному лицу и громкой размашистой манерѣ, съ какой онъ кричалъ батраку, чтобъ тотъ ввелъ коня Ясмонта въ сарай, она догадалась, что все это его продѣлка и что этихъ сватовъ онъ нарочно пригласилъ сюда въ день ея пріѣзда. Ею овладѣло такое чувство, какое должна испытывать муха, когда замѣчаетъ, что одна изъ ея ножекъ уже запуталась въ паутину — она поблѣднѣла, растерялась и, ставъ въ уголокъ избы и нагнувъ нѣсколько впередъ свой гибкій стройный станъ, смотрѣла испуганными и вмѣстѣ съ тѣмъ любопытными глазами на пріѣзжихъ гостей.

Одинъ изъ нихъ, Казимиръ Ясмонтъ, широкимъ жестомъ остановилъ руку Константина, повелительно протянутую въ сторону батрака и проговорилъ:

— Простите! Еще неизвѣстно, можно ли ввести нашу кобылку въ конюшню; не придется ли ей сейчасъ же вмѣстѣ съ нами убраться изъ этихъ мѣстъ. Это мы увидимъ, когда я узнаю рѣшительный приговоръ, который ожидаетъ меня и ее, а пока почтительнѣйше прошу, чтобъ она въ ожиданіи этого приговора постояла подъ Божьей крышей!

III.

Оба пріѣзжихъ сидѣли рядомъ на большомъ ди-
нѣ: одинъ въ бѣломъ кожухѣ, рослый, сильный,
къ дубъ, второй — съ величайшей изысканностью
тѣтый въ черную тужурку и подвязанный свѣтлымъ
лстухомъ, похожій на быстро поднявшійся побѣгъ.
го былъ юноша, едва достигшій двадцати лѣтъ,
сокій, тонкій, съ блѣднымъ худощавымъ лицомъ;
ъ сидѣлъ вытянувшись и слегка раскрывъ ротъ,
дъ которымъ виднѣлся едва пробивавшійся темный
шокъ. Онъ не былъ безобразенъ. Обладая хо-
шей фигурой и пріятными чертами лица, онъ даже
бѣщалъ быть красивымъ въ будущемъ; но въ на-
оящую минуту весь его обликъ представлялъ нѣчто
кое несмѣлое, неуклюжее, незрѣлое, что дѣлало
о похожимъ скорѣе на мальчишку, чѣмъ на юношу.

Панцевичъ, съ присущей ей энергіей, которая
азывалась и въ рѣзкихъ чертахъ ея заостреннаго
офиля, взяла въ руки кормило хозяйства своего
ата; съ быстротой вихря понеслась она изъ свѣт-
цы, одѣла одолженный у сосѣдки передникъ и,
одобравъ высоко юбки, принялась то и дѣло шны-
ть по кухнѣ, сѣнямъ и кладовкѣ, приготовляя
ответствующее угощеніе для дорогихъ гостей. По
приказанію зятья и двоюродный братъ перенесли
льшой столъ отъ окна къ дивану, и она, убравъ
татки ѣды, накрыла столъ грубой, но, какъ снѣгъ
лой, скатертью въ красиво вытканныхъ узорахъ.
сѣ разсѣлись, кто у стола, кто немного поодаль

Стемнѣло. Въ свѣтлицу, наполненную говоромъ,
али пробираться тѣ своеобразныя легкія сумерки,
торые въ зимніе вечера создаются сочетаніемъ
ѣта отъ лежащаго повсюду на землѣ снѣга и блѣд-

наго свѣта луны; въ этихъ сумеркахъ фигуры
черты лицъ сидѣвшихъ близко другъ около дру
людей стали сливаться и мутнѣть. Изъ одного ок
виднѣлась звѣзда, какъ бы повисшая среди прорва
шейся цѣпи облаковъ прямо надъ выдѣлявшимся
фонѣ окружавшей тьмы желтымъ хлѣбнымъ сараем
въ другое окно врывались косые лучи невидимс
луны и отбрасывали рѣшетчатую тѣнь окна на б
лой стѣнѣ. Изъ сѣней вошла Салюся, держа въ р
кахъ небольшую зажженную лампу и, медленн
пройдя комнату, поставила ее на столъ: сестра в
лѣла ей отнести свѣтъ въ гостиную. Но почему
нея на шеѣ была одѣта теперь отсутствовавша
раньше красная лента? Почему коса, опущенна
раньше небрежно на спину, теперь аккуратно лежал
узломъ на затылкѣ? Увидѣвъ ее, Ясмонтъ быстр
поднялся съ дивана и толкнулъ Цыдзика локтемъ в
бокъ, въ знакъ того, что ему слѣдуетъ сдѣлать т
же. Оба поклонились. Сватъ съ любезной улыб
кой принялся выражать свою радость по поводу того
что Салюся послѣ такого долгаго отсутствія верну
лась въ родное гнѣздо. Женихъ, вытянувшись в
струнку, вперилъ въ нее широко раскрытые глаза
на днѣ которыхъ заблестѣли какія-то искорки. Он
два раза присѣла и, зарумянившись до самыхъ кор
ней волосъ, отвѣтила смѣло и съ любезной улыбкой
что ей очень пріятно видѣть пана Ясмонта, что он
помнитъ, какъ онъ, будучи шаферомъ на свадьбѣ е
сестры, Заневской, танцовалъ краковяка съ нею
бывшей тогда еще подросткомъ.

— Дастъ Богъ еще и на вашей свадьбѣ, хотя
женатый, и постарѣвшій, а танцовать буду! — весел
воскликнулъ Ясмонтъ и сѣлъ, толчкомъ локтя в
бокъ давъ знать Цыдзику, что тотъ долженъ слѣдо

ть его примѣру; юноша послушался, но машинально; все его вниманіе, всѣ его чувства сконцентрировались въ глазахъ, слѣдовавшихъ взглядомъ за уходившей отъ стола Салюсей. Она ушла, какъ можно дальше, къ двери, гдѣ присѣла около Габрися. Габрысь медленно обернулся къ ней лицомъ, улыбнулся и продолжалъ сидѣть, какъ прежде, неподвижно; казалось, онъ такъ сросся со стѣной и скамейкой, что никакая сила въ мірѣ не въ состояніи была оторвать его отъ нихъ. Быть можетъ, самомъ дѣлѣ какая-то тайная сила удерживала его здѣсь, гдѣ должна была рѣшиться судьба этой дѣвушки.

Но Ясмонтъ никогда никуда не спѣшилъ и не раздывалъ. Никто лучше его не зналъ, когда и при какихъ случаяхъ съ чего нужно начинать и чемъ слѣдуетъ кончать.

Такъ и теперь онъ ничего не говорилъ еще о цели своего пріѣзда, а разсуждалъ лишь о постоянныхъ предметахъ: о хозяйствѣ, о торговлѣ лошадьми, на которой онъ много наживалъ, о недавно скончавшемъ дѣдушкѣ его жены и о горѣ, которое по этому поводу пережила жена его, Ядвига, урожденная Домунтъ. Пока одни изъ присутствовавшихъ вели громкій разговоръ съ гостемъ, другіе потихоньку сообщали другъ другу свое мнѣніе о приѣзженномъ женихѣ.

— Бѣдный парень! жалкій какой!

— Да, молокососъ, зато Салюся сумѣетъ изъ него сдѣлать и козла, и барана.

— Изъ всѣхъ жениховъ нашего уѣзда онъ самый богатый.

— Будь онъ хоть весь брильянтовый, я бы за него не пошла!

— Какая-то недозрѣвшая трава!

— Единственный сынъ, въ солдаты не пойдетъ, такъ и женить его пора. Притомъ, говорятъ, тамъ въ домѣ хозяйка нужна...

— Говорятъ, отецъ всѣмъ разсказываетъ, что онъ хочетъ взять для сына жену изъ хорошаго дома...

— Поэтому-то онъ и прислалъ его къ намъ со сватомъ!

— Собственно онъ ничего... только вотъ... ужъ очень онъ неуклюжъ... точно колъ, въ землю вбитый!

Но тутъ Панцевичъ принесла на столъ каравай хлѣба, разставила тарелки, разложила оловянныя ложки и прочую посуду. Ясмонтъ теперь говорилъ меньше и минутами призадумывался, а когда на столѣ появилась бутылка съ водкой и другая съ медомъ, онъ, движеніемъ головы отбросивъ назадъ волнистые волосы, посмотрѣлъ на присутствующихъ, помолчалъ еще минуту, потомъ началъ тихимъ и какъ бы печальнымъ голосомъ:

— Вотъ и настало намъ время узнать, какая насъ ждетъ судьба, и хотя сердце и бьется отъ страха передъ неизвѣстностью, но дольше откладывать страшную для насъ минуту нельзя, и я долженъ почтительнѣйше просить всѣхъ присутствующихъ благоволить выслушать меня внимательно и благосклонно.

Всѣ слушали. Въ свѣтлицѣ наступила такая тишина, что слышенъ былъ легкій шелестъ деревьевъ на дворѣ. Ясмонтъ положилъ на столъ обѣ свои большія, веснущатыя руки и продолжалъ:

— Бракъ и натуральное его послѣдствіе — неразлучная общая жизнь, церковное святое седьмое та-

инство, это вещи человѣку прирожденныя, почтен-
ныя.

Какъ хорошо и прилично человѣку заключать
ракъ, такъ же точно прилично и честно содѣйство-
ать его заключенію. Такое содѣйствіе я охотно
огласился оказать Цыдзику, здѣсь присутствующему,
для чего и прибылъ совмѣстно съ нимъ въ этотъ
очтенный домъ, чтобъ въ этомъ дѣлѣ, самомъ важ-
омъ въ жизни человѣка, сказать за него доброже-
ательное, правдивое слово.

Тутъ онъ сталъ высчитывать и расхваливать всѣ
исключительно хорошія свойства жениха: честность,
трезвость, деликатность обхожденія, сыновнюю лю-
бовь, затѣмъ происхожденіе изъ семьи, пользую-
щейся всеобщимъ уваженіемъ.

Что касается его матеріальнаго положенія, такъ
онъ единственный сынъ у своихъ родителей. Се-
тры всѣ получили свое приданое и вышли замужъ,
отецъ же его имѣетъ большую усадьбу, хорошій
омъ на два конца, отлично обставленный, десять
прекрасныхъ коровъ, сто фруктовыхъ деревьевъ въ
олодомъ садикѣ. А о томъ, что у него тамъ,
ромѣ всего этого добра, которое у всѣхъ на виду,
ще есть такое, чего никто не видалъ, потому что
оно тщательно припрятано и о томъ, что сохраняется
обрымъ отцомъ для единственнаго, любимаго сына,
даже говорить не надо, такъ какъ на ладонь этого
не выложить, но всѣ знаютъ Онуфрія Цыдзика и
всѣмъ извѣстно, что его сынъ послѣ него получитъ
въ наслѣдство не порожніе сундуки и не пустой ко-
шелекъ.

На этомъ мѣстѣ онъ остановилъ потокъ своего
краснорѣчія и, движеніемъ головы снова отбросивъ
огненно-рыжые волосы, осмотрѣлъ своихъ слушате-

лей, очевидно, отыскивая кого-то; однакожъ, эта попытка была напрасна; та, къ которой, главнымъ образомъ, была обращена вся рѣчь, стояла въ отдаленномъ углу свѣтлицы, заслоненная спинами стоявшихъ впереди ея мужчинъ. Очевидно, въ ней происходила борьба между гнѣвомъ и чувствомъ гордости! Она была возмущена поступкомъ брата, разставившаго ей эту западню, и вмѣстѣ съ тѣмъ ослѣплена ея блескомъ. О богатствѣ Онуфрія Цыдзика она и раньше слышала не разъ; теперь же, когда Ясмонтъ началъ все перечислять и разсказывать, у нея даже голова закружилась при мысли, что она можетъ быть хозяйкой всего этого.

А Ясмонтъ послѣ минутнаго молчанія опять началъ:

— Почему же такой завидный женихъ хочетъ найти счастье всей своей жизни именно здѣсь, въ этомъ домѣ и рѣшился просить и заклинать дѣвушку, которая составляетъ наилучшее украшеніе дома, дать ему это счастье?

А вотъ почему. Издавна этотъ домъ славится своими достоинствами, своей честностью, красотой и добродѣтелью своихъ женщинъ, а эта дѣвушка, о которой теперь ведется рѣчь, такъ прелестна, что равной ей на всемъ свѣтѣ не найти!

И какъ онъ прежде перечислялъ заслуги и качества жениха, такъ теперь сталъ восхвалять всѣ достоинства, украшавшія невѣсту. Но это онъ сдѣлалъ въ довольно оригинальной формѣ. Предупредивъ о томъ, что прадѣды цѣнили въ невѣстѣ шесть качествъ и приподнявъ, какъ бы напрягая память, лицо къ потолку, онъ сталъ перечислять эти шесть качествъ, загибая одинъ за другимъ широко разставленные пальцы.

— Итакъ, первое: набожность — она должна ояться обидѣть Бога какимъ бы то ни было грѣ-омъ; второе: красота — это не требуетъ никакого бъясненія, такъ какъ довольно взглянуть на нее, тобы убѣдиться въ этомъ; третье: трудолюбіе — тобы она не складывала своихъ ручекъ и за каж-ую нужную и полезную работу бралась охотно и мѣло; четвертое: покорность — она должна быть окорна мужу и его родителямъ и должна слушаться ообще добрыхъ совѣтовъ людей; пятое: благо-оспитанность, — т. е. она должна быть скромна, Ьжлива, должна умѣть всѣмъ угодить; шестое: риданное — но это шестое качество можно вы-еркнуть при наличности пяти первыхъ; оно можетъ ыть и не быть.

Саломея Осиповичъ обладаетъ первыми пятью ачествами, а съ шестымъ можно полагаться на волю доброту ея старшаго и единственнаго брата, а акже опекуна. Хотя Цыдзикъ отъ шестого каче-тва не откажется, онъ также и настаивать ни на емъ подобномъ не станетъ, а лишь проситъ и умо-яетъ Саломею Осиповичъ не отказать ему въ своей укѣ и сердцѣ и также проситъ ея брата и опекуна, онстантина, быть посредникомъ между ними и зять на себя защиту его, Цыдзика, интересовъ пе-едъ нею.

Кончивъ, онъ вынулъ платокъ изъ за кожуха и ытеръ себѣ потъ со лба. Ему, очевидно, было жарко ъ кожухѣ; въ свѣтлицѣ печь была хорошо натоп-ена и скопленіе довольно многочисленнаго обще-тва усугубляло духоту. Но такой ужъ былъ чело-ѣкъ Казимиръ Ясмонтъ. Если онъ взялъ на себя акое-либо порученіе или долженъ былъ оказать слугу другу или сосѣду, то никакое препятствіе его

не останавливало и ничто ему не казалось слишкомъ трудным. Точно также и теперь, хотя онъ и по тѣлъ и все его веснушатое лицо горѣло, все же онъ былъ въ отличномъ настроеніи, увѣренный въ себѣ и въ своемъ дѣлѣ, и лишь его небольшіе, сѣрые глаза съ любопытствомъ бѣгали по комнатѣ и искали между присутствующими чье-то лицо. Но Салюся все еще стояла въ углу избы, прикрытая спинами мужчинъ, и такъ задумалась, опустивъ голову, что ея черныя брови мрачной тучей сбѣжались надъ глазами.

Зато на лицѣ Константина не было никакой тучи. Такъ какъ сватъ въ концѣ своей рѣчи обратился къ нему съ просьбой взять на себя посредничество, то онъ, высоко поднявъ голову и подбоченясь, быстро отвѣтилъ:

— Въ моемъ согласіи и добрыхъ чувствахъ къ сестрѣ прошу Владислава Цыдзика не сомнѣваться. Напротивъ того: позволяю, благословляю и считаю за честь какъ для себя, такъ и для моей сестры. И, чтобъ доказать справедливость моихъ словъ, заявляю, что сестра моя не будетъ лишена и шестого качества. Если она согласится выйти за Цыдзыка, то я выложу ей на столъ шестьсотъ рублей приданаго....

Тутъ онъ оборвалъ, опустилъ голову, помолчалъ немного, потомъ продолжалъ тихимъ голосомъ:

— Хотя нѣкоторыя особы (онъ искоса посмотрѣлъ на старшую сестру) утверждаютъ противное, я однакожъ того мнѣнія, что наимладшей сестрѣ всего больше отъ меня слѣдуетъ; она осталась совсѣмъ маленькой, чуть-чуть отъ земли ее видать было; умирающіе родители мнѣ ее поручили и я ей почти отцомъ былъ...

Его голосъ задрожалъ, глаза стали влажными;

вытеревъ ихъ кулакомъ, онъ быстро поднялъ голову и продолжалъ ускореннымъ темпомъ:

— Шестьсотъ рублей приданаго она отъ меня получитъ наличными, три коровы пусть она себѣ выберетъ у меня изъ хлѣва, а насчетъ женскихъ тряпокъ позаботятся старшія сестры, но и въ этомъ я имъ помогу.

Теперь онъ говорилъ очень громко, голову держалъ высоко и съ энергичнымъ жестомъ кончилъ:

— Такъ я обѣщаю и обѣщаніе свое исполню, хотя мнѣ это, быть можетъ, и будетъ трудно. Но когда бѣжитъ, то бѣжитъ, а когда падаетъ, то лежитъ. Вотъ у меня каково!

И, оглядѣвшись кругомъ, онъ крикнулъ:

— Салюся!

Скрестивъ на груди руки, что придавало всей ея фигурѣ выраженіе энергіи, она приблизилась и стала у стола; она теперь олицетворяла собой несомнѣнно два пресловутыя качества. Красота ея, по вѣрному выраженію Ясмонта, была очевидна для всѣхъ, а благовоспитанность выразилась въ относившемся къ сватy граціозномъ поклонѣ и любезной улыбкѣ, насильно вызванной на уста; облекая свои слова въ вѣжливую форму, она отвѣтила:

— За оказанную мнѣ честь и за любезность я очень признательна Цыдзику. Но я уже обручена и кромѣ своего жениха никому ничего обѣщать не могу.

Константинъ весь затрясся отъ гнѣва. Онъ былъ увѣренъ, что Салюся, ослѣпленная блескомъ достоинствъ искателя ея руки и щедростью брата, сопротивляться не станетъ. Но чѣмъ больше былъ блескъ, тѣмъ и сильнѣе и упрямѣе сопротивлялась она.

Стоявшая тутъ же за нею Панцевичъ, отъ гнѣва или, или въ видѣ предостереженія, ткнула ее кулакомъ

въ бокъ, зятья заохали и заворчали, а Конецъ ей шептала на ухо:

— Салька! Бойся Бога! Такое счастье!

Лишь тотъ, кто, казалось бы, долженъ былъ больше всѣхъ обидѣться и растеряться, а именно сватъ, сохранилъ полное спокойствіе и самоувѣренность. Глядя на дѣвушку дружескимъ, немного плутоватымъ взглядомъ, и поводя толстыми пальцами по столу, онъ началъ съ усмѣшкой:

— О томъ, что Салюся обручена, дошли слухи и до насъ, но, не взирая на это, мы сюда пріѣхали въ надеждѣ, что эти узы могутъ быть расторгнуты и что могутъ быть созданы новыя. Я о женихѣ Саломеи ничего дурного не знаю и не скажу. Можетъ быть, онъ и хорошій, но при наличности лучшаго теряетъ цѣну хорошій. Если одинъ изъ жениховъ свой, а второй — чужой, — одинъ блестящая партія, а другой неважный, одинъ предоставляетъ своей подругѣ жизни всякія выгоды и довольство, а другой не имѣетъ даже такого камня, на которомъ бы онъ могъ преклонить свою голову — то который изъ нихъ лучшій?

Никто изъ присутствующихъ не сомнѣвался въ томъ, какой долженъ послѣдовать на этотъ вопросъ отвѣтъ, и нѣсколько мужскихъ и женскихъ голосовъ хоромъ отозвались:

— А какъ же! Конечно! понятно!

— Возможно, что мой женихъ и чужой, и неважный, и даже собственнаго камня не имѣетъ, но я ему дала слово и сдержу его.

Тутъ случайно ея взоръ упалъ на претендента на ея руку; онъ сидѣлъ, выпрямившись, какъ будто аршинъ проглотилъ, съ открытымъ ртомъ, вперивъ въ нее печальные, растроганные и вмѣстѣ съ тѣмъ

блестящіе глаза; казалось, сколько въ немъ было жизни, чувства, мысли — все сосредоточилось и горѣло въ этихъ глазахъ. При глуповатомъ выраженіи лица и вытянутой, какъ колъ, фигурѣ, эти влюбленные и печальные глаза были такъ смѣшны, что, несмотря на душевное волненіе и совершенно не веселое расположеніе духа, Салюся насилу удержалась отъ смѣха. Ея губы, красныя, какъ кровь, дрогнули и подбородокъ задрожалъ, но она крѣпко прикусила языкъ зубами и во-время задушила приступъ смѣха въ горлѣ. Упаси Боже, чтобъ она себѣ позволила издѣваться надъ такимъ любезнымъ и почетнымъ для нея предложеніемъ! Ясмонтъ, еще не сраженный ея отказомъ, серьезно и спокойно говорилъ, что данное слово есть вещь очень важная и со стороны Саломеи прекрасно, что она желаетъ его сдержать, но что касается брака, то лишь клятва, данная при святомъ алтарѣ, связываетъ навѣки, а пока клятва не дана, то все можно развязать прилично и тихо, не обижая никого, предоставляя какъ одной, такъ и другой сторонѣ свободный путь для поисковъ новаго счастья. Тутъ Панцевичъ перебила рѣчь свата, громко крикнувъ:

— Конечно! Этотъ господинъ можетъ себѣ найти другую жену, гораздо болѣе для него подходящую, чѣмъ Салюся. Мужичекъ, славу Богу, не мало есть на свѣтѣ!

— Если этотъ господинъ добровольно не отвяжется отъ сестры, то я ему всѣ зубы въ горло вбью, — почти зарычалъ Константинъ.

Но Салюся, метая глазами молніи, отвѣтила:

— Къ этому господину я очень привязана, но если бы я и не была къ нему привязана, слово я должна сдержать.

На этотъ разъ и Ясмонтъ обезпокоился. Онъ насупилъ густыя, рыжеватыя брови и задумался. Въ свѣтлицѣ закипѣло, какъ въ горшкѣ.

Громкаго шуму при постороннихъ и въ такую торжественную минуту дѣлать нельзя было. Мужчины перешептывались другъ съ другомъ:

— Бабье баловство!

— Вотъ какъ она разупрямилась!

— Штучка! Можно позавидовать тому, кто ее возьметъ!

Константинъ, стоя за сестрой, дергалъ ее за рукавъ и шепталъ, какъ ему казалось, тихо, но на самомъ дѣлѣ бѣшено и громко:

— Салюся! Образумься, или я, ей Богу, отрекусь отъ тебя, ни гроша не дамъ, на порогъ не пущу!

Сестры вздыхали, стонали, шептались, но Салюся стояла, какъ столбъ, ничего, казалось, вокругъ себя не видѣла и не слышала, лишь алая краска покрыла ея щеки и изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ выкатились двѣ слезинки. Ясмонтъ поднялъ голову, глубоко вздохнулъ и, любезно улыбаясь, проговорилъ:

— Хотя насъ тутъ самымъ неожиданнымъ образомъ сконфузили, мы однако свое дѣло проиграннымъ не считаемъ.

Ничего! Наше не уйдетъ! Подождемъ! Цыдзикъ не будетъ въ накладѣ, если дастъ такой хорошей дѣвушкѣ нѣкоторое время на размышленіе.

Правда, тоскливо ждать рѣшенія своей судьбы, но терпѣливые въ рай попадаютъ. Будемъ терпѣливы! Намъ все равно отсюда нужно ѣхать въ Богатыревичье: мнѣ осмотрѣть наслѣдство моей жены, Цыдзику посѣтить родственниковъ. На обратномъ пути, такъ или иначе, намъ тутъ по дорогѣ, такъ

къ пусть Константинъ Осиповичъ, проститъ ча-
ыхъ гостей, но завтра въ это самое время мы
ять навѣдаемся, чтобъ еще разъ обратиться къ ра-
му и доброму серцу Саломеи.

— Пожалуйста, покорнѣйше просимъ! Съ нетер-
ѣніемъ будемъ ждать такихъ милыхъ гостей, — ото-
ались всѣ, и лица у всѣхъ озарились радостью по
воду того, что дѣло еще не окончательно раз-
роено. И хитрый же этотъ Ясмонтъ! Кажется, мало
умалъ, а какъ хорошо выдумалъ! Ночь и день!
ого времени! кто знаетъ? Авось до завтрашняго
чера къ этой упрямой козѣ возвратятся умъ и са-
олюбіе. Панцевичева со свойственной ей быстротой
хря принесла изъ кухни двѣ дымящіяся миски, изъ
торыхъ слышалось пискливое шипѣніе дожарива-
агося сала. Гостей стали просить къ столу, но Яс-
онтъ съ шапкой въ рукахъ всталъ изъ-за стола,
олкнулъ Цыдзика локтемъ въ бокъ, чтобы и онъ
ѣлалъ то же, и началась церемонія. Свату и же-
ху, получившимъ отказъ, не приличествовало ѣсть
въ особенности пить въ домѣ невѣсты, но съ дру-
й стороны, отказъ не былъ еще признанъ ни сва-
мъ, ни семействомъ невѣсты, и до завтра могло
ть принято совершенно иное рѣшеніе. Притомъ
ъ мисокъ вмѣстѣ съ паромъ шли ароматы, дра-
ившіе вкусъ и весьма много обѣщавшіе; поэтому
ончилось тѣмъ, что оба сѣли обратно къ столу и
ялись за ѣду съ большимъ аппетитомъ, наглядно
оказывавшимъ, что они ни чуть не предаются горю
отчаянію.

Однакоже выпить что-либо Ясмонтъ ни за что
согласился, и Цыдзикъ и въ этомъ послѣдовалъ
о примѣру. Затѣмъ, поговоривъ еще во время ѣды
томъ, о семъ, сватъ всталъ и заявилъ, что пора со-

браться въ дорогу, тѣмъ болѣе, что придется пере-ѣзжать Нѣманъ на перевозѣ, а это требуетъ осто-рожности.

Со всѣми онъ прощался любезно, но любез-нѣе всего съ Салюсей, у которой поцѣловалъ руку и, заглянувъ ей глубокимъ и довольно долгимъ взгля-домъ въ глаза, тихо проговорилъ:

— Такой цвѣтокъ прикрѣпить къ кожуху — эт-грѣхъ передъ Богомъ и людьми!

Наконецъ, у самыхъ дверей, онъ еще разъ обер-нулся ко всѣмъ и съ шапкой въ рукѣ поклонилс-со словами:

— Миръ этому дому!

— И тому, кто говоритъ! — также кланяясь-хоромъ отвѣтили женщины.

Нѣсколько минутъ спустя Салюся стояла въ се-рединѣ свѣтлицы, до того окруженная и стиснута-со всѣхъ сторонъ сестрами, что ее едва было видно-изъ-за нихъ.

Они обнимали ее за плечи и талію, цѣловали-ласкали, грозили, просили и умоляли.

— Почему ты, Салюся, насъ всѣхъ такъ огор-чаешь?

— Развѣ ты можешь чужого человѣка цѣнить-выше родныхъ, выше родного дома и родной сто-роны?

— Еще счастье, что Ясмонтъ такой умный чело-вѣкъ; если бы не это, ты бы уже погибла..

— Брата и сестеръ за деньги не достанешь и-мужъ тебѣ ихъ не замѣнитъ, особенно такой!

Даже Коньцева, въ продолженіе дня и, особенно-со времени пріѣзда сватовъ, перешедшая на сторону-семьи, уговаривала:

— За него не бойся! Онъ скоро утѣшится!

Право! Я тебѣ раньше этого не говорила, но я знаю, что онъ большой вѣтренникъ. Онъ скоро влюбляется — вѣрно, скоро найдетъ себѣ другую.

— Ты о себѣ заботься, — говорили другія. — Ни кола, ни двора у тебя не будетъ, будешь на чердакѣ дышать, отъ слезъ въ гробъ сойдешь и восьмеро твоихъ дѣтей съ тобою!

Изъ середины болтающей кучки послышался голосъ Салюси, съ отчаяніемъ спрашивающей:

— Почему восьмеро дѣтей? Вотъ ужъ непремѣнно и восьмеро! У тебя самой лишь трое, а у Марыльки двое...

— Это ничего, что у меня всего трое, у тебя будетъ восемь человѣкъ дѣтей, навѣрное восемь, какъ Богъ святъ, восемь!

— Куда ты ихъ дѣнешь, когда у него нѣтъ ни земли, ни хаты, а братъ тебѣ ни гроша не дастъ.

— Ты бы вотъ лучше брата поблагодарила, руку бы ему поцѣловала за то, что онъ по отношенію къ тебѣ такой щедрый, какимъ для насъ никогда не былъ, и воспользовалась бы его лаской.

— Я и поблагодарю его! — воскликнула Салюся и, вырвавшись изъ стиснувшей ее кучки, стрѣлой полетѣла къ Константину, который стоялъ у окна, ни во что уже не вмѣшивался и, бѣшено крутя усы, какъ будто небрежно посвистывалъ: фью! фью! фью! Салюся подбѣжала къ нему и расцѣловала его въ обѣ щеки, говоря:

— Спасибо, Костусь, спасибо! За твои добрыя желанія, за то, что жалѣешь меня, за твою ласку и доброту, за все спасибо!

Онъ ее будто отталкивалъ, будто отворачивался отъ нея сердитый, но украдкой исподлобья слѣдилъ за чертами ея лица и замѣтивъ, что она въ дѣй-

ствительности благодарна и растрогана, онъ ее также нѣсколько разъ поцѣловалъ и спросилъ:

— А завтра ты будешь вѣжлива и любезна? Будешь умна?

Въ эту минуту изъ кучки женщинъ выскочила молодая, худенькая, желтоволосая Эмилька, жена двоюроднаго брата, и, какъ самая молодая, едва достигшая восемнадцати лѣтъ, женщина, пошла вертѣться по комнатѣ, какъ юла, ударяя въ ладоши, приплясывая и припѣвая:

— А я бы не пошла! а я бы не пошла! хоть бы онъ былъ весь изъ брилліантовъ, этотъ колъ! Я бы за него не пошла!

Она вертѣлась, пока подошла къ своему мужу и сѣла къ нему на колѣни, все напѣвая:

— Если бъ Михаилъ сто разъ былъ мужикомъ и если бъ онъ сто разъ не имѣлъ своей земли, я бы за него пошла, клянусь Богомъ, ни за кого бы не пошла, только за него.

Михаилъ, обрадованный и развеселившійся, въ общемъ не принимавшій все это семейное дѣло близко къ сердцу, расхохотался на всю избу громкимъ, сердечнымъ смѣхомъ.

— Эмилька, ты бы погодила надоѣдать со своими глупостями, — крикнулъ Константинъ, а Салюся, вырвавъ у него свою руку, стрѣлой вылетѣла въ сѣни, на крыльцо, а оттуда на дворъ.

Эта глупая Эмилька и ея мужъ весь день тянули изъ нея душу. Сколько разъ она на нихъ смотрѣла, ей все представлялось, что и ей бы съ Георгіемъ могло быть такъ же точно хорошо и славно, какъ имъ. А теперь опять Михаилъ засмѣялся совсѣмъ такъ, какъ смѣялся Георгій всякій разъ, когда она ему говорила что-либо пріятное, милое. Этотъ смѣхъ,

совершенно похожій на смѣхъ Георгія, такъ проникъ ей въ самую глубину сердца, что она вылетѣла изъ избы, ни о чемъ не думая, а только чувствуя, что она должна бѣжать, куда глаза глядятъ, какъ это чувствуетъ человѣкъ, на которомъ горитъ платье. И она была вся въ огнѣ! Щеки ея, лобъ, глаза и руки горѣли. Прямо съ крыльца она выбѣжала на середину двора, какъ бы собираясь убѣжать. И дѣйствительно, стоя на серединѣ двора, она смотрѣла на дорогу, небольшая часть которой виднѣлась между довольно высокимъ заборомъ и большимъ желтымъ сараемъ. Въ ея головѣ вертѣлись мысли: о если бъ такъ умчаться по этой дорогѣ и унестись далеко, далеко, убѣжать отъ этихъ криковъ и издѣвательствъ, отъ этихъ просьбъ и этого гнѣва, отъ своихъ собственныхъ страховъ и неувѣренности! Боже! Какъ хорошо было бы, если бъ она могла полетѣть къ нему, пожаловаться ему, успокоиться, увѣриться въ своемъ рѣшеніи, какъ она была увѣрена, пока не перестала видаться съ нимъ, и люди не начали нашептывать ей разные ужасы! Отсюда только шесть миль до Ляскова: какое же значеніе имѣетъ для нея такое разстояніе, для нея, сильной, здоровой, могущей пройти Богъ знаетъ сколько миль?

Ее охватила страшная тоска и такое желаніе видѣть Георгія, отвести съ нимъ душу, что, казалось, она бы птицей полетѣла по той дорогѣ, по этимъ бѣлымъ полямъ, безлюдность, ширь и тишь которыхъ ее нисколько не пугали, такъ какъ они ей были хорошо знакомы, эти родныя поля. И теперь, ее, измученную сварливымъ шумомъ и тяготѣвшими на ея душѣ цѣпями, эти мѣста влекли къ себѣ своей тишиной и свободой. Полетѣла бы она къ нему

этими полями, какъ птица, какъ молнія и, кажется, летая, пѣла бы, какъ птица, и горѣла бы, какъ молнія, отъ радости, что летитъ къ нему — но нельзя! Приличіе и самолюбіе не позволяютъ. Такъ поступать стыдно и грѣшно; даже думать объ этомъ не слѣдуетъ.

Она отвела взглядъ отъ дороги и медленно пошла къ невысокому забору, отдѣлявшему ея родное гнѣздо отъ сосѣдняго хутора. — Ноги вязли въ снѣгу, но она на это не обращала вниманія, такъ какъ всякія дороги: снѣжныя или залитыя дождемъ, каменистыя или заросшія густой травой, были ея босымъ или обутымъ ногамъ одинаково привычны. Она даже не знала, что такое удобная и здоровая обувь, никогда и не думала о такихъ вещахъ. — Ставъ въ снѣгъ у забора, и опершись локтями объ доски, она положила подбородокъ на руку и стала присматриваться къ сосѣдней изгороди, которую хорошо видѣла, такъ какъ луна, хотя и скрытая подъ бѣлыми облаками, покрывшими все небо, бросала на землю матовый серебристый свѣтъ. Этотъ успокаивающій, однообразный свѣтъ вмѣстѣ съ тихимъ ласкающимъ воздухомъ, немного сырымъ, но такимъ спокойнымъ, умиротворяюще дѣйствовалъ на ея душу. Лишь изрѣдка легкій вѣтерокъ съ поля пролеталъ по деревьямъ и на секунду шевелилъ ихъ вѣтки. Тогда изъ-за слегка колеблющихся вѣтвей тамъ и сямъ мелькали освѣщенныя окна домовъ, откуда, впрочемъ, не доносилось ни говора, ни шума. Даже пѣтухи не пѣли, и собаки не лаяли. На неизмѣримо широкой равнинѣ, гладкой, бѣлой отъ матоваго луннаго свѣта, печальной и таинственной, рядъ неровно разставленныхъ домовъ съ оконцами, похожими на мутноватые заспанные глаза, собирался ко сну дол-

ой зимней ночи, вдали отъ шумнаго свѣта, окру-
женный снѣгомъ и деревьями.

Изъ-за низенькой изгороди Салюся видѣла домикъ
ъ двумя оконцами, скорѣе лачугу, чѣмъ домикъ,
воръ узкій, какъ закоулокъ, со всѣхъ сторонъ
тиснутый чужими заборами, съ одной маленькой
остройкой подъ сарай и амбаръ. Тѣснота и ни-
дета и вмѣсто всякаго украшенія нѣсколько тол-
тыхъ высокихъ деревьевъ.

Глядя на эту усадьбу, Салюся думала: вотъ какія
ываютъ послѣдствія, если не обращать вниманія на
овѣты людей и пренебрегать богатствомъ. Вѣдь
абрысь могъ бы, какъ и другіе, стать зажиточ-
нымъ хозяиномъ, если бы послушался людей и
удомъ отобралъ бы у брата принадлежавшую ему
емлю.

Когда онъ, прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ одномъ
ольшомъ помѣстьи, возвратился на родину и нашелъ,
то братъ ограбилъ его, завладѣвъ всѣмъ его иму-
ществомъ, всѣ ему говорили, совѣтовали, кричали на
его, чтобъ онъ брата привлекъ къ суду.

Но онъ сразу не рѣшился это сдѣлать, долго
бдумывалъ, откладывалъ, и, наконецъ, махнулъ на
се рукой, принялъ тѣ нѣсколько морговъ земли,
которые ему братъ добровольно уступилъ, выстро-
илъ себѣ эту лачужку и уже навсегда отказался отъ
уда и отъ своей земли. На упреки людей онъ
бъяснялъ свой поступокъ разно: у брата нѣсколько
ловѣкъ дѣтей и хотя его братъ теперь и обидѣлъ,
однакоже раньше кормилъ и воспитывалъ его; если
онъ съ братомъ поссорится, то останется одинокимъ,
какъ какъ, кромѣ еще одной сестры, у него родныхъ
нѣтъ.

Надъ всѣми этими соображеніями люди смѣялись

и вотъ тогда и наградили его прозвищемъ „глупый Габрысь“.

Но онъ и послѣ этого еще надѣлалъ много глупостей.

Въ томъ большомъ помѣстьи, куда братъ еще подросткомъ опредѣлилъ его на службу, мѣсто у него было очень выгодное, и если бъ онъ тамъ остался, то могъ бы скопить порядочныя деньги. Но онъ это мѣсто бросилъ изъ-за того, что старшіе служащіе обращались съ нимъ грубо. Онъ вернулся на родину, говоря, что предпочитаетъ хлѣбъ и воду у себя дома всѣмъ выгодамъ, связаннымъ съ униженіями и обидой.

И за это также люди его не похвалили, такъ какъ извѣстно, что служба не дружба и всегда служащему приходится кое съ чѣмъ мириться, надѣясь на лучшее будущее. А грѣшно и глупо быть такимъ гордымъ, чтобъ ради личной своей свободы отказаться отъ матеріальныхъ выгодъ.

Потомъ... но то, что онъ потомъ сдѣлалъ, перешло всякія границы. На службѣ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ, ему удалось сберечь нѣкоторую сумму, хотя и не большую, рублей около двухсотъ. Ему, обобранному братомъ, имѣющему всего нѣсколько какихъ-нибудь жалкихъ морговъ земли, эти деньги могли превосходно пригодиться. — Онъ и самъ въ этомъ направленіи строилъ всякіе планы; можно вторую коровку купить, кованную бричку, можно пріобрѣсть молодыя фруктовыя деревья и развести небольшой садикъ. Но вдругъ пріѣхала сестра, та, которая замужемъ за мельникомъ, въ полутора миляхъ отсюда и такъ стала просить его и умолять: одолжи мнѣ свои деньги, одолжи, да одолжи; мельница у насъ старая, ее нужно по-

линить, а у насъ не изъ чего и мы съ дѣтьми гибнемъ. Сначала онъ противился, отказывалъ, указывалъ сестрѣ на собственную бѣдность, но когда она все-таки не отставала, сидѣла надъ нимъ и не переставала плакать и стонать, — онъ ей отдалъ свои деньги, конечно, и не надѣясь получить ихъ обратно. — Словомъ, свои послѣдніе гроши онъ отдалъ сестрѣ. — Тогда люди уже не могли его видѣть безъ смѣха, и прозвище глупаго Габрыся такъ и упрочилось за нимъ. — Но онъ какъ будто мало заботился объ этомъ и послѣ того еще раза два поступилъ изъ томъ же духѣ: во-первыхъ, онъ взялъ къ себѣ изъ свою лачужку старую, больную и сварливую тетку, которой пришлось бы иначе пойти по міру, такъ какъ ее никто держать у себя не хотѣлъ, и затѣмъ онъ не захотѣлъ жениться на очень богатой, но старой и некрасивой невѣстѣ. Сама Панцевичева сватала ему эту невѣсту. Хотя вслѣдствіе его глупыхъ выходокъ всѣ и стали относиться къ нему съ презрѣніемъ, однако же она все-таки считала необходимымъ спасти родственника, помогая ему въ бѣдѣ, чѣмъ могла. — Приличная невѣста съ приданнымъ не пошла бы за него, такъ она ему нашла старую, безобразную, но богатую. Но онъ — ни за что! На что мнѣ? — говоритъ. Мнѣ и такъ хорошо. Я не рабъ, чтобъ меня кто-либо, хотя бы и за самую большую цѣну могъ купить! Такъ онъ и остался одинокъ и бѣденъ, такъ бѣденъ, что крѣпкихъ подметокъ на сапоги не на что было поставить. Жизнь ему красятъ лишь животныя, цвѣты, да скрипка.

И какой же прокъ отъ такого житья? Ни выгодъ, ни удовольствія, ни почета. — Одна корова, одна жалкая кляченка, нѣсколько куръ, которыхъ тетка кормитъ. Придетъ онъ куда-либо, его и не замѣ-

чаютъ, и сѣсть не попросятъ. Заговоритъ онъ и, не выслушавъ еще, всѣ уже смѣются, такъ какъ впередъ извѣстно, что глупый Габрысь ничего умнаго не скажетъ. Вотъ почему онъ уже давно никуда не ходитъ и ни въ какой разговоръ не вмѣшивается. Если онъ по дѣлу или по какой-либо другой причинѣ отправляется куда-нибудь, то усаживается у самой двери, чтобъ никому ке быть помѣхой и молчитъ; ѣсть въ гостяхъ даже одной крупинки попробовать не соглашается, очевидно, чтобъ тѣ люди, которые надъ нимъ издѣваются и презираютъ его, не думали, что онъ голоденъ и нуждается въ ихъ хлѣбѣ. Есть и у него своя амбиція! И еще какая! Я бѣденъ, оттого, что бѣденъ, — говорилъ онъ, — глупъ, такъ глупъ, но попрошайкой я никогда не буду, хоть бы я съ голоду умиралъ! Бѣденъ и глупъ Габрысь, но онъ добръ! Салюся его всегда очень любила и много разъ убѣждалась въ его добротѣ. Когда онъ вернулся со службы и скоро затѣмъ получилъ прозвище „глупый Габрысь“, она была еще маленькой дѣвочкой. Когда онъ началъ строить свою лачужку тутъ подъ самымъ заборомъ ея брата, онъ ее часто звалъ къ себѣ, вырѣзывалъ ей разныя игрушки, ставилъ загородки изъ камушковъ, сажалъ ей огородъ, а потомъ высказывалъ ея брату желаніе быть ея учителемъ и съ его согласія училъ ее читать и писать. Это послѣднее ему не особенно удалось, — онъ слишкомъ ее любилъ и не могъ особенно строго съ нея взыскивать. Все-таки она ему благодарна, что хоть что-нибудь знаетъ. Опустивъ лицо на ладонь, Салюся задумалась: — если бъ Габрысь вмѣсто этой лачуги имѣлъ красивый домикъ и вмѣсто маленькаго клочка земли большую усадьбу, люди бы его никогда глупымъ не на-

ивали и всѣ бы цѣнили его доброту. Хотя, ко-ечно, никому и въ голову не придетъ хвалить того, то судится съ роднымъ братомъ или пускаетъ по ру старую тетку, или женится на старой, безобразной, но богатой невѣстѣ, но если бъ Габрысь все то продѣлалъ и былъ бы богатъ, люди бы его хва-ли и уважали. Вотъ что значитъ богатство! Оно етъ не только достатокъ и удобства, но и почетъ, уваженіе.

Богатство не только защищаетъ человѣка и обе-гаетъ его отъ голода, но и предохраняетъ отъ олѣе страшнаго — отъ презрѣнія и униженія. Ни-то не можетъ такъ высоко поднять человѣка и безпечить ему спокойствіе до самой смерти, какъ огатство; и ничто не вызываетъ со стороны людей олько насмѣшекъ, какъ отказъ человѣка, по какой то ни было причинѣ, отъ богатства. — Вотъ каковъ ѣтъ! И Боже мой, Боже, почему это свѣтъ таковъ?

Погруженная въ размышленія о всемъ этомъ, ложнившемъ ея жизнь, она не слышала тихихъ аговъ человѣка, который вышелъ изъ лачужки и, мѣтивъ облокотившуюся объ изгородь Салюсю, правился къ ней.

Онъ шелъ по снѣгу почти неслышно, оттого, что оги его были обуты не въ сапоги, а въ толстыя, олотняныя тряпки. Одѣтый въ длинный, ниже ко-ѣнъ, балахонъ, безъ шапки, онъ подошелъ къ дѣ-шкѣ и тихо проговорилъ:

— Добрый вечеръ, Салюся!

Она подняла голову и улыбнулась ему. Она чув-вовала такую сильную необходимость высказаться редъ кѣмъ-нибудь, пожаловаться какой-нибудь преданной, спокойной душѣ, что видъ Габрыся ее ссказанно обрадовалъ.

— Какъ хорошо, что ты, Габрысь, сюда пр
шелъ, — воскликнула она, — не посовѣтуешь ли т
какъ мнѣ быть? Я такая бѣдная, бѣдная, несчастна

И, заломивъ руки, она стала быстро и тихо ше
тать:

— Что мнѣ дѣлать, скажи! они меня такъ м
чатъ, такъ терзаютъ, пугаютъ и стыдятъ! Ихъ л
послушать или данное слово держать? Отказать
отъ семьи и имущества? Или его бросить? Ахъ н
могу я рѣшиться ни на одно, ни на другое! Посс
вѣтуй мнѣ, Габрысь! Мой дорогой, золотой Габрыс
посовѣтуй мнѣ что-нибудь, помоги ты мнѣ какъ-ни
будь! Я такая ужъ несчастная, что и не знаю, чт
будетъ со мною!

Стоя по ту сторону изгороди, онъ слушалъ е
жалобы, опустивъ голову и оперевъ ее на ладони

Послѣ довольно долгаго молчанія, онъ заговс
рилъ медленно и съ глубокой скорьбю.

— Что жъ я тебѣ посовѣтую? Какъ мнѣ тут
совѣтовать? Если сердца послушаешься, то сойдеш
съ дороги, свернешь съ прямого пути и плохо теб
будетъ на свѣтѣ жить — тѣмъ людямъ, которы
сворачиваютъ съ пути и уходятъ въ сторону, всегд
плохо живется на свѣтѣ.

Она утвердительно и сочувственно кивнула го
ловой.

— Ты, вѣдь, это на себѣ испыталъ?

— Конечно, — отвѣтилъ онъ коротко.

— Такъ какъ же, — крикнула она, — бросить мн
его?..

И не могла окончить, такъ какъ слезы сдавил
ей горло.

Она сплела руки надъ головой и, борясь съ рвав
шимися изъ груди рыданіями, зашептала дальше:

— Я его никогда не забуду... никогда не за-
ду... не забуду...

Онъ съ сомнѣніемъ въ голосѣ замѣтилъ:

— Этого нельзя знать. Солнце заходитъ и вос-
дитъ. Можетъ быть, тебѣ другое солнце будетъ
ъ же свѣтить, какъ это.

— Ахъ, Габрысь, ты такъ говоришь, оттого, что
знаешь его и не знаешь, какой онъ красивый,
ный, добрый!

Возможность говорить о немъ съ кѣмъ-либо, въ
мъ она была увѣрена, кто ее слушалъ безъ непрі-
ни и издѣвательства, доставляла ей облегченіе,
чти радость.

И она быстро, безъ передышки продолжала
птать:

— Особенно добръ; знаешь, Габрысь, я даже не
едставляла себѣ, что на свѣтѣ можетъ существо-
ть такой добрый человѣкъ. Не знаю, какъ къ
угимъ, но ко мнѣ онъ былъ такъ добръ, что я
дчасъ Бога благодарила за то, что онъ помогъ
ѣ встрѣтить такого добраго человѣка. Понрави-
сь я ему, и онъ мнѣ понравился сразу съ перваго
гляда. Вскорѣ онъ сталъ приходить къ Коньцамъ,
къ какъ Коньца онъ зналъ и раньше. Анулька
приглашала, принимала его любезно, говорила,
о на такого красиваго парня и замужней женщинѣ
смотрѣть пріятно. Мы съ нимъ сейчасъ и знали,
о между нами что то есть: я не хотѣла вернуться
мой, и онъ также не ѣхалъ къ своимъ роднымъ,
тя военную службу уже кончилъ. Онъ не гово-
лъ еще ни слова, молчала и я. Но вдругъ всѣ
ти Анульки страшно расхворались и такой ужасъ,
ре, несчастье завелись въ нашемъ домѣ, что не
й Богъ. Тогда я стала пособлять Анулькѣ, и онъ

мнѣ помогалъ. Не зналъ ни сна, ни ѣды, ни малѣйшаго развлеченія. Вѣчно былъ на ногахъ, хлопоча для насъ. Онъ сталъ нашимъ посыльнымъ, нашимъ слугой, фельдшеромъ, утѣшителемъ, товарищемъ. Бывало, я ему говорю: „Прогуляйтесь хоть немного!“ А онъ только плечами поведетъ: „Будетъ время гулять, когда минетъ бѣда!“ говоритъ. Тогда ужъ я почувствовала, что привязалась къ нему навѣки. Тогда то, въ одну такую ночь, когда самъ Конецъ, заразившись этой самой болѣзнью, захворалъ и Анулька была при немъ, а мы оба сидѣли при ихъ бѣдномъ сыночкѣ, который послѣ умеръ, онъ мнѣ все сказалъ. Когда уже всѣ несчастья кончились, мы свѣдома и разрѣшенія обоихъ Коньцовъ обручились, и онъ мнѣ одѣлъ на палецъ вотъ это кольцо... Боже мой, Боже! Могла ли я тогда подумать, что я буду такъ несчастлива и такъ далеко отъ него?

Она показала Габрысю маленькое колечко съ жемчужиной, которое носила на пальцѣ, и затѣмъ заговорила дальше:

— Разъ и я немного похворала, недолго, всего три дня, но у меня былъ такой жаръ, что пришлось лечь. И, повѣришь ли, Габрысь? — когда, бывало, Анулька въ сумерки въ другой комнатѣ занята около дѣтей — онъ стоитъ на колѣняхъ у моей кровати и цѣлуетъ мнѣ ноги.

Она, всхлипывая, опустила лицо на руку, не замѣчая, что человѣкъ, стоявшій передъ нею по другую сторону изгороди, вздохнулъ тихо, но такъ тяжело и глубоко, что грубый балахонъ на его груди зашевелился. Салюся стала нащупывать за лифомъ зашелестѣвшую тамъ бумагу.

— Вотъ сегодня, передъ самымъ отъѣздомъ, я отъ него получила письмо, отвѣтъ на мое сообще-

ее, что братъ сердится и грозитъ, что ни гроша риданаго не дастъ мнѣ. Такъ онъ на это сообще-ее отвѣчаетъ мнѣ: „Ты не заботься о томъ, что не олучишь приданаго. Мнѣ твоего приданаго не ужно. Я тебя хоть въ одной рубахѣ возьму и еще уду себя считать счастливымъ, что ты все полу-шь отъ меня одного“. Вотъ какой онъ! И какъ лѣ отъ него отказаться, скажи! Какъ мнѣ его быть? И какъ его промѣнять и получить вмѣсто го эту дубину...

Тутъ, несмотря на полные слезъ глаза, она засмѣ-ась:

— Ахъ, Боже! Какой же смѣшной, этотъ Цы-икъ! Какой неуклюжій! Такая незрѣлая трава. И итомъ я вѣрно года на три старше его.

— Навѣрное! — подтвердилъ Габрысь, — недавно уу исполнилось девятнадцать лѣтъ. Я это знаю вѣрно.

И послѣ минутнаго молчанія онъ очень плохо, трудомъ выговорилъ:

— Такъ иди, куда тебя зоветъ сердце, Салюся!.. е обращай вниманія ни на что, не бойся ничего, и, куда сердце зоветъ.

Но она опять оперлась объ изгородь, низко опу-ила голову и стала говорить шепотомъ, въ кото-мъ слышались сожалѣніе и нерѣшимость:

— Тебѣ, Габрысь, хорошо говорить. А мнѣ дь жаль своей семьи. Братъ ко мнѣ очень добръ, сестеръ такихъ и во всемъ свѣтѣ не найду. Они ъ меня откажутся, и моя нога уже никогда не детъ въ этомъ домѣ, гдѣ я родилась и выросла...

Она почувствовала жалость къ самой себѣ и едва ержала готовый политься потокъ слезъ.

— Притомъ мнѣ очень стыдно, когда люди издѣ-

ваются надъ его неблагороднымъ происхожденіем
и страхъ меня беретъ, когда подумаю, что у не
нѣтъ ни кусочка земли, ни своего дома, ни да
камня, который бы онъ могъ положить себѣ по
голову. Если онъ, сохрани Боже, лишится дол
ности, что тогда будетъ? Придется тогда вѣчно бл
ждать по свѣту со своими узелками. Нищета
позоръ. А этотъ Цыдзикъ изъ такой хорошей сем
и такой богатый... И Константинъ мнѣ такъ мно
дастъ, если я за него пойду, вдвое больше, чѣм
онъ далъ сестрамъ... Подумай, что это значит
всю жизнь имѣть свой домъ, свою землю, свое пр
даное, жить въ мирѣ съ семьей и имѣть почетъ
уваженіе со стороны другихъ! Ахъ, почему же он
не изъ такой семьи и не такой богатый? Боже мо
Боже, какая бы я была счастливая, если бы так
было! А теперь я сама не знаю, что мнѣ дѣлать
по какому пути пойти. Какой-то мракъ окутал
мое сердце и, кажется, будто кто-то яростно рвет
его на части. Когда я только подумала, что завтр
опять эти сваты пріѣдутъ...

Она заливалась слезами, но дѣлала это тихонько
можетъ быть, потому, что не хотѣла, чтобъ кто-либ
въ домѣ подсмотрѣлъ и подслушалъ ея разговоръ с
Габрысемъ.

Онъ долго молчалъ, потомъ медленнымъ, мягким
жестомъ сталъ ладонью гладить ея низко опущен
ную голову и задумчиво, медлительно выговорилъ

— Возноситься хочется, хочется почета, лести
вѣрной обезпеченности...

Онъ оборвалъ свою рѣчь, какъ будто сожалѣя
сказанномъ, и съ грустью покачалъ головой.

— Ничего я тебѣ не могу совѣтовать, ничего не
посовѣтую. Я лишь желаю, чтобъ тебѣ было хорошо

гдѣ и въ чемъ добро твое, не могу угадать. Себя
ого я такъ устроилъ, что совѣтовать другимъ мнѣ
зѣсть не позволяетъ. Люди прозвали меня глу-
мъ, возможно, что я и въ самомъ дѣлѣ глупъ.
ало быть, не совѣтчикъ я. Въ одномъ только я
ѣренъ, что послушаешься ли ты своего сердца, или
йдешь, куда тебя влечетъ твое честолюбіе, я тебя
ждать не стану, оттого что у меня есть лишь
но желаніе — чтобъ тебѣ было хорошо...

Потомъ онъ почти шопотомъ добавилъ:

— Ни о чемъ другомъ я не мечтаю и никакихъ
льше желаній у меня нѣтъ... Никакихъ!

IV.

Большой широкій дворъ въ Лясковѣ былъ по-
лъ движенія и шума. Гулъ голосовъ множества
олнявшихъ его людей и животныхъ сливался съ
ссой другихъ разнообразныхъ звуковъ. Изъ нихъ
обенно выдѣлялся шумъ отъ проходившей въ ригѣ
лотьбы, протяжный, низкій, ни на минуту не пре-
щавшійся и только время отъ времени ослабѣ-
шій, чтобы потомъ снова усилиться до громовыхъ
катовъ. Въ ворота въѣзжали и со скрипомъ тя-
лись по двору ряды саней, наполненныхъ дере-
гъ, только что набраннымъ въ свѣжевыкорчеван-
тъ лѣсу. Это были длинные сосновые пни и
вна, на которыхъ торчали широко во всѣ сто-
ы иглистыя вѣтви, украшенныя шишками. Стукъ
. паденія сваливаемаго на землю дерева соединялся
скрипомъ пилъ и ударами топоровъ, которые,
ымаясь и опускаясь, бросали острый холодный
лескъ на высоко поднимавшіяся кучи сложенныхъ
сенями дровъ, предназначенныхъ для топлива.

Большое колесо колодца то и дѣло вертѣлось, доставая изъ глубины ведра съ водой и наполняя корыто, къ которому подходили множество красивыхъ, сытыхъ лошадей и другихъ животныхъ. Люди звучными голосами перекликались и звали одинъ другого; на рѣкѣ, за тополями нѣсколько человѣкъ дѣтей, съ громкими криками скользили по льду. Собаки съ лаемъ окружали каждыя показывавшіяся въ воротахъ сани, послѣ чего съ быстротой молніи бросались обратно къ кухнѣ и пекарнѣ, трубы которыхъ выбрасывали клубы дыма, и изъ дверей которыхъ, каждую минуту отворявшихся, вырывался запахъ ржаного хлѣба и яркое пламя горѣвшаго въ печи огня. Движеніе, жизнь, достатокъ, трудъ безъ усталости — это были характерныя свойства, управляемаго Флорьяномъ Кулешей, маленькаго царства, гдѣ веселье, точно такъ же какъ и трудъ, были вещи для каждаго обязательныя, сами собой понятныя. Между голубымъ небомъ съ блѣдно-желтымъ солнечнымъ дискомъ посерединѣ и искрящейся блестками землей, сверкающей алебастромъ и окаймленной чернымъ вѣнкомъ лѣсовъ, въ морозномъ чистомъ воздухѣ звучали аккорды человѣческой жизни, торжествующей надъ смертью природы, аккорды людскихъ усилій и надеждъ, побѣждающихъ холодъ и суровость ея.

Въ открытыхъ воротахъ риги показался Флорьянъ Кулеша, румяный, съ поблескивающими изъ подъ барашковой шапки глазами, въ короткомъ, облегавшемъ его фигуру кожухѣ и высокихъ сапогахъ, сильный, бодрый и ловкій. Въ темноватой глубинѣ риги, среди закромовъ, еще до половины заполненныхъ, издававшихъ запахъ сухого колоса и зелени, онъ оставилъ машину, которая ворча, шумя и стуча

ъ одной стороны выбивала изъ отданныхъ ей на ертву сноповъ ржи твердый градъ зеренъ, а въ ругую отбрасывала шелестящій дождь помятой со-омы. Зерна падали чистыя, ровныя, узкія, солома агромождалась въ огромныя кучи, и вслѣдствіе этого лорьянъ Кулеша былъ въ отличномъ настроеніи и мѣлъ видъ человѣка совершенно удовлетворен-аго. Потирая озябшія руки, онъ, оглядывая дворъ, асмотрѣлся въ ту сторону, гдѣ сбрасывали съ са-ей привезенное дерево, очищали его отъ шишекъ, илили, кололи. Гей, закипѣла работа, уберутъ на-сонецъ это дерево, причинявшее ему столько хло-отъ и огорченія! При прежнемъ старшемъ лѣсни-емъ онъ никакъ не могъ добиться доставки во ремя и надлежащаго качества топлива и матеріала ля ремонта хозяйственныхъ построекъ. Онъ напо-инялъ, просилъ, ссорился, даже жаловался: ничего е помогало, а убытковъ и неудобствъ, довольно увствительныхъ и очень непріятныхъ, изъ-за этого ыходило не мало. Теперь все пошло по иному: се дѣлается быстро, весело, аккуратно, какъ нужно и когда нужно. Этотъ молокососъ отлично пони-аетъ свое дѣло, а, вѣдь, онъ еще вдобавокъ и чится этому дѣлу, цѣлыми вечерами сидитъ согнув-шись за книжками, которыя выпросилъ себѣ въ лавномъ управленіи княжескихъ лѣсовъ. Очень ужъ онъ охочъ къ труду, да и амбиція же у него и она со, т. е. амбиція толкала бы его впередъ, даже если бъ на него вдругъ и напала лѣнь. О своей будущности онъ, кажется, имѣетъ не кой-какое пред-тавленіе, и будетъ она, вѣроятно, не кой-какая. Третьяго дня онъ вдругъ во время ужина говоритъ: „Если бъ я окончилъ учебное заведеніе... Го! го! Но ничего! Можно и самому многому научиться,

были бы лишь способности и охота. Ужъ я знаю, что тамъ, въ правленіи, моими рапортами довольны, такъ я имъ Лясковскій лѣсъ такъ устрою, чтобъ они меня въ два три года въ свои большіе лѣса перевели...

И сказавъ это, онъ быстро вскочилъ изъ-за стола и, такъ какъ ужинъ уже кончился, крикнулъ:

— Аврелія! Зофья! Каролина! Четыре угла, а печка пятый!

Дѣвушки въ одинъ мигъ оказались въ трехъ углахъ, но Антекъ куда-то пропалъ, такъ, — Господи, помилуй! какъ дикія птицы схатили онѣ мать, прося, чтобъ она была четвертымъ угломъ. Она стонала, пищала, но стала въ уголъ и давай бѣгать, удирать отъ печки, стоявшей посерединѣ комнаты, съ распростертыми руками. Бѣгая по комнатѣ, она не переставала стонать и пищать, что при ея маленькой и тоненькой фигуркѣ дѣлало ее похожей на мышь. Кулеша думалъ, что лопнетъ со смѣху, наконецъ, ему стало жаль жены, достаточно натоптавшейся за день, и, усадивъ ее на стулъ, онъ самъ сталъ бѣгать. Ну, ужъ это была бѣготня! Окна тряслись и звенѣли и, удивительная вещь! печкѣ ни разу не удалось словить его. Попадались лишь дѣвицы, всѣхъ чаще Аврелька. Понятно, молодому человѣку, хотя онъ и обрученъ, и влюбленъ, все-таки интереснѣе завертѣть мельницу съ дочерью, чѣмъ съ отцомъ. Но въ этомъ нѣтъ ничего ни дурного, ни неприличнаго, избави Богъ! онъ очень вѣжливъ, деликатенъ, никогда никого не обидитъ, а Аврелька уже, кажется, выбила себѣ амуры изъ головы, если они тамъ когда-либо существовали; впрочемъ это могло, пожалуй, быть лишь плодомъ фантазіи матери, любившей вездѣ видѣть бѣду и обо

семъ постонать и попечалиться. Съ нею всегда
акъ бывало: родится дочка, стонетъ, почему не
инъ? Появится на свѣтъ сынъ, опять стонетъ: по-
ему не дочка? Неурожай — стонетъ: погибнемъ
тъ нищеты! Урожай, опять стонетъ: что будетъ въ
лѣдующемъ году? Захвораетъ кто-либо, стонетъ:
жъ вѣрно помретъ! Всѣ здоровы, она все-же сто-
етъ: а что, если кто захвораетъ? Вотъ такъ и
перь насчетъ Аврельки: „худѣетъ, печальна, аппе-
итъ потеряла". Сложитъ, бывало, руки на колѣ-
ихъ и вздыхаетъ: „Ахъ, Боже мой, Боже до чего
еловѣка можетъ довести любовь безъ взаимности!"
спомнила! какъ разъ ей время о любви безъ взаим-
ости думать! Но ужъ таковы эти бабы, какія бы
нѣ ни были хорошія, дѣльныя, у нихъ всегда ро-
аны въ головѣ. А между тѣмъ дѣвушка здорова,
акъ рыба, красна, какъ роза, и ѣстъ, какъ родная
очь Флорьяна Кулеши, а въ игрѣ въ четыре угла
печку бѣгаетъ такъ, что подъ нею полъ трясется.
правда, она съ Георгіемъ въ пріятельскихъ отноше-
іяхъ, они часто разговариваютъ, она ему подчасъ
учшій кусокъ положитъ или, когда онъ въ лѣсу,
риберетъ его комнатки, — такъ что жъ въ этомъ
особеннаго? Парень онъ милый, ловкій, какъ будто
вой въ семьѣ, а дѣвушка, особенно въ домѣ своего
тца, должна быть со всѣми вѣжлива и любезна.
отъ онъ скоро женится, женушку сюда привезетъ,
Теофилія броситъ свои бабьи глупости. Ну, что
асается вздоховъ, то безъ нихъ она не обойдется.
Не будетъ этой причины, найдетъ другую. Ну, а
ъ сущности дѣйствительно жалко... по нынѣшнимъ
ременамъ такіе, какъ онъ, не вырастаютъ изъ-подъ
аждаго камня... Онъ бы оцѣнилъ и хорошую
жену, и честнаго тестя по достоинству и возможно,

что своей женѣ доставилъ бы въ будущемъ лучшее положеніе, чѣмъ какой-либо плохой, захудалый двор рянчикъ. Но!.. что съ печи упало, то пропало, думать объ этомъ нечего! Вотъ лучше надо ем сказать, чтобъ онъ не двадцать саженей дровъ дос ставилъ, какъ его раньше просили, а двадцать пять а то вѣдь можетъ и не хватить.

Размышленія эти прервалъ раздавшійся съ крыльц тоненькій голосокъ:

— Папа! Вы скоро придете обѣдать?

Кулеша съ середины двора крикнулъ:

— Не сейчасъ еще, мнѣ нужно поговорить с Георгіемъ.

Аврелька сбѣжала съ крыльца и въ одинъ мигт очутилась около отца. Высунулась также изъ сѣней Кулешова и издали простонала:

— Іезусъ, Марья! Ужъ тебѣ давно пора ѣсть Когда сильно проголодаешься, то послѣ объѣшься и, избави Боже, захвораешь.

И она быстро засѣменила вслѣдъ за дочерью по направленію къ мужу.

Изъ флигеля выбѣжала средняя изъ сестеръ, Ка ролина. Съ рѣки, какъ птицы, поднялись младшія дѣти, катавшіяся по льду вмѣстѣ съ крестьянской дѣтворой, и пустились шнырять по всему двору. Теперь всѣ приблизились къ тому мѣсту, гдѣ ки пѣла около дерева разнообразная работа. Опорож ненныя сани возвращались въ лѣсъ, нѣсколько чело вѣкъ очищали шишки со сваленнаго на землю де рева и всыпали ихъ въ большіе мѣшки, другіе сту чали топорами, третьи складывали дрова въ сажени.

— Складывайте съ солнечной стороны, повора чивайте къ солнцу, лучше высохнутъ — говорилъ Георгій, и, повернувъ голову къ тѣмъ, что очи-

кали дерево отъ шишекъ, замѣтилъ приближавшуюся руппу:

— Доброе утро, господа!

— Онъ снялъ шапку, поклонился всѣмъ и, улыаясь, шепнулъ Авреліи:

— Вы плохой пророкъ!

— Что же я вамъ предсказала? Не помню что-то.

— А что у меня будетъ милое письмо.

— И что же не было?

— Нарочный возвратился безъ письма.

— И вы безпокоитесь?

Онъ отвѣтилъ съ опечаленнымъ лицомъ:

— Да, я неспокоенъ. Вы все знаете, такъ какъ вамъ обо всемъ говорилъ. Мнѣ кажется, лучше, чѣмъ вы, друга, имѣть невозможно, такъ ужъ я вамъ и то разскажу, что сегодня весь день вертится въ моей головѣ. Можетъ быть, они ее изъ-за меня учатъ и преслѣдуютъ, быть можетъ, она захворала, можетъ быть, и то, что они ей не позволяютъ писать ко мнѣ...

Словно черныя тучи залегли въ его глазахъ и рачною тѣнью нависли на его лбу, когда онъ говорилъ, а Аврелька, опустивъ глаза, выводила по нѣгу букву С кончикомъ ноги, обутой въ кожаный ботинокъ; затѣмъ она тихо отозвалась:

— Вы только относительно ея вѣрности будьте спокойны, это было бы для васъ слишкомъ тяжело.

— Я и не сомнѣваюсь, — отвѣтилъ онъ съ выраженіемъ полной убѣжденности. — Я увѣренъ, что она ко мнѣ не можетъ измѣниться такъ же, какъ и я къ ней... Но такія препятствія и непріятности...

— Любящему сердцу все легко, лишь бы добиться своей цѣли...

— Откуда же вы это можете знать, вѣдь вы мнѣ недавно говорили, что еще никогда въ жизни не были влюблены.

Она очень растерялась и, какъ всегда, когда ее что-либо стѣсняло или безпокоило, стала бросать во всѣ стороны испуганные взгляды и поворачивать шею и голову то направо, то налѣво, то вверхъ, то внизъ, что дѣлало ее похожей на пугливую или любопытную птичку.

Между тѣмъ Кулеша оглядывалъ высоко наложенныя сажени дровъ, а Кулешова также вертѣлась тутъ же и стонала, что дрова мокрыя, что это одно сосновое дерево, что подтопки совсѣмъ мало положено... Зоська и Антекъ качались на одной изъ лежавшихъ тутъ досокъ, Каролька и Аврелька, присѣвъ на щепкахъ, стали обрывать шишки съ близлежавшихъ сосновыхъ вѣтокъ, при чемъ немилосердно кололи себѣ пальцы иглами. Всѣ по щиколки ходили и стояли въ щепкахъ, стружкахъ и древесныхъ опилкахъ, которыя покрывали большое пространство, будто песчаными холмиками. Георгій показывалъ дѣвушкамъ, какія шишки нужно обрывать на сѣмена: каштановаго цвѣта, съ чешуей, залитой древесной смолой, — такія именно полны зеренъ, а тѣ, у которыхъ чешуя уже открыта и желтой прозрачной смолы нѣтъ, уже ни къ чему не годны; сѣмена изъ нихъ высыпались или съѣдены бѣлками и птицами. Дѣвушки старались разнять плотно закрытыя чешуйки шишекъ, но пачкали лишь руки смолой, ложившейся на пальцы янтарнаго цвѣта кристаликами, пахучій ароматъ которыхъ говорилъ о близости весны. Вдругъ собаки съ бѣшенымъ лаемъ бросились къ воротамъ, въ которыя въѣхали сани, запряженныя красивой откормленной лошадкой.

ловѣкъ въ кожухѣ, сидѣвшій въ саняхъ, остано-
въ коня у перваго тополя, вышелъ изъ саней и
шелъ по двору. Видно было, что онъ здѣсь
ервые, такъ какъ, отбиваясь батогомъ отъ собакъ,
слѣдовавшихъ его, шелъ медленно и несмѣло
лядывался во всѣ стороны. Раньше, чѣмъ кто-
бо успѣлъ слово выговорить, Антекъ соскочилъ
, импровизованной качели, бѣгомъ пустился къ
рибывшему, отогналъ собакъ и, задравъ вверхъ
олову, такъ какъ этотъ человѣкъ былъ довольно
сокаго роста, а Антекъ малъ, обмѣнялся съ нимъ
сколькими словами; потомъ съ такою же быстро-
ой онъ кинулся обратно, подергивая плечами и еще
здали крича во всю глотку:

— Къ господину старшему лѣснику!.. По-
ыльный съ письмомъ! Поооо-сыль-ный изъ Тооо-
ооо-чекъ!

— А что? Вѣрный я пророкъ? — шепнула
врелія Георгію.

Георгій между тѣмъ весь раскраснѣлся, словно
облитый огнемъ. Видно было, что онъ страшно
обрадовался, и имъ овладѣло большое нетерпѣніе;
однакожъ онъ не дѣлалъ ни малѣйшаго движенія
навстрѣчу посыльному. Быть можетъ, стыдливость
или гордость не позволяли ему показать присутство-
вавшимъ, съ какой жадностью онъ ждетъ письма
отъ невѣсты.

Всѣ умолкли и смотрѣли на него съ любо-
пытствомъ; трое лѣсниковъ, его подчиненные, пе-
рестали обрывать шишки и опустивъ руки, впе-
рили въ него глаза. Посыльный, освобожденный отъ
собакъ, теперь шелъ быстро и вскорѣ стоялъ уже
передъ Георгіемъ, утонувъ по щиколотку въ струж-
кахъ и опилкахъ. Это былъ человѣкъ въ поношен-

номъ кожухѣ и старой шапкѣ, на видъ глуповатый, но, пожалуй, и довольно хитрый. Это замѣтно было по насмѣшливымъ взглядамъ, которые онъ кидалъ исподлобья на Георгія. Нагнувшись немного впередъ, онъ довольно долго искалъ чего то за кожухомъ на груди, все поглядывая на Георгія.

— Ты кто такой, — спросилъ Георгій?

— Батракъ отъ Константина Осиповича, — отвѣтилъ онъ, и, доставъ, наконецъ, письмо изъ-за кожуха и подавая его Георгію въ руки, добавилъ:

— А это отъ Салюси Осиповичовой, отъ барышни...

При послѣднихъ словахъ онъ улыбнулся подъ побѣлѣвшими отъ мороза усами, но Георгій этого не видѣлъ; онъ съ поспѣшностью, которую ему уже невозможно было скрыть, схватилъ письмо и разорвалъ конвертъ, но сейчасъ же брови его нахмурились, жилы на лбу налились кровью, а руки безсильно опустились и повисли, точно плети. Изъ разорваннаго конверта выпало и покатилось къ его ногамъ маленькое золотое колечко съ жемчужиной. Аврелія вскрикнула и сейчасъ же, раздосадованная собственнымъ поведеніемъ, закрыла обѣими руками ротъ; Каролька и Зося прыснули отъ смѣха; Кулеша покраснѣлъ и широко вытаращилъ глаза, Кулешова всплеснула руками и застонала: Іезусъ, Марья! а одинъ изъ лѣсниковъ подскочилъ, поднялъ колечко и подалъ его Георгію. Это онъ сдѣлалъ, какъ будто изъ любезности по отношенію къ своему начальству, но въ сущности изъ злости на Георгія послѣ недавно полученной въ лѣсу нахлобучки за какое-то упущеніе, совершенное имъ; глаза его блестѣли отъ радости по поводу случившагося.

Георгій, стиснувъ въ одной рукѣ колечко, дру-

ю держалъ письмо и продолжалъ читать. Читать
ишлось недолго, письмо было короткое:
„Мнѣ очень непріятно и больно, что я должна
вами попрощаться навсегда, но видно, на то воля
спода Бога, я должна поступать, какъ этого же-
тъ моя семья, которая на этомъ настаиваетъ и,
случаѣ моего отказа, отреклась бы отъ меня и
экляла бы меня навѣки. Будьте увѣрены, что
ѣ очень трудно было рѣшиться на такой посту-
къ, но я должна, оттого что если бы случилось
ъ, какъ мы оба надѣялись и желали, намъ обоимъ
хорошо жилось бы на свѣтѣ. Будьте счастливы,
ргій, и дай Богъ, чтобъ вамъ все въ жизни уда-
лось. Я навѣки останусь вашимъ другомъ, а
перь я очень несчастна и, проливая слезы, пишу
строки. Обручальное колечко, которое отъ
ъ получила, отсылаю вамъ, а то, которое вы отъ
ня имѣете, прошу васъ сохранить на память о
частной и вѣчно вамъ преданной Саломеѣ".
Окончивъ чтеніе, Георгій еще съ минуту смо-
лъ на письмо, какъ бы стараясь успокоиться. Все
е весь красный, но спокойнымъ голосомъ, онъ
осилъ посыльнаго:
— Саломея Осиповичъ сама передала тебѣ это
ьмо?
Мужикъ, кланяясь, отвѣтилъ:
— Сама, а какъ же, сама! А Константинъ Оси-
вичъ лишь приказалъ мнѣ сказать вамъ...
Тутъ онъ остановился, отвѣсивъ на всѣ четыре
роны поклоны, и окончилъ:
Константинъ Осиповичъ приказалъ лишь то пе-
дать:
— Не по васъ эта колбаса и его сестра не для
кого, батьку котораго еще сѣкли розгами!

Глаза Георгія, какъ будто затуманенные мутной мглой, встрѣтились съ немного насмѣшливымъ взглядомъ недавно выбраненнаго имъ лѣсника и замѣтили также растерянныя лица двухъ остальныхъ его подчиненныхъ. Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, и лицо его такъ зажглось, что, казалось, вся кожа его должна сейчасъ лопнуть и вотъ-вотъ брызнетъ изъ нея кровь. Съ простертой рукой кинулся онъ на посыльнаго. Но Кулеша въ мигъ схватилъ его за уже поднятую для удара руку:

— Оставь! оставь! — сказалъ онъ быстро и громко пыхтя, — посланцевъ не вѣшаютъ и головъ имъ не снимаютъ... Аврелька, отведи его въ кухню и накорми... Ну, пойдемте въ домъ, Георгій, пора обѣдать...

И онъ хотѣлъ взять его подъ руку, но Георгій, весь кипя, сорвалъ съ пальца кольцо съ небольшой бирюзой и бросилъ его посыльному.

— Вотъ, бери! и скажи Саломеѣ, что мнѣ отъ нея не нужно никакой памяти... А пану Осиповичу передай, что я ему кланяюсь и совѣтую никогда больше не осмѣлиться хлестать языкомъ что-либо моемъ отцѣ, а если до моихъ ушей что-нибудь такое дойдетъ, то я пріѣду и лобъ ему вдребезги разможжу. Не палкой и не топоромъ я это сдѣлаю, я не убійца, а прямо пулей... прострѣлю!

Онъ выпрямился, снялъ шапку, поклонился всѣмъ и сказавъ: „до свиданья“ широкими шагами прошелъ во флигелекъ.

Минутъ пятнадцать спустя онъ съ ружьемъ черезъ плечо вышелъ изъ воротъ. Увидѣвъ его, Каролька хотѣла побѣжать звать его обѣдать, но Кулеша ее остановилъ.

— Оставь! пусть у него пройдетъ первое горе
олость. Наединѣ съ собою онъ скорѣе справится
всѣмъ этимъ, чѣмъ на людяхъ.

Послѣ обѣда Кулешова прибѣжала къ мужу въ
инату, называвшуюся канцеляріей, гдѣ онъ засѣлъ
счеты. Она, казалось, была очень занята, ожи-
нна, и, опершись локтями о письменный столъ
жа, шопотомъ заговорила:

— Знаешь, Флорьянъ, вѣдь эта Саломея уже
ручена съ другимъ, съ Цыдзикомъ, который самъ
е мальчишка, но у отца онъ единственный сынъ,
тецъ богатъ...

— Отъ какой же сороки ты, Теофилія, получила
свѣдѣнія? — будто смѣясь надъ бабьей падко-
ью къ сплетнямъ, а въ душѣ самъ желая узнать
всемъ подробнѣе, спросилъ Кулеша.

— Это посыльный разсказалъ Аврелькѣ, когда
а ему на кухнѣ давала обѣдъ. Много — гово-
тъ — тамъ шуму было, были и просьбы, и угрозы,
раза сваты пріѣзжали, первый разъ она отка-
ла, а второй разъ согласилась быть невѣстой
дзика...

— Вотъ каково бабье постоянство! — провор-
лъ Кулеша.

— Когда же, говорятъ, семья ей дохнуть не да-
ла и все ее упрекали въ томъ, что онъ мужикъ
своей земли не имѣетъ...

— Ослы, болваны, бараны!

— Да, ты все ругаешься: ослы, болваны... а
говорю, если хорошенько подумать, то они, мо-
тъ быть, и правы... Вѣдь правда же, что онъ
жикъ...— Кулеша выпрямился и такъ посмотрѣлъ
жену, что она замолчала. Затѣмъ онъ очень
рьезно началъ:

— Послушай, Теофилія, я тебя уважаю, потом что ты мать моихъ дѣтей и, признаюсь, всегда была честной, трудолюбивой женщиной и моей привязанности и довѣрія ни разу не обманула. Но теперь говорю и клянусь, что ежели ты когда-либо при немъ или въ его отсутствіи хоть одно словечко произнесешь о его мужицкомъ происхожденіи, то... то...

Очевидно, онъ долго не могъ придумать достаточно сильной угрозы, но, наконецъ, крѣпко ударивъ кулакомъ по столу, крикнулъ:

— То я съ тобою разведусь!

Ошеломленная этими словами, точно отъ удара, она, какъ обалдѣлая, вытаращила на него глаза; однакожъ она вскорѣ пришла въ себя и ей захотѣлось смѣяться.

— Ты вѣчно шутишь... — начала она.

Но онъ прервалъ ее:

— Это не шутки... я съ тобой разведусь... какъ Богъ святъ.

Тутъ онъ посмотрѣлъ на перепуганную и оторопѣвшую жену, и все лицо у него затрепетало отъ сдерживаемаго смѣха... — и женюсь на болѣе молодой, красивой, и главное, на болѣе умной, — кончилъ онъ.

— Ты все глупости болтаешь, — сказала Кулешова, собравшись съ духомъ.

— Нѣтъ, я не болтаю, Теофилія, и увѣряю, что если на этотъ разъ ты не послушаешь меня, то между нами случится что-нибудь недоброе... Что-нибудь недоброе, повторяю тебѣ. Упрекать кого-либо его происхожденіемъ — это совсѣмъ неприличная штука. Во-первыхъ, — большой грѣхъ... гораздо большій, чѣмъ въ пятницу и субботу мясо кушать...

къ ты, Теофилія, ужъ лучше въ пятницу постомъ
: мори... и глупой быть перестань, не грѣши по
гношенію къ своимъ ближнимъ...

Кулешова, превосходно знавшая своего мужа, ви-
зла, что весь гнѣвъ у него уже прошелъ, и по-
гому позволила себѣ опять заспорить.

— Ты говоришь о ближнихъ, но Осиповичи тоже
истіане, какъ и мы, однако же они въ немъ ближ-
го не видятъ...

— Вотъ такъ сказала! Извѣстно, что Іисусъ
ристосъ не всѣхъословъ и барановъ соблагово-
илъ превратить въ людей. Но тебѣ что за дѣло?
ишь бы ты сама не была осломъ или бара-
омъ.

Въ этотъ день Георгій явился къ ужину въ
бычное время, но видъ у него былъ совсѣмъ не
бычный.

Онъ измѣнился, но не лицомъ, которое отъ дол-
аго пребыванія въ лѣсу, на свѣжемъ воздухѣ, вы-
лядывало румянымъ и оживленнымъ, а манерой дер-
каться по отношенію къ другимъ. Онъ казался не-
быкновенно спокойнымъ и равнодушнымъ, дер-
кался очень прямо и когда поздоровался съ сидѣв-
шими за столомъ, отъ него какъ будто повѣяло хо-
лодомъ. Казалось, что онъ всѣхъ этихъ людей ви-
дитъ всего во второй или третій разъ и стать съ
ними въ близкія отношенія не желаетъ. Ничего не-
нѣжливаго онъ не сдѣлалъ; напротивъ, онъ гово-
рилъ съ Кулешей о полевомъ и лѣсномъ хозяйствѣ,
быстро поднялъ и подалъ Кулешовой платокъ, ко-
торый спустился съ ея плечъ, у Аврельки онъ при-
нялъ миску съ супомъ и поставилъ ее на столъ. Но
все это онъ продѣлалъ не такъ, какъ всегда, безъ
обычной веселости и довѣрчивости. Затѣмъ, сей-

часъ по окончаніи ужина онъ взялъ шапку, пожелалъ всѣмъ спокойной ночи и, поклонившись, ушелъ. Но еще раньше его Аврелія выскользнула изъ комнаты и когда онъ вышелъ на крыльцо, то увидѣлъ, что она стояла у одного изъ столбовъ, быстро поворачивая во всѣ стороны свою головку.

— Доброй ночи, Аврелія, — сказалъ онъ и уже спустился съ первыхъ ступенекъ крыльца, какъ она тихонько позвала его:

— Георгій!

Онъ обернулся къ ней и спросилъ.

— Что прикажете?

Дѣвушка вся задрожала.

— Я ничего не приказываю, — почему вы какой-то такой... какъ будто вы всѣхъ насъ въ первый разъ въ жизни видите? — Я только хотѣла вамъ сказать, чтобъ вы не очень огорчались... Прошу васъ, Георгій, дорогой, не очень огорчайтейсь... все пройдетъ... можетъ быть, Богъ дастъ, для васъ опять когда-нибудь наступитъ счастливое время... можетъ быть... очевидно, она не знала, что говорить дальше, какъ утѣшить. Въ вечерней мглѣ онъ ея лица разглядѣть не могъ, но голосъ ея былъ такъ жалостливъ, что, казалось, вотъ-вотъ она заплачетъ.

Хоть со мною не будьте такимъ равнодушнымъ и гордымъ и говорите со мною обо всемъ, какъ въ прежнее время. Вѣдь легче становится на душѣ, когда есть человѣкъ, которому можно довѣриться.

Онъ молча стоялъ передъ нею и ото всей его фигуры, дѣйствительно, вѣяло не то равнодушіемъ, не то гордостью.

Черезъ нѣкоторое время онъ тихо заговорилъ:

— Я вамъ очень благодаренъ, Аврелія, за ружбу, которой вы меня удостаиваете, но принять не могу, между нами ея быть не должно. Я вамъ, врелія, добра желаю и не хочу обидѣть васъ сво- дружбой.

— Что вы выдумываете? — крикнула она.

Но онъ живѣе, чѣмъ прежде, продолжалъ:

— Еще вчера я думалъ иначе, но сегодня мнѣ нъ такой суровый урокъ, о которомъ, сколько ить буду, не забуду и навсегда уже буду знать, кѣмъ могу сблизиться и отъ кого держаться али, чтобъ меня послѣ не оскорбляли. Многое мнѣ редставляется уже инымъ, чѣмъ раньше... многое всѣмъ ушло, и хоть моя преданность къ вамъ не опала изъ сердца, но показывать ея я не долженъ, объ какъ-нибудь не обидѣть ею кого и вамъ не вредить. Доброй вамъ ночи.

Онъ приподнялъ шапку, сбѣжалъ съ лѣстницы и шелъ по направленію къ флигелю. На слѣдующій ень онъ раннимъ утромъ пришелъ въ кухню уже ружьемъ на плечѣ и, поцѣловавъ руку возившей- тамъ Кулешовой, извинился передъ нею, что не идетъ ни на обѣдъ, ни на ужинъ.

— У меня очень много работы и въ лѣсу, и со четоводствомъ, — сказалъ онъ, — я что-нибудь оѣмъ у кого-либо изъ лѣсниковъ, — а вечеркомъ себя напьюсь чаю, вотъ и хватитъ мнѣ!

Кулешова, лишь только выбралась свободная ми- ута, побѣжала къ мужу, и когда онъ доѣлъ грѣ- ое пиво съ творогомъ и сметаной, усѣлась около его и стала съ оханьемъ говорить:

— Знаешь, Флорьянъ, сегодня уже замѣтно, что онъ ъ большомъ отчаяніи! Вчера онъ еще дѣлалъ видъ, удто ему ничего, но сегодня, отъ него такъ и

вѣетъ отчаяніемъ. Говоря со мною, онъ смотрѣ[л] въ сторону... Какъ помѣшанный! Какъ бы о[н] себѣ зла не причинилъ! Подумай-ка, ружье у не[го] вѣчно на плечѣ, и онъ въ такомъ отчаяніи! Т[ы] Флорьянъ, тутъ долженъ какъ-нибудь помочь, что[бы] онъ себѣ, Боже сохрани, чего-нибудь дурного [не] сдѣлалъ.

Противъ своего обыкновенія Кулеша не отшучи[в]вался отъ „безсмертныхъ“ стоновъ жены, какъ он[а] выражался, и, ожесточенно поглощая пиво и пережи[ва]вывая творогъ, съ небывалой быстротой двигал[ъ] усами и неподвижно глядѣлъ въ противоположну[ю] стѣну. Эта смѣсь обжорства и задумчивости при[да]давала его лицу очень комичное выраженіе, но жен[а] совершенно этого не замѣчала и, опустивъ маленьки[я] ручки на колѣни и покачивая маленькой головкой[,] вздыхала:

— Ахъ, охъ, ахъ, до чего обманутая любовь [мо]можетъ довести человѣка!

На этотъ разъ Кулеша не выдержалъ:

— Развѣ ты когда-либо испытала, что такое об[ма]манутая любовь, что такъ о ней говоришь? Я, ка[жет]жется никогда не измѣнялъ, — такъ можетъ быть [ли] кто-либо помимо меня? А?

— Эхъ, болтаешь ты все... — прошептала она[.]

Но и онъ уже снова сталъ серьезнымъ. Въ [ма]большомъ салатникѣ, прежде полномъ, теперь уже [ви]просвѣчивало пустое дно; поэтому Кулеша стара[тель]тельно вытеръ губы и усы салфеткой и серьезно за[го]говорилъ, обращаясь къ женѣ:

— Не надо носиться ни съ какой страшной [ду]мыслью. Георгій слишкомъ разумный человѣкъ для [то]того, чтобъ лишить себя жизни изъ-за легкомыслен[ной] ной дѣвушки, бросившей его. Поскучаетъ, поску-

ѣетъ и перестанетъ. Всего лучше оставить его въ окоѣ на нѣкоторое время. Пусть ѣстъ, гдѣ хо-тъ, пока перекипитъ, а когда перекипитъ, будетъ ять такой, какой былъ!

Прошло нѣсколько дней; за это время Георгій за два заходилъ къ Кулешамъ, и то на очень ко-ткое время, — очевидно только изъ вѣжливости и объ не показаться неблагодарнымъ по отношенію нимъ. Разговоръ его и обхожденіе отличались жливостью и спокойствіемъ, но ничего общаго съ ежней дружеской довѣрчивостью не имѣли. Что сается его внѣшняго вида, то Кулешова находила, о онъ страшно похудѣлъ, Каролькѣ и Зоськѣ ка-лось, что онъ совершенно не измѣнился. Кулеша ѣялся надъ бабами: видно имъ нечего дѣлать, о только и присматриваются къ парню, похудѣлъ онъ, или потолстѣлъ. Одна лишь Аврелія не го-рила никогда о Георгіи, зато какъ-то разъ послѣ ротенькаго посѣщенія Георгія, когда она шла по мнатамъ съ горкой тарелокъ въ рукахъ, Каролька, крикнула:

— Аврелія, что ты ходишь, какъ обалдѣлая, будто рману опилась? Сейчасъ на стѣну полѣзешь и релки перебьешь!

И въ самомъ дѣлѣ, она шла, широко раскрывъ аза, какъ бы съ затуманеннымъ взоромъ и, мино-въ нужную дверь, чуть не ударилась объ стѣну. прочемъ, она ни въ чемъ не измѣнилась: какъ и жде, помогала матери въ хозяйствѣ, возилась въ мѣ и на дворѣ, шила, вечерами читала отцу лухъ маленькую газетку, которую два раза въ не-лю посыльный привозилъ съ почты, а иногда, тя и рѣдко шалила и смѣялась съ сестрами и еньшимъ братишкой. О Георгіи съ того вечера,

какъ онъ отказался отъ ея дружбы, она ни разу н заговорила и даже случая для этого не искала, н когда онъ приходилъ, она какъ-то утихала, обво дила глазами потолокъ, полъ, двери, окна, пока н останавливала ихъ на его лицѣ такъ, какъ бы хо тѣла угадать, что съ нимъ и въ чемъ причина ег перемѣны.

Впрочемъ никто особенно не занимался ни Ге оргіемъ, ни тѣмъ, что съ нимъ происходило.

Кулешова съ дочками и слугами съ головой ушли въ хлопоты; кололи свиней и приготовля изъ нихъ запасъ на весь годъ для большого двора А Кулеша былъ такъ занятъ спѣшной молотьбой зерна и доставкой его въ городъ, что иногда по цѣлымъ днямъ домой не заглядывалъ. Даже ѣсть ему носили въ ригу или въ амбаръ, откуда онъ воз вращался такимъ измученнымъ, что охота къ разго ворамъ или шуткамъ у него совершенно пропадала Разъ онъ услышалъ бесѣду Георгія съ однимъ изъ лѣсниковъ, которую потомъ за ужиномъ передалъ женѣ и дѣтямъ. Проходя около флигеля, онъ уви далъ, въ дверяхъ Георгія, который разговаривалъ съ лѣсникомъ, просившимъ его о разрѣшеніи отлучиться на нѣсколько дней.

— Хорошо, поѣзжай, но больше трехъ дней не оставайся.

Минуту онъ какъ будто о чемъ-то раздумывалъ, потомъ прибавилъ:

— Я тебя, Антонъ, при этомъ попрошу объ одной услугѣ. Ты проѣдешь недалеко отъ моей хаты... Знаешь ли ты эту гать, что идетъ черезъ лѣсъ, и по обѣ стороны которой растутъ малиновые кусты? Вотъ сейчасъ за малиной дорога сворачиваетъ направо въ дубовый лѣсъ. Дубы стоятъ

ѣдко, а между ними попадаются то березы, то ря-
ина... этой дорогой, отъ плотины будетъ версты
зѣ до хаты лѣсника, Николая Хутко... то есть
оего отца. Будь такъ добръ, заѣзжай туда и ска-
и, что я очень прошу, чтобъ кто-нибудь изъ дому
акъ можно скорѣе ко мнѣ пріѣхалъ, отецъ или
ать, пусть кто-либо изъ братьевъ сюда привезетъ
ать... Скажи только, что я очень прошу непре-
ѣнно, непремѣнно пріѣхать... Лѣсникъ поклонился,
бѣщая исполнить порученіе начальника, и отошелъ,
Кулеша, который стоялъ немного въ сторонѣ, при-
лизился къ Георгію. Никто изъ тѣхъ, кто его ви-
ѣлъ даже чаще, чѣмъ Кулеша, не замѣтилъ, что онъ
ъ эти дни никому первый руки не подавалъ. Такъ
теперь, когда Кулеша поздоровался съ нимъ, держа
ъ карманахъ свои замерзшія руки, Георгій только
риподнялъ шапку и на его привѣтствіе отвѣтилъ
олько вѣжливо, но равнодушно, безъ улыбки.

— Вы, Георгій, — началъ Кулеша, — видно
чень соскучились по своемъ домѣ и семьѣ, если
акъ просите родныхъ поскорѣе пріѣхать.

— Да, соскучился, — отвѣтилъ онъ, — уже по-
ти три мѣсяца, какъ я никого изъ своихъ не ви-
далъ.

— Надѣюсь, что вы и здѣсь не между чу-
жими...

Георгій поклонился.

— Спасибо за доброе слово, да я хорошо знаю,
что далеко не свой.

И прежде чѣмъ Кулеша, немного взволнованный,
могъ собраться что либо ответить — онъ приба-
вилъ:

— Что же касается моихъ родителей, то не уди-
вительно, что я ихъ люблю и уважаю. Отецъ че-

стный человѣкъ и сдѣлалъ мнѣ много добра. А мать такая, какой второй и на свѣтѣ нѣтъ.

Когда онъ это говорилъ, его лицо приняло такое гордое выраженіе, а глаза стали такъ трогательно нѣжны, что Кулеша былъ удивленъ. По дорогѣ домой онъ ворчалъ себѣ въ усъ:

— Добрый сынъ! доброе сердце! Но откуда взялось это равнодушіе къ намъ?

Онъ совершенно не могъ понять этой перемѣны въ обращеніи Георгія и питалъ сильное подозрѣніе, не жена ли предъ кѣмъ-либо, можетъ и нехотя, болтала насчетъ его мужицкаго происхожденія. Вотъ почему онъ и началъ разговоръ о немъ во время ужина и разсказалъ о разговорѣ съ лѣсникомъ. Потомъ, проницательно глядя на жену, спросилъ:

— Не наболтала ли ты чего-нибудь, Теофилія? не сдѣлала ли какую-нибудь глупость? Вспомни-ка хорошенько.

Но когда Теофилія, сложивъ пальцы для крестнаго знамени, громко вздыхая, поклялась, что она даже времени не имѣла вспомнить о Георгіи, такъ была занята все время заготовкой свинины, то онъ, покачивая головой, пробормоталъ про себя:

— Такъ я уже, право, не знаю, не понимаю! Развѣ, что онъ съ отчаянія тронулся?

Аврелія, слушая разсказъ отца, быстро вертѣла голову во всѣ стороны, словно перепуганная птичка. Потомъ она выбѣжала изъ комнаты и пропала: еле дозвались ее читать отцу газету. Для Кулеши это чтеніе было большимъ развлеченіемъ, особенно зимою; но никто, кромѣ Авреліи, не могъ ему такъ угодить. Жена, читая, черезчуръ пищала, Каролька глотала слова, Зоська мѣняла выраженія, оттого что

не могла удержаться отъ искушенія глядѣть во время
тенія по сторонамъ. Одна лишь Аврелія умѣла хо-
рошо читать. И въ этотъ вечеръ, какъ всегда, она
му читала въ канцеляріи, а онъ лежалъ на жесткомъ
киванѣ, курилъ трубку и слушалъ, а когда она,
окончивъ чтеніе, ушла, онъ еще нѣкоторое время си-
дѣлъ надъ счетами, пока все въ домѣ не утихло,
всѣ лампы, кромѣ той, что была въ его комнатѣ, не
потухли и висѣвшіе въ столовой часы не пробили
одиннадцать. У Кулеши уже глаза слипались, но на
немъ лежала еще послѣдняя обязанность хозяина:
осмотрѣть хорошенько весь домъ, закрыты ли на
ночь двери и окна и потушены ли вездѣ огни. Ни
на кого онъ въ этомъ отношеніи не полагался и за-
частую осматривалъ даже флигеля и людскую избу,
гдѣ жили батраки. Держа въ рукѣ свѣчу въ мѣд-
номъ подсвѣчникѣ, онъ вышелъ изъ канцеляріи и
тутъ же въ сѣняхъ попробовалъ дверь со двора, за-
тѣмъ въ двухъ комнатахъ осмотрѣлъ внимательно
окна, такъ какъ дѣвушки по разсѣянности подчасъ
забываютъ закрыть форточки. Едва слышно, въ
туфляхъ изъ толстаго войлока и по привычкѣ за-
крывая свѣтъ свѣчи рукой, онъ двигался точно тол-
стое, сѣрое привидѣніе съ краснымъ лицомъ, про-
ходя черезъ низшія комнаты, заставленныя простой
мебелью. Но вдругъ онъ остановился, поднялъ го-
лову и сталъ къ чему-то прислушиваться. Изъ сто-
ловой доносился до него сдержанный, но все же
ясно слышный плачъ.

— Что за чортъ! — проговорилъ онъ, — кто-то
плачетъ, что ли? А правда! Плачетъ!

Плачъ въ этомъ домѣ былъ такой необычайной
вещью, что онъ не только удивился, но даже не-
много испугался; онъ поспѣшно вошелъ въ столо-

вую и, освѣтивъ всю комнату, сталъ оглядываться кругомъ: никого тутъ не было. Плачъ утихъ и среди ночной тишины раздался медленный, равномѣрный стукъ часовъ. Кулеша, думая, что ему померещилось, уже хотѣлъ уйти, но вдругъ нечаянно такъ повернулъ свѣчу, что она освѣтила наиболѣе отдаленный, глубокій уголъ комнаты между стѣной и обѣденнымъ столомъ; тамъ онъ замѣтилъ какую-то фигуру въ бѣлой юбкѣ.

— Кто тутъ? — спросилъ онъ.

Отвѣта не послѣдовало, но бѣлая юбка шевельнулась и у стола опять раздалось сдержанное всхлипываніе. Теперь Кулеша съ шумомъ отодвинулъ нѣсколько стульевъ, стоявшихъ на дорогѣ, приблизился къ таинственному углу и, заглянувъ за столъ, воскликнулъ съ удивленіемъ:

— Аврелька! Что ты тутъ дѣлаешь?

Она просто спряталась въ этомъ уголку, чтобы выплакаться на свободѣ. Вѣрно она хотѣла передъ сестрами показать видъ, будто приготовляется ко сну, потому и сидѣла въ одной рубахѣ и бѣлой, короткой юбкѣ. Она была боса и на ея плечи, бѣлыя, округленныя плечи молоденькой блондинки, которыя, какъ и шею не прикрывала рубашка, разсыпались блѣдно-золотистые волосы. Наполовину укрытая этими волосами, она сидѣла на полу, опершись локтями о поднятыя колѣни и спрятавъ лицо въ ладони.

— Аврелька, — окликнулъ ее отецъ. — Что съ тобой? Чего ты ревешь?

Съ минуту еще она не открывала лица и не отвѣчала, потомъ вдругъ вскочила съ пола и, обнявъ отца обѣими руками, прижалась къ нему движеніемъ избалованнаго ребенка и, дрожа и плача, говорила:

— Папочка! Не сердитесь на меня, и прошу ...ись, папочка, сдѣлайте что-нибудь, чтобы его утѣ...ить, посовѣтуйте ему что-нибудь-такое, что бы его ...масло... Дорогой папочка! подумайте только и ...авѣрно придумаете, вѣдь вы старше и у васъ ...ольше опыта. Если вы его не спасете, кто же ...го спасетъ? Родители, конечно, хотѣли бы, но не ...умѣютъ, а больше у него никого нѣтъ, и онъ по...ибнетъ, измучается, пропадетъ...

Новый приступъ плача прервалъ ея рѣчь, и она ...прятала свое лицо на груди отца. Кулеша со свѣ...ой въ одной рукѣ, второй поддерживая прижав...уюся къ нему дочь, съ минуту стоялъ, широко ...аскрывъ ротъ отъ чрезвычайнаго удивленія.

— Ге, ге! Вотъ, гдѣ раки зимуютъ!

И, поставивъ подсвѣчникъ на столъ, онъ сталъ ...спокаивать дѣвушку:

— Аврелька! Что съ тобою сталось? Что ты ...выдумываешь? Отъ чего мнѣ нужно его спасти? ...Изъ-за чего онъ долженъ гибнуть и пропадать? ...Бабьи глупости! Ты помѣшалась!

Но она, все еще пряча лицо, шептала:

— Ахъ вы не знаете... Онъ вѣдь уже со...всѣмъ не такой, какъ былъ! Лѣсничиха одна вчера ...пришла къ намъ въ кухню по дѣлу и разсказала, ...что и въ лѣсу онъ уже не такъ, какъ прежде за ...всѣмъ смотритъ, работа не такъ уже идетъ, какъ ...раньше и рапорта въ главную контору онъ въ эту ...недѣлю не послалъ... А у этого лѣсника, у кото...раго онъ теперь обѣдаетъ... какіе тамъ обѣды: ...горохъ, картофель... Вчера онъ сразу выпилъ три ...рюмки водки... Боже мой, Боже! какой же онъ, ...вѣрно, несчастный, когда ужъ и работать не можетъ ...и въ водкѣ утѣшенія ищетъ.

Она опять заплакала, а Кулеша, опустивъ го лову, глубоко задумался. О томъ, что ему теперь дочь разсказала, онъ дѣйствительно не зналъ. Скверно... — думалъ онъ — службой пренебре гаетъ... горохомъ и картошкой живетъ... Жалк парня!

— Скверно, — повторилъ онъ вслухъ, — но что я тутъ подѣлаю? Если онъ такъ глупъ, что изъ за бросившей его дѣвчонки съ ума сходитъ, то я ему ни ума въ голову всадить, ни этой дѣвицы вернуть не могу. Впрочемъ, онъ по какой-то причинѣ отъ насъ удалился и что то не видно, чтобъ онъ нуждался въ нашей дружбѣ.

Аврелія подняла лицо, сняла руки съ шеи отца и опершись спиной объ стѣну, отерла себѣ волосами слезы съ лица. Когда она развела волосы и отбросила ихъ назадъ, показалось ея заплаканное, задумчивое лицо. Она нѣсколько разъ отрицательно качнула головой.

— Нѣтъ, онъ не изъ-за этой дѣвушки съ ума сходитъ, — сказала она смѣло и съ увѣренностью, — онъ о такой, которая его такъ легко промѣняла на другого, долго тужить и думать не будетъ.

— Ну, такъ какого же черта ему нужно? — сердился Кулеша.

Стоя въ тѣсномъ углу, между столомъ и дочерью, онъ ясно и отчетливо видѣлъ ея лицо, обращенное къ нему. Его удивило выраженіе возмужавшаго человѣка въ ея глазахъ. Эти глаза всегда только добрые и веселые, теперь свѣтились такимъ умомъ и глубиной мысли, какихъ, казалось ему, онъ еще ни у кого никогда не видалъ.

— Го, го! — прошепталъ онъ, — молода, да не глупа!

А она, переступая босыми ногами по полу и скрестивъ голыя руки на полуоткрытой груди, говорила:

— Онъ такимъ сталъ не отъ обманутой любви, а отъ обиды и еще оттого, что обманутый одними людьми, онъ уже и другимъ вѣрить не можетъ... Такъ какъ одни ему бросили въ лицо презрѣніе, то онъ и боится, что и другіе его тѣмъ же встрѣтятъ, и вотъ поэтому онъ и отъ насъ удалился...

— Это глупо! — прервалъ ее Кулеша.

Она опять отрицательно тряхнула головой.

— Нѣтъ онъ не глупъ, но очень гордъ.

Кулеша ударилъ себя ладонью по лбу.

— А правда! правда! То-то! Въ самомъ дѣлѣ! Надѣтая гордость! Вотъ почему онъ мнѣ такъ расхвалялъ своихъ родителей! Да, да! правда! Я тоже догадался объ этомъ, а ты угадала! Ну, а теперь иди ужъ спать и меня отпусти въ постель, я еле на ногахъ держусь.

Но она опять повисла у него на шеѣ и стала осыпать его руки поцѣлуями, прося, чтобъ онъ посовѣтовалъ, помогъ, спасъ...

— Гмъ, гмъ, — ворчалъ Кулеша. Гмъ, гмъ... — гладя ее ладонью по волосамъ, наполовину обѣщалъ ей исполнить ея просьбу.

— Ну, хорошо, я подумаю, авось и найду какое-нибудь средство. Но ты перестань ревѣть и иди спать... слышишь? Перестань сейчасъ ревѣть, то я... я бить буду! вотъ что!

Услышавъ эту угрозу, она подняла заплаканное лицо и, поглядѣвъ отцу въ глаза, засмѣялась.

Онъ ее вытащилъ изъ угла и толкнулъ къ двери той комнаты, гдѣ она спала вмѣстѣ съ сестрами.

торое время. Кулеша вышелъ изъ риги, закрылъ [illegible] и вмѣсто того, чтобы пойти домой, повернулъ [illegible] воротамъ. Онъ былъ сосредоточенъ, очевидно обд[illegible] мывалъ какіе-то планы. За воротами, среди доро[illegible] онъ остановился, при помощи трута и кремня [illegible] курилъ коротенькую трубку и пошелъ по напр[illegible] вленію къ лѣсу, куда часа два тому назадъ отпр[illegible] вился Георгій.

Вскорѣ онъ очутился въ глубинѣ лѣса и напр[illegible] вился въ ту сторону, откуда слышались удары топ[illegible] ровъ и стукъ время отъ времени падавшихъ д[illegible] ревьевъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ у того м[illegible] ста, гдѣ кончали расчистку земли. Лѣсъ рѣдѣл[illegible] деревья, какъ будто разступались и между ними по[illegible] казывались все большія и большія полосы сѣрг[illegible] неба. Наконецъ, Кулеша увидѣлъ извилистую лент[illegible] дыму, стлавшуюся надъ бѣлой мшистой шапкой лѣс[illegible] и на небольшомъ пространствѣ, совершенно освобо[illegible] жденномъ отъ деревьевъ, блеснуло пламя. У огня[illegible] пылавшаго на фонѣ лѣсной бѣлизны, грѣясь ил[illegible] приготовляя себѣ какую-то пищу, стояло двое; нѣ[illegible] сколько человѣкъ работали тутъ же, одни побли[illegible] зости, другіе поодаль костра. Они корчевали, ру[illegible] били лѣсъ. Цѣлью этой работы было обезпечить[illegible] деревьямъ свободный и здоровый ростъ. Удары[illegible] топоровъ раздавались часто одинъ за другимъ; все[illegible] остальное молчало. Птицы отсюда улетѣли; убѣ[illegible] жало вѣрно также и мелкое звѣрье, вѣрно совсѣмъ[illegible] замерли перепуганныя насѣкомыя въ своихъ гнѣз[illegible] дахъ подъ мхомъ и корой. Одинъ лишь разъ что[illegible] то зашевелилось и зашумѣло наверху; это была[illegible] пара отважныхъ вороновъ, которые, будто исполняя[illegible] обязанность стражи, летали вокругъ родного дерева.

Кулеша шелъ и все время оглядывался вокругъ, кого-то, пока не увидалъ Георгія, который съ имъ-то спеціальнымъ приборомъ въ рукѣ, ходилъ дерева къ дереву и дѣлалъ помѣтки на тѣхъ, орыя подлежали вырубкѣ. Дѣлалъ онъ это на, быстро, какъ бы желая какъ можно скорѣе авиться отъ работы, затѣмъ, поговоривъ минуту олголоса съ двумя лѣсниками, повернулъ въ дру- сторону. Кулеша преградилъ ему дорогу.

— Вы уже домой собрались?

— Да я думаю, что кто-нибудь изъ моихъ сего- пріѣдетъ, и хотѣлъ бы къ этому времени быть дома.

Сказавъ это, онъ намѣревался миновать Кулешу, тотъ его задержалъ:

— Если вы домой, то и я также. Я вѣдь сюда ѣмъ лишь пришелъ, чтобъ съ вами поговорить динѣ... а въ лѣсу лучше уединиться, чѣмъ дома, всегда могутъ помѣшать.

Говоря это, онъ внимательно всматривался въ о юноши и въ первый разъ замѣтилъ перемѣну, ишедшую въ немъ: Георгій похудѣлъ и по- нѣлъ. Онъ казался задумчивымъ и стоялъ, не нимая глазъ. Это были тѣ же красивыя черты а, еще не поврежденныя всеуничтожающимъ рѣз- ъ времени, но жизнь на нихъ уже наложила пер- тѣнь, которая затмила ихъ блескъ и свѣжесть. и горе въѣстся въ нихъ и пропитаетъ ихъ сво- ядомъ, то они скоро измѣнятся до неузна- мости.

Кулеша подумалъ:

— Теофилія права, онъ похудѣлъ. Душевное покойство и въ добавокъ еще одинъ горохъ и тофель къ обѣду!

Между тѣмъ Георгій, не поднимая глазъ, спро
силъ:

— О чемъ же вамъ угодно со мною поговорить
Быть можетъ, о деревѣ, которое вамъ нужно дл
ремонта построекъ?

Измѣнился также и его голосъ. Онъ сталъ нѣ
сколько суровымъ, и какъ бы лѣнивымъ.

— Разговоръ о деревѣ не требуетъ уединенія, —
живо отвѣтилъ Кулеша, — моя бесѣда съ вами бу
детъ о чемъ-то совершенно иномъ. Дѣло вотъ въ
чемъ: считаете ли вы меня и мою семью за дикихъ
звѣрей или самого себя считаете такимъ звѣремъ
который себѣ роетъ отдѣльную нору въ лѣсу или
въ полѣ? Какой же ты мужчина, если изъ-за
бабьей глупости отрываешь руки отъ работы и хо
чешь честность ногами потоптать? Стыдно! И все
это изъ-за дѣвушки, которая, быть можетъ, кончика
твоего сапога не стоитъ. Стыдился бы ты и глазъ
людскихъ и самого себя! Право, стыдно! Я тебя
считалъ совсѣмъ инымъ. Какъ Богъ на небѣ, я
отъ тебя ожидалъ чего-то совершенно другого.

Передъ уходомъ изъ дому и по всей дорогѣ
Кулеша вырабатывалъ для переговоровъ съ Геор-
гіемъ очень дипломатическій планъ дѣйствія, но
когда онъ на него посмотрѣлъ и началъ говорить,
вся дипломатія вылетѣла у него изъ головы и его
одолѣлъ все увеличивающійся гнѣвъ. Онъ покрас-
нѣлъ, разсердился, съ „вы“ перешелъ на „ты“, два
раза сплюнулъ въ сторону. Георгій поднялъ на
него удивленные глаза, но сейчасъ же опять опу-
стилъ ихъ, и, когда Кулеша, наконецъ, замолкъ и
только громко сопѣлъ, онъ немного пониженнымъ
голосомъ отвѣтилъ:

— Я вамъ очень благодаренъ за ваше доброе

ошеніе ко мнѣ и ваши наставленія, но вы
бете обо мнѣ совершенно невѣрное представленіе,
и полагаете, что я изъ-за бабьихъ глупостей...
ъ-за дѣвушки...

— Знаю, знаю, — прервалъ Кулеша, — но это
пость, быть можетъ, еще большая, чѣмъ та:
ъ-за того, что на твоей дорогѣ тебѣ попалась
ика болвановъ, ты усомнился во всѣхъ людяхъ,
селяющихъ землю?

— Простите, на свѣтѣ навѣрное есть и добрые
ди, я въ этомъ не сомнѣваюсь, но не для
ня.

— Это почему?

— А потому, — поднявъ глаза, въ которыхъ за-
лась молнія, отвѣтилъ Георгій, — что я второй
зъ навѣрное не попаду въ такое унизительное
ложеніе, въ какомъ очутился теперь, и всѣмъ лю-
мъ, кромѣ своей семьи и прочихъ равныхъ мнѣ
происхожденію людей, останусь чуждымъ.

— Понимаю, понимаю! — повторялъ Кулеша, —
какъ же! поэтому ты и удалился отъ меня и моей
мьи и поэтому вчера такъ восхвалялъ предо мной
оихъ родныхъ. Го, го! Хочешь, чтобъ я тебѣ
казалъ, что ты тогда думалъ? А вотъ что: знай,
рдый шляхтичъ, что хоть меня люди за мое про-
схожденіе унизили, я его не стыжусь, напротивъ,
осхваляю его, а васъ, болваны, знать не хочу!
ожетъ быть, неправда? Скажи, что неправда,
олги!

Георгій усмѣхнулся. Даже при самомъ печаль-
омъ настроеніи невозможно было бы удержаться
тъ улыбки, глядя на жесты Кулеши и слыша, ка-
имъ голосомъ, онъ передавалъ, передразнивая,
ысли Георгія.

— Лгать не буду, — сказалъ онъ, — мои побужденія были не вполнѣ таковы, какъ вы описываете, но что я по отношенію къ моему происхожденію Іудой не буду и считаю его далеко не хуже всякаго другого, это правда. И чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ оно хуже? Я не отъ воровъ или другихъ преступниковъ происхожу, а отъ людей, которые, трудясь въ потѣ лица, добывали хлѣбъ себѣ и другимъ. Мой отецъ, человѣкъ простой, часто ходитъ въ лаптяхъ, такъ какъ ему не всегда хватаетъ на сапоги, но за то, что онъ въ своей жизни такъ много трудился и такъ много страдалъ, онъ не хуже любого честнаго человѣка, хотя бы самаго высокорожденнаго.

Онъ поднялъ голову и сверкающимъ взоромъ сталъ глядѣть передъ собою.

— Ты правъ, ты правъ, — подтвердилъ Кулеша, — кто изъ насъ хуже и кто лучше, чьи предки были лучше и чьи хуже, пусть судитъ Богъ, пусть судитъ Богъ... Онъ всѣмъ намъ отецъ...

Георгій, отчасти согрѣтый искренностью Кулеши, отчасти же, быть можетъ, желая, наконецъ, высказать все, что его мучило, продолжалъ:

— Какъ я былъ привязанъ къ этой дѣвушкѣ, какъ мое сердце разрывалось на части, когда я убѣдился, что она не такая, какой я ее считалъ: сколько разъ въ эти дни она мнѣ являлась и во снѣ, и на яву, и днемъ, и ночью, чтобъ послѣ опять исчезнуть какъ тѣнь и меня оставить въ отчаяніи — объ этомъ знаю я одинъ и объ этомъ я навѣрное никому не разскажу ... это невозможно передать и не нужно.

По его голосу дѣйствительно можно было судить, что ему невозможно было говорить обо всемъ

сомъ. Онъ умолкъ на нѣкоторое время, потомъ
лять началъ:

— Но потому именно, что она оказалась недо-
стойной моего чувства и что мнѣ передъ самимъ
обою стыдно за мою слабость и за эту мою обма-
тую любовь, я бы, вѣроятно, легче перенесъ
се это и не позволилъ бы себѣ такъ тосковать и
олноваться ... но то оскорбленіе, что мнѣ на-
если ея родные, особенно ея братъ — это засѣло
ь моей душѣ, какъ змѣя ядовитая. Вѣдь если
ни честнаго человѣка ставятъ ни во что, и его,
акъ грязную тряпку, отбрасываютъ кончикомъ са-
ога, то вѣрно и другіе могутъ имѣть такія мысли
такъ же поступать. А если такъ, то зачѣмъ же
нѣ стараться, трудиться, устраиваться? Вѣдь хотя
ы мнѣ удалось звѣзды съ неба на землю перенести,
ихъ тутъ ни на что промѣнять не могъ бы,
акъ не могъ бы стряхнуть съ себя людского пре-
рѣнія.

Онъ рукой сдѣлалъ жестъ полной безпомощности.
нѣва въ эту минуту въ немъ не было, но имъ
овладѣло тяжелое равнодушіе.

Кулеша также тоскливо молчалъ и печально ка-
алъ головой.

— Послушай, Георгій, — началъ онъ потомъ, —
это не совсѣмъ такъ, какъ ты думаешь: не одна
олько была причина, что тебя они оттолкнули, а двѣ, и
торая для нихъ еще болѣе важна, чѣмъ первая. Я
также родомъ изъ шляхетской околицы, изъ Ку-
лешъ, подъ Лидой; знаю я хорошо и суетность, и
жадность, которая царствуетъ за этими оградами
шляхетскихъ поселковъ. Самъ я, слава Богу, осво-
бодился отъ этого благодаря тому, что съ молодыхъ
лѣтъ странствовалъ по свѣту и хлѣбъ ѣлъ не изъ

одной печи, былъ на конѣ и подъ конемъ, насмотрѣлся на большихъ людей и на маленькихъ людишекъ и лишь одного Бога призналъ великимъ ... Люди же всѣ подъ Богомъ ходятъ, и всѣ болѣе или менѣе должны страдать.

Онъ замолчалъ на минуту, отдышался и задумался. Георгій немного удивленнымъ взоромъ глядѣлъ на него.

— Видишь ли, — снова началъ Кулеша, — они не только изъ-за происхожденія оттолкнули тебя, а еще больше изъ-за того, что у тебя нѣтъ своей земли ...

— У меня есть голова и руки!

— Я это знаю, — отвѣтилъ Кулеша, — но они видятъ величайшую честь и счастье и настоящее обезпеченное, спокойное положеніе въ одной лишь землѣ. И нельзя сказать, что въ этомъ ихъ убѣжденіи нѣтъ доли правды. Земля — это такая хорошая, дорогая вещь, дороже всякихъ драгоцѣнностей; она освобождаетъ человѣка отъ заботъ о тѣлѣ и отъ всякаго душевнаго страданія; она мать, которая, хотя иногда и накажетъ, но чаще всего нѣжно пеститъ и такъ или иначе, но всегда кормитъ.

Онъ расчувствовался, воспѣвая землю, какъ мать, утѣшительницу и кормилицу. Та самая любовь къ землѣ, которая жила изъ вѣка въ вѣкъ въ крови и сердцахъ многихъ поколѣній въ его родныхъ Кулешахъ, въ настоящую минуту залила кровью его виски и застлала влагой глаза. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ продолжалъ:

— Все это правда; но тѣмъ не менѣе я хотя бы изъ собственнаго опыта знаю, что и не имѣя своей земли можно честно и благополучно прожить Богомъ указанный срокъ. Когда я женился на Теофи-

, я былъ голъ, какъ соколъ, а она также при-
ла мнѣ столько приданаго, что котъ могъ бы его
хвостѣ унести. Вотъ такъ, какъ ты теперь,
ѣлъ и голову, и руки и — больше ничего. И у
ня еще, такъ же, какъ у тебя, была большая охота
труду да большое самолюбіе и гордость, не по-
олявшія мнѣ опуститься. Правда, у насъ бывало
ко, подчасъ даже черезчуръ тяжело, но во вся-
мъ дѣлѣ главное — это конецъ, а до конца я
шелъ, ты видишь. Несчастнымъ я себя считать
могу, бѣднымъ также нѣтъ, напротивъ, считаю
бя богатымъ, потому что я ни гроша никому не
лженъ, совѣсть у меня чиста, никого я не обижаю
хлѣба у меня столько, что часто могу удѣлить
тѣмъ, кто бѣднѣе меня! Правда, своей земли у
ня нѣтъ, но хоть и живу на чужой землѣ, держу
лѣе ста штукъ скота, тысячу овецъ, двѣнадцать
ръ лошадей для упряжи и имѣю всякое другое
ижимое имущество, нужное въ хозяйствѣ для пол-
го достатка ... Найдется у меня, на случай на-
бности, и кой-какая наличность, хотя не скажу,
объ ужъ очень большая. Слава тебѣ, Господи!
естеро дѣтей мнѣ Господь Богъ оставилъ, забравъ
ое старшихъ ... другіе жалуются, что дѣти обуза,
я радъ, что они у меня есть ... Слава Богу!
вушки выросли, какъ лани, старшій мальчуганъ
школѣ и учится недурно, младшій еще малъ,
надѣюсь, что и онъ, какъ старшіе, не станетъ
ня огорчать ... Слава тебѣ, Господи!

Теперь вся оптимистическая, голубиная натура
ого человѣка выразилась на его лицѣ въ видѣ ши-
кой, искренней улыбки. Потомъ онъ, смѣясь уже,
ложилъ свою ладонь на плечо Георгія и сказалъ:

— Такъ будетъ и съ тобою, мой милый! Такъ

и съ тобою будетъ! горе брось подъ ноги, засучи рукава и принимайся за работу! Напрасно ныть перестань, нытье свойственно бабамъ, но и он однако же, хоть и съ нытьемъ, а кой-что да дѣ лаютъ. Вѣдь моя то вѣчно ноетъ, а какъ она пр этомъ трудится! Ухъ!

Георгій, очевидно, былъ заинтересованъ разгово ромъ.

— Вѣрно, — сказалъ онъ послѣ короткой паузы, — вы правы; и ужъ кто можетъ ободрить тоскующаго человѣка, внушить ему отвагу и освободить его от мучительныхъ сомнѣній, что этого никто лучше вас сдѣлать не сумѣетъ.

— Ну такъ чего же ты надуваешься, как индѣйскій пѣтухъ и насъ всѣхъ сторонишься, как дикій кабанъ! — расхохотался Кулеша съ видом побѣдителя.

Но Георгій на его вопросъ не отвѣтилъ. Глаза его снова опустились и загорѣлись мрачнымъ бле скомъ онъ опять задумался.

— Го, го! — выпалилъ онъ внезапно, — если бъ я могъ имъ какъ-нибудь отмстить за нанесенную мнѣ обиду, то, кажется, ядовитая змѣя ушла бы изъ моего сердца! Я уже было рѣшилъ поѣхать въ Толлочки и пустить пулю въ лобъ Константину Осиповичу, но, во-первыхъ, не хочу быть убійцей, а, во-вторыхъ, она бы могла подумать, что это изъ-за нея, что хотя она меня и промѣняла на другого, а я такъ по ней тоскую, что совѣсть и свободу ставлю ниже ея ... Но если бъ я могъ найти какое-либо средство, если бъ я могъ что-либо такое придумать ... Чтобъ имъ показать, что я не хуже ихъ, а еще лучше, что о ней и о нихъ столько забочусь, сколько о прошлогоднемъ снѣгѣ ...

Онъ весь заволновался, глаза его сверкнули немъ и сухой вѣткой, отломанной имъ откуда-то ньше, онъ такъ ударилъ по дереву, у котораго оялъ, что она разсыпалась вдребезги. Кулеша ыбнулся подъ усами, раза два искоса посмоѣлъ на Георгія, потомъ какъ бы вскользь замѣлъ:

— Что жъ, вышиби клинъ клиномъ, влюбись въ ругую, и ...

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но воздержался, дѣлавъ надъ собою видимое усиліе, такъ какъ ему егда было очень трудно скрыть какую бы то ни ыло появившуюся у него мысль. Георгій, увлекійся было, сразу остылъ, поблѣднѣлъ и, сдѣлавъ лкой жестъ недовольства, произнесъ тихимъ голоомъ:

— А если я ужъ и не знаю, есть ли на свѣтѣ астоящая любовь или все лишь обманъ ...

— Какой глупый! — вдругъ вырвалось у Кушеши и по его глазамъ, необыкновенно расширившимся, и также по размашистымъ движеніямъ можно ыло замѣтить, что въ настоящую минуту ничто ъ мірѣ не могло бы остановить потокъ его рѣчи.

— Дѣло въ томъ, что ты изъ за кучки болвановъ пренебрегаешь всѣми людьми, а изъ за одной обки не довѣряешь любви всѣхъ женщинъ, — вотъ акой ты глупый! Ну, вотъ, на зло я же тебѣ кажу ... да, на зло и чтобъ тебѣ стыдно было ... ито, можетъ быть, на свѣтѣ есть такой шляхтичъ, оторый бы охотно выдалъ дочь за тебя и есть акая дѣвица, пожалуй, еще получше, чѣмъ та, которая бы тебя, быть можетъ, неизмѣнно люби-ла ... если бы ... если бы ... ты не былъ такъ лупъ!

Онъ отдувался и пыхтѣлъ отъ волненія и вслѣдъ за порывомъ откровенности вдругъ впалъ въ уныніе. Онъ жалѣлъ о томъ, что сказалъ. Онъ вовсе не намѣревался зайти такъ далеко въ разговорѣ съ Георгіемъ, но, какъ съ нимъ часто случалось, у него помимо его воли сорвалось раньше времени съ языка, то, что давно накипѣло на сердцѣ. Онъ слишкомъ поздно прикусилъ языкъ, такъ какъ Георгій сразу понялъ смыслъ его словъ, и даже не удивился, а лишь долго и внимательно посмотрѣлъ на него. Не удивился онъ, быть можетъ, потому, что уже и раньше что то такое замѣтилъ и о чемъ то такомъ догадывался.

Теперь его охватило большое очень замѣтное волненіе и во взглядѣ его на Кулешу отразились и благодарность, и радостъ. Но раньше, чѣмъ онъ успѣлъ что-либо отвѣтить, онъ за своей спиной услыхалъ глухой топотъ лошадей по снѣгу и, обернувшись, съ крикомъ „мама“ бросился къ приближавшимся одноконнымъ санкамъ, въ которыхъ сидѣла немного сгорбленная и завернутая въ холстины женская фигура. Это было уже на дворѣ, недалеко отъ флигеля, и когда санки подъѣхали къ двери, Кулеша, остановившійся неподалеку, видѣлъ какъ Георгій, обнявъ женщину, вынесъ ее изъ саней, какъ перышко и правившему лошадью подростку крѣпко пожалъ руку и потрясъ ее. Лицо его было радостное, Кулешу и послѣдній разговоръ съ нимъ онъ, казалось, забылъ.

А Кулеша пошелъ въ столовую, гдѣ нашелъ всѣхъ своихъ дѣтей въ сборѣ. Такъ какъ день былъ воскресный, то Аврелька сидѣла въ томъ самомъ углу, въ которомъ вчера разговаривала съ отцомъ, прижавшись къ стѣнѣ, и читала съ груст-

ымъ видомъ книгу въ старомъ переплетѣ, а Антекъ алъ, уткнувъ голову въ ея колѣни. Каролька и ська, шепчась между собой и смѣясь чему-то, на-ывали столъ къ ужину, то и дѣло перерывая это нятіе всякими шалостями. Стонущій голосокъ Ку-шовой доносился сюда черезъ слегка пріотворен-ую дверь кухни вмѣстѣ съ запахомъ какого-то арившагося жира и свѣжаго печенья. Кулеша, ходя, почуялъ носомъ эти ароматы и сейчасъ дога-лся о готовящейся отличной гречневой бабкѣ съ ломъ. Онъ улыбнулся:

— Ге, ге! Теофилія сегодня отличается!

И, не глядя ни на кого изъ дѣвушекъ, прогово-илъ:

— Тамъ къ Георгію пріѣхали мать съ братомъ, къ какая-либо изъ козъ поскакала бы туда и по-росила бы къ намъ на ужинъ.

Двѣ младшія козы посмотрѣли другъ на друга.

— Пусть Аврелька скачетъ, она одѣта, — ото-залась Каролька.

Онѣ въ самомъ дѣлѣ были въ полномъ неглижэ: осыя, съ растрепанными косами, въ будничныхъ бкахъ и кофточкахъ. Слишкомъ юныя, для того, тобъ уже интересоваться туалетомъ, онѣ, шаля и омогая матери на кухнѣ, забыли пріодѣться, какъ о полагается въ праздничный день. Аврелія, на-ротивъ, была одѣта по воскресному, въ черное ерстяное платье съ плотно облегавшимъ ея фигуру ифомъ, на шеѣ голубая лента, а ноги въ прюнеле-ыхъ ботинкахъ. Старательно причесанная коса, кра-иво уложенная на головѣ, блестѣла, какъ блѣдное олото. Несмотря на невысокую и немного коре-астую фигуру, нѣсколько широкія скулы и слиш-омъ маленькій носъ, она въ этомъ нарядѣ выгля-

дѣла свѣжей, красивой и статной барышней. Когда она, стройная и нарядная, вошла въ квартиру Георгія, то увидѣла старую, худощавую крестьянку, съ морщинистымъ лицомъ, сидѣвшую у стола, и подлѣ нея красиваго парня въ сермягѣ. Георгій стоялъ передъ ними и съ оживленнымъ лицомъ вслушивался во все, что они ему разсказывали. Обернувшись на заскрипѣвшую дверь, онъ прямо встрѣтился взглядомъ съ глазами Авреліи.

Она на секунду остановилась у двери, бросила взглядъ на потолокъ, на полъ, направо, на лѣво и затѣмъ, успокоившись, задумчивая, серьезная, свободно прошла избу и склонившись передъ старой крестьянкой, — молча поцѣловала ее въ темную морщинистую руку, затѣмъ съ улыбкой сказала:

— Папа и мама приказали мнѣ просить васъ, Георгій, и вашу матушку ...

Тутъ она обернулась въ сторону брата Георгія:

— И васъ ... На ужинъ. Прошу васъ посѣтить насъ и поужинать съ нами. Папа и мама очень просятъ и мы всѣ также.

Около часа спустя жена Кулеши и мать Георгія, еще сидѣвшія за столомъ, вели между собою громкій и упорный споръ о томъ, нужно ли мочить ленъ передъ тѣмъ, какъ растягивать его на травѣ или не нужно. Кулеша, широко усѣвшись на стулѣ послѣ обильнаго ужина, курилъ изъ трубки съ коротким чубукомъ. Младшія дѣвушки убирали со стола и съ шутками и хохотомъ заставляли красиваго, но очень не смѣлаго парня помогать имъ. Георгій и Аврелія стояли у окна нѣсколько въ тѣни, тогда какъ небольшая лампа, горѣвшая на столѣ, хорошо освѣщала всѣ остальные углы комнаты.

— Простите ли вы меня, Аврелія, что я, будучи

заченъ отчаяніемъ и гнѣвомъ противъ всѣхъ на
ѣтѣ, отклонилъ вашу дружбу и согласитесь ли вы
звратить мнѣ ее опять?

Аврелія отвѣтила шутя:

— Я не злопамятна и если вы желаете, я тоже
гласна. Но зато вы мнѣ теперь должны все раз-
зать и во всемъ довѣриться, и за каждый разъ,
къ вы что-нибудь отъ меня скроете, я назначу
желое наказаніе.

— Какое же это будетъ наказаніе, — спросилъ
ъ.

— Вотъ какое: вы должны будете по крайней
рѣ цѣлый день не думать объ одномъ обстоятель-
вѣ и объ одной особѣ.

— Я и такъ уже перестаю думать о ней, — шеп-
лъ онъ.

— Это опять таки нехорошо, это указываетъ
слишкомъ большое непостоянство! — возразила
а, будто немного нахмурившись, хотя губы ея
рожали отъ сдерживаемаго смѣха. Она была ве-
ла, а изъ подъ бѣлаго лба и золотистыхъ бровей
аза ея, такіе же добрые и искренніе, какъ глаза
отца, свѣтились, словно сапфиры чистѣйшей
ды.

Онъ постоялъ еще съ минуту задумчивый, мол-
аливый, потомъ опять отозвался:

— Аврелія!

— Что?

— Вы объ этой исторіи знаете больше, чѣмъ я.
казалъ ли вамъ этотъ посланецъ, на какой день
азначено вѣнчаніе этой особы?

— Какъ же! говорилъ, въ воскресенье на масле-
ицѣ будутъ вѣнчаться.

— До этого воскресенья еще три недѣли?

— Да, три.

Онъ опять задумался, потомъ снова проговорилъ:

— Аврелія!

— Что?

— Дайте мнѣ вашу ручку!

Безъ малѣйшаго колебанія она ему протянула свою руку. Онъ, наклонившись, поцѣловалъ ее нѣсколько разъ, приговаривая послѣ каждаго поцѣлуя:

— Это за тотъ поцѣлуй, который вы запечатлѣли на рукѣ моей бѣдной матери ... за вашу доброту ко мнѣ ... за эти прекрасные глаза, которые теперь такъ мило глядятъ на меня ... На вѣчную дружбу на миръ до конца жизни ...

Кулешова и старушка Георгія все еще спорили, слѣдуетъ ли мочить ленъ передъ разстилкой его, или нѣтъ, а Кулеша, куря трубку, все глядѣлъ и глядѣлъ въ окно, пока не задремалъ.

Около полуночи въ одной изъ комнатъ, занимаемыхъ Георгіемъ, раздавалось дыханіе и похрапываніе двухъ спавшихъ тамъ человѣкъ. Въ другой комнатѣ Георгій стоялъ у окна и глядѣлъ на дворъ, освѣщенный полной луной. Онъ долго думалъ, потомъ сдѣлавъ рукой торжествующій жестъ, тихо воскликнулъ:

— Теперь я вамъ покажу, что думаю о васъ столько же, сколько о старой подошвѣ.

Потомъ, однакожъ, на его лицѣ выразилась печаль:

— А съ тобою, Салюся, какъ мы намѣревались и надѣялись, мы въ одинъ и тотъ же день станемъ предъ алтаремъ... въ тотъ же день... но далеко другъ отъ друга... и на вѣчную разлуку... — Онъ

ткой вытеръ мокрое отъ слезъ лицо, присѣлъ на улъ и такъ просидѣлъ очень долго, печальный, съ устно опущенной головой.

V.

Константинъ Осиповичъ молотилъ въ своей но- й большой ригѣ овесъ, который въ этомъ году рошо уродился и изъ котораго онъ еще ничего продалъ. Свое рѣшеніе не продавать до поры времени овса, онъ откровенно и во всеуслыша- е приписывалъ своему особенному уму.

— Для всего нужно имѣть умъ, — говорилъ ъ. — Чего я не знаю и знать не могу, потому о оно еще въ рукахъ Господа Бога, я предугады- ю, и предчувствую. Другой бы давно позарился цѣны и спустилъ бы овесъ, а я предугадалъ, что меня послѣ у самого нужда во всѣ будетъ! Какъ дто мнѣ кто шепталъ на ухо: пусть себѣ зерно ще полежитъ! А кто это шепталъ? Разумъ! Вотъ го! фью, фью!

А нужда состояла въ томъ, что къ нему должно ыло съѣхаться много гостей на свадьбу, а онъ ылъ слишкомъ гордъ для того, чтобъ не угостить оней каждаго пріѣхавшаго гостя хоть маленькой, и мѣшанной съ сѣчкой мѣркой овса. Въ другое емя такое урѣзываніе дохода его очень огорчало ы, но теперь предстоявшее замужество сестры, инявшее такой благопріятный оборотъ, доставляло му столько удовольствія и такъ льстило его гор- ости, что онъ только иногда чувствовалъ нѣкото- ое уныніе, да и то стараясь, чтобы никто этого не мѣчалъ.

Панцевичъ, жена котораго теперь постоянно жила

у брата, пріѣхалъ сюда вчера съ тѣмъ, чтобы остаться уже до самой свадьбы, время которой подходило. Вставъ рано, онъ походилъ по усадьбѣ и такъ внимательно осматривалъ всѣ постройки Константина, такъ усердно заглядывалъ во всѣ углы, какъ будто видѣлъ ихъ первый разъ въ жизни. Затѣмъ онъ съ жалостью и еще больше съ пренебреженіемъ поглядѣлъ съ минутку на лачужку Габрыся и, наконецъ, соскучившись, снялъ сюртукъ и сталъ помогать брату молотить. Безъ сюртуковъ и жилетовъ, лишь въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, рубахахъ, они стояли близко другъ отъ друга у закромовъ, наполненныхъ запахомъ зерна, и дружно поднимали и опускали цѣпы, которыми выбивали зерна изъ лежавшихъ на полу сноповъ. Панцевичъ дѣлалъ это медленно и степенно, а Константинъ быстро и съ увлеченіемъ, такъ что на одинъ ударъ перваго выпадало два удара второго, и эти глухіе, но сильные удары создавали постоянный, однообразный ритмъ, звуки котораго разносились черезъ открытую дверь по всей усадьбѣ. На дворѣ, въ птичникѣ, около хлѣва и сарая, даже на ухабистой дорогѣ, бѣжавшей по краю поля, слышенъ былъ громкій, постоянный въ одинаковые три темпа не прекращавшійся звукъ: тафъ! тафъ! тафъ! тафъ! тафъ! тафъ! Можно было подумать, что большая, желтая, покрытая сверху бѣлымъ покрываломъ рига говоритъ.

Рядомъ съ этой стояла еще длинная вереница ригъ, образовавшихъ окраину этой околицы, и отовсюду неслись тѣ же звуки; каждому проходившему или проѣзжавшему могло казаться, что эти постройки ведутъ между собою оживленный, болтливый разговоръ. Присоединились къ этому шуму еще и удары несущихся по ухабамъ дороги санокъ и пронзитель-

е чириканье воробьевъ, огромныя стаи которыхъ поднимались въ воздухѣ, шумно взмахивая крыльями, то опять опускались на землю у открытыхъ воротъ каждой риги, гдѣ была разсыпана солома.

Совершенно другого рода звуки доносились изъ открытыхъ оконъ дома Осиповича, въ которомъ ровно жужжанье роя пчелъ, раздавались говоръ и смѣхъ. Легко было отгадать, что комнату наполняла кучка молодежи и что тамъ было очень весело. Вдругъ дверь дома съ шумомъ широко отворилась и на крыльцо выбѣжала стройная красивая дѣвушка, съ черной косой и смуглымъ лицомъ, одѣтая по городскому въ платье съ облегающимъ ея фигуру лифомъ и съ тюрнюромъ — очевидно преслѣдуемая двумя красивыми бѣжавшими за ней парнями. Одинъ изъ преслѣдовавшихъ хваталъ ее за складки платья, другой за руку, и оба кричали и клялись, что ее не отпустятъ, что не для того они сюда прибыли, чтобъ она ихъ оставила скучать въ одиночествѣ, что если такъ несчастная судьба такъ устроила, чтобъ Цыдзикъ вырвалъ ее изъ ихъ среды и увезъ ее такъ далеко, то они хоть теперь должны насмотрѣться на нее. Одинъ изъ нихъ, одѣтый съ претензіей на щегольство, въ сѣрую куртку, вышитую зеленой тесьмой, говорилъ вполголоса, что онъ готовъ застрѣлить этого Цыдзика за то, что тотъ похищаетъ самый красивый цвѣтокъ, выросшій въ этой мѣстности. Второй ей также что-то нашептывалъ, нѣсколько дѣвушекъ въ самодѣльныхъ юбкахъ и будничныхъ кофточкахъ выглядывали изъ-за двери сѣней, скаля зубы на тріумфъ подруги. Она же, повидимому, торжествовала побѣду и съ видомъ удовлетворенной гордости принимала сыпавшіеся на нее комплименты и выраженія нѣжности. Удовлетворенность, шало-

вливость, кокетство такъ и искрились въ ея глазахъ, ярко освѣщая ея лицо и оживляя всѣ движенія. — Особенно этотъ Адась Струпинскій такой красивый, остроумный парень, съ нимъ было такъ весело шутить; при томъ же онъ слылъ за большого волокиту, смутивши душу не одной дѣвушкѣ въ этой околицѣ, и вскружить ему голову казалось не малымъ тріумфомъ. А что она ему голову вскружила, это она ясно видѣла, и была увѣрена, что не будь она обручена съ Цыдзикомъ, онъ бы ей теперь сдѣлалъ предложеніе.

Но хотя общество и было очень веселое, она рѣшила оставить его: эта мысль бросить всѣхъ и уйти куда-нибудь на время, пришла ей въ голову внезапно, неизвѣстно откуда, когда она сидѣла у широкой печи и пряла, шутила и разговаривала съ дѣвушками и парнями. Неизвѣстно почему, среди величайшаго веселья она вдругъ подумала: „Довольно уже будетъ всего этого! Я больше не хочу! Полечу къ Габрысю!“ И она сорвалась съ мѣста и стремительно выбѣжала на крыльцо, куда эти мучители и льстецы послѣдовали за ней и опять стали развлекать и смѣшить ее. Однако же, когда ей Струпинскій ужъ слишкомъ сильно сжалъ руку и черезчуръ нахально посмотрѣлъ въ глаза, она сильно покраснѣла, ударила его по плечу и, вырвавшись, стрѣлой помчалась къ избушкѣ Габрыся. Плетень, раздѣлявшій оба участка, не могъ ей служить препятствіемъ, такъ какъ она съ самаго дѣтства привыкла перелѣзать черезъ него, какъ это сдѣлала и теперь; она перескочила, какъ дикая коза, и лишь складки городского платья, не очень приспособленнаго для такихъ штукъ, зацѣпились за что-то и на минутку изъ подъ нихъ показалась клѣтчатая само-

ьная юбка. Она остановилась, нагнулась и съ покойствомъ осмотрѣла, не разорвала ли чего. Времени своего возвращенія изъ города она одѣ-сь только въ городскія платья, которыхъ у нея о всего два: одно она получила отъ Конецъ, а гое сама себѣ сшила на деньги, полученныя отъ дажи вытканныхъ собственными руками одѣялъ и риковъ. Такъ какъ она выходила замужъ за бо-го, то могла себѣ позволить роскошь сносить платья до свадьбы. Не разъ, одѣвая ихъ, она, зывая на шеѣ ленты, думала о томъ, что теперь ь только въ нарядахъ можетъ искать себѣ сча-, такъ ей и незачѣмъ щадить ихъ. Каждый разъ такихъ мысляхъ у нея появлялись слезы на гла-ь, но пока она завязывала и прикалывала бантики, высыхали.

Черезъ дворикъ Габрыся она шла медленнѣе, слушиваясь къ доносившемуся изъ избы непре-ному, монотонному стуку.

— Габрысь сѣчку рѣжетъ, — мелькнуло въ ея овѣ.

Дѣйствительно, въ темныхъ сѣнцахъ, у поста-нного въ глубинѣ ихъ станка, стоялъ Габрысь безъ чнаго балахона на плечахъ, въ грубой рубашкѣ опираясь босой ступней на подножку, одной ру-быстро опускалъ большой ножъ въ деревянномъ нкѣ на снопъ соломы, который подсовывалъ вто-рукой. Изъ подъ ножа падалъ желтый дождь ки — мелко изрѣзанной соломы; лобъ Габрыся стѣлъ отъ пота и черные усы на выпяченныхъ усилія и задумчивости губахъ торчали щетиной середины исхудалыхъ щекъ.

Въ эту минуту за его спиной зазвенѣлъ свѣжій, чный женскій голосъ:

— Почему ты, Габрысь, хоть бы и для рѣзьб этой самой сѣчки, не одѣваешься немного порядоч нѣе? Босой, съ растрепанными волосами, въ разст гнутой рубахѣ, какъ послѣдній нищій. Фу, какъ н хорошо!

Онъ такъ растерялся, что, выпустивъ изъ рук ножъ и солому, стоялъ, какъ маленькій мальчик застигнутый на мѣстѣ преступленія, низко опустив голову и безсильно свѣсивъ вдоль тѣла руки. Он оживленная и развеселившаяся шутками и компли ментами, отъ которыхъ ей еле-еле удалось освобо диться, стояла передъ нимъ съ блестѣвшими гла зами, потомъ приблизилась, своей рукой отбросил ему со лба мокрые отъ пота волосы и завязала ру баху на шеѣ. Габрыся она очень любила и чѣм больше люди имъ пренебрегали, чѣмъ чаще назы вали его глупымъ, тѣмъ сильнѣе становилась ея лю бовь къ нему. Иногда она чувствовала къ нем большую жалость за то, что онъ былъ такъ бѣдн и такъ одинокъ, иногда же она сама смѣялась и шу тила надъ нимъ; порой онъ выглядѣлъ такимъ смѣш нымъ, какъ напримѣръ, въ настоящую минуту, сто передъ нею столбъ столбомъ, весь красный, съ по висшими, какъ плети руками, и глядѣлъ на нее, ми гая рѣсницами и глуповато посмѣиваясь.

— У тебя ко мнѣ есть какое дѣло, Салюся?

— Нѣтъ, мнѣ только хотѣлось навѣстить тебя и притомъ я хочу спросить, дашь ли ты цвѣтъ со своихъ миртовъ мнѣ для вѣнка.

— Такъ зайди же въ избу и посмотри мирты, а я также сейчасъ приду туда.

Черезъ широкую низкую дверь, закрывавшуюся деревяннымъ затворомъ, она вбѣжала въ избушку и ее сейчасъ же обдалъ душистой волной сильный

пахъ геліотропа и герани. Запахъ этотъ чувство-
лся такъ сильно главнымъ образомъ потому, что
бушка была очень мала. У самой стѣны стояли
ры съ сѣнникомъ, покрытымъ самодѣльнымъ одѣ-
омъ и съ довольно чистой подушкой въ изголовьи,
стѣнѣ надъ нарами висѣло нѣсколько яркихъ ико-
къ и скрипка. Кромѣ стараго стола, на которомъ
сояла небольшая лампочка и лежали книжки въ по-
ртыхъ переплетахъ, скамейки и нѣсколькихъ стуль-
въ, въ избѣ больше ничего не было, да и помѣститься
ы не могло. Полъ былъ глиняный; узкая дверь съ
ысокимъ порогомъ отдѣляла избу отъ кухоньки;
дѣ въ печи горѣлъ слабый огонь, передъ которымъ
сояли два небольшихъ горшка. Единственной ро-
скошью этого тѣснаго и бѣднаго помѣщенія были
ва довольно большихъ окна съ большими чистыми
текламн и единственнымъ украшеніемъ — помѣщен-
ыми на этихъ окнахъ растеніями. Ихъ было со-
всѣмъ немного: пара уже отцвѣтавшихъ, но еще из-
сававшихъ ароматъ, горшковъ геліотропа, раскиди-
тая герань въ полномъ цвѣту и два мирта, которые
были помѣщены на табуретахъ у оконъ, такъ какъ
а окнахъ имъ было тѣсно. Они утопали въ сол-
нечныхъ лучахъ, которые, пробиваясь между зеле-
ными листьями, осыпали дождемъ золотыхъ кружоч-
ковъ и фантастическихъ зигзаговъ глиняный полъ.
Тутъ царила глубокая тишина; лишь иногда потре-
скивалъ огонь въ кухонькѣ или слабо доносился со
стороны усадьбы Константина Осиповича глухой, да-
лекій — ритмическій стукъ цѣповъ.

Салюся, усмѣхаясь, вся облитая солнцемъ, обѣ-
ими руками обняла горшокъ съ геліотропомъ и изо
всѣхъ силъ втягивала въ себя ароматъ небольшого
бѣлаго цвѣтка.

— Нравится тебѣ мой геліотропъ, Салюся? — услышала она за собой тихій вопросъ. — Возьми его себѣ на новое хозяйство.

Габрысь стоялъ за нею, уже одѣтый въ свой балахонъ и сапоги съ отпадающими подошвами.

— Такъ посмотри же на мирты, Салюся!

— У тебя теперь два мирта, а раньше былъ только одинъ!...

Нѣжно прикасаясь пальцами къ мелкимъ листочкамъ мирта, онъ съ улыбкой произнесъ:

— Да, да; этотъ старшій я посадилъ девять лѣтъ тому назадъ, когда ты, Салюся, была маленькая, думая, что онъ вырастетъ какъ разъ къ тому времени, когда ты замужъ будешь выходить, но года три тому назадъ я опять посадилъ второй, чтобъ тебѣ хватило на вѣнокъ и на букеты..

— Такъ ты нарочно для меня ростилъ эти мирты?

— А то какже! — отвѣтилъ онъ съ такимъ удивленіемъ, какъ будто все это подразумѣвалось само собой.

А дѣвушка, вертясь по комнатѣ, щебетала: — У тебя здѣсь красиво, Габрысь! тѣсно, но красиво, оттого что чистенько и цвѣты. А почему ты еще не держишь птичекъ въ клѣткѣ, щегловъ и чижиковъ? Было бы весело, если бъ онѣ щебетали среди этой зелени.

— Не могу, жалѣю ихъ, — отвѣтилъ онъ. — Птицы въ клѣткѣ страшно мучаются. И зачѣмъ? Подъ крышей всю зиму живетъ множество воробьевъ; я имъ черезъ окно остатки бросаю... Когда побросаю, они слетаются тучей, принимаются отыскивать зерна въ шелухѣ, ссорятся, отнимаютъ другъ отъ друга... Чистая потѣха! Почти совсѣмъ, какъ

людей!... А поѣвши вдоволь, они улетаютъ и, ...ть можетъ, благодарны тому, кто ихъ накормилъ.

Салюся, нюхая пушистыя листья геранiи, засмѣ...ась.

— Въ такомъ случаѣ птицы лучше людей, кото...ые, кажется, никогда не благодарили тебя за то, ...о ты всего лишилъ себя въ ихъ пользу. Говорятъ, ...о твой братъ тебя никогда не навѣщаетъ; а пле...инники даже издѣваются надъ дядюшкой! Правда ...и это?

— Правда! — отвѣтилъ онъ и махнулъ рукой. ...огда она отошла отъ цвѣтовъ, онъ поспѣшно за...ѣтилъ:

— А ты еще моихъ собачекъ не видѣла. — И, ...творивъ дверь отъ сѣней, онъ позвалъ:

— Саргасъ! Вильчакъ!

Въ избу вбѣжали двѣ косматыя дворняжки и, ве...село помахивая хвостами, принялись вертѣться во...кругъ высокихъ порыжѣлыхъ голенищъ Габрыся. Са...люся стала ихъ подзывать къ себѣ, особенно стараго Саргаса, который рѣзвился съ нею еще тогда, когда она была подросткомъ. А Габрысь, опять вспомнивъ чемъ-то, воскликнулъ съ необычайной живостью:

— У меня есть чудные голуби... бѣлые, какъ снѣгъ... Хочешь посмотрѣть? Я сейчасъ принесу. Видно было, что онъ хотѣлъ показать ей всѣ свои богатства, все, что только имѣлъ и любилъ.

Съ живостью молодого онъ вышелъ въ сѣни и сейчасъ послышались его тяжелые шаги по ступе...нямъ лѣстницы, ведшей на чердакъ. Между тѣмъ Салюся, обводя взоромъ избу, остановилась на висѣв...шей надъ нарами скрипкѣ и, вскочивъ на нары, сняла ее и провела смычкомъ по струнамъ. По из...бушкѣ разнесся пискливый звукъ, и она громко за-

смѣялась. Солнечный свѣтъ падалъ теперь изъ окна прямо на нее и на скрипку. Габрысь, держа бѣлаго голубя въ обѣихъ рукахъ, вошелъ и остановился въ дверяхъ съ поднятымъ къ ней взоромъ и улыбкой восхищенія на раскрытыхъ губахъ. Но она въ одинъ мигъ соскочила съ наръ и, бросивъ скрипку на постель, остановилась около него.

— Красивый голубокъ! Милый голубокъ! — воскликнула она, приложивъ алыя губы къ клюву приученной и спокойной птицы и нѣжно лаская ея бѣлоснѣжныя перья; при этомъ она такъ наклонила голову, что уложенныя на ея головѣ косы ласкали склоненное лицо Габрыся. Но тутъ, поднявъ глаза, она встрѣтилась съ нимъ взглядомъ и вдругъ притихла. Съ худощаваго, продолговатаго, покрытаго мелкими морщинами лица, на которомъ щетиной торчали твердые усы, глядѣли на нее молодые, черные, огненные глаза, глаза рода Осиповичей, но въ эту минуту глубоко растроганные и взволнованные. Надъ ними, по мелкимъ морщинкамъ лба, блуждали яркіе лучи. Салюся притихла, перестала ласкать голубя и, отойдя на нѣсколько шаговъ, присѣла на скамейкѣ у стола, опустивъ голову на руку. Она пріуныла, но совсѣмъ, совсѣмъ не потому, что замѣтила необыкновенное выраженіе въ лицѣ Габрыся. Ей и въ голову не пришла мысль о томъ, что онъ чувствовалъ или думалъ, когда смотрѣлъ на нее такимъ растроганнымъ взоромъ. Что особеннаго могъ чувствовать или думать Габрысь? Она пріуныла потому, что глаза Габрыся ей въ эту минуту напомнили другіе глаза, какъ ей казалось оставшіеся гдѣ-то въ далекомъ прошломъ. Точно такъ же съ нею бывало всякій разъ, когда она слышала громкій смѣхъ двоюроднаго брата, который, — должно же

…ъ случиться, — былъ совершенно похожъ на …ѣхъ того человѣка, оставшагося въ далекомъ про…комъ! И такія напоминанія она нерѣдко испытывала. …кое-нибудь случайное выраженіе, или движеніе, …-нибудь посмотритъ на нее какъ-то такъ, даже …теръ иной разъ, тучи на небѣ, мигающая лампа, — …уже является воспоминаніе о немъ или о какомъ-…бо разговорѣ съ нимъ, или о какой-либо минутѣ, …мой маленькой, прожитой вмѣстѣ съ нимъ и на …ки потонувшей въ минувшемъ.

— Габрысь! Дай лѣкарство! Ой, Боже мой, …же! Человѣкъ безъ капли воды долженъ уме…ть! Габрысь, имѣешь ли ты Бога въ сердцѣ, что …ня оставляешь и даже горшка съ лѣкарствомъ не …даешь? Габрысь! Охъ, охъ охъ! Охъ, охъ, охъ!

Онъ бросился въ кухонку, и черезъ узкую дверь …дно было, какъ онъ подавалъ кому-то горшечекъ, …слышно было, что онъ тихо что-то говоритъ кому-…, непрестанно стонущему и сварливо ворчащему. …отомъ, когда стоны и ворчаніе умолкли, онъ опять …звратился въ избу и присѣлъ на порогъ.

— Тетка больна? — спросила Салюся.

Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— А ты за нею ухаживаешь?

Онъ ничего не отвѣтилъ. Онъ смотрѣлъ на нее, …о иначе, чѣмъ минуту тому назадъ: внимательно и …ревожно. Теперь, когда она перестала смѣяться и …щебетать, а сидѣла задумчивая и пріунывшая, опу…тивъ лицо на руки, можно было замѣтить проис…шедшую въ ней перемѣну. Все еще свѣжее, какъ …айская роза, лицо видимо похудѣло, и подъ гла…зами обрисовались темные круги. Словно изъ-подъ …егкой пелены просвѣчивалъ теперь сквозь лежавшее …а ея лицѣ облако грусти блескъ ея здоровой, кра-

сивой молодости. Алыя губы казались нѣсколько поблѣднѣвшими и печальными. Она молчала и глядѣла въ землю.

Габрысь тихо спросилъ:

— Почему ты пріуныла, Салюся?

Тогда она, закрывъ лицо руками, начала шептать:

— Если бы ты зналъ, какъ тяжело мнѣ подчасъ, какъ тяжело . . .

Она замолчала, а онъ, также опечаленный, не спускалъ съ нея глазъ.

— Подчасъ мнѣ бываетъ и весело, я даже радуюсь . . . Шутка ли это? Перейти на такое хозяйство, жить въ мирѣ со всѣми и въ почетѣ . . . Но иногда я опять думаю: чтобъ ихъ всѣхъ черти побрали за то, что они меня сдѣлали такой несчастной! несчастной!

Она схватилась за голову и сорвалась съ мѣста.

— Не нужно бранить, — несмѣло заговорилъ Габрысь, но она его не слышала, вся въ огнѣ, сверкая глазами:

— Я его не хочу, не хочу, не люблю, не люблю, ненавижу . . . — закричала она и ударила объ столъ сжатымъ кулакомъ.

— Кого? — шепнулъ Габрысь, пораженный.

— А этого Цыдзика . . . Если бы онъ раньше сквозь землю провалился, чѣмъ пріѣхать ко мнѣ свататься . . . этотъ недоросль мерзкій, сопливый . . . когда онъ ко мнѣ подходитъ, мнѣ кажется, что слизнякъ ползетъ, и я даже свое платье спѣшу подобрать, чтобы онъ какъ-нибудь не притронулся.

Она задыхалась отъ волненія и отвернулась лицомъ къ окну, ломая руки. Габрысь съ минуту си-

тѣлъ, наклонившись впередъ съ открытымъ ртомъ и
зумленнымъ выраженіемъ глазъ. Потомъ онъ съ
ревогой началъ:

— Такъ какъ же? Такъ что же изъ этого
удетъ? Вѣдь онъ же твой будущій мужъ, Са-
юся!..

— Это еще неизвѣстно! — отвѣчала она бы-
тро и, отвернувшись отъ окна, обратилась къ Га-
рысю:

— Если бы я хоть какую-нибудь вѣсточку отъ
его получила! Если бы я хоть что-либо о немъ
слышала! Боже мой, Боже! Какъ я ожидаю
пріѣзда Конецъ... Быть можетъ, она уже завтра
или послѣзавтра пріѣдетъ! Я такъ ее жду, какъ
никогда никого не ждала.

— А на что тебѣ Конецъ понадобилась?

— Ахъ ты, глупый Габрысь, ничего не пони-
маешь! Она, можетъ быть, что-либо о немъ знаетъ
и возможно, что она его видѣла, можетъ быть,
онъ поѣхалъ къ ней, чтобы узнать, что произо-
шло со мною? Ой, что такое произошло?.. Что
стало со мною?.. я и сама не знаю и не пони-
маю...

Заломивъ въ отчаяніи руки, она застыла въ не-
движной позѣ, глядя впередъ остановившимся взгля-
домъ; казалось, будто она отъ кого-то ждетъ рѣ-
шенія своей судьбы и всего, что наболѣло на ея
душѣ. Горе собрало морщины на ея всегда глад-
комъ, какъ мраморъ, лбу и опустило внизъ углы
небольшого рта.

Габрысь схватился обѣими руками за голову и,
качаясь въ обѣ стороны, тихо шепталъ:

— Іезусъ, Марья! Іезусъ, Марья! Что изъ этого
будетъ?

Вдругъ онъ вскочилъ, побѣжалъ въ кухню и вернулся съ горшкомъ, въ которомъ торчала деревянная ложка, и поставивъ его на столъ, несмѣло началъ ее просить:

— Можетъ быть, ты скушаешь немного бобовъ, Салюся? Покушай, право! Раньше ты очень любила бобы, ну покушай, хоть немного. Помнишь, какъ ты ко мнѣ бобы ходила ѣсть? Покушай же и теперь, прошу тебя!

— Не хочу, Габрысь! не надоѣдай мнѣ своими бобами, — сердито пожимая плечами, проворчала она и насупившись сѣла на табуретъ. — Однакожъ, — думала она, — недаромъ люди говорятъ, что Габрысь глупый. И пришли же ему на умъ эти бобы! Когда мнѣ такъ грустно, такъ печально, такъ худо! Знаю вѣдь я, что у Цыдзика не то, что бобы, а какое вздумаю, лакомство ѣсть буду, и все-таки мнѣ такъ грустно, такъ печально, такъ скверно!

А онъ между тѣмъ немного подумалъ, потомъ, тихонько ступая на своихъ рваныхъ подошвахъ, какъ бы крадучись, подошелъ къ окну и, оторвавъ пару пахучихъ цвѣтковъ геліотропа, сталъ съ ними передъ Салюсей.

— Такъ ты, можетъ быть, пришпилишь себѣ цвѣтки къ волосамъ? Пожалуйста, Салюся, они такъ хорошо пахнутъ! Но ты вѣрно не можешь безъ зеркала? у меня есть кусочекъ зеркала, я его сейчасъ принесу . . .

И онъ хотѣлъ пойти за кусочкомъ зеркала, но она встала, вытянула свои сплетенныя надъ головой руки и произнесла:

— Не хочу я цвѣтовъ, не хочу зеркала, ничего не хочу, пойду уже . . .

Она ушла, и не думая даже прощаться съ нимъ; остался стоять среди избы съ геліотропомъ въ ахъ, будто окаменѣвъ. Ворчливый стонъ, раздавшся снова въ кухнѣ, вывелъ его изъ задумчивости: —— Габрысь!.. Ой, ой, ой! Габрысь! Бойся а! Почему ты не отставляешь горшковъ огня? Все выкипитъ и не будетъ ложки лой пищи поѣсть... Габрысь! Ужъ ты тамъ но ротозѣйничаешь, дуралей! Охъ, охъ! Габрысь! Глупый Габрысь! Дай хоть напиться!

Часъ спустя Салюся и Панцевичъ поѣхали въ течко за покупкой необходимыхъ вещей для дьбы, и когда онѣ къ вечеру возвратились, нѣлько дѣвушекъ и кавалеровъ пришли просить, бы она пошла съ ними на „гурбу“, т. е. цовальный вечеръ. Разрумянившаяся отъ поки, довольная сдѣланными покупками, показыихъ подругамъ, она однакожъ не сразу согласась пойти на вечеринку; но это дѣлалось шь для того, чтобы подразнить тѣхъ, кто ее окружили, и просили, умоляли пойти. Никогда раньше всей околицѣ такъ не ухаживали за ней, какъ перь, никогда не вертѣлось вокругъ нея столько тецовъ, столько поклонниковъ. Къ ней сватались раньше женихи, но не столь выгодные, чтобы атъ или сестры и она сама въ нихъ находили о-либо интересное, а потому имъ отказывали. Было и прежде, что ей говорили или намекали, что а самая красивая дѣвушка во всей околицѣ и что а достойна хорошей партіи, что рядомъ съ ней одна невѣста, хоть бы и самая богатая, потеетъ цѣну, но слышала она это не такъ часто и отъ такихъ лицъ, какъ теперь. Теперь ей прямо ны не знали. Адась Струпинскій бѣсился въ от-

чаяніи, что Цыдзику удалось его предупредить, Юзикъ Лаговскій и еще другіе при каждомъ упоминаніи о томъ, что она обручена, становились мрачнѣе тучи и даже тихонько грозили, что они этому молокососу, который у нихъ изъ-подъ носа взялъ лучшую невѣсту, когда-нибудь кости помнутъ. Константинъ съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на побѣды сестры и не разъ, подбоченясь, говорилъ съ громкимъ смѣхомъ:

— Она должна мнѣ руки цѣловать за то, что изъ нея сдѣлалъ такой брилліантъ, пріобрѣсти который теперь столько охотниковъ. Прежде за два года всего одинъ женихъ явился и то не важный... а теперь, когда единственный сынъ Онуфрія ее заторговалъ, тутъ и всѣ купцы явились! Ха, ха, ха! Когда бѣжитъ, то бѣжитъ, а когда падаетъ, то лежитъ! У меня всегда такъ выходитъ.

Панцевичъ, какъ женщина молодая и опытная, недовѣрчиво улыбалась и съ злымъ выраженіемъ черныхъ глазъ твердила:

— Конечно, заторгованный конь и засватанная невѣста всегда въ цѣнѣ. А если бы она теперь разошлась съ Цыдзикомъ, то и всѣ другіе отъ нея отступились бы.

Между тѣмъ Салюся въ своемъ городскомъ изящномъ платьѣ съ краснымъ бантомъ въ черныхъ косахъ шла тропинками и задворками во главѣ кучки дѣвушекъ и молодыхъ людей. Они, то пробираясь гуськомъ, то широко разсыпаясь по дорогѣ съ шутками и смѣхомъ, утопали по колѣни въ снѣгу. Она шла быстро, размашисто, съ высоко поднятой головой, и глаза ея блестѣли удовлетвореніемъ и гордостью. Она говорила громко, удачно отвѣчала на шутки и комплименты, была

ела, но держала себя съ достоинствомъ. Случи-
ь однакожъ такъ, что послѣ кадрили или крако-
а многочисленная и шумная компанія собравшихся
почти пустомъ большомъ помѣщеніи, слабо освѣ-
нномъ одной лампочкой, вдругъ замѣтила ея от-
ствіе. Незамѣтно для всѣхъ она исчезла среди
селья; боясь преслѣдованій, она какъ стрѣла про-
слась за околицу и, когда достигла, наконецъ,
ора брата, оперлась, задыхаясь отъ усталости, о
боръ. Если бы за нею и сюда послѣдо-
ли, она способна была перескочить заборъ и
рыться въ хатѣ Габрыся, но за нею не погнались;
вствовали ли они себя обиженными или посту-
ли такъ изъ приличія, но ея не искали, и она
лго тутъ простояла, опершись объ заборъ, опу-
ивъ лицо на ладони, и думала.

Иногда, не каждый день, но иногда Габрысь въ
оей лачужкѣ игралъ на скрипкѣ. Сквозь сравни-
льно большія, отбрасывавшія блѣдный свѣтъ окон-
ія стекла, прорывались протяжные звуки и мелодіи
зныхъ старинныхъ пѣсенъ: „Тамъ на лугу блеститъ,
ѣтетъ“ или „Идетъ воинъ боромъ, лѣсомъ“ или
Лети, мотылекъ, лети туда, далеко“. Порывы
тра подхватывали звуки этихъ мелодій и несли
ъ черезъ окутанныя снѣгомъ крыши, надъ затих-
ими домами, сквозь слегка шумѣвшія сплетенныя
тви деревьевъ, на дорогу, изрытую выбоинами, а
сюда они разносились дальше по тянувшейся бе-
гомъ необозримой равнинѣ, мутно бѣлѣвшей во
ьмѣ. Съ другого конца околицы, какъ будто на-
трѣчу этимъ звукамъ, долетали другіе, совер-
енно иного рода, прыгающіе, веселые; притомъ,
оздно ночью, когда старики уже крѣпко спали
во всѣхъ домахъ тухли огни, молодежь, собрав-

шись на „гурбу“, вертѣлась подъ звуки польки или отплясывала краковякъ. Не разъ Салюся, уходя с вечеринки, забѣгала къ этому забору и, стоя на вѣтрѣ подъ звѣзднымъ или подернутымъ тучами небомъ, въ глубокой темнотѣ, закрывала ладонями лицо и плакала подъ эти звуки.

Когда Салюся три недѣли тому назадъ приняла вторично пріѣхавшихъ сватовъ, и кобылка Ясмонта была введена въ сарай, дѣвушку охватило такое чувство, словно съ нея свалилась большая тяжесть.

Будто изъ жизни, полной вѣчныхъ ссоръ, тревоги и борьбы, она попала въ пріятную атмосферу тишины и спокойствія.

Свершилось! Задвижка щелкнула, множество родныхъ и знакомыхъ, которые въ этотъ день ходили въ домъ Константина, какъ на отпущеніе грѣховъ, были свидѣтелями ея рѣшенія и даннаго ею обѣщанія. Знала она, что отрекаться отъ своего слова не можетъ подъ страхомъ быть предметомъ общихъ насмѣшекъ и презрѣнія и ей, вообще, и не хотѣлось отрекаться.

Ея голова была полна мыслями о томъ большомъ хозяйствѣ, владѣлицей котораго ей вскорѣ предстояло быть, уши полны поздравленіями самыхъ почтенныхъ въ околицѣ людей, щеки горѣли отъ поцѣлуевъ сестеръ и подругъ. Она радовалась, угощала гостей вмѣстѣ съ Панцевичъ, подвернувъ рукава выше локтей, пекла въ кухнѣ картофельныя оладьи, яичницы и другія лакомства, черезъ высокіе пороги переходила не иначе, какъ въ припрыжку, съ женихомъ шутила и смѣялась, пріучая его прислуживать ей и давая ему множество порученій, высмѣивая и дразня его и, вообще, обращаясь съ нимъ, какъ съ мальчишкой-подросткомъ

Онъ же, ничѣмъ не обижаясь, а напротивъ, въ
оргѣ отъ всего, что исходило отъ нея, ходилъ
нею, какъ тѣнь, смѣша ее своей похожей на
фигурой и почти дѣтскимъ лицомъ. Онъ
родилъ огонь въ печи, приносилъ воду изъ ко-
да, кололъ дрова на щепки. А когда она, на-
каясь, называла его неуклюжимъ, недорослемъ,
чишкой, онъ смотрѣлъ на нее съ восхищеніемъ
ироко улыбался, показывая при этомъ два ряда
ыхъ, какъ слоновая кость, зубовъ.

Всѣ знали и не скрывая громко говорили о
ь, что ей легко будетъ веревки вить изъ такого
а; уже и теперь можно угадать, кто будетъ еди-
ластнымъ хозяиномъ въ богатомъ домѣ Онуфрія
зика. Что она сумѣетъ и тестя прибрать къ
мъ, можно предсказать съ полной увѣренностью.
фрій, хоть и начиненъ деньгами, а плясать бу-
подъ невѣсткину дудку. Всѣ эти предсказанія
или ей и будили въ ней надежды и охоту къ
ску, лести и властвованію.

Такъ шло цѣлыхъ три дня, то есть, до самаго
ѣзда Конецъ, которая, несмотря на просьбы
ныхъ остаться, рѣшила возвратиться къ мужу и
мъ. Уже все утро до ея отъѣзда Салюся хо-
а какая-то пріутихшая, съ задумчивыми и зату-
енными глазами, а когда Конецъ одѣла салопъ и
а завертывать голову платкомъ, она бросилась
на шею и разразилась громкими долгими рыданіями.
и такъ крѣпко обнимала сестру руками, такъ при-
малась къ ней, такъ отчаянно покрывала ея лицо
ѣлуями, обливая его обильными слезами, какъ
то эта сестра была ея единственнымъ сокрови-
мъ, отъ котораго она оторваться не могла. Сама
нецъ и всѣ присутствовавшіе, сначала удивленные

выраженіемъ такого сильнаго горя и отчаянія дѣ
вушки, которую они еще наканунѣ видѣли веселой
какъ жаворонокъ, и скачущей, какъ коза, вскорѣ
сами заразились ея горемъ и когда Конецъ вышел
на крыльцо, вокругъ нея поднялись такіе дружны
вздохи, стоны, всхлипыванья и сморканье носовъ
какъ будто бы ее выносили изъ дому въ гробу. А
она сама, еле стоя на ногахъ, тоже рыдала и усердно
вытирала носъ, а Салюся все хваталась за нее ру
ками, какъ за единственное сокровище, какъ за по
слѣдній якорь спасенія.

Наконецъ, Константинъ, вытирая рукой мокрые
отъ слезъ глаза, энергично крикнулъ:

— Ну, довольно! Когда бѣжитъ, то бѣжитъ... А
Анулька, садись и поѣзжай, потому что эта сума
сшедшая доплачется до смерти!

Сумасшедшая, цѣпляясь за сидѣвшую въ саняхъ
сестру, обнимала и цѣловала ее, потомъ вдругъ вско
чивъ въ сани, крикнула батраку: „поѣзжай!“ и какъ
была, безъ всякой теплой одежды, въ одномъ
платьѣ поѣхала съ сестрой. Роднѣ, кричавшей съ
крыльца, чтобы она вернулась, она плаксивымъ го
лосомъ крикнула:

— Я только немного провожу Анульку.

Она провожала цѣлыя пять верстъ и провожала
бы, быть можетъ, и дальше, если бы, какъ разсказы
валъ впослѣдствіи возница, Конецъ не приказала
остановить санки и не высадила бы ее изъ нихъ
насильно. Съ этой прогулки она возвратилась ни
чуть не простуженная, а, напротивъ, разогрѣтая
быстрой ходьбой, но какъ отравленная, какъ убитая,
такая печальная, задумчивая и молчаливая. Никто не
понималъ и даже не особенно добивался понять, что
съ нею произошло. Она сама себѣ также въ этомъ

ита не отдавала, но у нея было такое чувство, го съ отъѣздомъ Конецъ въ ней что-то оборва-, что-то окончательно и навѣки пропало для Послѣ, обдумывая все это, она поняла и нѣ ясно опредѣлила, что Конецъ была свидѣ-мъ ея навѣки потеряннаго счастья, единствен-ъ человѣкомъ изъ всѣхъ окружающихъ, хоть да-либо дружески относившихся къ Георгію, ко-ая даже помогала ея сближенію съ нимъ и по-му, разставаясь съ нею, она снова и уже въ по-дній разъ разставалась съ Георгіемъ. Теперь ее будутъ окружать одни лишь враги его, орые его не знаютъ и понятія о немъ не ютъ, тѣ, о которыхъ она и не думала тогда, да была такъ счастлива!.. И теперь, въ пер-разъ послѣ той минуты, когда она ему ото-ла письмо съ отказомъ и обручальнымъ колеч-ъ, онъ сталъ передъ нею, какъ живой, такой альный, взоръ его былъ такъ грустенъ и съ та-ъ отчаяніемъ глядѣлъ на нее, что она дальше могла усидѣть на мѣстѣ, видя передъ глазами картину; она выбѣжала изъ дома и, глядя съ льца на широкія, бѣлыя поля, на ухабистую до-у, подумала: „Если бы такъ полетѣть? Поле-ь бы къ нему! Ахъ! какъ бы я летѣла! ле-а!“ и глядя на небо, мысленно молилась: „Боже, же! Преврати ты меня въ вольную птицу, чтобы ни оковъ, ни злыхъ людей не знала и могла летѣть къ нему, летѣть!“ Но она не превра-ь въ вольную птицу и не полетѣла. Въ этотъ черъ она на всѣхъ смотрѣла какими-то злыми гла-ми и такъ вспыльчиво отвѣчала сестрамъ, когда звали ее помочь имъ въ какой-либо работѣ, что нцевичъ ей замѣтила:

— Что жъ ты, какъ оса, людямъ въ глаза бр... саешься? Еще рано тебѣ носъ задирать изъ-... Цыдзикова богатства!

На что она съ озлобленіемъ крикнула:

— Чортъ бы побралъ Цыдзика вмѣстѣ съ ег... богатствомъ.

Послѣ этого она вбѣжала въ каморку, гдѣ спал... она и сестры, и такъ хлопнула за собою два раз... дверью, какъ будто выстрѣлила разъ за разомъ изъ... пистолета.

Но на слѣдующій день пріѣхалъ самъ Онуфрій Цыдзикъ, чтобъ поблагодарить за хорошій пріемъ сватовъ и познакомиться съ будущей невѣсткой. Константинъ принялъ его съ большимъ почетомъ. Сосѣдей и сосѣдокъ сошлось столько, что въ свѣтлицѣ стало тѣсно, и Салюся, нарядная и торжествующая, краснѣя и улыбаясь, присѣдала передъ толстымъ и краснолицымъ тестемъ, который ей въ присутствіи всѣхъ цѣловалъ руки и очень нѣжно глядѣлъ на нее пронырливыми глазами стараго скряги и въ пышныхъ выраженіяхъ благодарилъ ее за честь, которую она оказала его дому, согласившись стать его хозяйкой и властительницей. Затѣмъ, тутъ же назначили день обрученія черезъ недѣлю, а вѣнчанія черезъ три недѣли.

Три недѣли — много времени. О томъ, что они когда-либо кончатся, Салюся и думать не хотѣла. Мысль о концѣ этихъ трехъ недѣль она гнала отъ себя, какъ злой, давящій сонъ.

— Когда еще это будетъ — говорила она себѣ и, махнувъ рукой, шла осматривать всѣ уголки родной усадьбы. Цѣлый годъ ея тутъ не было; этотъ годъ она провела у Конецъ и теперь она все привѣтствовала и все ее радовало: коровы, овечки, кра-

кая рига, куры, изъ которыхъ многія еще были вскормлены, пѣтухъ съ блестящими перьями, который помнилъ ее, подошелъ на зовъ, нѣсколько ласкливыхъ поросятъ въ хлѣвѣ, даже деревья въ саду, которыя она, хоть они и были покрыты снѣгомъ и блестящимъ инеемъ, тщательно осматривала кругомъ.

Разъ, выходя изъ хлѣва, гдѣ стояло штукъ тридцать овецъ, она встрѣтила брата, который, заложивъ руки въ карманы куртки ходилъ по двору и посвистывалъ: фью, фью, фью, она съ улыбкой подошла къ нему и попросила:

— Костусь, дай мнѣ на новое хозяйство хоть десятокъ овечекъ! Хочется мнѣ тамъ, въ чужомъ домѣ, имѣть всего хоть понемногу своего.

— Шесть штукъ я тебѣ дамъ! сама себѣ выбери! — отвѣтилъ онъ, — когда бѣжитъ, то бѣжитъ... и ушелъ дальше, продолжая насвистывать, хотя и нѣсколько тише, чѣмъ прежде.

Во сколько этотъ бракъ сестры ему обойдется! Ахъ касъ! Но господа Цыдзики не скажутъ, что онъ отпустилъ сестру въ ихъ домъ съ пустыми руками. Что она обладаетъ первыми пятью качествами, всѣмъ извѣстно, такъ пусть же она будетъ снабжена и шестымъ, и пусть господа Цыдзики знаютъ, каковы господа Моссиповичи!..

Между тѣмъ Салюся, просидѣвъ почти полъ дня въ хлѣвѣ, выбрала изъ тридцати овецъ шесть штукъ; выбранныхъ она ласкала, гладила, присѣвъ на землѣ, даже подросшую на нихъ шерсть, разговаривала съ ними, называла ихъ своими.

Потомъ все стадо, какъ будто удивленное или перепуганное, густо сбилось кругомъ нея, жалобно блеяло, а она сидя на помятой соломѣ въ этомъ кос-

матомъ и мохнатомъ кольцѣ, повязывала принесен-
ными ею съ собою красными тесемочками шеи шест
выбранныхъ ею овечекъ, чтобъ отличить ихъ от
другихъ. Она наклоняла голову то въ одну, то в
другую сторону, присматриваясь, какъ эти тесемк
красиво выдѣлялись на сѣрой, черной и коричнево
шерсти животныхъ.

Еще занятая этой забавой, она услышала зады-
хающійся голосъ Панцевичъ:

— Салюся! домой! пріѣхалъ Цыдзикъ со сватомъ
и обручальными кольцами!

Теперь только она вспомнила, что этотъ день
былъ назначенъ для обрученія. Въ этотъ же день,
или скорѣе въ этотъ вечеръ, она въ первый разъ
взглянула прямо въ глаза своей судьбѣ, такъ какъ
Владысь Цыдзикъ съ той минуты, какъ одѣлъ на ея
и свой пальцы золотыя колечки, сталъ неотлучно
держаться около нея, причемъ въ отношеніи его къ
ней замѣчалось уже что-то особенное. О какой-либо
дерзости или нахальствѣ не думалъ и не могъ думать
этотъ едва вышедшій изъ дѣтскаго возраста паре-
некъ, котораго любовь впервые и сильно захватила,
наполняя жилы его огнемъ и сердце едва ему по-
нятнымъ восторгомъ. Показали ему дѣвушку, кра-
сивую, какъ мечта жаркаго лѣта и сказали, что она
можетъ стать его женой. Съ перваго взгляда въ
немъ вспыхнуло сильное желаніе, чтобъ это сбылось
и послѣ перваго ея отказа, въ продолженіе всей до-
роги въ Богатыревичи, онъ цѣловалъ плечо и руку
Ясмонта и умолялъ его не отказаться вторично по-
ѣхать съ нимъ и приложить всѣ старанія къ тому,
чтобы склонить Салюсю принять его предложеніе.
Никогда раньше онъ близко не зналъ ни одной жен-
щины, ни за кѣмъ не ухаживалъ и не зналъ и даже

думалъ о томъ, какъ лучше, искуснѣе слѣдуетъ при-
ься за ухаживанье, чтобъ можно было надѣяться
успѣхъ. Незнакомое доселѣ чувство, впервые въ
ъ заговорившее, толкало его теперь къ невѣстѣ,
лѣдивъ въ немъ природную робость и пробуждая
спытанныя еще желанія и мысли. Когда Салюся,
щая свата и родственниковъ, пріѣхавшихъ на об-
еніе, ходила изъ свѣтлицы въ кухню и обратно,
, какъ длинная тонкая тѣнь, слѣдовалъ за нею
тъ за шагомъ, стуча тяжелыми сапогами, остана-
ваясь повсюду, гдѣ она останавливалась, опять
пгаясь за нею, лишь только она шла дальше, и
рачиваясь всегда въ ту сторону, куда поверты-
а голову она. При этомъ ротъ его всегда былъ
роко раскрытъ и удивительно блаженно усмѣхался,
блестящіе глаза устремлены на Салюсю, какъ на
сочникъ радужнаго сіянія. Можно было предпола-
ь, что если бы его кто-либо теперь ударилъ ладонью
прямой вытянутой спинѣ или даже палкой хватилъ,
ь бы не почувствовалъ и даже не замѣтилъ бы
ого. Салюся нѣкоторое время не обращала на
со никакого вниманія, но когда онъ ей раза два
ступилъ ня платье и разъ, когда она спѣша, не-
иданно обернулась, такъ неуклюже сталъ на ея
рогѣ, что она его стукнула салатницей въ бокъ и
ть не уронила ее изъ рукъ, она посмотрѣла на
, напоминавшую собою жердь, тонкую фигуру,
открытый ротъ, вытаращенные и прикованные къ
й глаза, и ее сначала охватилъ смѣхъ, тотчасъ же
ѣнившійся гнѣвомъ.

— Что это вы, Владиславъ, ходите за мной, какъ
ленокъ за коровой, — крикнула она, — прошу
сть и не вертѣться у людей подъ ногами.

Перепуганный, онъ сейчасъ же присѣлъ на бли-

жайшей табуреткѣ, а на ея губахъ появилась и дол
не исчезала едва замѣтная, но злая, презрительн
усмѣшка. Ни разу онъ не старался завязать съ не
какой-либо разговоръ, но когда всѣ сѣли за ужин
онъ вдругъ съ большимъ шумомъ сорвался съ своег
мѣста и оттолкнулъ съ одной стороны Ясмонта
другой Панцевичъ, чтобы сѣсть около Салюси. Он
не могла понять, какую онъ для себя пользу видѣл
въ этомъ сидѣньи рядомъ съ ней, когда онъ ни сло
вомъ съ ней не обмолвился, а только все глядѣл
на нее и одинъ разъ чуть-чуть потянулъ ее под
столомъ за платье. Это онъ сдѣлалъ для того
чтобъ она посмотрѣла на него, а также изъ желанія
притронуться хоть къ ея платью. Но ее съ ногъ до
головы охватила дрожь отъ этого прикосновенія,
въ эту минуту она почувствовала такое отвращеніе
къ этому молокососу, какое въ ней съ самаго дѣтст
ства возбуждали слизняки. Чувство это возрастало
при каждомъ новомъ посѣщеніи Цыдзика, и въ концѣ
концовъ она про себя иначе ужъ не называла его
какъ неряхой, коломъ, затычкой, ротозѣемъ, слизня
комъ, сопливымъ — это послѣднее прозвище осо
бенно часто приходило ей въ голову при мысли о
немъ. Черезчуръ молодой возрастъ жениха будилъ
въ ней отвращеніе, соединенное съ брезгливымъ пре
зрѣніемъ. Она сто разъ предпочла бы выйти за
стараго человѣка. Знала бы она, по крайней мѣрѣ,
что должна его уважать, что безъ урона для себя
можетъ быть ему послушна, что во всякомъ случаѣ,
при надобности можетъ найти у него разумный со
вѣтъ и правильное сужденіе, основанное на опытѣ.
Но этотъ! Боже, сжалься! онъ своей влюбленностью
вызывалъ въ ней одновременно и отвращеніе, и та
кой приступъ смѣха, какъ если бы, напримѣръ, двѣ-

нцатилѣтній сынъ Панцевичъ влюбился въ нее и
елалъ бы на ней жениться. Всѣ ея душевныя и
ическія силы, вся ея зрѣлость и освѣдомленность
вдѣлахъ ухаживанья, пріобрѣтенная ею за время
любви съ Георгіемъ, поднимали въ ея душѣ
ѣтъ противъ малѣйшей близости съ этимъ маль-
шкой. И каждый сильный порывъ этого внутрен-
о сопротивленія сопровождался приступомъ тоски
сомъ... далекомъ, погибшемъ для нея, котораго
. теперь минутами, вѣроятно вслѣдствіе постоян-
о сравненія съ Цыдзикомъ, такъ обожала, что
и бъ онъ вдругъ сталъ передъ нею, она упала бы
ередъ нимъ на колѣни.

— Ужъ онъ не мой, не мой, не мой! — думала
а въ ту ночь, которая послѣдовала за обруче-
мъ, — но онъ такой красивый, такой умный, смѣ-
й, добрый!

А потомъ она стала разговаривать съ нимъ въ
оихъ мысляхъ. Она сѣтовала на то, что поѣхала
мой, что они предварительно не повѣнчались, еще
ньше, чѣмъ онъ получилъ мѣсто въ имѣніи князя,
о теперь ей никакъ уже не вырваться изъ той
падни, въ которую ее словили. А онъ ее упре-
лъ, говорилъ, что онъ очень несчастливъ и смо-
тѣлъ на нее такъ печально, что она начинала умолять
о простить ее, забыть о ней, быть счастливымъ съ
угой, и лишь немного, хоть крошечку вспоминать
.... иногда, хоть иногда, чтобъ онъ подумалъ о
ей... о тѣхъ минутахъ, которыя они провели вмѣстѣ.

— Салюся! Чего ты ворочаешься такъ, что даже
овать трещитъ, и чего ты стонешь? — спрашивала
изъ своей постели Панцевичъ — тебѣ, можетъ
ыть, приснилось что-нибудь дурное? Такъ перекре-
тись и прочти „Богородицу“!

Быть можетъ, сестра хорошо совѣтуетъ, быть[мо]жетъ, въ самомъ дѣлѣ молитва прогонитъ тоску, [и] она шептала: „Богородица дѣва, радуйся, благо[дат]ная Марія!“.. Но прежде чѣмъ она успѣвала [ис]изнести „Господь съ тобою“, она уже снова говор[ила] Георгію: „если бъ ты зналъ, Георгій, какая я несчас[тли]ная: мнѣ не съ кѣмъ посовѣтоваться, некого моли[ть] о спасеніи... одинъ лишь Габрысь, передъ которы[м] я могу говорить о своемъ горѣ, но что жъ онъ [мо]жетъ посовѣтовать, вѣдь онъ глупый!“

Однакожъ слѣдующій день блеснулъ хоть и бл[ѣд]нымъ, но золотымъ солнышкомъ, синее небо заг[ля]дывало въ окна свѣтлицы сквозь кружево безлисты[хъ] вѣтвей: пріѣхала Заневская и привезла сестрѣ т[ри] юбки, ею самой тканыя, коврикъ покупной, съ ол[е]немъ и фунта два самаго красиваго на свѣтѣ лы[на]. Юбки, какъ юбки, хоть красивыя и прочныя, н[о] ваго для нея ничего не представляли и имѣлись [въ] нея самой: но олень на коврикѣ казался ей чудо[ва]красоты, а увидѣвъ ленъ, она прямо таки пришла [въ] восторгъ. Она имѣла унаслѣдованную отъ бабушек[и] и прабабушекъ слабость ко льну и чрезвычайно л[ю]била прясть, а тутъ какъ разъ уже годъ не пряла. Поэтому она сейчасъ и принесла самопрялку из амбара, поставила ее въ свѣтлицѣ у длинной печи, прикрѣпила цѣлую горсть льна къ стержню и, усѣ[вш]ись на табуреткѣ, принялась намоченными въ вод[ѣ] пальцами тянуть тоненькую ниточку, ритмическ[и] ударяя ступней по подножкѣ веретена. Колесо за[ша]двигалось, завертѣлось, заворчало и отъ быстроты движенія замелькало въ воздухѣ, нитка укладыва[ла]лась все гуще, все толще обвивалась вокруг[ъ] шпульки, а пряхѣ, у которой любовь къ пряденью [ея] была прямо врожденной, подъ звуки веретена при-

и на мысль и тутъ же полилась изъ устъ веселая
енка:

Надъ рѣченькой стояла
Тра ла, ла, ла, ла,
Рученьки ломала
Тра ла, ла, ла, ла
Что жъ, мнѣ бѣдной, дѣлать
Тра ла, ла, ла, ла
Что осталась я одна?
Тра ла, ла, ла, ла!

Когда она такъ сидѣла передъ быстро вертѣв-
мся и то и дѣло мелькавшимъ въ воздухѣ коле-
мъ, съ опущенной на спину косой и блестящими
азами, нѣсколько приподнявъ руки къ веретену и
тмически приводя ступней въ движеніе подножку,
на всю свѣтлицу, на весь домъ, почти на весь
оръ разносилась ея веселая пѣсня; находившіеся въ
ѣтлицѣ молодые люди не могли оторвать отъ нея
азъ и окружили ее и веретено тѣснымъ кольцомъ.
отомъ Адась Струпинскій, наилучшій пѣвецъ въ
колицѣ, а въ настоящее время самый горячій по-
лонникъ Салюси, придя въ необыкновенно хорошее
асположеніе духа оживленно запѣлъ:

Гей, судари, сударыни,
Гдѣ набрали вы охоты
Къ вѣчной трескотнѣ
Къ брюзжанью и руготнѣ.

вслѣдъ за тѣмъ запѣлъ другую:

Ты шинкарь, ключникъ,
Бойся Бога, подожди,
Ты смѣешься,
А тутъ льется
Медъ на мой кафтанъ!

Другіе помогали ему сначала нехотя, послѣ все

живѣе, и наконецъ стѣны задрожали отъ звуковъ пѣсни, разнесшейся далеко надъ дорогой, надъ снѣжными полями, когда они хоромъ гаркнули послѣдній куплетъ:

Бѣги, дѣвица, во-время
Примири, не повреди,
Медомъ насъ облей.

Салюсѣ опять было весело. Вообще, она всегда чувствовала, будто въ ней живутъ два отдѣльныхъ существа, двѣ Салюси, и въ то время, когда одна изъ нихъ щебечетъ, смѣется, поетъ, вторая гдѣ-то глубоко, на днѣ души, горюетъ и вздыхаетъ. За то, разъ только первая пріумолкнетъ, вторая сейчасъ приподнимается, вырастаетъ и всю ее наполняетъ темными мыслями, тоской, протестомъ, отвращеніемъ.

Это съ нею случалось всякій разъ, когда она видѣла двоюроднаго брата Михаила и его жену.

Когда онъ смѣялся, — а смѣялся онъ часто — ее какъ будто острымъ ножомъ рѣзало по сердцу. А жена его имѣла склонность, сидя около Салюси, посвящать ее въ разныя подробности своей супружеской жизни. Эта маленькая, худая, блѣдная блондинка, вышедшая замужъ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, всегда, при каждой встрѣчѣ, говорила ей на ухо много такихъ вещей, выслушивая которыя, Салюся краснѣла, какъ маковъ цвѣтъ. Однакоже она вслушивалась съ горячимъ любопытствомъ и съ невыносимой болью въ сердцѣ. Эта молодая женщина любила безконечно много шептаться и говорить о своихъ супружескихъ дѣлахъ, шепча она хихикала, а у слушавшей ее Салюси слезы навертывались на глаза. Собственно говоря, эту молоденькую двоюродную сестру Салюся считала некрасивой и глупой. Боже мой — думала она — даже такія получаютъ

частье, а я!.. И, потомъ, когда уже Эмильки не было, она часто задумывалась и вздрагивала. — Такъ судьбой предназначено съ Цыдзикомъ... съ этой гордью, съ этимъ слизнякомъ, съ молокососомъ ить въ такой близости, о которой говорила милька...

Въ продолженіе нѣкотораго времени она отъ себя гоняла тревогу и отвращеніе, въ извѣстной степени успокаивая себя мыслью: еще когда это наступитъ! Еще три недѣли, двѣ, десять дней... наконецъ наступилъ день, когда она себѣ сказала: черезъ недѣлю! И такъ страшно перепугалась при этой мысли, какъ будто въ первый разъ узнала о томъ, что съ нею должно произойти. Господи Боже! Уже черезъ недѣлю! Ну, нѣтъ! Этого никоимъ образомъ быть не можетъ! До сихъ поръ она думала о предстоящемъ бракѣ съ Цыдзикомъ, какъ о чемъ-то весьма отдаленномъ, что никогда не осуществится. Часто, когда ей приходилось слышать разговоры о ея скоромъ вѣнчаніи съ Цыдзикомъ, котораго раньше времени называли ея мужемъ, она думала: „Еще неизвѣстно! еще неизвѣстно, какъ будетъ!“

Но если бъ кто-либо ее спросилъ, какой у нея есть поводъ надѣяться на иной исходъ, она не могла бы отвѣтить на такой вопросъ, потому что повода у нея никакого не было. Въ ней просто говорило инстинктивное сопротивленіе, безсознательно, но упорно отказывавшееся примириться съ судьбой и поддерживаемое какъ гнѣздившимся въ ея душѣ отвращеніемъ, такъ и ея самолюбіемъ и присущими ей склонностями. Теперь уже трудно было найти себѣ утѣшеніе и забвеніе въ пустыхъ словахъ: еще неизвѣстно! Медленно сползала туманная завѣса,

скрывавшая приближавшійся рѣшительный моментъ. Будущее, которое она нарочно старалась представить себѣ очень отдаленнымъ, надвигалось на нее, почти прикасалось уже къ ней. Ой, ой! Уже черезъ недѣлю! Она ясно слышала за собою стукъ закрывающейся двери, замыкающейся задвижки. За этой дверью оставался Георгій. Эта задвижка запирала ее глазъ на глазъ съ Цыдзикомъ. Она чувствовала, какъ морозъ подираетъ ее по спинѣ при этой мысли, и минутами на нее нападалъ такой страхъ, что ноги такъ и тряслись и хотѣлось вырваться за ограду и бѣжать, куда глаза глядятъ, куда бы то ни было.... Гей, нѣтъ, думалось ей — не можетъ быть, чтобы черезъ недѣлю. Пусть будетъ послѣ, когда-нибудь, хорошо, пусть будетъ, но только не такъ скоро, не теперь! Какъ бы отложить вѣнчаніе? Конечно, отложить необходимо, но какимъ образомъ? Все уже условлено, всѣ приготовленія сдѣланы, гости на свадьбу приглашены. Заупрямиться, потребовать, чтобы вѣнчаніе состоялось послѣ свѣтлаго праздника.

Будетъ большая ссора въ домѣ, Константинъ способенъ ее побить, люди языки чесать будутъ, Цыдзики разсердятся, поднимутъ жалобы. Что тутъ дѣлать? Думала она, думала и ничего выдумать, ни на что рѣшиться не могла. Разъ, когда она, сидя въ свѣтлицѣ у окна, шила для себя новую сорочку и осталась совершенно наединѣ съ братомъ, она неожиданно для себя самой, приподнявъ голову отъ работы, вдругъ произнесла:

— Костусь, а что если мое вѣнчаніе отложить до весны? — Она это выговорила безъ всякаго предвзятаго намѣренія, подъ вліяніемъ толкавшаго ее инстинкта; ее удивилъ звукъ собственнаго голоса, и

казалось, что не она, а кто-то другой произнесъ слова. Константинъ, собравшійся уйти въ ригу, становился посреди свѣтлицы.

— Что это значитъ? По какой причинѣ? — просилъ онъ.

Не глядя на него, она тихо прошептала:

— Послѣ Пасхи будетъ такъ красиво, зелено...

— У тебя самой въ головѣ зелено, и воробьи мъ скачутъ! — шутя отвѣтилъ Константинъ и повернулся къ двери, но она сорвалась съ мѣста, рату бросила на полъ и, припавъ къ нему, схватила за обѣ руки.

— Костусь, — говорила она, поднявъ къ нему аза, — если ты въ Бога вѣришь, если ты мнѣ добра лаешь, сжалься, будь милосерденъ, отложи до сны... Я тебѣ всю жизнь буду благодарна.

— Помѣшалась! какъ Богъ святъ, помѣшалась! — икнулъ онъ, отталкивая ее отъ себя съ гн вомъ! — со ты дуришь? Бабьи глупости! влѣзъ на грушу, палъ петрушку...

Она опустилась на полъ и обхватила его колѣни.

— Костусь, ты мнѣ вмѣсто отца былъ, тебѣ ня поручили умирая родители, окажи эту милость, ложи до весны... Что тебѣ мѣшаетъ? Я такъ ли иначе поступлю по твоему желанію, но послѣ асхи... мой дорогой, мой милый.

Теперь онъ уже по настоящему разсердился.

— Бабьи сказки! — крикнулъ онъ, — вотъ сумашедшая! Я для нея отъ всего сердца стараюсь, асходуюсь, чтобъ обезпечить ея счастье, а она утъ какія-то сумасшедшія штуки выкидываетъ! сли бъ ты была умна, то старалась бы поскорѣе остичь того счастья, которое я тебѣ приготовляю, е то, что еще отсрачивать, удалять его отъ себя!

Вотъ, дай собакѣ бѣлаго хлѣба! Лучше, конечно, вмѣстѣ съ хамомъ черный хлѣбъ грызть! Глупая! Чтобъ ты даже пискнуть больше не осмѣлилась объ отсрочкѣ, иначе я и о покойныхъ родителяхъ забуду, и тебя вотъ какъ изобью! какъ Богъ святъ изобью! Потому что, когда бѣжитъ, то бѣжитъ, а когда падаетъ то лежитъ! ты этого не забудь!

Онъ оттолкнулъ ее отъ себя, широкими шагами пошелъ къ двери и выходя треснулъ ею на весь домъ. Салюся поднялась съ полу и почти съ ненавистью посмотрѣла вслѣдъ брату.

Вскорѣ за тѣмъ она стояла на кухнѣ у небольшой англійской плиты, подъ которой горѣлъ сильный огонь. На плитѣ въ двухъ горшкахъ варились горохъ и капуста на обѣдъ и въ большомъ желѣзномъ котлѣ грѣлась вода. Панцевичъ, съ головой, повязанной по крестьянски платкомъ, босая, въ большомъ передникѣ, какъ вихрь вертѣлась и шумѣла по кухнѣ, присматривая за обѣдомъ и приготовляя бѣлье къ стиркѣ. Салюся нѣкоторое время простояла, выпрямившись, заложивъ руки на груди и долго смотрѣла предъ собою неподвижными глазами изъ подъ сдвинутыхъ бровей, потомъ громкимъ и болѣе тонкимъ, чѣмъ обыкновенно голосомъ, не глядя на сестру проговорила:

— Знаешь, Казя, я черезъ недѣлю съ Цыдзикомъ не повѣнчаюсь.

Въ кухнѣ стало такъ тихо, какъ если бы вдругъ затихла сильно шумѣвшая буря. Съ лоханью въ рукахъ Панцевичъ остановилась, какъ вкопанная!..

— Это почему же? — спросила она, пораженная, послѣ минутнаго молчанія.

— Потому что не хочу, — еще громче и еще болѣе тонкимъ голосомъ отвѣтила Салюся.

Панцевичъ съ шумомъ поставила лохань на полъ.

— Вотъ, — раздраженно засмѣялась она, — я ду-ла, что ты поумнѣла, а ты, какъ была глупа, такъ осталась. Не хочу, не хочу! Боже ты мой!

Чего тутъ не хотѣть! можетъ быть, молодого оня изъ хорошаго дома, какъ мартовскій котъ въ бя влюбленнаго? Или такого хозяйства, на какомъ, жалуй, еще ни одна шляхтянка не сидѣла? Мо-етъ быть, этого двойного приданаго, которое тебѣ ой братецъ въ ущербъ другимъ сестрамъ, такимъ какъ ты единоутробнымъ, преподноситъ!

— Я его объ этомъ не просила, и ты, Казя, меня имъ не попрекай, а то я возьму, брошу вамъ все о и — поминайте, какъ звали. Ищите тогда вѣтра полѣ.

По позвышенному тону, по очень тонкому голосу, глазамъ, метавшимъ молніи, и выпрямленному тану видно было, что непреодолимая сила толкала на ссору. Заразить Панцевичъ такой же охотой ссорѣ было обыкновенно очень легко; однакоже а этотъ разъ она преодолѣла свой гнѣвъ; ея уди-леніе было сильнѣе гнѣва.

— Салюся, — начала она, — что это сегодня съ обою? Белены ты объѣлась, что ли?.. Я тутъ ля нея тружусь, работаю, свой домъ и дѣтей бро-ила, а она приходитъ и говоритъ мнѣ про всякія удачества! А ты, вотъ лучше нарядное-то платье кинь, засучи рукава рубахи и принимайся за стирку. Твое бѣлье выстирать необходимо, не повезешь, вѣдь, грязнаго въ мужнинъ домъ, ну, и Константину для своего тоже прачки нанимать не слѣдъ, когда насъ двое тутъ сидитъ. Слышишь, Салюся? Помоги ка котелъ съ плиты снять!

Быстрымъ, нетерпѣливымъ движеніемъ, Салюся,

стиснувъ губы отстегнула и сняла съ себя лифъ городского платья и юбку съ тюрнюромъ и, оставшись въ самодѣльной юбкѣ, засучила рукава сорочки выше локтя.

Вмѣстѣ съ сестрой она безъ усилія сняла съ плиты котелъ и стала переливать изъ него горячую воду въ лоханъ. Отъ кипятка, лившагося въ лоханъ, пошелъ густой паръ, наполнившій кухоньку почти непроглядной мглой, окутавшей обѣихъ, покрывая ихъ лица огромными каплями влаги.

Завядшее лицо Панцевичъ съ острыми чертами, черными какъ смоль волосами и бровями, окаймленное краснымъ платкомъ, рѣзко выдѣлявшееся въ этой сѣрой мглѣ, было полно энергіи и упрямства. Не отъ нея, не отъ нея то, навѣрное, Салюся могла ожидать добраго совѣта и утѣшенія! Когда котелъ, наполовину уже опорожненный, былъ поставленъ обратно на плиту, Салюся стала надъ лоханью и готовыми приняться за работу руками отерла съ своего лица капли сгущеннаго пара.

— И все-таки, — отозвалась она какъ-то странно прозвучавшимъ и тоненькимъ голосомъ, — я черезъ недѣлю съ Цыдзикомъ подъ вѣнецъ не пойду. — Послѣ этого она уже ни единымъ словомъ не обмолвилась съ сестрой. Наклонившись надъ лоханью, глубоко погрузивъ руки въ мыльную воду и крѣпко стиснувъ губы, она стирала, мылила, терла, выжимала каждый кусокъ съ такимъ ожесточеніемъ, такъ неустанно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ громко и вкладывая въ это столько энергіи, что казалось, будто она хотѣла погрузиться въ эту работу тѣломъ и душой, уйти въ нее съ головой и ни о чемъ другомъ не думать.

Цѣлыхъ два дня прошли у нея въ этой тяжелой

устанной работѣ; цѣлыхъ два дня никто не слы-
ъ изъ ея устъ ни одного слова. Она была мрачна
олчалива, какъ могила. Одни лишь глаза, каза-
, жили въ ней, мыслили, тосковали, отчаивались.
цевичъ, совершенно не любившая молчать, со
стью называла ее брюзгой и угрюмой; Констан-
ь пренебрежительно махнулъ на это рукой и
мѣиваясь говорилъ:

— Такъ всѣ дѣвицы дуются передъ вѣнцомъ!
ьи глупости! Дуракомъ былъ бы тотъ, кто
атилъ бы на это вниманіе. Фью, фью, фью!

Панцевичъ, мудро шевеля рыжими бровями, вну-
тельно разсуждалъ:

— На то Богъ создалъ дѣвичью скромность,
бъ дѣвушки о своемъ вѣнцѣ еще раньше, чѣмъ
потеряютъ, плакали!

Гостей никакихъ въ домѣ не было всѣ эти дни.
олодыхъ людей, которые, какъ по обычаю полага-
сь, приходили навѣщать невѣсту, Салюся встрѣ-
ла съ грудами мокраго бѣлья въ голыхъ рукахъ и
огоняла ихъ изъ дома.

— Прошу теперь сюда не приходить! Теперь
меня нѣтъ ни времени, ни охоты, чтобы заниматься
стяками!

По нѣсколько разъ въ день она выбѣгала за по-
гъ дома и, машинально вытирая передникомъ руки,
матривалась въ дорогу. Почему это Конецъ не
ѣзжаетъ?

Она дожидалась ее, какъ ждетъ жаждущій капли
ды, или отчаявшійся луча надежды, и не имѣя
льше терпѣнія ждать, она раза два забѣгала въ
ту Габрыся съ восклицаніемъ:

— Габрысь, почему Конецъ не пріѣзжаетъ?

И когда онъ всякій разъ съ удивленіемъ отвѣ-

чалъ ей вопросомъ же, на что ей такъ понадобила сестра, она, крикнувъ ему: „Габрысь глупъ, Габры ничего не понимаетъ!“, сильно хлопая дверью, в скакивала изъ его избы и во весь духъ бѣжала о ратно къ лохани. А Габрысь, какъ прикованный мѣсту, долго стоялъ съ выраженіемъ огорченія и в большей и большей растерянности на длинномъ, же томъ, костлявомъ лицѣ.

Наконецъ, она дождалась этой своей любим сестры и лишь только та успѣла войти въ домъ, С люся, торопливо снимая съ нея салопъ и платок бросилась на шею со смѣхомъ и плачемъ. Потом она нетерпѣливо стала ждать той минуты, ког останется съ ней съ глазу на глазъ и едва взгл нула разъ-другой на подвѣнечный нарядъ, которы сестра ей привезла въ подарокъ.

Наконецъ, когда Конецъ вышла въ другую ком нату, и стала что-то искать въ привезенномъ ею с собою сундучкѣ, Салюся на цыпочкахъ выбѣжала з нею, безпокойно оглянулась кругомъ и, присѣвъ окол нея на землѣ, зашептала:

— Анулька, скажи же, что съ нимъ дѣлается Что онъ тебѣ говорилъ? Очень онъ отчаивается Страшно на меня сердитъ? Похудѣлъ онъ? А т ему что говорила?

— Кто? Кому? — спросила Конецъ, вся погло щенная добываніемъ какихъ-то вещей изъ сундучка

— Кто? Кому? — передразнила ее Салюся, — Господи помилуй! Какіе вы всѣ недогадливые? Так говори же, Анулька, ради Бога, говори! Ты вѣрн все о немъ знаешь, онъ къ тебѣ вѣрно пріѣзжалъ

Она говорила, какъ въ бреду, пожирая сестру глазами, и та, наконецъ, догадалась, о комъ у не справляются.

— Во имя Отца и Сына, — заговорила она, кре-
сь. — Какъ же я могу знать о немъ что-либо?
кимъ же образомъ?..

— Какъ это какимъ образомъ? Развѣ онъ къ
бѣ не пріѣзжалъ?

— И глаза мои его не видали, и не ожидала я его
ѣзда ко мнѣ, да вѣроятно и онъ о пріѣздѣ ко
ѣ и не думалъ.

— Не думалъ? — какъ эхо повторяла Салюся и
ньше спрашивала:

— Но письмо ты, конечно, получила отъ него?

— Ни единаго словечка онъ ко мнѣ ни о чемъ
писалъ!

— Ничего не писалъ? — И ея руки безсильно
устились внизъ.

— Ну, такъ скажи ты мнѣ хоть, что ты слышала
немъ? Не боленъ ли онъ? Быть можетъ, онъ
едполагаетъ, что не все еще кончено между нами?
ъ очень влюбленъ?

Конецъ передернула плечами и развела руками:

— Не видала я его и не слышала о немъ и даже
ѣ въ голову не пришло справляться о немъ и за-
мъ намъ теперь узнавать о немъ, когда онъ намъ
жой и чужимъ останется навѣки, а можетъ быть,
щ и врагомъ.

— Можетъ быть, онъ и сталъ чьимъ-либо вра-
мъ, но не моимъ, — проворчала Салюся, а потомъ,
нявъ сестру рукой и заглядывая ей въ глаза, ко-
тливо прошептала:

— Ты говоришь правду, Анулька? А? Правду
воришь? Не видѣла? Не слышала? Дорогая моя,
лая, золотая, говори правду, говори!

Конецъ проговорила съ досадой:

— Отвяжись ты отъ меня со своими глупыми

вопросами и просьбами! Что я тебѣ скажу? Н слышала, не видѣла, не справлялась — и кончено И тебѣ также уже не подобаетъ справляться о немъ разъ ты черезъ два дня съ другимъ подъ вѣнец пойдешь...

Салюся встала, понурившись, вышла въ сѣни, гдѣ она простояла нѣкоторое время, какъ столбъ, впе ривъ глаза въ землю и шепча:

— Какъ камень въ воду!.. какъ камень въ воду!..

У нея было такое чувство, какъ будто теперь когда Конецъ не привезла никакой вѣсти о Георгіи нить, связывавшая ихъ, порвалась окончательно и уже навсегда. Если она отъ нея не узнала ничего о Георгіи, такъ уже никогда ни отъ кого не услышитъ о немъ... Никогда... Никогда!.. Какъ камень въ воду упалъ и пропалъ! Живетъ онъ гдѣ-то на свѣтѣ, ходитъ, говоритъ, трудится, можетъ быть, когда-нибудь будетъ счастливъ съ другой, но для нея, какъ камень въ воду упалъ! Пропалъ!

До сегодня въ ней глухо и какъ-то безсознательно для нея самой, тлѣла мысль, что если Георгій ей не пришлетъ черезъ Конецъ хоть одно слово просьбы или сожалѣнія, хотя бы съ самыми страшными упреками, но если онъ напомнитъ о данномъ ею словѣ и потребуетъ его исполненія, она подниметъ ссору, бурю, войну, адъ въ домѣ, а съ Цыдзикомъ порветъ, все, что ей дали и дать обѣщали броситъ семьѣ въ глаза и поѣдетъ съ Конецъ въ городъ. Но онъ ни слова! Гордый! Видно въ немъ гордость сильнѣе, чѣмъ любовь: окаменѣлъ въ своей гордынѣ и пальца не поднялъ, глазомъ не моргнулъ, чтобъ ее возвратить. Какъ въ воду упалъ — пропалъ. Если такъ, то пусть. Если онъ не дорожитъ ею, то и она

нь довольна, что показала ему, что будетъ жить съ нимъ. Хорошо. На своей свадьбѣ она будетъ танцовать, ухъ какъ! И послѣ, сидя на богатомъ хозяйствѣ, будетъ всѣмъ пользоваться, всего попробуетъ! И если когда-либо въ жизни встрѣтитъ , то покажетъ ему и взглядомъ и всѣмъ, какое жду ними разстояніе, покажетъ, что ея семья была права, не желая выдать ее за человѣка совершенно иного происхожденія и имущественнаго положенія.

Весь слѣдующій день она провела очень хорошо. ть ли не всѣ дѣвушки изъ околицы сбѣжались, бъ осмотрѣть ея подвѣнечное платье изъ бѣлой паги, тюлевое покрывало и померанцовый вѣнокъ. екрасное пальто, на покупку котораго сложились Ь три сестры, также вызвало всеобщія похвалы. редъ вечеромъ пріѣхала Богатыровичъ изъ Богаровичей, приглашенная быть посаженной матерью, привезла, кромѣ цѣлаго воза пироговъ и всякаго ченья, сдѣланный въ городѣ, красивый, какъ контка, розовый чепчикъ. Посаженная пріѣхала такъ но, во-первыхъ потому, что ей до Толлочекъ было вольно далеко, а во-вторыхъ по той причинѣ, что а себя чувствовала очень польщенной и удовлеоренной тѣмъ, что именно ее выбрали въ посаенныя матери, а не другую тетку Салюси, жившую ѣсь недалеко, на отдѣльномъ фольваркѣ, Стецкечъ. Вечеромъ того же дня пріѣхали еще два ляхтича — Богатыровичъ и одинъ Стецкевичъ изъ тецекъ, въ домѣ пошли шумные разговоры, и не лько въ домѣ, но во всей мызѣ и почти во всей солицѣ чѣмъ-то запахло, что-то зашумѣло; въ возхѣ, казалось, разыгрывалась предсвадебная увертора. Салюся съ восторгомъ благодарила тетку за

розовый чепчикъ и, поцѣловавъ ее, обратилась к ней, какъ къ опытной хозяйкѣ, съ просьбой помоч ей выбрать въ братниномъ хлѣвѣ двухъ коровок Потомъ она стала показывать теткѣ и всѣмъ дѣвуш камъ своихъ овечекъ, коврикъ съ оленемъ и разны другія драгоцѣнности изъ своего приданаго, потом она пошла помогать Панцевичъ въ кухнѣ, гдѣ, словн въ аду, горѣлъ неугасимый огонь, и когда она с засученными выше локтей рукавами и въ большом фартукѣ громко и непрерывно болтала съ господами Богатыровичъ, Адась Струпинскій и Юзикъ Лозовскій себѣ чуть усовъ не вырвали, такъ яростно они их крутили въ припадкѣ ревности. Поздно и очен утомленная она легла и сейчасъ заснула. Она спала крѣпкимъ сномъ, когда ее разбудили чьи-то объятія и поцѣлуи. Открывъ глаза она увидѣла Конецъ которая, сидя на ея постели, обнимала ее, цѣловал и съ полными слезъ глазами говорила:

— Салька! Сегодня твой дѣвичникъ! Какъ я до вольна, Салька, что завтра уже увижу тебя замужней что твое будущее обезпечено, что тебѣ такъ хорошо повезло во всемъ. Изъ всей семьи я тебя всегда больше всѣхъ любила, ты была такъ добра къ моимъ дѣтямъ, когда они хворали... Я такъ радуюсь, такъ радуюсь, что сегодня уже твой дѣвичникъ!

Салюся сорвалась съ постели, вытянулась, какъ струна и, сѣвъ опять на кровать, съ широко раскры тыми глазами, которые вмѣстѣ съ растрепавшимися во снѣ волосами придавали ей выраженіе безсмы сленнаго ужаса, крикнула:

— Господи, Боже мой! Завтра! Уже завтра!

И раньше, чѣмъ Конецъ могла произнести слово, она уже повисла у нея на шеѣ, прижималась къ се стрѣ и вся дрожа какъ въ лихорадкѣ, говорила:

— Я не хочу... Я не хочу... не хочу такъ
ро!.. Анулька! моя Анулька, ты моя дорогая, зо-
ая, спаси ты меня, помоги, скажи Константину,
бъ отложилъ... Попроси ты ихъ всѣхъ за меня,
ори за меня, будь моей заступницей... если Бога
бишь, если своимъ дѣтямъ счастья желаешь...
си... пускай отложатъ вѣнчаніе... я такъ скоро
хочу... не хочу...

Она цѣловала руки сестры и обливала ихъ сле-
ми. Конецъ, удивленная, пораженная, нѣжно и
ково уговаривала ее, объясняла, что того, чего она
лаетъ, быть не можетъ, что она изъ-за глупыхъ
призовъ не должна рисковать потерять такую вы-
дную партію, что Константинъ ни за что на свѣтѣ
согласится отложить вѣнчаніе. Потомъ, когда
люся не переставала молить ее и цѣловать ей руки,
а потеряла терпѣніе и прямо заявила ей, что она
не думаетъ изъ-за глупыхъ капризовъ поссориться
родней, что ее сочли бы сумасшедшей, если бы
а явилась такъ не во-время съ подобнымъ предло-
ніемъ, что она ей совѣтуетъ бросить эти глупости,
, если Салюся, не дай Богъ, сдѣлаетъ такой скан-
тъ и оттолкнетъ отъ себя Цыдзика, то она сама,
нецъ, хотя она всегда жила съ нею въ величай-
й дружбѣ, сестрой ее считать не будетъ, отре-
тся отъ нея, знать ее не захочетъ и во всякомъ
учаѣ дверь своего дома закроетъ передъ нею. Вы-
азавъ все это, она, разгнѣванная и плачущая, такъ
къ, несмотря на все это, чувствовала большую жа-
сть въ Салюсѣ, вышла и пошла въ кухню, чтобы
мочь двумъ старшимъ сестрамъ мѣсить тѣсто для
ськовъ, особаго рода печенія продолговатой формы,
торымъ каждая невѣста на своемъ дѣвичникѣ обя-
на угощать всѣхъ гостей. День прошелъ въ без-

порядкѣ, въ разговорахъ, гости и свои входили и выходили, въ кухнѣ варили и пекли, молодежь шутила съ невѣстой, которая противъ своего обыкновенія была одѣта неряшливо, коса ея была растрепана и небрежно опущена на спину, лифъ кривозастегнутъ, глаза впали, а на щекахъ горѣлъ яркокрасный румянецъ. На вопросы она отвѣчала невпопадъ, или совершенно не отвѣчала, а сестрамъ вмѣсто того, чтобы помогать въ работѣ, такъ мѣшала своей разсѣянностью, что ее въ концѣ концовъ выгнали изъ кухни. Уже начало темнѣть, когда въ сѣни вошелъ Габрысь и, какъ будто перепуганный суетолокой, царствовавшей въ домѣ, остановился у самой двери. Въ длинномъ балахонѣ, высокій, прямой какъ колъ, съ опущенной головой, похожей на отлетманный маковый цвѣтокъ съ двумя горшками мирты въ рукахъ, онъ казался очень смѣшнымъ. Потому-то когда онъ остановился у дверей нѣсколько находившихся въ сѣняхъ человѣкъ стали подшучивать надъ нимъ.

— Ну что скажешь, Габрысь?

— Ишь, Габрысь, ради дѣвичника сосѣдки и одѣться-то не захотѣлъ понаряднѣе?

— Зачѣмъ вы, Габрысь, свои мирты отдаете? Пригодились бы для вашей свадьбы.

— А когда у васъ будетъ свадьба?

— Почему вы не женитесь? На такія хоромы, какъ у васъ, найдется немало охотницъ!

— Габрысь вѣрно завтра танцовать будетъ. Приглашаю васъ на краковякъ.

— Но для этого нужно другіе сапоги одѣть, такъ какъ эти разлетятся, лишь только пятки заше-велятся!

Онъ ничего никому не отвѣчалъ, прошелъ съ

отами къ двери боковой комнаты и, заглядывая
ка, тихо окликнулъ:

— Салюся! Салюся! я мирты принесъ!

Но въ боковой комнаткѣ Салюси не было, только
нцевичъ и Заневская вертѣлись тамъ, смѣняя свои
конные наряды на болѣе чистые и приличные.
рвая, перекидывая черную юбку черезъ голову,
рчливо отозвалась:

— Чего вы тутъ вертитесь со своими миртами!
рошу васъ, поставьте ихъ гдѣ-нибудь и идите себѣ!

Онъ поставилъ горшки, но не отошелъ, а по-
явъ немного, проговорилъ:

— Панцевичъ!

Ему пришлось нѣсколько разъ повторить ея имя,
ежде, чѣмъ она презрительно спросила:

— Чего?

Онъ таинственно поманилъ ее пальцемъ въ отда-
ный уголъ комнаты, въ которомъ стоялъ самъ, и
гда она съ возбужденнымъ уже любопытствомъ,
ропливо застегивая на себѣ лифъ, приблизилась
нему, онъ сталъ шептать:

— Прошу васъ, присмотритесь хорошенько къ
люсѣ, какъ она выглядитъ, и на что она стала
хожа...

— А что? — небрежно спросила она.

— А то, — отвѣтилъ онъ опять шепотомъ, — что
вамъ, Панцевичъ, какъ старшей сестрѣ, говорю и
редостерегаю васъ, чтобы, Боже сохрани, изъ этого
вышло какого-либо несчастья.

— Какого несчастья? Въ чемъ дѣло? — расче-
ивая длинные, черные волосы, вмѣшалась Заневская.

— Для Салюси, изъ этого брака. Она Цыдзика
хочетъ, а того жалѣетъ...

Обѣ сестры прервали его рѣчь.

— Что вы тамъ болтаете? Пришелъ сюда, чтоб... у насъ напрасно время отнимать? Идите себѣ ... своими глупостями...

— Я глупъ, — проговорилъ онъ, — это правда... Однакоже нѣкоторыя вещи я, можетъ быть, лучше... чѣмъ умные, замѣчаю и вамъ обѣимъ говорю, что... вѣнчаніе Салюси отложить нужно или даже совсѣмъ... отказать Цыдзику...

— А Габрыся на его мѣсто передъ алтаремъ по... ставить?

— Вотъ вышла бы подходящая парочка! — в... одинъ голосъ издѣвались надъ нимъ обѣ сестры, ... ему отъ этихъ словъ вся кровь въ лицо бросилась... Тѣмъ не менѣе, онъ, не отвѣчая на издѣвательства... кончилъ, возвысивъ голосъ:

— Она не совсѣмъ такая, какъ другія, она обла... даетъ волей и смѣлостью, съ нею можетъ случиться... бѣда, а на совѣсти родни будетъ большой грѣхъ.

— Пусть будетъ грѣхъ, а ты себѣ отсюда уйди... у насъ нѣтъ времени для разговоровъ съ дура... ками, — отвѣтила Панцевичъ. А Заневская добавила:...

— Вотъ ужъ несетъ всякую чепуху! Самъ себѣ... очень хорошо устроилъ, такъ и другимъ совѣты... даетъ. Но не каждый любитъ ходить въ дырявыхъ... сапогахъ или башмакахъ...

— Извѣстно, глупый Габрысь! Что разумнаго... такой человѣкъ можетъ выдумать.

Онѣ отвернулись; онъ отошелъ въ сторону, ме... дленно и тяжело ступая. Въ эту минуту передъ... крыльцомъ раздался стукъ подъѣзжавшихъ саней, ... звонъ колокольчиковъ на праздничной упряжи, шумъ... привѣтственныхъ восклицаній, звуки поцѣлуевъ. Пріѣхалъ женихъ съ сватомъ и шаферами. Наканунѣ... свадьбы нѣсколько болѣе смѣлый, чѣмъ обыкновенно,

ить можетъ, воодушевленный обществомъ шафе-въ, Владысь Цыдзикъ вошелъ въ сѣни довольно говорно. На немъ была легко накинутая на плечи уба, подбитая чернымъ барашкомъ; открывая тон-ю, длинную, прямую, какъ жердь, фигуру въ черной журкѣ и пестромъ жилетѣ, на которомъ болталась ребряная, блестящая цѣпочка съ брелоками. На ѣ у него былъ бѣлый галстухъ съ большимъ бан-мъ, а на головѣ черная барашковая шапка, кото-ю одинъ изъ шаферовъ у него снялъ съ головы порога комнаты, такъ какъ онъ самъ этого не гъ сдѣлать, потому что въ обѣихъ рукахъ несъ о-то большое, круглое, закрытое бѣлымъ полот-мъ.

— Да будетъ восхваленъ Іисусъ Христосъ! Добрый черъ вамъ, господа! — гаркнули съ порога четыре жскихъ голоса, а сватъ, стоя около жениха и ять производя впечатлѣніе крѣпкаго дуба, стоящаго домъ съ гибкой тростинкой, говорилъ дальше:

— Вотъ мы и пріѣхали за обѣщаннымъ сокро-щемъ, большимъ сокровищемъ, и просимъ госте-пріимства, а вскорѣ уѣдемъ, получивъ то, за чѣмъ ріѣхали. Можно ли намъ войти?

Три сестры невѣсты, ея братъ, посаженная, оба оюродныхъ брата, всѣ вмѣстѣ серьезно отвѣтили:

— Добро пожаловать! Просимъ войти! Чѣмъ гаты, тѣмъ и рады!

Сватъ слегка толкнулъ жениха, который сейчасъ подошелъ къ Панцевичъ и передалъ предметъ, ывшій у него въ рукахъ, а она, какъ замѣсти-льница матери невѣсты, приняла его серьезно и, тбросивъ покрывавшее его полотно, показала всѣмъ громный пирогъ, весь облитый бѣлой, блестящей ахарной массой, густо усѣянной засахаренными яго-

дами, грибками, цвѣтами. Нужно было быть не кой какимъ женихомъ, чтобъ пріѣхать въ домъ невѣсты съ такимъ изящнымъ и дорогимъ пирогомъ. Ну ужъ и надивились всѣ! Долго разсматривали его, единогласно выражая свой восторгъ, пока наконецъ, Константинъ не пригласилъ съ изысканной любезностью всѣхъ въ свѣтлицу, сейчасъ же прибѣжали четыре дружки въ темно-красныхъ и темно синихъ платьяхъ, пришла нарядная и причесанная, съ блестящими шпильками въ волосахъ, вторая посаженная и сбѣжалась гурьба дѣтей, привлекаемая перспективой получить гуськи.

Въ свѣтлицѣ стало очень жарко: поэтому Конецъ очень удивилась, когда поспѣшно разыскивая Салюсю, она нашла ее притаившуюся у печки, очень блѣдную и трясущуюся, какъ въ лихорадкѣ. Схвативъ ее за руку, она почувствовала будто держитъ въ своей ладони кусокъ льда, но не обративъ на это вниманія, потянула ее за собою на кухню.

— Нужно вынуть гуськи изъ печи, скорѣе, скорѣе! — заторопила она Салюсю.

Въ кухнѣ, кипя, шумѣли и выбрасывали паръ три самовара, одинъ свой и два взятыхъ у сосѣдей. Заневская при помощи дружекъ разливала чай въ стаканы, а Панцевичъ тотчасъ подала входившей Салюсѣ большую корзину въ одну руку и кочергу въ другую.

— Вынимай же скорѣе, — сказала она, — онѣ сгорятъ, превратятся въ уголь.

И отодвинула доску, заслонявшую отверстіе печи. Добываніе гуськовъ изъ печи, это работа, которую невѣста должна исполнить собственноручно; Салюся это хорошо знала съ самаго дѣтства, поэтому, взявъ изъ рукъ сестры корзину и кочергу, стала засовывать ее глубоко въ черное отверстіе печи и доста-

ть оттуда прекрасно зарумянившееся печенье. Съ ждымъ разомъ, Салюся выгребала штукъ тридцать и пятьдесятъ гуськовъ, которые и пересыпала прямо корзину. Конецъ свѣтила ей, держа лампочку въ кахъ, и огорченными и даже немного перепуганми глазами слѣдила за двумя струйками слезъ, торыя точились изъ глазъ Салюси и сбѣгали по блѣднѣвшимъ щекамъ. Она не дулась ни на кого, проронила ни одного слова. Можно было подуть, что она не дышитъ, и каждый разъ, какъ корга ударялась о кирпичъ, новыя слезы бѣжали изъ глазъ, каждый разъ, какъ гуськи падали въ корну, опять бѣжали слезы по ея лицу, и свѣтъ лампы естѣлъ и отражался въ нихъ.

— Салька, — проговорила, наконецъ, Конецъ, — о съ тобою? Скажи хоть слово, а то на тебя и отрѣть страшно!

Салюся не отзывалась, даже не посмотрѣла на ее, а когда печь уже была совершенно опорожнена, а взяла корзину въ руки и пошла съ нею въ свѣтицу. За нею три женщины внесли на подносахъ аканы съ чаемъ и начали ихъ раздавать гостямъ очереди, начиная отъ свата и посаженной. Салюся е раздавала всѣмъ гуськи. Среди сутолоки, среди ума, разговоровъ и смѣха, среди пестраго калейдоопа мужскихъ и женскихъ нарядовъ, она ходила, прямившись, блѣдная, съ растрепанной косой на инѣ и, начиная отъ старшихъ и кончая дѣтьми, тѣмъ раздавала горсти гуськовъ. Слышала ли она линную, плавную, полную любезностей рѣчь, которою краснорѣчивый сватъ ее поблагодарилъ. Видѣла ли она, какъ Цыдзикъ, вѣчно вертясь около ея, пожиралъ ее блестящими глазами? Чувствовала и она поцѣлуи, которые подруги каждую минуту

запечатлѣвали на ея блѣдныхъ и мокрыхъ щекахъ. Никто не могъ бы этого сказать съ увѣренностью такъ замкнуто было ея смуглое лицо и такъ неподвижны были всѣ ея черты. Разъ только въ ней произошла небольшая и никѣмъ не замѣченная перемѣна. Двоюродный братъ, разговаривая съ шафером, почему-то такъ громко засмѣялся, что этотъ смѣхъ, молодой, сильный, какъ шумъ рѣчного потока, звучной гаммой раздался надъ общимъ говоромъ. Салюся вздрогнула и черныя брови, какъ темная туча, сдвинулись надъ опущенными рѣсницами. Когда корзина опустѣла, и она вышла въ сѣни, за нею раздался голосъ старшей дружки:

— Миртъ! Миртъ! Гдѣ миртъ? дайте намъ миртъ! мы должны заблаговременно сплесть вѣнокъ и связать букетики! кучу, кучу цѣлую ихъ надо связать.

Конецъ, почему-то неспокойная и часто бросавшая тревожные взгляды на младшую сестру, желая ее выручить, повела дружекъ въ боковую комнату, откуда дѣвушки сейчасъ вынесли два миртовыхъ деревца и съ тріумфомъ внесли въ свѣтлицу.

Салюся стояла въ сѣняхъ, съ пустой корзиной въ рукѣ и, прижавшись къ стѣнѣ, взглядомъ проводила мирты Габрыся, которые дружки пронесли мимо нея; потомъ она бросила корзину и выбѣжала изъ сѣней на дворъ къ изгороди Габрыся. Но ей недолго пришлось бѣжать. Габрысь стоялъ у своего низенькаго заборика и, подперевъ щеку рукою, смотрѣлъ на домъ Константина, блестѣвшій освѣщенными окнами и шумѣвшій говоромъ. Едва онъ въ густой темнотѣ замѣтилъ бѣгущую Салюсю, какъ она уже перескочила изгородь и, закинувъ свои руки вокругъ его шеи, прильнула къ его груди, какъ запуганное дитя къ груди матери.

— Габрысь! Габрысь! — шептала она, — я не хочу, не могу, я умру!... не выдержу! такъ мнѣ больно!

Онъ, какъ бы защищая Салюсю отъ какого-то невидимаго врага, обнялъ ее своими руками и, казалось, не могъ издать ни звука. Онъ наклонилъ свою голову къ ея головѣ и почти уже достигъ губами волосъ, но не коснулся ихъ, а лишь зашепталъ:

— Что болитъ? Что у тебя болитъ? Салька, дорогая ты моя!...

Она, прижавшись къ нему, едва слышнымъ шопотомъ жаловалась:

— Онъ у меня вѣчно передъ глазами... вѣчно... вѣчно я слышу его голосъ, говорящій: „не нужно приданаго, все равно, дастъ ли тебѣ братъ или нѣтъ... я тебя въ одной рубахѣ возьму, и буду счастливъ“. Какой онъ добрый! какъ онъ меня любилъ! А что я ему сдѣлала! Что сдѣлала!..

Габрысь поднялъ голову, посмотрѣлъ на темное небо и такъ вздохнулъ, что толстый балахонъ высоко вздулся на его груди. Потомъ онъ опять наклонился надъ нею и губами, чуть-чуть не коснувшимися ея головы, но все же не притронувшимися къ ней, шепталъ:

— Забудешь... Пройдетъ...

Ея руки упали съ его шеи. Она выпрямилась и крикнула:

— Не забуду я его и не пройдетъ это... Ты, Габрысь, глупъ... не понимаешь.

Изъ дома Константина послышались голоса:

— Салюся! Салюся! Салюся!

— Вотъ уже и зовутъ, — проворчала она. — А знаешь, Габрысь, — и она ударила стиснутымъ ку-

лакомъ одной руки по другой, — знаешь, Габрысь. Такъ хочется, такъ хочется имъ все бросить и убѣжать... убѣжать!...

И, всплеснувъ руками, она побѣжала къ дому.

Время уходило, было уже далеко за полночь, свѣтлица была полна оживленія и шума. Старшіе, сидя вокругъ стола, кончали ужинать и разговаривали о разныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ, судили - рядили о сосѣдяхъ.

Дружки при другомъ, меньшемъ, покрытомъ зеленью столикѣ связывали вѣточки мирта бѣлыми ленточками; работа шла довольно медленно, такъ какъ часто прерывалась взрывами смѣха дѣвушекъ, шутками и прибаутками молодыхъ парней. Вдругъ пара тоненькихъ дѣвичьихъ голосковъ изъ-за стола съ зеленью закричала:

— Салюся! дай ленточекъ! уже нѣтъ ни кусочка, а букетиковъ еще нужно кучу! цѣлую кучу!

Часа два тому назадъ Салюся бросила въ боковой комнатѣ на комодъ пукъ бѣлыхъ ленточекъ; теперь она туда побѣжала, а за нею, чуть ли не наступая ей на пятки, пролѣзъ туда и Цыдзикъ. Въ комнаткѣ, освѣщенной маленькой лампочкой, никого не было; ленточекъ Салюся на комодѣ не нашла: вѣрно, кто-либо въ сутолокѣ забросилъ ихъ или переложилъ въ другое мѣсто. Нагнувшись немного, она глазами искала ихъ на землѣ, но вдругъ почувствовала, какъ кто-то обнялъ ее рукой за талію. Она, какъ ошпаренная, подскочила, оглянулась и увидѣла надъ своимъ лицомъ молодое продолговатое лицо своего жениха, съ котораго на нее глядѣли блестящіе разгоряченные глаза. Стремительнымъ движеніемъ вырвалась она изъ его объятій и, отодвинув-

шись къ стѣнѣ, сверкнувъ также глазами крикула:

— Это что такое? Развѣ можно такъ?

Но онъ не могъ дольше сдерживать этой всемогущей силы, заигравшей огнемъ въ его жилахъ и тянувшей его къ дѣвушкѣ, съ которой онъ завтра долженъ вѣнчаться. И эта сила сдѣлала его дерзкимъ, вдохнула въ него, внезапно переставшаго быть юношей, сознаніе правъ и власти мужчины. Онъ опять придвинулся къ Салюсѣ и, схвативъ ее за руку, прошепталъ:

— Вѣдь завтра уже будетъ наше вѣнчаніе... такъ сегодня хоть поцѣловать можно... и весь воспламенившійся, онъ назойливо рвался къ ея лицу, къ губамъ, такъ сильно мялъ ея руку въ своихъ пальцахъ, какъ будто хотѣлъ раздавить ее. Но и она была не слабымъ существомъ и, вырвавъ свою руку, оттолкнула его:

— Мы еще не повѣнчались! — крикнула она,— еще неизвѣстно!...

Но Цыдзикъ, разсерженный, перебилъ ее.

Немного надулся по индюшечьи, подбоченился и, глядя на нее прищуренными глазами, онъ проговорилъ:

— Какъ это неизвѣстно? Напротивъ, извѣстно, что ты, Салюся, завтра будешь моей женой и будешь дѣлать все, что прикажу, такъ какъ предъ алтаремъ дашь клятву послушанія.

Теперь ея до этой минуты блѣдное лицо вспыхнуло и глаза заискрились, какъ два горящихъ факела.

— А не дождешься ты, чтобъ ты былъ моимъ господиномъ и чтобъ я подчинялась твоей волѣ!

И, сорвавъ обручальное кольцо съ пальца, она быстро, едва не задыхаясь, крикнула:

— Вотъ бери! За свое богатство купи себѣ другую невольницу! Между нами уже все кончено!

И она бросила ему золотое колечко, которое упало къ его ногамъ, оттуда покатилось черезъ всю комнату подъ кровать Константина и тамъ исчезло. Теперь Цыдзикъ имѣлъ видъ человѣка, пораженнаго ужасомъ и горемъ. Съ открытымъ ртомъ, жалобнымъ взоромъ слѣдилъ онъ за колечкомъ и когда оно исчезло подъ кроватью, сталъ на колѣни во всю свою длину, вытянулся вверхъ подошвами на землю и, засунувъ голову и обѣ руки подъ кровать, сталъ искать кольцо, шаря пальцами по полу. Салюся посмотрѣла на него съ выраженіемъ неописуемаго отвращенія на лицѣ, ея гордые глаза засверкали ненавистью и презрѣніемъ, черезъ мгновеніе она громко расхохоталась и съ этимъ смѣхомъ на устахъ выбѣжала изъ комнаты и стрѣлой пролетѣла черезъ свѣтлицу и сѣни въ противоложную комнату.

Тутъ было пусто и темновато, на столѣ у окна горѣлъ желтый огарокъ свѣчи, криво вставленной въ мѣдный подсвѣчникъ. Изъ свѣтлицы черезъ полузакрытыя двери сюда доносился глухой шумъ голосовъ, изъ кухни слышалось тяжелое сопѣніе Панцевичъ, которая, страшно утомившись, прилегла тамъ на твердой скамейкѣ и заснула.

Салюся открыла большой сундукъ съ пузатой крышкой, стала передъ нимъ на колѣни и при мутномъ свѣтѣ стоявшей на столѣ свѣчки быстро, стремительно стала доставать изъ него разные предметы. Сундукъ былъ большой, выкрашенный въ зеленый цвѣтъ и обитый нѣсколькими полосами желѣза. Крышка внутри была оклеена изображеніями святыхъ и едва закрывалась надъ множествомъ одежды, тща-

тельно уложенной до верху ровными рядами. Это былъ ея сундукъ и въ немъ хранилось приданое. Тамъ была масса вещей разнаго рода. Но она не взяла ничего изъ тѣхъ вещей, которыя были старательно уложены сверху, а вмѣсто этого достала почти съ самаго дна старое, поношенное пальто и поношенные же, хотя еще цѣлые башмаки. Положивъ всѣ эти предметы около себя на полъ, она вынула и положила къ себѣ за лифъ пару вчетверо сложенныхъ листовъ бумаги; это были документы, приготовленные къ завтрашнему вѣнчанію, которые ей Константинъ передалъ наканунѣ. Затѣмъ она глубоко въ углу сундука нашла маленькій кожаный кошелекъ (подарокъ, который ей преподнесъ шутникъ Конецъ, изъ благодарности за тяжелый трудъ, понесенный ею при уходѣ за больными дѣтьми) и, пересчитавъ мелкую монету, находившуюся въ небольшомъ количествѣ тамъ, положила его себѣ въ карманъ. Наконецъ, поискавъ еще немного, она вытащила изъ сундука еще одинъ свертокъ бумагъ и также сунула ихъ за лифъ платья. Это были письма Георгія, нѣсколько писемъ, полученныхъ ею отъ него за время ихъ разлуки. Теперь она закрыла пузатый сундукъ и, вставъ съ земли, присѣла на стулъ, сняла новыя и немного тѣсныя ботинки и одѣла старыя болѣе свободныя. Теплое, еще не старое пальто она тщательно на себѣ застегнула и обвязала голову большимъ лежавшимъ у нея на кровати платкомъ.

Все это она дѣлала очень тихо и очень быстро. Она не производила большаго шуму, чѣмъ пробѣгающая черезъ комнату мышь, и употребила на сборы не больше времени, чѣмъ требуется для прочтенія молитвы. Потомъ, выбѣжавъ въ сѣни черезъ

полуоткрытую дверь, она, какъ кошка, проскользну-ла, крадучись вдоль стѣны, на крыльцо, а съ крыль-ца пошла дальше, стараясь держаться поближе к-т забору, гдѣ ложились болѣе густыя тѣни. Однакожт-почти у самыхъ воротъ двора она повернула, пошла обратно, вскочила на крыльцо и ставъ на колѣни пе-редъ закрытой дверью дома, всхлипывая, приложи-лась губами къ порогу, и затѣмъ быстро сорвалась съ мѣста и, ставъ на ноги, побѣжала и исчезла въ глубокой темнотѣ.

Прошло больше получаса, а Владысь Цыдзикъ все еще стоялъ въ дверяхъ, раздѣлявшихъ свѣтлицу и боковую комнату, и видъ у него былъ все такой же перепуганный и огорченный. Найденное подъ кроватью колечко онъ крѣпко сжалъ въ рукѣ. Онъ самъ не зналъ, что ему дѣлать; минутами онъ весь пылалъ злобой, потомъ злоба смѣнялась жало-стью къ самому себѣ и къ глазамъ подступали сле-зы. Наконецъ, онъ, вглядываясь пристально въ свата, какъ въ какое-то чудо, медленно приблизился къ столу, при которомъ тотъ сидѣлъ.

— Ясмонтъ! — прошепталъ онъ, — Ясмонтъ! Ясмонтъ!

И, дѣлая ему таинственные знаки пальцами и ки-вая головой, звалъ его за собой.

— Что еще тамъ такое? Что вамъ отъ меня угодно, Владиславъ? — отрываясь отъ интереснаго разговора, — спросилъ Ясмонтъ.

— Идемте, идемте, мнѣ нужно вамъ что-то ска-зать наединѣ! — таинственно шепталъ паренекъ, а Ясмонтъ, увидѣвъ, что парень собирается заплакать, всталъ изъ-за стола и вышелъ съ нимъ въ сѣни. Оттуда слышно было, какъ они оживленно, хоть и тихо, шептались, послѣ чего Ясмонтъ,

рѣпко нахмурившись, заглянулъ въ свѣтлицу и по-звалъ:

— Константинъ, прошу васъ на пару словъ по екрету!

Теперь они уже втроемъ шептались въ сѣняхъ, очень недолго, такъ какъ сейчасъ раздался громкій олосъ Константина, въ которомъ слышался лютый нѣвъ:

— Салюся! Салюся! Салюся!

Дружки встали со своихъ мѣстъ, Панцевичъ въ кухнѣ сорвалась со скамейки, Заневская, Конецъ, посаженная — выбѣжали въ сѣни. Въ этомъ шопотѣ и звукахъ голоса Константина всѣ почувствовали что-то недоброе. И сразу по всему дому, по всему двору и по всей мызѣ раздались женскіе и мужскіе голоса, на разный манеръ выкрикивавшіе одно имя:

— Салюся! Салюся! Салька!

Нѣсколько фонарей, съ которыми стали обходить вокругъ деревьевъ и построекъ блеснули въ темнотѣ. Всѣ двигались какъ-то таинственно, слышались тихіе разговоры и частое всхлипываніе. Это Конецъ и одна изъ дружекъ — большая пріятельница Салюси — стали плакать. Ясмонтъ, желавшій еще скрыть отъ большинства присутствовавшихъ инцидентъ съ обручальнымъ кольцомъ, громко смѣялся и воскликнулъ:

— Дѣвичьи шалости! шалости! Хитрая! спряталась гдѣ-то, чтобъ еще повысить свою цѣну въ глазахъ влюбленныхъ.

Константинъ, обходя всѣ углы, ворчалъ про себя, стиснувъ злобно зубы:

— Убью! какъ Богъ святъ, убью! Не взирая на покойныхъ родителей.

Панцевичъ, какъ вихрь, носилась кругомъ и громче всѣхъ рѣзкимъ голосомъ кричала:

— Салюся! Салюся! Сумасшедшая! Дура! Поганая! Салюся! Салюся!

Однакожъ въ этихъ рѣзкихъ крикахъ, звучавшихъ злостью, уже дрожали сдержанныя слезы.

Никто не видѣлъ Габрыся, который вышелъ изъ своей лачуги, какъ только послышались голоса, произносившіе одно имя, и въ усадьбѣ Константина началось движеніе. Перешагнувъ черезъ изгородь, онъ сталъ нѣсколько въ сторонѣ. Онъ схватился обѣими руками за голову, какъ громомъ пораженный, потомъ низко свѣсивъ голову, глубоко задумался и, наконецъ подойдя къ кучкѣ мужчинъ и женщинъ, стоявшихъ на дворѣ, между которыми находился и Константинъ, онъ тихимъ, сдавленнымъ голосомъ проговорилъ:

— Салюся побѣжала къ теткѣ Стецкевичъ.

Эти слова поразили всѣхъ присутствовавшихъ, но и успокоили и утѣшили всѣхъ.

— Откуда вы это знаете? — потянувъ его обѣими руками за рукавъ балахона, воскликнула Конецъ.

— А я видѣлъ, какъ она шла, — отвѣтилъ онъ, — и спросилъ ее, куда она идетъ? Она сказала, что идетъ къ Стецкевичъ.

— Въ такое время? И зачѣмъ? — хоромъ отозвалось нѣсколько голосовъ.

Габрысь повелъ плечами. При свѣтѣ фонаря, который держалъ Константинъ, лицо его выглядывало несчастнымъ и изможденнымъ съ присущей ему плутоватой улыбкой подъ щеткой черныхъ усовъ.

— Откуда же мнѣ знать? — ни на кого не глядя, медленно проговорилъ онъ. — Она говорила

что тетка сердится, почему ее не пригласили посаженной... такъ она полетитъ къ ней, извинится предъ ней, получитъ хорошій подарокъ и на разсвѣтѣ прибѣжитъ домой.

— Она это говорила?

— Да, говорила.

— Ты это собственными ушами слышалъ отъ нея?

— А чьими же?

— Съ ума сошла! глупая! Объ эту пору! Кто слышалъ! Настоящая помѣшанная, — повторяли женщины.

Габрысь тряхнулъ головой. Тихій, но продолжительный смѣхъ зашевелилъ балахонъ на его груди.

— Что же это за помѣшательство или за глупость въ томъ, что хочется получить хорошій подарокъ? — выговорилъ онъ.

— Вполнѣ вѣрное сужденіе. Какая, въ самомъ дѣлѣ, Салюся практичная, когда она даже одного свадебнаго подарка, который возможно получить, упустить не хочетъ и полетѣла за нимъ ночью къ богатой теткѣ. Го, го! министръ баба!

Ясмонтъ смѣялся, очень довольный такимъ оборотомъ дѣла, такъ какъ, если она побѣжала къ теткѣ за свадебнымъ подаркомъ, то съ Цыдзикомъ серьезно порвать не намѣрена и исторія съ кольцомъ — это только обычная дѣвичья шалость, не больше! Дружки подскочили отъ удивленія: — Хороша Салька! не пожалѣла труда ночью!

А любопытно, что она получитъ отъ тетки! Можетъ быть, цѣлый кусокъ полотна, такъ какъ у Стецкевичъ столько полотна, что у нея отъ него сундуки ломаются. — Даже Панцевичъ смѣялась, и Константинъ немного успокоился, примирился съ происшедшимъ.

— Такая ужъ кровь въ нашемъ родѣ, — замѣтилъ онъ. — Каждый изъ насъ всѣмъ рискуетъ, если только ему крѣпко захочется чего-нибудь! Когда бѣжитъ, такъ бѣжитъ, а когда падаетъ, то лежитъ! У Осиповичей всегда такъ.

Габрысь слышалъ эти разговоры и замѣчаніе и смотрѣлъ на повеселѣвшія лица бесѣдовавшихъ.

— Это не сумасшествіе и не глупость побѣжать за подаркомъ, хотя бы и ночью полетѣть, — повторялъ онъ, — а когда она получитъ хорошій подарокъ, то выйдетъ передъ всѣми умницей!

И толстый балахонъ все подымался у него на груди отъ тихаго, внутреннаго смѣха.

— А все таки, — сказалъ Константинъ, — я сейчасъ запрягаю коня и ѣду за ней къ Стецкевичъ. Три версты — глупость. Привезу я ее сейчасъ, и пусть она хоть немного выспится передъ вѣнцомъ.

Конецъ повисла у него на шеѣ:

— Поѣду и я съ тобой, Костусь!

Она меньше другихъ чувствовала себя успокоенной и совершенно не восторгалась тѣмъ, что сестра ночью побѣжала за подаркомъ; не совсѣмъ она и вѣрила въ эту исторію.

Когда на дворѣ Константина утихло, а онъ самъ съ Конецъ выѣхалъ со двора на одноконныхъ санкахъ, Габрысь съ зажженнымъ фонаремъ вошелъ въ свой сарайчикъ, высыпалъ порядочную мѣру овса, смѣшаннаго съ сѣчкой передъ своей тощей лошадкой, послѣ осмотрѣлъ малыя неподкованныя санки и выстелилъ ихъ сѣномъ. Онъ, очевидно, собирался въ дорогу.

VI.

Утренняя заря застала Салюсю уже дальше, чѣмъ на милю разстоянія отъ Толлочекъ, направляющейся по широкой дорогѣ, поднимавшейся въ гору. Она еще ни крошечки не устала, шла быстро, и когда изъ рѣдѣющаго ночного мрака стали вырисовываться стоявшія вдоль дороги деревца и бѣлѣвшія за ними поля, и все окружающее приняло довольно ясныя очертанія, она остановилась, сдвинула съ лица платокъ и оглянулась вокругъ.

На всемъ пространствѣ, которое было доступно для взора и слуха, царили тишина и безлюдіе. Слышенъ былъ лишь легкій утренній вѣтерокъ, шелестъ верхушекъ деревьевъ, и виднѣлись сугробы снѣга, нанесеннаго вьюгой. Равнина, выступавшая изъ-за покутаннаго мракомъ полузакрытаго горизонта, походила на бѣлое безбрежное море, котораго не коснулось ни малѣйшее движеніе жизни. Ничего, только два ряда голыхъ деревьевъ и за ними бѣловатое, мертвое, недвижное море съ темнѣющими тамъ и сямъ пятнами одинокихъ кустовъ, и небо, по которому плывутъ разорванные клочки тучъ. Она быстрымъ увѣреннымъ шагомъ подымалась вверхъ по косогору, гдѣ далеко въ вышинѣ, лѣниво и сонно, будто колеблясь еще, съ остановками, вертѣлись огромныя крылья вѣтряной мельницы.

Наконецъ, она находилась среди этой одинокой, огромной шири, на которую не разъ смотрѣла съ пригорка изъ своей родной стороны, полная тоскливымъ желаніемъ свободы.

Наконецъ, она была свободна, какъ птица: она летѣла. Много разъ она себѣ говорила: „полечу!“ и полетѣла. Много разъ также она повторяла себѣ

мысленно: „брошу я имъ все!“ и бросила. Обезпеченную будущность, вѣрный достатокъ, приданое, овечекъ, коврикъ съ оленемъ, сундукъ, до самой еле-запирающейся пузатой крышки туго набитый всякимъ добромъ — бросила, и въ старомъ пальтишкѣ, въ стоптанныхъ башмакахъ, съ нѣсколькими копейками въ карманѣ и двумя свертками бумагъ за лифомъ — убѣжала...

Она не испугалась ни тишины, ни одиночества, ни многоверстной дороги, которую ей еще предстояло пройти, чтобъ достигнуть своей цѣли. Что на нее могутъ напасть разбойники или какіе-либо дурные люди ей не пришло въ голову даже тогда, когда она шла въ ночной темнотѣ, а теперь день взошелъ надъ землей, и раньше, чѣмъ снова настанетъ ночь, она навѣрное будетъ на мѣстѣ. — Чего же ей бояться? Многоверстный путь! Гей, гей! Сколько разъ она бѣгала по нѣсколько миль съ сестрами или ровесницами и лѣтомъ и зимой на праздники въ костелъ, славящійся чудесами, и къ роднымъ на какое-либо торжество, бѣгала такъ далеко, что судорога ноги сводитъ, и потомъ еще, прибывъ на мѣсто, ходила по мѣстечку или всю ночь плясала! Такъ чего же бояться? Заблудится? Куда! Во-первыхъ языкъ — до Кіева доведетъ, а во-вторыхъ большая часть этой дороги ей знакома, потому что въ четырехъ миляхъ отъ Толлочекъ и въ двухъ отъ Ляскова находится то мѣстечко съ костеломъ, славящимися чудесами, куда она не разъ и не два въ продолженіе своей жизни и даже еще въ дѣтствѣ ходила въ обществѣ другихъ на храмовые праздники.

Такъ чего бояться! А относительно послѣднихъ двухъ миль она спроситъ въ мѣстечкѣ и въ мигъ пролетитъ ихъ. Хуже всего было бы, если бъ она

трѣтила знакомыхъ, которые могли бы заговорить нею или дать о ней знать въ Толлочки. Но на о она не очень разсчитывала: Зимою люди не къ охотно ходятъ, а если она издали увидитъ го-либо идущаго или ѣдущаго, то такъ укроетъ цо платкомъ, что ее никто не узнаетъ. Слѣдовательно, бояться нечего.

Она уже была у верха косогора; огромныя хія руки мельницы сонно, медленно, безъ малѣйаго шелеста двигались почти надъ ея головой. Она тановилась. А! Вѣдь это мельница шурина Габися. Сестра Габрыся съ нѣсколькими малыми и драстающими дѣтками живетъ близко отсюда, нъ въ избушкѣ, что стоитъ близъ мельницы, тутъ по дорогѣ среди низкихъ заборовъ, и какъ дто спитъ, больше чѣмъ до половины засыпанная гомъ. Она выглядываетъ спящей потому, что за умя бѣлыми отъ мороза оконцами царствуетъ полая тишина; тщательно закрыты двери, на порогѣ торыхъ лежитъ высокій слой снѣга: даже два деева среди двора стоятъ совершенно недвижно. И е таки, кто знаетъ, всѣ ли тамъ спятъ еще. Можетъ быть, хозяйка проснулась и сейчасъ выйдетъ ъ избы съ ведромъ въ рукѣ и пойдетъ за водой колодцу, журавль котораго, сѣрый и высокій, рчитъ, какъ нѣсколько наклоненный клювъ спящей ицы. Можетъ быть, мельникъ ночевалъ въ мельицѣ и сейчасъ выйдетъ оттуда, чтобъ пойти къ бѣ въ домъ погрѣться и поѣсть? Знаютъ они ее рошо, издавна и какъ бы она ни закрывала лицо, и ее могутъ узнать по фигурѣ и походкѣ. Нужно леко обойти мельницу и домъ сестры Габрыся!

Но какъ? Гей, что тутъ труднаго? Вотъ небольшая дорожка, выѣзженная одноконными санями,

которая граничитъ съ полемъ и какъ-то полукругомъ убѣгаетъ въ противоположную отъ мельницы сторону отъ большой дороги. Вѣрно она выведетъ опять къ большой дорогѣ, а если и не выведетъ, такъ полемъ можно будетъ туда добраться. Теперь если бы по дорогѣ и встрѣтился бродъ или ровъ его пройти легко, потому что всѣ воды на свѣтѣ превратились въ ледъ.

Съ большой дороги шла, круто извиваясь, проложенная санями небольшая боковая тропинка, у которой даже придорожныхъ деревьевъ не было. Подъ небомъ, въ воздухѣ становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе; еще нѣсколько небольшихъ звѣздочекъ блеснуло среди двигающихся облаковъ и тотчасъ же погасло. Вмѣсто нихъ, въ тишинѣ, не прерываемой даже щебетаніемъ птицы, или малѣйшимъ шумомъ прилегшаго къ самой землѣ вѣтра, на восточной сторонѣ неба поднималась и медленно росла рубиновая утренняя заря. Какъ блескъ вспыхнувшаго у края земли огня упалъ ея свѣтъ на снѣга и поплылъ по нимъ, какъ рѣка, попутно освѣживъ нѣсколько деревьевъ, стоявшихъ на полѣ, — такъ, что они стали похожи на кружевные столбы румянаго свѣта, выросшіе изъ алебастровой бѣлизны, — и потомъ сложилъ дрожащіе лучи на верхушкѣ креста, который распростеръ свои обѣ нагія, молчаливыя руки надъ широкимъ, нагимъ, молчаливымъ полемъ.

Салюся опять остановилась и стала всматриваться въ утреннюю зарю глазами, сначала улыбающимися и восторженными, а затѣмъ полными слезъ. Вотъ какъ хорошо начинается удивительнѣйшій и самый важный день ея жизни!

У подножья креста лежалъ большой гладкій ка-

нь. Можетъ быть, что въ другое болѣе мягкое
емя года тутъ сиживали люди, молились, размыш-
ли; теперь на покрывавшемъ его снѣгѣ были лишь
ѣды ногъ какой-то большой птицы или, быть мо-
тъ, маленькаго звѣрька — слѣды, которые стерла
евшая тамъ на колѣни Салюся.

Она стала на колѣни на камнѣ, обѣими руками
няла крестъ и, прижавшись къ нему вискомъ съ
кой молитвой на устахъ, глядѣла на утреннюю
ѣзду.

— Боже мой, Боже! Дай мнѣ найти его здо-
вымъ и добрымъ ко мнѣ, чтобы мнѣ во всемъ
ла удача! Боже мой, Боже! Дай, чтобъ онъ
остилъ мнѣ грѣхъ, который я предъ нимъ совер-
ила.

Дай мнѣ счастливо дойти до него и его найти
оровымъ, а сердце его открытымъ для меня и
объ я уже никогда не разлучалась съ нимъ!

Потомъ она перекрестилась и начала читать
ычную молитву, но никакъ ее кончить не могла.

— Отче нашъ... Начала она, но дальше говорила:

— Дай мнѣ найти его здоровымъ и добрымъ
мнѣ... иже еси на небесѣхъ... Чтобъ мнѣ съ
мъ, какъ на небѣ жить... да пріидетъ царствіе
ое... Чтобъ онъ мнѣ простилъ мою вину... да
детъ твоя святая воля въ небеси и на земли...
обы мнѣ на землѣ не имѣть ни другого друга, ни
екуна, кромѣ него...

Она плакала. Краемъ платка, который былъ
ея головѣ, она закрыла лицо, но это продолжа-
сь недолго. Не время плакать тому, передъ кѣмъ
ще лежитъ большой путь.

На слезахъ не доплывешь до своей цѣли. Нужно
ти. Она поцѣловала крестъ, встала и пошла

опять, направляясь къ большой дорогѣ, то погружаясь въ снѣгъ почти до колѣнъ, то осторожно переходя небольшой замерзшій бродъ, то высоко поднявъ платье и перескакивая узкій, но глубокій ровъ, и вотъ она уже на большой дорогѣ и идетъ быстрымъ шагомъ, стрѣлой несется прямо впередъ.

Итакъ, она идетъ къ Георгію! За эти послѣдніе нѣсколько дней она ощущала такую сильную жажду видѣть его и столько разъ ее охватывало желаніе убѣжать и уйти къ нему, что она, наконецъ дѣйствительно убѣжала и пошла. Она отлично сознавала, что возвращеніе въ родной домъ, къ своимъ, будетъ для нея невозможнымъ на очень долгое время, если не навсегда. Возможно, что ее, если бъ она теперь вернулась, не захотѣли бы принять, а если бы и приняли, то ей досталось бы столько насмѣшекъ и преслѣдованій, сколько она ни въ какомъ случаѣ перенести не въ состояніи. Они съ Константиномъ другъ другу глаза бы выцарапали, такая бы между ними драка пошла.

Онъ ей никогда, до самой смерти, не проститъ ни этого срама, который она ему причинила своимъ бѣгствомъ, ни того судебнаго дѣла объ убыткахъ, которое теперь Цыдзикъ, конечно, заведетъ. Онъ на нее теперь не сталъ бы смотрѣть, какъ на Божье созданіе, а обращался бы съ нею хуже, чѣмъ съ собакой, а она опять-таки не такова, чтобъ умѣть терпѣливо сносить обиду! Нѣтъ, теперь ужъ скорѣе волкъ съ барашкомъ могутъ жить подъ одной крышей, чѣмъ она съ братомъ. А съ сестрами почти то же самое. Одна лишь Конецъ, можетъ быть, примирилась бы, и то сомнительно, такъ какъ она боится семейной розни. А родственники! Сосѣди! Знакомые! Тѣ такъ просто глаза бы ей

ѣли глумленіемъ и издѣвательствами, облили бы
презрѣніемъ, шипящими языками поносили бы ее
весь свѣтъ! Нѣтъ!

Она очень хорошо знала, что со всѣми своими
угомъ она порвала, все, что принадлежало или
гло принадлежать ей, она оттолкнула отъ себя и
всегда потеряла, что возврата для нея нѣтъ и что
всемъ огромномъ свѣтѣ она одна-одинешенька,
всѣ ея мысли у того человѣка, который не разъ
не сто разъ говорилъ, что любитъ ее больше всего
свѣтѣ, который ей руки, глаза, губы, даже ноги
ловалъ и написалъ ей: „въ одной рубашкѣ я тебя
зьму и буду себя считать счастливымъ, что ты отъ
ня одного все получишь". И невозможность воз-
ата ее нисколько не пугала и одиночество не пе-
лило ея. Наоборотъ, мысль, что она сбросила съ
бя всякія оковы, что она навсегда развязалась съ
имъ жеребцомъ, съ этимъ слизнякомъ, сопливымъ,
отозѣемъ, который себѣ еще позволилъ говорить о
воемъ господствѣ надъ нею, наполняла ее такой
рдостью, что она на ходу выпрямилась и высоко
одняла голову. Вотъ она и поставила на своемъ!
отъ и не выйдетъ за Цыдзика и будетъ женою
го, кого сама себѣ, по собственной волѣ, по соб-
твенному уму и сердцу выбрала. Хамъ! Пусть
ебѣ хамъ, а для нея онъ самый дорогой. У него
воей земли нѣтъ! Ничего, что нѣтъ! За то у
его голова и руки, да и она не безъ головы и не
езъ рукъ. Убѣдилась она, что безъ него жить не
ожетъ, что онъ ей милѣе и дороже происхожденія,
емли, родныхъ, и весь міръ могъ бы ее теперь уни-
ать и осмѣивать, она бы только хохотала, шишъ
ы показала всему свѣту и пошла бы къ нему, сво-
му милому.

Она шла и думала: какъ же теперь будет между нами? А какъ должно быть? Вотъ просо придетъ она въ Лясково, найдетъ его на дворѣ, с нетъ передъ нимъ и скажетъ: „Георгій, прости мнѣ мой грѣхъ, который я передъ тобой совер шила, — хоть за то прости, что я ради тебя всѣ бросила, оттолкнула, чтобъ къ тебѣ придти: так я тебя люблю и жить безъ тебя не могу". Как онъ обрадуется! Онъ ее задушитъ въ объятіях Когда она подумала объ этихъ объятіяхъ, она до того взволновалась, что у нея ноги задрожали, и он принуждена была присѣсть подъ ближайшимъ дер вомъ, закрывъ ладонями пылающее огнемъ лицо.

Ей было стыдно предъ самой собой при мысл что... если онъ ее такъ, какъ раньше обниметъ поцѣлуетъ, то Богъ знаетъ, что съ нею произойдет нужно идти! Нужно пойти дальше! впередъ впередъ!

Она быстро поднялась съ земли и послѣ отдыха хоть и короткаго, пошла впередъ еще скорѣе преж няго.

А что будетъ послѣ? Что же должно быть Извѣстно! Никакихъ затрудненій къ исполненію всего желательнаго имъ не встрѣтится. Георгій е пока отвезетъ къ своимъ родителямъ, по отношенію къ которымъ она, хотя они и мужики, будетъ лю безна и покорна, будетъ имъ даже помогать по хо зяйству и сдѣлаетъ все, что прикажутъ. Такъ ней тамъ пройдетъ время до свѣтлаго праздника, весною они повѣнчаются, и Георгій ее заберетъ к себѣ. Вотъ и все. Ей двадцать три года, и она отлично знаетъ, что въ этомъ возрастѣ никто не можетъ ей запретить выйти, за кого она хочетъ Нужныя для вѣнчанія бумаги она взяла съ собою

какого препятствія къ ихъ браку встрѣтиться не
жетъ. А послѣ вѣнчанія никто ни повредить ей,
обидѣть ее не можетъ, такъ какъ во-первыхъ она
детъ повѣнчана, что самое главное для нея: а во-
рыхъ, позоръ этого теперешняго побѣга къ нему
кроетъ и сотретъ съ нея подвѣнечная фата. И,
обще, нѣтъ никакого позора въ томъ, что она
ла къ тому, съ которымъ много разъ мѣнялась
имными клятвами въ вѣчной любви, который,
гда увидитъ ее, будетъ такъ счастливъ, какъ будто
ь во второй разъ на свѣтъ родился, который за
что она такая смѣлая и вѣрная, всю жизнь бу-
тъ ее на рукахъ носить.

Несмотря на раннюю хорошую погоду и руби-
вую утреннюю звѣзду, день выдался пасмурный,
иноватый, безъ солнца, которое даже совсѣмъ не
ошло, такъ какъ его сразу покрыли темно-сѣрыя
ни, усѣянныя бѣловатыми пятнами. Салюся часто
глядывала на небо. Быть можетъ, снѣгъ пойдетъ,
съ какъ мороза почти нѣтъ, а эти бѣлыя облака,
жется, полны снѣга. Но ей до этого никакого
ла нѣтъ! Вѣтеръ лишь изрѣдка вѣетъ, и то
егка, едва слышно, а снѣгъ безъ мороза и вѣтра —
стяки.

Опасности тутъ никакой быть не можетъ и даже
пріятности тоже нѣтъ:

Наоборотъ, иногда даже пріятно смотрѣть, какъ
и бѣлыя, чистыя хлопья мелькаютъ въ воздухѣ,
дто толкая другъ друга и летя вперегонку, или
къ наполняютъ воздухъ, что не видно ни неба, ни
мли, а передъ глазами носится лишь эта безчислен-
я мелькающая масса, какъ бы бѣлыхъ птицъ, ма-
нькихъ, легкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такихъ серьез-
хъ и печальныхъ въ своемъ великомъ спокойствіи.

А между тѣмъ никакого снѣга не выпало и полудню. Салюся все еще шла большой дорогой у немного усталая, немного, но все-таки настольк что она подумала о необходимости отдыха.

Практичность, лежавшая въ ея характерѣ, та с мая, которая ее склоняла къ принятію большо приданаго и блестящей партіи, которая въ рѣшител ную минуту напомнила ей о томъ, чтобы взять из сундука бумаги, нужныя для вѣнчанія и немно мелкой монеты, теперь обратила ея вниманіе на т что если она черезчуръ переутомитъ себя, то м можетъ не хватить силъ для достиженія цѣли д вечера настоящаго дня.

Поэтому она зашла въ маленькую придорожну корчму, выпила тамъ стаканъ молока съ черным хлѣбомъ и просидѣла около часу на узкой ск мейкѣ, у стѣны. Нѣсколько разъ сами ноги пор вались къ продолженію пути, но она заставляла себ сидѣть, хорошенько отдохнуть, для того, чтоб послѣ тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе дойти. У людей, си дѣвшихъ въ корчмѣ, она только спросила: „Как далеко еще до мѣстечка со славящимся своими чу десами костеломъ?“ — И узнавъ, что всего верст восемь, она всплеснула руками отъ радости. Эт восемь верстъ она уже пролетитъ, какъ молнія, в мѣстечкѣ опять отдохнетъ, а тамъ уже всего дв мили останутся. Едва стемнѣетъ, какъ она уже бу детъ въ Лясковѣ. И это очень удобно, что он туда придетъ въ сумерки. При свѣтѣ дня ей был бы немножко стыдно постороннихъ, которые изъ любопытства стали бы присматриваться къ ней, въ темнотѣ всѣ кошки сѣры и раньше, чѣмъ кт либо разсмотритъ, молодая ли она, или старая, кра сивая или безобразная, она разспроситъ о Георгіи

видитъ его и перестанетъ безпокоиться обо всемъ стальномъ.

Но отдыхать въ мѣстечкѣ ей не понадобилось. а корчмой дорога стала болѣе людной, чѣмъ была раньше; тутъ чувствовалась близость населеннаго мѣста; по дорогѣ довольно часто встрѣчались пѣшеходы и конные проѣзжіе.

„Кабы меня кто-либо подвезъ до мѣстечка", подумала она. И, увидѣвъ на довольно порядочномъ разстояніи мужика на санкахъ, она крикнула ему съ края дороги, чтобъ онъ взялъ ее къ себѣ на санки.

— Я заплачу! Прошу васъ, хозяинъ, довезите меня до мѣстечка!

Мужикъ кивнулъ головой въ знакъ согласія и остановилъ коня.

Она, довольная, радостная, какъ птица, взлетѣла на сани и поѣхала.

Все идетъ хорошо! Вотъ она и ѣдетъ, какъ барыня, отдыхаетъ, а когда она совсѣмъ отдохнетъ, ноги ее, какъ вѣтеръ, понесутъ дальше. Стало ей весело и стала она вспоминать, какъ въ первый разъ увидѣла Георгія.

Въ городѣ былъ пожаръ, и она съ Анулькой пошли смотрѣть на это зрѣлище и, стоя въ толпѣ, присматривались къ пламени и къ людямъ, которые разными способами старались погасить его.

Несмотря на тѣсноту и жару, она изъ любопытства протискалась какъ можно ближе и увидѣла лѣстницу, подымавшуюся съ земли подъ самую крышу горящаго дома, стоявшаго въ дыму, кругомъ объятаго огненными языками, и когда она подняла глаза вверхъ, то на верхней ступенькѣ лѣстницы показался человѣкъ, несшій въ рукахъ небольшой сундукъ; люди,

стоявшіе внизу, увидѣвъ этого человѣка съ сундуком, протягивали къ нему руки, кричали, стонали. Все ихъ богатство, вѣроятно, хранилось въ этомъ сундукѣ; но тотъ, кто вынесъ его изъ огня, Салюстъ показался такимъ прекраснымъ, сильнымъ, смѣлымъ, что въ ея глазахъ былъ болѣе похожъ на архангела, изображаемаго на иконѣ въ костелѣ, чѣмъ на человѣка. Она не понимала, что его въ ея глазахъ дѣлаетъ такимъ прекраснымъ и необыкновеннымъ, и не спрашивала себя объ этомъ, но тихо шептала сестрѣ:

— Смотри, смотри!.. Какой смѣлый!.. Какой смѣлый!.. Вотъ смѣлый!..

Затѣмъ случилось какъ-то такъ, что она испугалась, какъ бы лѣстница не сломалась подъ нимъ, какъ бы окружающее его со всѣхъ сторонъ пламя не охватило его, какъ бы онъ не потерялъ равновѣсія и не упалъ; она отъ страха крикнула и подняла вверхъ руки, словно на помощь или на спасеніе ему. Тогда онъ, находясь еще на серединѣ лѣстницы, посмотрѣлъ на нее, улыбнулся и затѣмъ, ступивъ на землю, отдалъ, сундукъ плачущимъ и стонущимъ людямъ, которые его за это горячо благодарили, цѣлуя его руки и называя спасителемъ. Но онъ скоро вырвался изъ этой толпы и съ чернымъ отъ дыму лицомъ, въ тамъ и сямъ прогорѣлой одеждѣ опять посмотрѣлъ на нее и, увидѣвъ тутъ же около нея Коньца, быстро подошелъ къ нему.

Оказалось, что они были знакомы, но мало, теперь же они очень скоро сблизились. Уже на слѣдующій день Георгій пришелъ къ Коньцамъ и все чаще приходилъ и все больше оставался... И какъ она могла хоть на минуту забыть объ этомъ первомъ знакомствѣ, когда онъ, какъ архангелъ,

вился передъ нею въ пламени и дымѣ, такой смѣ-ый, стройный, прекрасный и, главное, такой смѣ-ый! Теперь она его опять видитъ такимъ, онъ, акъ живой, стоитъ у нея передъ глазами, и она лагодаритъ Бога, что онъ ее также наградилъ смѣ-остью, помогшей ей послѣ временнаго заблужденія озвратиться на дорогу, ведущую къ нему.

— Хозяинъ, — спросила она вдругъ, — не знаете и вы случайно старшаго лѣсника въ Лясковѣ?

Мужикъ не зналъ старшаго лѣсника изъ Ляс-ова, но слышалъ, что тамъ есть какой-то молодой, оторый, кажется, намѣренъ скоро жениться.

„Ге, ге! — подумала Салюся, — онъ былъ намѣ-енъ, а потомъ не былъ, теперь опять будетъ“.

И тихо засмѣялась.

— Вотъ какой сюрпризъ я ему сдѣлаю!

Она попросила мужика провезти ее черезъ мѣ-течко, такъ какъ имѣла тутъ знакомыхъ и боялась встрѣтиться съ ними. Минуя костелъ, извѣстный своими чудесами, она перекрестилась и опять тихо зашептала:

— Боже мой, Боже! Дай мнѣ найти его здо-ровымъ и чтобъ у меня все пошло похорошему.

За мѣстечкомъ она соскочила съ санокъ, любезно поблагодарила возницу, уплатила ему и разспросила о дорогѣ въ Лясково, которую онъ, хотя въ Лясковѣ давно не былъ, зналъ очень хорошо.

Нетрудно и запомнить эту дорогу. Прежде идти впередъ, потомъ у трехъ крестовъ взяться на-право и пойти прямо, какъ выстрѣлъ, тамъ будетъ большой лѣсъ, а черезъ лѣсъ тоже дорога, какъ выстрѣлъ прямая, широкая, выѣзженная и до конца лѣса вся видна, какъ на ладони.

Она пошла и скоро ее немного заинтересовала

стая галокъ, которыя, производя большой шумъ своими крыльями, слетали на поле. Всякую тварь она любила, птицъ больше другихъ, поэтому она пошла тише и съ любопытствомъ присматривалась къ тому, какъ красиво они выглядѣли, разсыпавшись по снѣжнему полю, черные какъ смола съ сѣрыми ошейниками. Она уже не завидовала имъ, что у нихъ есть крылья. На что ей крылья, когда у нея есть сильныя отдохнувшія ноги, которыя ее скоро приведутъ туда, куда она стремится!

У трехъ крестовъ на нее произвелъ сильное и грустное впечатлѣніе видъ совершенно новаго для нея небосклона. Природа становилась все менѣе похожей на ту, среди которой Салюся родилась и выросла. Дитя безлѣсной стороны, часто усѣянной небольшими холмами, она до сихъ поръ знала лишь березнякъ и ольхи, разбросанныя по мокрымъ полямъ, или рѣдкія сосновыя заросли по песчанымъ холмамъ. Теперь гладкая, какъ столъ равнина, среди которой она находилась и главнымъ образомъ полоса лѣса, стоявшая съ обѣихъ сторонъ дороги темной, необозримо-безконечной стѣной, навѣяли на нее какую-то грусть. „Тутъ все какъ-то иначе! — подумала она, — все иначе!“ И она почувствовала ту самую жалость, которая ее заставила отъ воротъ родного двора пойти обратно къ порогу родительскаго дома и, ставъ передъ нимъ на колѣни, поцѣловать его. И теперь она снова обернулась лицомъ въ ту сторону, откуда пришла. Тамъ, въ той сторонѣ такъ далеко, что ни увидѣть, ни услышать ничего невозможно, въ безлѣсной сторонѣ стоитъ рядъ домовъ, среди которыхъ одинъ она видитъ, какъ на ладони, съ садомъ, дворомъ, новой желтой ригой, съ заборомъ, за которымъ сѣрѣетъ избушка

забрыся, съ хлѣвомъ, гдѣ среди другихъ стоятъ шесть овечекъ съ красными тесемками на сѣрой, черной и коричневой шерсти. И сама не зная, какъ, она поклонилась, и въ ея головѣ завертѣлись слова: „Будьте здоровы, мои овечки!“ Ея глазамъ представилась и внутренняя часть этого дома: дѣдовскій широкій диванъ, обитый узорчатымъ коврикомъ, ясеневый комодъ, прялка у печки со льномъ, сундукъ съ приданымъ, обитый желѣзомъ, съ крышкой, оклеенной внутри изображеніями святыхъ. Она опять поклонилась: „Прощайте, диванъ, сундукъ и, главное, прялка, на которой я съ дѣтства пряла!“ На диванѣ, развалившись, сидитъ Константинъ и свиститъ: фью, фью, фью! фью, фью! Однако, онъ ей добра желаетъ, приданое далъ ей большее, чѣмъ могъ, нашелъ ей самую лучшую партію, часто вспоминалъ, что умирающіе родители ему поручили ее... Она поклонилась: „Будь здоровъ, Константинъ!“ Пандевичъ, какъ вихрь вертится по кухнѣ и бранится съ Заневской. Конецъ разсказываетъ брату разныя городскія происшествія и анекдоты. Были и онѣ добры къ ней, много трудились, устраивая ея несостоявшуюся свадьбу, осыпали ее подарками. „Будьте здоровы, родныя сестры!“

Навстрѣчу ей, направляясь къ лѣсу, подъѣхали, побрякивая упряжью, пароконныя сани. Оттуда слышался шумъ голосовъ нѣсколькихъ сидѣвшихъ тамъ громко разговаривавшихъ человѣкъ. Когда они пронеслись мимо нея, она услышала нѣсколько разъ повторенное въ ихъ разговорѣ слово: „женихъ“, а изъ-подъ ссунувшагося платка на головѣ женщины виднѣлся большой красный цвѣтокъ.

„На какую-то свадьбу ѣдутъ“, — подумала она. Но какое ей дѣло до того, куда ѣдутъ какіе-то

незнакомые люди? Можетъ быть, цѣлыхъ четверть часа она простояла повернувшись и, оборотивъ лицо въ сторону противоположную той, въ которую ей нужно было идти. Холодными руками она отерла мокрые глаза и, обернувшись къ лѣсу, опять пошла шла и думала:

— Для тебя, Георгій, я отреклась отъ всего своего и всѣхъ своихъ. Для тебя я осталась сиротой безъ родныхъ и безъ дома! Для тебя я все отъ себя оттолкнула и разлучилась со всѣми, быть можетъ, навѣки, бросила все, къ чему глаза привыкли и сердце было привязано. Но ты мнѣ все это замѣнишь, наградишь меня за все, мой дорогой, золотой, мой прекрасный!

И шагая все впередъ и впередъ, она долго думала о той минутѣ, когда онъ ей впервые сказалъ, что любитъ ее больше жизни, что когда ее нѣтъ съ нимъ, онъ жаждетъ ее видѣть, что единственнымъ его счастьемъ будетъ, если она согласится соединиться съ нимъ и быть его женой и товарищемъ навѣки. Вспомнила она, какъ онъ тогда выглядѣлъ, когда это говорилъ, какими глазами смотрѣлъ на нее, какъ цѣловалъ ея руки, что она ему отвѣчала и какъ онъ, какъ сумасшедшій, радовался ея отвѣту, почти говорить не могъ, и хотя она немного оборонялась — обнялъ ее впервые и поцѣловалъ, но не разъ... Она такъ углубилась въ воспоминанія, что почти забыла, гдѣ находится, и какъ бы пробудилась отъ сна, лишь услышавъ за собою шелестъ скользящихъ саней и глухой топотъ конскихъ копытъ по снѣгу. Опять мимо нея пролетѣли пароконныя сани, но на этотъ разъ въ нихъ были не свадебные гости, а пять или шесть музыкантовъ. Она это узнала по толстой ручкѣ торчав-

лаго посрединѣ саней баса и по другимъ инстру-ентамъ, которые въ длинныхъ футлярахъ стояли и ежали между ѣдущими и у нихъ на колѣняхъ.

— Музыка куда-то ѣдетъ! — мелькнула у нея имолетная мысль и въ то же время она замѣтила, что уже находится въ лѣсу и ее охватила необъяс-имая грусть. Тутъ было какъ-то такъ мрачно. Эти емно-зеленыя сосны такой траурной каймой отдѣ-яли бѣлую землю отъ сѣраго неба, такой высокой и темной чешуей тянулись направо и налѣво, словно двѣ непроницаемыя стѣны закрывали отъ глазъ Бо-жій свѣтъ и своимъ неустаннымъ пѣвучимъ шеле-стомъ, будто плакали и жаловались на что-то, тяжко вздыхая, будто какое-то несчастье пророчили; а она вѣдь какъ разъ наоборотъ, идетъ къ своему счастью, къ своей радости. Ничего! Эти мрачныя стѣны могутъ вздыхать, шумѣть, шептать злыя пророчества покрытому тучами небу — ее онѣ не запугаютъ! Она, особенно теперь, когда вспомнила все прошлое, какъ въ Евангеліе, вѣритъ въ любовь Георгія и въ то, что мало на свѣтѣ болѣе счастливыхъ людей, чѣмъ оба они! Чтобъ только съ нимъ, когда онъ ее увидитъ, не случилось чего-нибудь дурного отъ радости! Слышала она о томъ, что внезапная и не-ожиданная радость такъ же, какъ и внезапное горе, могутъ человѣку причинить болѣзнь, поэтому она раза два подумала: „Только бы съ нимъ, когда онъ ее увидитъ, Боже сохрани, не случилось ничего дур-ного отъ радости!“

Наступали зимнія, раннія сумерки. Темнѣла ши-рокая, выѣзженная лѣсная дорога, а стоявшія съ обѣихъ сторонъ стѣны темно-зеленыхъ деревьевъ стали черными. Какая-то большая птица жалобно застонала, громко шелестя крыльями, и, казалось,

что-то тяжелое упало въ чащу, и тамъ раздался сухой стукъ и трескъ.

Салюсю объяла тревога; въ первый разъ за весь этотъ многоверстный путь она испугалась и почувствовала, какъ у нея отъ страха усиленно бьется сердце. Но она вѣдь никогда еще не была въ такомъ большомъ лѣсу. Ей пришли на мысль дикіе звѣри и даже разбойники. Какъ бы уже скорѣе выйти изъ этого лѣса! Ахъ, слава Богу, опять кто-то ѣдетъ! она себя почувствовала бодрѣе и смѣлѣе, когда услышала за собой, хотя еще довольно далеко, побрякиваніе упряжи и топотъ конскихъ копытъ. Довольно быстро приблизились и промчались мимо нея очень нарядно выглядывавшія сани, запряженныя въ одну лошадь, въ которыхъ, кромѣ возницы, сидѣли двое господъ. Не было еще такъ темно, чтобы она не могла узнать по шубамъ, что это именно господа, и не замѣтить на ихъ рукахъ бѣлыхъ перчатокъ и изъ-за открывавшихся у шеи шубъ бѣлыхъ галстуховъ. Они, видно, опоздали и очень спѣшили, потому что кричали возницѣ: „Погоняй!“ и онъ почти галопомъ пустилъ прекраснаго рослаго коня. „Навѣрное гдѣ-то свадьба, — думала Салюся, — сегодня должна была состояться и ея свадьба. Теперь было бы уже давно полъ-вѣнчанія и послѣ обѣда, стѣны скакали бы отъ танцевъ и музыки. А теперь! Какая тамъ теперь злоба и какія проклятія посылаютъ ей въ догонку! Какъ мрачно теперь глядитъ Константинъ и уже даже не свиститъ! Какъ сестры плачутъ и особенно Анулька!“ Жалость ее опять разобрала, тѣмъ болѣе, что темныя высокія стѣны лѣса непрестанно шумѣли, вздыхали, горевали будто надъ нею, надъ ея удивительной, странной судьбой, какъ будто плакали надъ ея роднымъ

омомъ, теперь мрачнымъ и сверху до низу наполненнымъ злобой и недоброжелательствомъ. И она спѣшила, спѣшила, напрягала всѣ оставшіяся силы, чтобы какъ можно скорѣе выйти изъ лѣсу. Наконецъ, показался край одной стѣны, потомъ край второй, и она какъ будто заново на свѣтъ родилась, какъ будто съ души ея свалилась вся накопившаяся тамъ тяжесть, когда она увидѣла открывшееся передъ нею небо, поле и посреди поля тянувшійся до горизонта большой дворъ, окруженный лѣсомъ, какъ темнымъ вѣнкомъ и тополями, какъ крѣпость. На полѣ было свѣтлѣе, чѣмъ въ лѣсу, однакожъ и тутъ уже наступили сумерки, а во дворѣ подъ тополями свѣтилось столько огней и двигающихся, и неподвижныхъ, словно тамъ устраивали иллюминацію. Уже издали она увидѣла длинный невысокій домъ, окна котораго всѣ были ярко освѣщены. Меньшіе огни, вѣроятно, отъ занесенныхъ фонарей, мелькали тамъ и сямъ въ воздухѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дома. Что тамъ такое происходитъ? Какое-то собраніе или торжество. Что же? Ничего удивительнаго, вѣдь теперь масляница, а у арендатора взрослыя дочки. Въ первый разъ за все время она вспомнила объ этихъ дочеряхъ арендатора, о которыхъ ей когда-то говорилъ человѣкъ, пріѣхавшій изъ этой стороны, и она почувствовала безпокойство какое-то, необъяснимое, но докучное и непріятное ощущеніе около сердца. Но сейчасъ же она себя успокоила мыслью: и прекрасно, что я какъ разъ во время такого собранія приду! Никто не обратитъ особеннаго вниманія на мое появленіе и на мое свиданіе съ Георгіемъ. Я попрошу кого-нибудь, чтобъ его позвали, мы увидимся, поговоримъ, и онъ еще сегодня ночью запряжетъ коня и отвезетъ меня къ своимъ родителямъ!

Когда она вошла въ ворота, къ ней навстрѣ
съ большимъ лаемъ выскочили двѣ дворовыя со
баки, но, можетъ быть, потому, что она ихъ не п
галась и смѣло шла впередъ, онѣ скоро отъ нея с
стали и побѣжали обратно къ дому. Она на м
нутку остановилась и оглянулась кругомъ. Въ гл
бинѣ обширнаго двора, на фонѣ обнаженныхъ сад
выхъ деревьевъ, стоялъ домъ съ низкими освѣщенны
окнами, у которыхъ снаружи стоитъ масса людей, в
роятно присматривающихся къ тому, что дѣлается вн
три его. Направо хозяйственныя постройки и фл
гель; налѣво большой полукругъ тополей, доход
щій до самой рѣшетки сада. Ворота одной из
построекъ, вѣрно сарая, открыты. Тамъ мелькаю
фонари, ржутъ лошади и разговариваютъ люд
Подъ тополями тишина, какъ впрочемъ и на всем
дворѣ, который весь пустъ — и въ ночной темно
сверкаетъ нѣжной бѣлизной. Жизнь, очевидн
праздничная и многолюдная, сосредоточилась здѣ
въ двухъ пунктахъ въ домѣ и около сарая.

Салюся медленно шла тихой стороной двор
вдоль тополей. Сперва она хотѣла подойти къ с
раю и спросить вертѣвшихся тамъ людей, вѣрно к
черовъ, гдѣ живетъ старшій лѣсничій и какъ е
можно видѣть. Но ей какъ-то стыдно было и пр
томъ она немного боялась незнакомыхъ ей
очевидно простыхъ людей. Они могли позволи
себѣ какую-нибудь выходку. Во флигелѣ тольк
два окна были освѣщены, и Салюся сообразил
что тамъ вѣрно пекарня, такъ какъ свѣтъ исходил
отъ горѣвшаго въ печи огня, остальныя же окн
флигеля не были освѣщены. Изъ писемъ Георг
она знала, что онъ живетъ во флигелѣ: эти не освѣ
щенныя окна, вѣроятно, принадлежатъ его квартир

онъ самъ, конечно, въ большомъ домѣ, гдѣ проходитъ сборище. Почему же ему и не быть мъ? Пригласили его, онъ и пошелъ. Опять она чувствовала безпокойство и докучливую тоску въ рдцѣ. Она предпочла бы, чтобы въ квартирѣ оргія одно окошко было освѣщено и, чтобъ онъ мъ сидѣлъ одинъ и тосковалъ бы по ней.

За тополями, росшими поодалъ другъ отъ друга, а увидѣла большую продольную долину, усыпанную снѣгомъ, на которой, тамъ и сямъ чернѣли ольшія пятна. Это та рѣка, о которой Георгій исалъ, когда описывалъ мѣстоположеніе Ляскова, а ятна — проруби; очевидно, сегодня или вчера ловили ыбу, разъ они еще не совсѣмъ покрыты снѣгомъ. ъ своей сторонѣ она видѣла рѣки, гдѣ были сдѣаны проруби для ловли рыбы, поэтому ей легко ыло догадаться.

Она уже стояла почти за спиной у людей, смотрѣвшихъ черезъ освѣщенныя окна во внутрь дома. то были низшіе служащіе, батраки, ихъ жены и ѣти, кухонная прислуга. Быть можетъ, сюда пришли, привлекаемые любопытствомъ и нѣсколько человѣкъ изъ ближайшихъ деревень, потому что народу тутъ было много, и всѣ столпились подъ тремя кнами, изъ за которыхъ сюда доходилъ говоръ многихъ голосовъ, сливавшихся со звономъ столовой осуды.

— Что тутъ дѣлать, чтобъ узнать, гдѣ онъ и акъ можно его увидѣть? — думала Салюся и ослѣ короткаго размышленія втиснулась между ермягами, кожухами и большими платками и съ ѣкоторыми затрудненіями добралась до самаго кна; — пробираясь черезъ толпу, она думала, что, ожетъ быть, увидитъ Георгія за этимъ окномъ, и

попросить кого-нибудь изъ стоящихъ здѣсь люде позвать его.

За тремя освѣщенными окнами кипѣла жизн полная движенія, красокъ и шуму. Посерединѣ на большей комнаты, съ низкимъ бревенчатымъ пото комъ и такими же стѣнами, выбѣленными известь стоялъ длинный столъ, освѣщенный лампами, покр тый бѣлоснѣжной скатертью и множествомъ разно посуды, за нимъ сидѣло человѣкъ тридцать, муж чинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ, разнообразн одѣтыхъ. По одеждѣ, по движеніямъ и по цвѣт лица можно было узнать господъ, мужиковъ и лю дей средняго сословія. Первыхъ было всего дво навѣрное изъ сосѣднихъ помѣщиковъ; вторыхъ—дво стариковъ и нѣсколько молодыхъ мужчинъ; третьих было всего больше: очевидно старшіе служащіе из сосѣднихъ помѣстій. На головахъ женщинъ и дѣ вицъ красовались ленты и цвѣты. Всѣ мужчины за исключеніемъ мужиковъ, одѣтыхъ въ короткі сермяги, были въ бѣлыхъ галстухахъ и у всѣхъ, н исключая и одѣтыхъ въ сермяги, на груди был прикрѣплены вѣточки мирта, перевязанныя бѣлым ленточками. По миртамъ уже не трудно было до гадаться о томъ, что тутъ свадебное торжество, н самымъ вѣрнымъ доказательствомъ служила молодая розовая блондинка, вся въ бѣломъ, въ миртовомъ вѣнкѣ на прозрачной фатѣ, окутывавшей ея го лову и почти всю фигуру, какъ бы бѣлою мглой Она сидѣла у конца длиннаго стола, около моло дого, красиваго мужчины со свѣтлыми волосами тонкими чертами лица.

Дѣвушка въ поношенномъ пальто и вя платкѣ на головѣ, стояла въ толпѣ за окномъ, прилипла лицомъ къ стеклу и вперила свои горѣв-

ее глаза въ молодую пару, сидѣвшую у конца
ола.

— Что это? что это? — думала она. — Невѣста...
адьба... Зачѣмъ онъ сидитъ около нея? Мо-
тъ быть, онъ старшій шаферъ и въ этой сторонѣ
кой обычай, что при невѣстѣ старшій шаферъ на-
дится во время свадебнаго торжества? удивитель-
ый обычай! странный обычай!

Она обернулась къ наиближе стоящей женщинѣ
голосомъ, который бы она сама не узнала, ко-
рый будто не ей принадлежалъ, проговорила:

— Скажите, прошу васъ, чья это свадьба?

Видъ незнакомаго лица совершенно не удивилъ
енщину. Въ такихъ случаяхъ всегда вертится раз-
ый народъ! Она, вѣроятно, принадлежала къ дво-
вой челяди и отвѣтила вѣжливо:

— Дочери арендатора, Кулеша.

— За кого же она выходитъ? — спросила опять
вушка съ черными, горящими глазами, которые
оровой женщинѣ казались сумасшедшими, что
накожъ не помѣшало ей вѣжливо отвѣтить:

— За здѣшняго старшаго лѣсника Георгія
тко!

Дѣвушка съ черными глазами изо всѣхъ силъ
ватилась за оконную раму. Ноги подъ нею под-
сились, но въ головѣ вертѣлось и металось лишь
но слово: — Неправда! Неправда! Неправда!

И она опять смотрѣла широко открытыми, го-
вшими, безумными глазами, смотрѣла на стараго
жика, съ темнымъ лицомъ и большими усами, въ
убомъ коричневомъ кафтанѣ, сидѣвшаго по дру-
й сторонѣ возлѣ невѣсты.

— Это, вѣрно, его отецъ! — думала она.

И опять смотрѣла на крестьянку, причесанную,

нарядную, но все же простую крестьянку, съ смо
щеннымъ и темнымъ лицомъ.

— Это, вѣрно, его мать!

Эти молодые парни въ сермягахъ, это, вѣрно, е
братья; тѣ, другіе въ мундирчикахъ съ блестящи
пуговицами, можетъ быть, ея братья, такъ какъ оди
изъ нихъ очень на нее похожъ; а этотъ толстый, р
мяный господинъ, который ходитъ вокругъ стола
подливаетъ вино въ бокалы, ея отецъ.

Вдругъ она обернулась къ женщинѣ, стоящ
около нея.

— Уже послѣ вѣнчанія?

— Разумѣется! Ужъ, видно, послѣ вѣнчан
если обѣдаютъ. Уже часа четыре, какъ верн
лись...

И не докончивъ фразы, она засмѣялась, и засм
ялись также всѣ стоявшіе за окнами, потому что в
комнатѣ кто-то басомъ крикнулъ:

— Кислое вино!

На этотъ возгласъ, какъ по данному сигнал
всѣ мужчины, а также и нѣкоторыя женщины вста
съ мѣстъ и начали кричать: „Кислое вино! Кисло
вино!“ раскраснѣвшіеся и развеселившіеся, они о
ращались другъ къ другу съ этимъ возгласомъ, вы
соко поднося бокалы, хитро мигая глазами. Даж
помѣщики также смѣялись и жестами поощряли со
сѣдей кричать погромче; но настойчивѣе всѣхъ кри
чали три парня въ мундирахъ съ блестящими пуго
вицами; женщины въ пестрыхъ нарядахъ такъ хохо
тали, что перегибались черезъ спинки стульевъ; дѣ
вушки, разукрашенныя лентами и цвѣтами, перемиги
вались и перешептывались между собою и съ не
вѣстой о чемъ-то, очень забавномъ и смѣшномъ.

Въ этомъ смѣшеніи красокъ, позъ, движеній, го

совъ, невѣста, покрытая облакомъ газу и съ ог-
нной краской на щекахъ, вдругъ начала очень бы-
ро поворачивать голову и взглядъ то внизъ, то
ерхъ, то направо, то налѣво, совсѣмъ какъ пере-
танная птица. Женихъ, наоборотъ, сидѣлъ спо-
йный и задумчивый, какъ человѣкъ, по жизни и
душѣ котораго недавно прошла тяжелая туча, и
торый смѣяться такимъ свѣжимъ, легкимъ, свобод-
мъ смѣхомъ, какимъ раньше смѣялся, будетъ не
оро или, быть можетъ, никогда. Однакоже онъ,
тя и безъ особенно веселаго вида, но пріязненно и
улыбкой смотрѣлъ на невѣсту: чѣмъ больше она
ртѣла головой и смотрѣла во всѣ стороны своими
лубыми глазами, тѣмъ ближе онъ наклонялся къ
й. Свадебные гости не только не переставали
вторять свои выкрики, но даже усилили ихъ, под-
вляя къ нимъ разныя шутки и смѣхъ: „Кислое
но! кислое вино!“ — раздавалось кругомъ. Онъ
истрымъ движеніемъ на половину обнялъ ее, при-
екъ къ себѣ и поцѣловалъ въ губы. Тогда она,
льно смущенная, въ мигъ вырвалась изъ его объ-
ій и, прильнувъ къ его отцу, обняла старика и
рятала свое лицо на его сермягѣ. У стараго му-
ика глаза заходили, и онъ ее обнялъ такъ, что
о темная рука, какъ большое коричневаго цвѣта
ятно, легла на снѣжной бѣлизнѣ ея наряда и такъ
олго прижимался своими щетинистыми усами къ ея
оловѣ, что въ этомъ мѣстѣ фата вдавилась и мир-
овый вѣнокъ повернулся и принялъ кривое поло-
еніе. А Георгій, опираясь рукой объ спинку стула,
оялъ стройный, статный въ черномъ костюмѣ съ
ртовой вѣточкой на груди и смотрѣлъ на своего
тараго отца и молодую жену съ улыбкой, правда,
покойной, но съ такимъ выраженіемъ лица, что

можно было догадаться, что онъ чувствуетъ себ счастливымъ.

Никто изъ стоявшихъ за окномъ не замѣтилъ какъ Салюся отошла, никто не видалъ, какъ он доплелась до полукруга тополей, миновала ихъ на самомъ берегу рѣки сѣла и оперла голову н руки.

Похожая съ виду на камень, имѣвшій форму тя жело задумавшейся женщины, она сидѣла и постоянно неустанно думала, думала, думала.

— Георгій! Георгій! Мой Георгій!

Салюся чувствовала, что потеряла его навѣки но болѣе яснаго пониманія этого и вообще, чег бы то ни было, у нея еще не было; изъ хаоса, пу стоты и страшной боли, выступало ясно и жгуч одно лишь это имя:

— Георгій! Георгій!

И еще одна вещь: его образъ ясно и опредѣ ленно, съ мельчайшими подробностями выступилъ передъ нею. Въ память ея врѣзалось, какъ онъ стоя у стола, смотрѣлъ на обнявшихся стараго отца и молоденькую жену съ выраженіемъ серьезнаго счастья на лицѣ...

Въ эту минуту со стороны дома раздалось что-то пѣвучее, скачущее, шумящее, пронеслось въ воздухѣ надъ замерзшей рѣкой мимо женщины, сидѣвшей у берега въ ночной темнотѣ, и словно скачущіе бѣсы окружило ее звуками польки, которую исполняли очевидно, на нѣсколькихъ инструментахъ.

Она сорвалась съ мѣста, стала на ноги и крик нула.

— Господи Боже мой! Его свадьба! Господи Его свадьба!

И крикнувъ, упала лицомъ на землю и стала

бирать снѣгъ въ ротъ, чтобы заглушить свой икъ, сдерживая его въ себѣ послѣдними усиліями знанія; она чувствовала, какъ шумѣлъ онъ въ ней овно вздымающійся кипятокъ. Но тутъ она по-вствовала прикосновеніе чего-то влажнаго къ ея ткамъ, закинутымъ на голову. Она немного при-одняла голову и увидѣла одну изъ дворовыхъ со-акъ, которая, обнюхивая ее прикоснулась влажной ордой къ ея рукамъ. Вторая собака, низко опу-ивъ морду, бѣжала, ища что-то у рѣчки. Глядя этихъ животныхъ, единственныхъ живыхъ су-ествъ, находившихся около нея въ эту минуту, на шептала:

— Что мнѣ теперь дѣлать? Что мнѣ дѣлать? уда я пойду? Куда я теперь дѣнусь? Что дѣ-ить?

И объятая ужасомъ, она оглядывалась вокругъ ебя въ темнотѣ. Теперь она почувствовала неска-анную пустоту и одиночество, которыя, окружая е, словно наполнили собою весь міръ отъ края до рая.

Теперь ужъ никого своего на всемъ свѣтѣ. Совершенно одна, одинешенька. Все вокругъ нее въ ней темно и мрачно. Ни тутъ остаться ни уда-либо пойти. И силъ уже нѣтъ, ни для чего нѣтъ силъ, ни для чего! Со счастьемъ въ сердцѣ она бы навѣрное еще и скакала послѣ долгаго прой-еннаго пути, но теперь и на ногахъ стоять трудно. Если бы былъ большой морозъ, она легла бы тутъ на берегу рѣки и замерзла. Если бы сыпалъ боль-шой снѣгъ, также легла бы, чтобъ ее снѣгомъ за-сыпало. Но мороза почти нѣтъ, и снѣгъ не идетъ. Теперь темно, такъ хорошо; но когда-нибудь вѣдь наступитъ разсвѣтъ и тогда что? Уйти? Но куда?

И она уже ходить не въ состояніи! Ноги какъ подрѣзанныя, дрожатъ и пригибаются къ землѣ, если не уйти, ее увидятъ, найдутъ здѣсь, всѣ узнаютъ, что она къ нему летѣла и прилетѣла на его свадьбу съ другой! Какъ эта музыка играетъ! Онъ танцуетъ! Онъ тамъ танцуетъ! А она здѣсь такъ близко умираетъ въ темнотѣ, отъ боли и ужаса! Что это за жизнь! Что это за ужасная жизнь! Къ чему она родилась на свѣтъ? Если бъ хоть эта музыка играть перестала! Но музыка играетъ, играетъ, играетъ! и вылетаетъ изъ-за этихъ освѣщенныхъ оконъ, окружаетъ ее, кусаетъ, рветъ, колетъ, доводитъ до умопомѣшательства:

— Боже мой, я съ ума схожу! — крикнула она, схватившись за голову и въ эту же минуту взоръ ея упалъ на одну изъ черныхъ дыръ, пятномъ лежавшихъ на поверхности рѣки, бѣлѣвшей во мракѣ ночи.

— Прорубь, прорубь, прорубь...

Тутъ на свадьбу ловили рыбу! Тутъ рыбу ловили! Теперь сюда упадетъ еще одна рыбка!... Упадетъ и сгинетъ! И никто никогда не узнаетъ, что она тутъ была, и никто не узнаетъ, куда она подѣвалась.

Она стояла, держась руками за голову, и смотрѣла на черное пятно среди бѣлѣющей поверхности рѣки и говорила самой себѣ:

— Ужъ я знаю, куда пойду! ужъ я знаю, куда убѣгу! Ужъ я знаю, гдѣ я спрячусь на вѣки вѣковъ! Танцуй, Георгій, и будь доволенъ, будь здоровъ! Танцуй весело... Я себѣ пойду... Я пойду... пойду и никогда не возвращусь... навѣки уйду...

И пошла. Шла она берегомъ рѣки къ тому

ѣсту, отъ котораго всего ближе было идти льдомъ
, проруби.

Но уже нѣсколько минутъ передъ тѣмъ слы-
ѣнъ былъ у воротъ тихій шорохъ, производимый
лленькими санками, запряженными тощей лошаден-
ѣй. Эти сани подъѣхали подъ тополи и останови-
ись. Изъ нихъ вышелъ высокій человѣкъ въ ко-
ухѣ, возжи прикрѣпилъ къ тополю и пошелъ мед-
енно, внимательно оглядываясь кругомъ; и когда
лъ взглянулъ на рѣку за тополями, вдругъ остано-
ился, пристально всмотрѣлся и побѣжалъ, какъ
грѣла, въ сторону блуждающей на ней женской
ѣни. — Салюся! — позвалъ онъ громкимъ шепо-
омъ и уже былъ около нея, схватилъ ее за руку
прежде, чѣмъ она могла произнести слово и сдѣ-
лать движеніе, онъ, всматриваясь въ нее, шепталъ:

— Тамъ ужъ все кончено! Тамъ ужъ кон-
ено! — и, оглядываясь, указывалъ на освѣщенный
омъ.

— Габрысь! Габрысь! Габрысь! — соннымъ
олосомъ полусознательно говорила Салюся.

А онъ, не такъ медленно, какъ обыкновенно, а,
наоборотъ, скороговоркой, почти задыхаясь, началъ:

— Остановившись въ мѣстечкѣ, я узналъ, что
жъ тамъ вѣнчались. Господи, Боже мой! Я ис-
угался. А тутъ кобыла слабая, скоро идти не хо-
етъ... Ужъ я бы пѣхтурой скорѣе дошелъ, но
акъ бы я могъ тебя взять, если бъ я санки и ко-
ылу гдѣ-нибудь оставилъ.

Потомъ, осторожно, нѣжно положивъ ей свою
уку на голову, онъ тихо заговорилъ:

— Бѣдная ты — очень ужъ ты пошла въ сто-
ону... ради страшной крутизны ты сошла съ боль-
ой дороги... Салька! Салька! Что ты сдѣлала?

— Ты меня пусти! — усиленно стараясь вы
рваться изъ его рукъ, крикнула она, — что я сд
лала, то сдѣлала! это мое дѣло! моя бѣда! ужъ
бы все исправила, если бъ ты не помѣшалъ! Отку
да ты тутъ взялся? Что тебя сюда принесло
Пусти!

Но онъ и не думалъ пускать ее. Никто и н
могъ бы предполагать, что его пальцы могли так
крѣпко держать, почти клещами.

— Топиться хотѣла... — говорилъ онъ, — окол
рѣки ходила... Ты искала ближайшую дорог
къ проруби... Ой Салька! Салька! Салька! И
моя помощь оказалась необходимой... А вот
какой она будетъ... Теперь ты такая бѣдная
что уже и я осмѣлюсь дать тебѣ совѣтъ, уж
и мой совѣтъ для тебя хорошъ. Не нужно, чтоб
хоть какая-нибудь живая душа когда-либо узнала
что ты здѣсь была. Ты сядешь со мною въ сани,
я тебя отвезу на мельницу, къ моей сестрѣ. Она
не дурная женщина и обязана мнѣ. Да мнѣ и н
нужно просить ее принять тебя прилично, я ей
прикажу, и она послушается. Ей я скажу, что
тебя изъ Толлочекъ привезъ, а въ Толлочкахъ скажу
что ты убѣжала къ моей сестрѣ и сидишь тамъ
Посидишь у нея немного... Недѣлю... двѣ, три...
На полторы мили и вѣтеръ тебѣ никакихъ голосов
изъ Толлочекъ не принесетъ... успокоишься и от
дохнешь... а я пойду къ Конецъ и попрошу про
стить тебя и взять къ себѣ. Она навѣрное про
ститъ, возьметъ тебя, въ городѣ повеселѣешь, най
дешь себѣ какое-нибудь занятіе, быть можетъ встрѣ
тишь хорошаго человѣка... Это все я обдумалъ по
дорогѣ изъ мѣстечка, и такъ будетъ... пойдемъ!
пойдемъ! садись въ сани! пойдемъ!

Онъ ее потянулъ за собою. Но она опять за-прямилась и изо всѣхъ силъ начала вырываться.

— Не хочу! — воскликнула она, — не хочу, не очу! Никуда не хочу! Тутъ я останусь, гдѣ онъ живетъ! Брошусь въ прорубь и останусь тутъ, гдѣ онъ живетъ! Пусти!

— Нѣтъ, Салька! не пущу!

— Пусти, — кричала она, и, чувствуя, что онъ побѣдитъ ее измученную и ослабѣвшую, стала просить:

— Габрысь, дорогой, милый, золотой, пусти. уже не брошусь въ прорубь; только иди туда, подъ окно... Я только разъ посмотрю на него... динъ разъ еще... послѣдній... а потомъ съ тобою поѣду... Пусти!

Она плакала и, присѣвъ къ землѣ, опиралась въ ее и вырывалась изъ его рукъ.

Тогда онъ, такимъ голосомъ, какого никогда еще икто не слыхалъ, строгимъ и твердымъ, проговорилъ:

— Не нужно! Не нужно напрасно растравлять ердце! Не нужно лѣзть на глаза людямъ, которые огутъ выдать тайну!

И такъ какъ она продолжала вырываться, про-ила и чуть ли не кричала, онъ обнялъ ее обѣими уками, поднялъ съ земли, какъ ребенка, такъ при-калъ ее къ себѣ, что она не могла сдѣлать малѣй-аго движенія и понесъ къ санямъ. Когда онъ ее же усадилъ въ сани, онъ на секунду остановился, облокотясь о край саней, съ опущенной головой; какъ будто у него силъ или духу не хватало, и никто не видѣлъ то выраженіе муки, которое по-крывало въ эту минуту его лицо. Вскорѣ онъ од-накоже снялъ возжи и сѣлъ около нея въ санки, которыя съ такимъ тихимъ скрипомъ, что даже псы его не разслышали, выскользнули за ворота.

Они ѣхали лѣсной, широкой, темной дорогой, которую Салюся только что передъ этимъ прошла; они двигались медленно, безъ тряски по хорошо выѣзженному снѣгу. Салюся, укрывъ лицо платкомъ, одѣтымъ на голову, тихо и долго плакала, пока сильное утомленіе не превозмогло даже горькій плачъ; тогда она совершенно затихла. Тихо было и въ лѣсу и такъ темно, что дорога между двумя черными стѣнами, подъ пасмурнымъ небомъ, бѣлѣла, какъ пропасть. По верхушкамъ черныхъ стѣнъ шелъ тихій шелестъ, похожій на звуки шопота и вздоховъ, на витающія въ воздухѣ дурныя вѣсти или пророчества, посылаемыя землею пасмурному небу.

Они уже отъѣхали нѣсколько верстъ, когда Салюся наклонилась и поцѣловала одну изъ рукъ Гаврыся, державшихъ возжи. Онъ ее погладилъ по головѣ и слегка прижалъ къ своему плечу.

— Засни, — сказалъ онъ, — отдохни.

Заснула ли она, или размышляла? Въ темнотѣ этого замѣтить невозможно было, но, опершись обѣ его плечо, она сидѣла такъ тихо, какъ бы погруженная въ глубочайшій сонъ. А онъ не только не погонялъ маленькую лошадку, но даже еще задерживалъ ея медленный шагъ, чтобы санки двигались на сколько возможно тише, чтобъ не трясло и не скрипѣло. — Все равно, до разсвѣта до мельницы доѣдутъ.

— Засни, Салька! Отдохни!

Онъ не былъ старъ; ему было немного больше сорока лѣтъ, но онъ бы отдалъ всю дальнѣйшую жизнь, даже самую долгую, за три дня жизни подъ одной кровлей съ этой дѣвушкой, уста съ устами, душа съ душой, но ей этого онъ никогда не ска-

стъ. Онъ слишкомъ бѣденъ, униженъ и слишкомъ
еждевременно постарѣлъ въ бѣдности и униженіи,
объ осмѣлиться желать для себя ея прекрасную,
ѣтущую, дивную молодость! Если бъ она сама
у предложила ее, онъ бы не принялъ этой жертвы.
несмотря на это, онъ ее отъ позора, отчаянія,
моубійства увозитъ подъ честный кровъ, въ домъ
оей сестры, съ такой почтительностью, какъ свя-
ю, такъ заботливо, какъ будто она больное дитя.
кромѣ желанія, чтобъ она теперь успокоилась,
ѣшилась и когда-нибудь еще могла быть сча-
лива, глупый Габрысь ничего не хочетъ и ни на
о не надѣется, ничего для себя не требуетъ —
я себя ничего.

Конецъ.

Кустъ сирени.

Разсказъ.

Избалованная и требовательная вѣнская публика довольно долго была холодна и принимала пѣвицу недовѣрчиво, но прекрасный голосъ Анни Линдъ постепенно согрѣвалъ ее и, наконецъ, она вспыхнула, какъ газъ отъ прикосновенія электрической искры.

Въ большой, ярко освѣщенной залѣ можно было встрѣтить самыхъ выдающихся представителей родовой, денежной и чиновной аристократіи: здѣсь были всѣ, кто привыкъ до пресыщенія пользоваться чарами и прелестями жизни. Прибытію концертантки предшествовали слухи о ея славѣ, пріобрѣтенной въ Парижѣ, гдѣ она была звѣздой первой величины; кромѣ того, ея дебютомъ былъ очень занятъ графъ Рауль де-Буагомэ, занимавшій очень высокій постъ въ дипломатическомъ мірѣ. Онъ былъ женатъ на прелестной и богатой дочери одного изъ крупнѣйшихъ французскихъ аристократовъ и уже нѣсколько лѣтъ былъ очень популяренъ въ этой столицѣ и пользовался самой разнообразной извѣстностью. Какого рода была эта извѣстность, можно было судить по эпитетамъ, связаннымъ съ его именемъ: Raoul le beau, Raoul l'irresistible, Raoul le chevaleresque и — увы! — Raoul le volage [1]. Но послѣдній эпитетъ не только не уменьшалъ его привлекательности, а, напротивъ, — даже увеличивалъ. И дѣйствительно,

[1] Рауль красавецъ, непреоборимый, рыцарскій, непостоянный.

всѣ мы знаемъ, что обладаніе предметомъ, не могу-
щимъ или не желающимъ вырваться изъ нашихъ
рукъ, доставляетъ намъ мало удовольствія: только
тогда испытываемъ мы настоящую радость и тор-
жествуемъ, когда намъ удается поймать искру,
которую можетъ унести первый порывъ вѣтра. Всѣ
утверждали, что теперь искра упала къ ногамъ пѣ-
вицы, которую графъ слыхалъ въ Парижѣ и убѣ-
дилъ пріѣхать въ Вѣну, гдѣ онъ постоянно жилъ и
пользовался вліяніемъ, какъ членъ французскаго по-
сольства. Кто такая она была? Откуда она была
родомъ? Никто не зналъ этого. Говорятъ, что
она — француженка, но фамилія ея звучитъ по-нѣ-
мецки; впрочемъ, можетъ быть, это фамилія по сценѣ.
Да это никого особенно и не интересуетъ, потому
что, какъ остроумно замѣтилъ тайный совѣтникъ
Отто фонъ-Киндишбрухъ, „эти дамы ведутъ свой
родъ отъ собственнаго горла“. До сихъ поръ никто
не видалъ ея, кромѣ друзей графа де-Буагомэ, ко-
торые были очень скромны, разсказывали очень мало
и только отъ времени до времени произносили ка-
кую-нибудь многозначительную фразу, относившуюся
къ ней. C'est une merveille![1] — говорилъ соотече-
ственникъ Рауля Прекраснаго, баронъ де-ля-Рошэгри;
а Герардъ фонъ-Лихтенгофъ, каждое слово котораго
принималось, какъ окончательный приговоръ, утвер-
ждалъ, что это одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя
рождаются на свѣтъ въ лавровомъ вѣнцѣ и съ ски-
петромъ въ рукахъ. Въ этомъ космополитическомъ
хорѣ былъ одинъ венгерскій магнатъ, глаза котораго
метали искры при воспоминаніи объ Анни Линдъ,
и знаменитый итальянскій музыкантъ, который гово-

[1] Это чудо.

илъ о ней разъ въ многочисленномъ обществѣ съ акимъ энтузіазмомъ, что перевернулъ два канде-ябра и потушилъ множество свѣчей. Пѣвица эта е показывалась нигдѣ, не прилагала никакихъ ста-аній, не искала ничьей благосклонности. Графъ амъ сдѣлалъ все, что нужно было. Повидимому, нъ хотѣлъ устранить съ ея пути всѣ препятствія и ссыпать его цвѣтами, — значитъ, въ ея наружности ли голосѣ было что-то особенно привлекательное. Іреклоненіе Рауля де-Буагомэ служило для новой вѣзды лучшей рекламой, чѣмъ ея блестящій, но ороткій успѣхъ. А потому всѣмъ интересно было ойти послушать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увидѣть ее. И вотъ, всѣ они пришли, или, лучше сказать, пріѣхали: зала наполнилась фраками, мундирами, пре-краснѣйшими въ мірѣ платьями, орденами на фра-кахъ и мундирахъ и брилліантами въ волосахъ. Знакомые обмѣнивались взглядами, въ которыхъ вы-ражалось любопытство и, отчасти, недовѣріе. Люди эти видѣли, слышали и испытали такъ много пре-краснаго, что сомнѣвались, могло ли еще что-нибудь привести ихъ въ восторгъ.

Потоки свѣта льются на толпу, заполняющую ряды креселъ; драгоцѣнные камни сверкаютъ всѣми цвѣтами радуги. Слышится тихій шумъ разговоровъ, шелестъ шелка. Становится жарко и кое-гдѣ по-являются вѣера. Эстрада еще пуста и общее вни-маніе направлено на первый рядъ креселъ. Дѣло не въ томъ, что тамъ сидѣли принцы крови и одна эрцгерцогиня: всѣхъ гораздо болѣе интересовала гра-финя де-Буагомэ, жена Рауля, прозваннаго Le Volage. На устахъ у всѣхъ были вопросы: „Пріѣдетъ ли она? Захочетъ ли посмотрѣть на новую соперницу? Рѣшится ли она стать въ такое положеніе, которое

можетъ у всякой женщины отнять возможность самообладанія и унизить самую гордую?“

Она пріѣхала и вошла въ залу, опираясь на руку молодого шведа, Оскара Лиліенстрёма, который занималъ такой же постъ при шведскомъ посольствѣ, какой Рауль при французскомъ. Еще недавно тайный совѣтникъ Отто фонъ-Киндишбрухъ сказалъ объ этомъ шведѣ, что „душа его со сложенными руками стоитъ на колѣняхъ передъ графиней и уже нѣсколько лѣтъ благоговѣйно совершаетъ этотъ обрядъ“. Неужели эта жена, которая до сихъ поръ славилась вѣрной любовью къ своему непостоянному мужу, выслушала теперь молитвы сына сѣвера съ блѣднымъ, какъ у женщины, лицомъ и свѣтлыми съ мягкимъ блескомъ волосами? Она — брюнетка, онъ — блондинъ. Они прошли черезъ залу высокіе, изящные и прекрасные, какъ два полубога, которые только что напились амброзіи и до сихъ поръ чувствуютъ ея вкусъ. Въ голубыхъ глазахъ шведа лежало выраженіе мечтательности, темное лицо француженки свѣтилось очаровательной улыбкой. Она усѣлась возлѣ эрцгерцогини, съ которой она была въ дружбѣ, съ другой стороны сѣлъ Оскаръ Лиліенстрёмъ. Они начали разговаривать втроемъ. Эрцгерцогиня была, повидимому, очень весела. Шведъ не сводилъ глазъ съ графини, которая разсказывала о чемъ-то очень пріятномъ или забавномъ съ живыми граціозными жестами и непринужденной улыбкой на пурпурныхъ губахъ. Очевидно, ее весьма мало занимало то обстоятельство, что графа не было въ залѣ, что онъ былъ, вѣроятно, съ Анни Линдъ и поддерживалъ ея мужество любезными рѣчами. Повидимому, она совершенно забыла о томъ, о чемъ думали и помнили всѣ окружающіе ее. Она спокойно о чемъ-то раз-

казывала, не думая о томъ, что скоро ей, покину-
ой женѣ, придется увидѣть соперницу лицомъ къ
ицу, что публика перешептывается и улыбается,
крадкой поглядывая на нее.

Вдругъ стало совершенно тихо. Шелестъ шелка
шепотъ смолкли, вѣера стали неподвижны: всѣ
воры устремились на эстраду, а равнодушіе и не-
овѣріе смѣнились напряженнымъ вниманіемъ.

На эстрадѣ стояла молодая женщина, стройная
нѣжная. Цвѣты сирени покрывали ея бѣлое платье,
кружали голову и плечи, падали на полуобнажен-
ую грудь, образуя вокругъ нея лиловое пушистое
ароматное облако. Это были не искусственные
вѣты, а только что сорванные съ вѣтки и издавали
акой сильный запахъ, что на первые ряды слуша-
елей пахнуло вмѣстѣ съ нимъ душистымъ арома-
омъ весны. Среди этого лиловаго облака сверкали
олотые волосы и виднѣлось лицо съ чертами
ерувима, свѣжее, какъ заря, съ парой большихъ
лазъ, которые напоминали своимъ цвѣтомъ цвѣты
ирени или льна. На ней не было драгоцѣнностей
ли какихъ-нибудь другихъ украшеній, только длин-
ое бѣлое платье, отливающіе золотомъ волосы,
ѣвственная свѣжесть лица и масса живыхъ цвѣтовъ,
ъ которыми прекрасно гармонировали своимъ цвѣ-
омъ глаза, устремленные куда-то вдаль съ стран-
ымъ выраженіемъ дѣвственной робости и почти не-
емной мечтательности. Такъ стояла она среди все-
бщей тишины, ярко залитая свѣтомъ... Вдругъ
акой-то громкій и звучащій весельемъ голосъ
роизнесъ:

— Ein Fliederbusch! [1]

---

[1] Кустъ сирени.

И въ то же время съ разныхъ концовъ зал послышались голоса, повторяющіе:

— Ja! ja![1] ein Fliederbusch!

Какое-то легкое дуновеніе повѣяло по залѣ, смяг чая настроеніе и проясняя лица. Анни Линдъ тож улыбнулась и теперь, съ улыбкой на лицѣ, сіюща свѣжимъ румянцемъ и облитая волной сирени, каза лась олицетвореніемъ свѣжей, дѣвственной весенне идилліи.

— Délicieuse! Mais elle est délicieuse![2] — обра щаясь къ эрцгерцогинѣ, громко сказала графин де-Буагомэ. Нѣсколько зрителей услыхали это вос клицаніе и по всей залѣ стали шептать, что графин хвалитъ женщину, при видѣ которой мужъ ея забы ваетъ о ней и о всемъ мірѣ... Графъ стоялъ у дверей, черезъ которыя только что вошла пѣвица н не сводилъ съ нея глазъ, которые радостно свер кнули при видѣ перемѣны, происшедшей въ настрое ніи публики. Пѣвица смотрѣла на женщину, одѣ тую въ черный бархатъ и страусовыя перья, кото рая съ такимъ восторгомъ говорила о ней. Анни Линдъ знала, кто была эта женщина. Глаза ихъ встрѣтились на одну секунду: глаза графини свер кнули сдерживаемой ненавистью и горемъ; Анни Линдъ почувствовала, какъ въ ея сердце проникаетъ какое-то холодное, острое жало. Въ это время аккомпаніаторъ ударилъ по клавишамъ, нѣсколько аккордовъ прозвучало въ залѣ и смѣнилось прекрас нымъ mezzo-soprano. Это былъ большой и идеально чистый голосъ, прекрасно поставленный и пріятный, какъ мечта о блаженствѣ. Она пѣла большую и очень трудную арію изъ оперы Моцарта.

---

[1] Да! да! Кустъ сирени!

[2] Восхитительна! да она восхитительна!

Итакъ, голосъ былъ хорошъ, исполненіе прекрасно; но публика была болѣе склонна критиковать, чѣмъ восторгаться, и слушала довольно спокойно. Холодный скептицизмъ смѣнилъ теплую улыбку, вызванную внезапно расцвѣтшимъ на эстрадѣ кустомъ сирени. Всѣ со вниманіемъ прислушивались къ каждой нотѣ, отыскивая поводъ не къ восторгу, а къ осужденію и насмѣшкѣ. Однако, едва замерли въ воздухѣ послѣдніе звуки большой аріи, какъ всѣ руки сложились для рукоплесканія. Хлопали очень громко, но коротко и сдержанно. Звуки эти были какъ бы отдаленнымъ громомъ, предвѣщавшимъ бурю, которая, медленно приближаясь, разразилась молніями, вздохами, голосами...

Прелестная и несчастная Миньона, облитая потокомъ лиловыхъ цвѣтовъ, пѣла чистыми, какъ расплавленный хрусталь, звуками. Голосъ ея звучалъ горькой жалобой, когда она пѣла слова: „Morgen, sagst du! Wer weiss? Morgen sind wir, wohl, weit“ [1]. Слово „morgen“ пробуждало у всѣхъ слушателей чувство какой-то загадки, которая могла принести счастье и горе; звуки ея голоса, дышавшіе мучительной скорбью, страстнымъ желаніемъ, тоской и надеждой, которыхъ нельзя выразить словами, понеслись по залѣ, стали волновать головы, вызывать слезы, наполнять душу пламенемъ. Румянецъ исчезъ съ лица пѣвицы, смѣнился блѣдностью, — глаза ея расширились, стали глубокими, какъ бездна, а бѣлый лобъ ея омрачила морщина страданія и борьбы. Теперь она уже не была воплощеніемъ идилліи, она была олицетвореніемъ трагедіи, которая тѣмъ болѣе волновала всѣ сердца, что она издавала весенній

[1] Завтра? — говоришь ты! Кто знаетъ? Быть можетъ, завтра мы будемъ далеко!

ароматъ, и что ея страстные возгласы смѣнялись сладостными лирическими тонами, точно стоны вихря соловьиной трелью. Она пѣла съ безконечной тоской о томъ краѣ, „гдѣ лимоны цвѣтутъ и зрѣютъ средь темной листвы апельсины“, „гдѣ легкій вѣтерокъ съ небесной лазури несется, а лавръ и миртъ верхушки подымаютъ“. Когда же она стала звать съ собой любимаго человѣка, голосъ ея пріобрѣлъ огромную силу и наполнилъ до краевъ неподвижный и нѣмой залъ.

— Dahin, dahin, dahin, möcht' ich mit dir, o mein geliebter, ziehn! [1]

Пылавшіе среди ея блѣднаго лица глаза остановились на лицѣ Рауля де-Буагомэ и уже не отрывались отъ него. Онъ стоялъ, опираясь о колонну; онъ поблѣднѣлъ, взглядъ его устремился вдаль, а темное, энергичное лицо казалось загорѣвшимъ отъ вихря или пламени какой-то страсти, еще неудовлетворенной, но уже живущей надеждой. Она пѣла дальше, а голосъ ея звучалъ все болѣе могучими и сладостными тонами.

— Dahin, dahin möcht' ich mit dir ziehn, ja dahin.

Вѣроятно, такъ пѣли сирены, заманивая путешественниковъ на дно пучины. Голосъ Анни Линдъ казался теперь нектаромъ, кипящимъ въ ея сердцѣ и льющимся въ сердца другихъ людей, которыя тоже закипѣли и разразились на этотъ разъ уже не только рукоплесканіями, но и криками. Среди всѣхъ этихъ криковъ ясно слышалось громкое „браво“, рѣзкое, какъ свистъ вѣтра, „бисъ“, и отдѣльныя слова, которыя насильно вырывались изъ взволнованныхъ грудей.

— Прелестно! чудно! восхитительно! Звѣзда!

---

[1] Туда, туда умчаться бы съ тобою, о, милый!

Послѣднее слово побѣдило всѣ остальныя и скоро во всѣхъ концахъ залы послышалось на разныхъ языкахъ:

— Звѣзда! Звѣзда! Звѣзда!

Пѣвица, которая только что ушла съ эстрады, снова вернулась на нее и кланялась публикѣ. Взглядъ ея, пробѣжавъ по залѣ, остановился на графинѣ де-Буагомэ, одѣтой въ бархатъ и страусовыя перья, сверкавшей тремя большими брилліантами въ ушахъ и на шеѣ и разговаривавшей съ сосѣдями такъ непринужденно, съ такой улыбкой и жестами, точно она находилась гдѣ-то очень далеко отъ этой залы, шума и пѣвицы, приковавшей къ себѣ всеобщее вниманіе. Она какъ будто не замѣчала ни пѣвицы, ни ея успѣха. Она смѣялась и щебетала, что составляло рѣзкій контрастъ и диссонансъ съ серьезнымъ характеромъ ея наружности и одежды. Анни Линдъ сразу поняла, какое могучее усиліе надъ собой дѣлала эта женщина, которая старалась казаться непринужденно веселой, — и снова она почувствовала въ груди холодное лезвіе.

Но за драпировкой, закрывавшей двери сосѣдней комнаты, въ которую она вбѣжала, кто-то прошепталъ почти надъ ея ухомъ слова изъ пѣсни Миньоны:

— Und hoch der Lorbeer steht [1].

Да, лавры ея росли, поднимались и въ значительной мѣрѣ благодаря ему! Благодарность, радость, нѣжность освѣтили ея лицо. Дрожа, какъ струна, колеблемая вѣтромъ, она очутилась въ углубленіи окна съ рукой въ его рукахъ. На лицѣ графа смѣнялись нескрываемое обожаніе и сдерживаемая страсть: онъ обнималъ своимъ пламеннымъ взоромъ ее, ея

[1] И высоко поднимается лавръ.

цвѣты, ея золотые волосы и ея нѣжный станъ. Онъ говорилъ ей при этомъ, что она прелестна среди этихъ цвѣтовъ, что она пѣла чудно, что съ этого вечера начнется ея власть надъ міромъ.

— Oh, ma reine adorée! mon astre! [1]

Она прервала его, точно во снѣ, съ глазами, сверкающими счастьемъ, говоря, что вѣдь эти цвѣты она получила отъ него. Какъ онъ добръ къ ней, какъ добръ! Лишь только она сказала, что любитъ сирень больше другихъ цвѣтовъ, какъ стала получать отъ него цѣлыя корзины ея. Она рвала ихъ и прикалывала къ платью, волосамъ, безъ конца и безъ мѣры... потому что передъ сегодняшнимъ испытаніемъ, которое должно было рѣшить ея будущее, она хотѣла имѣть съ собою всѣ цвѣты, полученные отъ него...

— Какъ талисманъ... на счастье...

Онъ сталъ моргать глазами, точно отъ сильнаго свѣта.

— Oh, chère, chère, reine!.. [2] И они дѣйствительно принесли тебѣ счастіе... ты покорила міръ...

— Однако, — отвѣтила она, — по временамъ... по временамъ, я пѣла не для свѣта... по временамъ... je n'ai chanté que pour vous! [3]

Онъ сложилъ руки, какъ для молитвы и съ умоляющимъ взглядомъ сталъ просить:

— Dites: pour toi!... [4]

А когда румянецъ покрылъ ея лобъ, и глаза закрылись отъ смущенія, онъ наклонился и, все приближаясь къ ней, молилъ:

---

[1] Моя обожаемая царица! Моя звѣзда!
[2] Дорогая! Дорогая царица!
[3] Я пѣла только для васъ!
[4] Скажите: для тебя!

— Такое маленькое, короткое слово... но я хочу услышать его изъ твоихъ устъ. Скажи, скажи: pour toi.

Съ минуту она не отвѣчала, потомъ голова ея склонилась, какъ бы покоряясь необходимости, а уста ея дрогнули такими тихими словами, что они казались скорѣе вздохомъ.

— Pour toi!

Въ ту же минуту сосѣдняя зала, которая все еще не могла успокоиться, зашумѣла нетерпѣливыми возгласами публики. Среди грохота рукоплесканій слышался топотъ ногъ, стучаніе ножнами и учащающіеся крики:

— Анни Линдъ! Миньонъ! Миньонъ! Анни Линдъ!

Кто-то воскликнулъ, заглушая шумъ:

— Der Fliederbusch!

Тотчасъ всѣ подхватили это слово, и оно донеслось до ушей пѣвицы, которая, стоя въ углубленіи окна, шептала съ румянцемъ на лицѣ: pour toi! Это былъ крикъ, шумный, какъ порывъ урагана, оглушительный, безконечный...

— Der Fliederbusch! der Fliederbusch! der Fliederbusch!

Подвижныя, ангельскія черты лица Анни Линдъ измѣнили свое выраженіе. Любовный восторгъ и дѣвственная стыдливость исчезли, уступая мѣсто шаловливому веселью. Она дотронулась пальцемъ до губъ, точно ребенокъ, обрадованный новой шалостью и воскликнула:

— Иду! Иду!.. Послушайте, графъ, что я имъ спою!

Она выбѣжала на эстраду и, шепнувши нѣсколько словъ аккомпаніатору, запѣла:

O wär' mein Lied ein Fliederbusch
Der drüben blüht so blau... [1].

Зала, замершая въ молчаніи при первыхъ звукахъ ея голоса, теперь снова закипѣла. Теперь уже хлопали не только голосу, но и остроумію пѣвицы, которая отвѣтила пѣсенкой на прозвище, данное ей публикой. Среди грома рукоплесканій снова послышалось басовое „браво", шутливыя восклицанія: witzig! graziös! charmant! а также пронзительное шиканіе тѣхъ, кто съ нетерпѣніемъ ждалъ пѣнія и требовалъ тишины. Вскорѣ воцарилась тишина, и Анни Линдъ снова начала прерванную пѣсенку:

O wär' mein Lied ein Fliederbusch...

Теперь она приняла третій видъ: воплощеніе идилліи, смѣнившейся трагедіей, теперь стало шаловливымъ ребенкомъ. На ея свѣжемъ, какъ утренняя заря, лицѣ замелькала улыбка, не притворная, но искренняя и невинная, какъ шалость наивнаго, хорошенькаго ребенка. Изящныя очертанія ея стана пріобрѣли почти дѣтскую грацію и простоту; когда же она запѣла о томъ, что ей хочется, какъ птицѣ, носиться надъ своею любовью, превращенной въ кустъ сирени, то плечи ея, осыпанныя сиренью, казались крыльями, которыя чудесной силой пѣсни и любви понесутъ ее надъ землей.

Потомъ она пѣла о томъ, что хочетъ быть каплей росы, скрывающейся въ цвѣткѣ сирени: въ залѣ послышались нѣсколько звуковъ, чистыхъ, какъ слеза и расплывающихся среди тишины, какъ расплывается капля росы, превращаясь въ туманъ, — и она умолкла.

---

[1] О, если бы моя пѣснь была кустомъ сирени, которая цвѣтетъ тамъ, голубая...

Публикой овладѣло безуміе. Это былъ не бурный порывъ восторга, а просто безуміе! Пѣвица доставила наслажденіе двумъ чувствамъ этихъ людей: ихъ слуху и зрѣнію; она развлекла скучающихъ, увлекла сомнѣвающихся и холодныхъ.

Прежде чѣмъ публика успѣла опомниться, эстрада наполнилась черными фраками и великолѣпными мундирами, которые закрыли пѣвицу отъ остальныхъ зрителей.

Что это значитъ?! Менѣе увлекающіеся еле могутъ вѣрить своимъ глазамъ... Великіе князья встали со своихъ мѣстъ, вошли на эстраду и смѣшались съ толпой фраковъ и мундировъ. Передъ женской головкой, выглядывавшей изъ сиреневаго облака, склонились почти коронованныя головы, и одинъ изъ потомковъ старѣйшей въ Европѣ династіи произнесъ нѣсколько словъ, выразившихъ преклоненіе передъ новой звѣздой искусства и красоты.

Грудь Анни Линдъ поднялась отъ чувства радости и гордости, а вокругъ нея, среди несмолкающихъ рукоплесканій, непрерывно раздавалось то тутъ, то тамъ слово, произнесенное устами самаго высокопоставленнаго изъ зрителей:

— Звѣзда! звѣзда! звѣзда!

Тогда глаза ея засвѣтились, какъ звѣзды, хорошенькая головка стала оборачиваться во всѣ стороны, а пурпурныя губы шептали слова благодарности и радости. И теперь она была воплощеніемъ этихъ чувствъ. Полная счастья, она забывала о благодарности къ тѣмъ, которыхъ она такъ боялась нѣсколько часовъ тому назадъ и которые теперь преклонялись передъ ней. Подъ вліяніемъ этого чувства, совершенно не размышляя, слѣдуя инстинктивному влеченію, свойственному натурамъ, живу-

щимъ только чувствомъ, она стала быстро отрывать цвѣты сирени, подъ которыми совсѣмъ не было видно ея платья, и раздавать ихъ окружающимъ. Энтузіазмъ увеличился: знатные и богатые, властители міра, стали, какъ нищіе, протягивать руки, прося цвѣтовъ. Она хотѣла угодить всѣмъ, не забыть ни о комъ, и спѣшила раздавать цвѣты. Ея маленькія подвижныя руки быстро прикасались къ платью, плечамъ и груди, снимали цвѣты, ломая вѣтки, разрывая платье... Нѣсколько разъ она натыкалась на булавки, но тотчасъ громко смѣялась этому. Наконецъ, для удобства она стала снимать перчатки. Тутъ къ ней протянулись руки самыхъ высокопоставленныхъ лицъ: великіе князья захотѣли получить на память объ этомъ вечерѣ по одной изъ этихъ длинныхъ мягкихъ перчатокъ, изъ-подъ которыхъ виднѣлись теперь ея тонкія, бѣлыя, какъ алебастръ, руки. Услышавъ это желаніе, Анни Линдъ на минуту словно оцѣпенѣла, устремила въ лица просившихъ глаза, широко раскрытые отъ удивленія и полные восторга, потомъ съ исполненнымъ граціи низкимъ книксеномъ, подала просимые предметы потомкамъ Габсбургскаго дома. Въ эту минуту вокругъ нея зазвучалъ хоръ голосовъ, просящихъ еще одной, только одной пѣсенки, и такъ какъ она охотно согласилась пѣть еще, то толпа фраковъ и мундировъ стала разступаться передъ ней. Тутъ она снова увидѣла стоявшую возлѣ эстрады графиню де-Буагомэ. Женщина въ черномъ бархатѣ и страусовыхъ перьяхъ собиралась, очевидно, выйти изъ залы; задержанная толпой, она остановилась, высокая и неподвижная, какъ статуя и, казалось, никого и ничего не замѣчала вокругъ себя. На ея лбу, гордо откинутомъ назадъ, не было

ядно ни малѣйшей морщинки, къ ея коралловымъ убамъ словно приросла улыбка, а глаза ея, смоѣвшіе куда-то вдаль, были покрыты стекловидной оволокой. Когда толпа понемногу отхлынула отъ страды, эти двѣ женщины на минуту очутились лисомъ къ лицу; но графиня, казалось, не замѣчала оржествующей пѣвицы, которая, наоборотъ, вперила ъ графиню свой взоръ, ставшій вдругъ тревожнымъ мутнымъ.

Вскорѣ послѣ этого Анни Линдъ, закутанная въ орогую шубу, спускалась, опираясь на руку непоѣдимаго Рауля, по лѣстницѣ, направляясь къ ждавшей ее каретѣ. Вокругъ пѣвицы тѣснилось множество людей, которые жадно ловили каждый ея взглядъ и на разныхъ языкахъ просили ее дать свой портретъ, автографъ, позволить сдѣлать ей визитъ, нарисовать ея портретъ, посвятить ей партитуру только что написанной оперы и т. д.

За ней и передъ ней звучали также отрывки мелодій, исполненныхъ въ теченіе этого вечера. Наверху на лѣстницѣ кто-то запѣлъ: „Morgen sagst du... wer weiss?“ и сейчасъ же умолкъ, но тотчасъ же другой голосъ подхватилъ: „Dahin, dahin möcht ich mit dir...“ и на различныхъ высотахъ этой людской рѣки, которая медленно плыла внизъ, многіе голоса начинали, прерывали, подхватывали одинъ за другимъ слова и звуки, которые сегодня, за нѣсколько часовъ до этого, вылетали изъ груди пѣвицы. А шедшій рядомъ съ ней графъ, съ осанкой рыцаря, исполненнаго глубокимъ почтеніемъ къ своей дамѣ, взглядомъ и тихими словами говорилъ ей все то, что могла внушить потомку трубадуровъ мимолетная, но въ ту минуту страстная любовь.

Она вышла изъ кареты совершенно одна передъ

ярко освѣщеннымъ подъѣздомъ гостиницы. Ее добрая слава была до сихъ поръ чиста, какъ лебедь, и никто не смѣлъ провожать ее домой. Она одна вошла въ ярко освѣщенную комнату гостиницы, наполненную банальной, хотя и дорогой плюшевой мебелью, коврами и позолотой. Въ дверяхъ ее встрѣтила француженка, полу-служанка полу-компаньонка; въ уютномъ углу комнаты на маленькомъ столикѣ, накрытомъ для ужина, горѣло нѣсколько свѣчей въ высокомъ канделябрѣ. На Анни Линдъ на предложеніе ужинать отвѣтила: „потомъ! потомъ!“ — и, сказавъ нѣсколько словъ, отправила компаньонку. Видъ этой безразличной, банальной и чужой женщины былъ ей невыносимъ въ эту минуту, и она не чувствовала не только голода или потребности въ отдыхѣ, но даже самаго существованія своего тѣла, — такъ въ ней все кипѣло и волновалось отъ множества чувствъ и впечатлѣній. Она сѣла на низкое удобное кресло и вытянула на платьѣ сложенныя руки; но она такъ была взволнована и возбуждена, что плечи ея вздрагивали, вѣки сами поднимались, и все ея существо съ протестомъ вырывалось изъ неподвижнаго состоянія. Она встала и начала быстро ходить по гостиной. Въ головѣ ея носился цѣлый хаосъ отдѣльныхъ словъ и отрывковъ фразъ, произнесенныхъ на разныхъ языкахъ, но не было ни одной опредѣленной мысли. Она чувствовала только, что ночь — вещь надоѣдливая и несносная. Зачѣмъ Богъ создалъ ночи, которыя прерываютъ вереницу райскихъ дней и разлучаютъ людей, желающихъ всегда быть вмѣстѣ. Она разсталась съ Раулемъ четверть часа тому назадъ и уже снова жаждала его видѣть? Она жаждала также снова пѣть, вѣчно пѣть, — чарами ис-

ства и своей красоты обращать людей въ пламя, лающее у ея ногъ. Ни одна мысль или опасе- ни одно сомнѣніе или вопросъ о будущемъ не ходили ей въ голову. Въ ней не было ничего, мѣ двухъ чувствъ: торжества и любви; но эти чувства въ ея аристократической натурѣ пріобрели такую остроту и такъ глубоко проникли въ душу, что потрясали каждый ея нервъ и каждый атомъ. Ея счастье дошло до того предѣла, гдѣ о граничитъ съ мукой. Но хотя то, что она испытывала, благодаря своей напряженности, превратилось въ муку, Анни Линдъ предпочла бы умереть, чѣмъ лишиться этой муки. Она предпочла бы жереть, чѣмъ имѣть передъ собой другой завтрашній день, чѣмъ тотъ, мысль о которомъ заставляла дрожать отъ безумной надежды и желанія. Завтра, ѣсь, возлѣ нея, будетъ множество людей, толпа, воръ, ея пѣніе, ихъ восторги, слова, ухаживанья... главное онъ! Рауль! онъ придетъ сюда завтра... ѣтъ! раньше него придутъ цвѣты отъ него, какъ ало уже нѣсколько разъ. Первое привѣтствіе скажутъ ей эти цвѣты отъ него!

Она посмотрѣла вокругъ, вынула изъ стоявшаго консолѣ вазона букетъ махровой гвоздики и, прятавъ лицо въ ея густыхъ, издававшихъ сильный апахъ, цвѣтахъ, шептала:

— Завтра! завтра! завтра!

Но развѣ могло это „завтра", повинуясь ея призыву, придти къ ней раньше, чѣмъ ко всему остальному міру? Кто-то слегка постучалъ въ дверь. Какъ будто очнувшись отъ сна, она сказала:

— Entrez [1].

---

[1] Войдите

Букетъ гвоздики выпалъ изъ ея рукъ, которы упали вдоль платья; она сама не знала, что охва тило ее: радость или тревога. Сама не зная, от радости или отъ гнѣва, она вскрикнула:

— Графъ!

Двери тихо отворились и снова заперлись; въ ком натѣ появилась несмѣлая и просящая о прощеніи фи гура графа. Анни Линдъ сразу сознала въ себѣ безгра ничную радость, къ которой сейчасъ же примѣшалис стыдъ и гнѣвъ. Но непобѣдимый Рауль имѣлъ опытны глазъ: онъ замѣтилъ радость и не сомнѣвался, чт сумѣетъ побѣдить другія чувства. Онъ быстро под бѣжалъ къ ней, повторяя: „Прости! прости!“ — взялъ ея руку движеніемъ, полнымъ благоговѣнія, взглянулъ на нее полнымъ нѣжности взглядомъ.

— Прости! — повторилъ онъ, — я умеръ бы если бы еще разъ не увидѣлъ тебя сегодня...

Она отворачивалась отъ него, хмурясь и крас снѣя.

— Ты сердишься? О, дитя! Развѣ ты знаешь сердце мужчины? развѣ ты знаешь то, что у насъ отнимаетъ волю и память обо всемъ?.. Сегодня за тобой такъ ухаживали! Можетъ быть, кто-нибудь другой... Можетъ быть, ты засыпала съ мыслью... о комъ-нибудь другомъ!.. Ты улыбаешься! Развѣ это невѣроятно?

— Oh, mon astre! ma reine bien aimée [1]. — На ея губахъ показалась улыбка и лицо стало про ясняться... Странное предположеніе, что она могла бы думать о комъ-нибудь другомъ...

— Ты уже не сердишься!

— О, нѣтъ! наоборотъ: я очень сержусь!

---

[1] О, моя звѣзда! Моя обожаемая царица!

— Твои глаза лучше твоихъ губъ... они опро-гаютъ то, что говорятъ губы! Но я сейчасъ уйду юда... сейчасъ... только разскажу..

— Завтра, графъ!

— Нѣтъ, царица! сегодня же! Когда ты пѣла ю изъ Миньоны, передо мной явилось райское дѣніе: „Dahin, dahin... möcht ich mit dir"... Въ ъ край, гдѣ апельсины зрѣютъ... Я видѣлъ тебя себя въ Италіи...

— Въ Италіи!

— При упоминаніи объ Италіи ты становишься хожа на райскую птицу, тоскующую по своей ро-нѣ... Нужно тебѣ быть тамъ...

— О, нужно! нужно!

— Видишь! Ты сложила руки, какъ для молит-!! Въ моемъ видѣніи театръ La Scala...

— Самый большой въ мірѣ...

— Широко открывалъ передъ тобой свои две-... Я отворялъ ихъ... и отворю... я могу это ѣлать...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

— Почему?

— Нужно этого добиться самой...

— Да, да! ты добьешься сама... но вмѣстѣ со ной... я только помогу, какъ братъ, какъ рабъ... лько помогу... вмѣстѣ со мной... Въ моемъ ви-зніи твой чудный голосъ разносился изъ La Scala всей Европѣ, которая упала на колѣни, какъ при укахъ пѣнья ангеловъ... но я стоялъ на колѣняхъ самыхъ твоихъ ногъ... ближе всѣхъ...

— Ближе всѣхъ!

— Но еще ближе къ тебѣ въ моемъ видѣніи я ылъ тогда, когда послѣ твоихъ тріумфовъ, самыхъ ольшихъ, какія когда-либо имѣла женщина на зем-

лѣ... Что? Ты широко открываешь глаза отъ любо
пытства... свои глаза, самые прекрасные на землѣ..
Я разсказываю тебѣ волшебную сказку, въ которо
ты являешься волшебницей, распоряжающейся моей
судьбой... Въ моемъ видѣніи мы близки, очень
близки другъ другу, всегда вмѣстѣ, въ тихомъ без
опасномъ гнѣздышкѣ, свитомъ среди масличных
рощъ, надъ голубыми водами Адріатики... Ты опять
отвернулась? Я обидѣлъ тебя! Послушай! Эта мечт
переполняетъ мое сердце! Я умеръ бы, если бы се
годня же не высказалъ ее тебѣ и если бы... Ахт
не дрожи такъ! Не бойся ничего... я уважаю тебя
какъ святую... если бы я сегодня не услышалъ из
твоихъ устъ коротенькаго, маленькаго словечка...

— Нѣтъ, нѣтъ! О графъ... Рауль! Нѣт
нѣтъ! — Она вырвала руку изъ его руки и, слегка от
вернувшись, закрыла ладонями низко склоненное лицо

— Почему? Если ты скажешь: да! — то это ма
ленькое короткое словечко дастъ огромное счастье..
скажи! неужели трудно произнести такое маленько
слово? Произнести его... скажи: да!

Она ничего не сказала, только, закрывая лицо
бѣлыми руками, отрицательно качала головой.

— Почему? Вѣдь я не варваръ... а самый покорны
изъ почитателей, которые когда-либо стояли на ко
лѣняхъ передъ божествомъ! Я буду покоренъ, буду
терпѣливъ, буду издалека поклоняться тебѣ на ко
лѣняхъ и ждать, пока ты захочешь, пока прика
жешь... лишь бы только мнѣ услышать изъ твоихъ
устъ, вырвать изъ твоего сердца обѣщаніе, надежду,
заключающуюся въ этомъ короткомъ, маленькомъ
словѣ: да! Что ты говоришь? Что ты говоришь?

Она отняла руки отъ лица и, заломивъ ихъ,
вздохнула:

Боже! о, Боже?

— Ты борешься? Ты страдаешь? Отчего? За-
ть? Дѣвичій стыдъ? Боязнь свѣта? Можетъ быть...
ехизисъ? Дитя? Ты существо, созданное только
искусства и для любви! Ты самый прекрасный
стокъ творенія, который ничего не обязанъ дать
у, кромѣ красоты и любви. Не борись съ своей
ьбой, не выпускай скипетра изъ рукъ! Ты цари-
и тебѣ все дозволено. Любовь нужна искусству,
къ дыханіе. Если ты отвернешься отъ любви, ис-
ство отвернется отъ тебя. Талантъ порождаетъ
охновеніе только въ союзѣ съ любовью. Ты была
годня великой, потому что ты любишь. Ты сама
зала, что пѣла только для меня. Въ твоемъ го-
сѣ люди услышали свою владычицу — любовь и
али передъ тобой на колѣни. Правда? Ты кива-
ь утвердительно своей ангельской головкой. Ви-
шь! о дорогая! возьми меня своимъ проводникомъ,
тому что я знаю жизнь, свѣтъ и искусство. Что
будетъ съ моимъ чуднымъ видѣніемъ? Станетъ
оно дѣйствительностью по твоей волѣ? Скажи:
! Скажи... звѣзда моя... скажи! да!

Отвернувшись отъ него и заломивъ руки, она
вствовала, что его руки обняли ея станъ, и, объ-
ая незнакомымъ ей до тѣхъ поръ сладкимъ чув-
вомъ, заслушавшись той волшебной пѣсни, кото-
я, лишая ее воли и памяти, лилась изъ его устъ,
а шепнула:

— Да...

И тотчасъ же ощутила на своихъ губахъ его по-
луй. Но вмѣстѣ съ безграничнымъ блаженствомъ
жаромъ, которые охватили ее, она почувствовала
кой сильный стыдъ и страхъ, что вырвалась изъ
го объятій. Она отошла отъ него на нѣсколько ша-

говъ, вся блѣдная и дрожащая и, заломивъ руки прошептала:

— Рауль, о, Рауль!

Рыцарскій Рауль имѣлъ гдѣ-то въ самой глубине своей души великодушіе, загнанное туда свободной игрой чувствъ и скептицизмомъ. Онъ замѣтилъ, что алый румянецъ пѣвицы исчезъ безъ слѣда, что въ глазахъ ея выражалась тревога и просьба; онъ подошелъ къ ней, низко поклонившись, поцѣловалъ ей руку и мягко и ласково, почти смиренно, прошепталъ:

— Прости! люблю тебя! ухожу... до завтра....

Онъ ушелъ. Она съ минуту постояла неподвижно, потомъ подняла обѣ руки и охватила ими голову, какъ отчаивающійся или, по крайней мѣрѣ, пораженный тяжелымъ горемъ человѣкъ. Что случилось? Что она обѣщала? Она любила въ первый разъ въ жизни! Что за счастье! И, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое отчаяніе? Почему отчаяніе? Развѣ она знала? Она чувствовала только, что оно примѣшивается къ счастью, что стыдъ, тревога, досада заглушаютъ счастье...

Она подняла лицо, залитое густымъ румянцемъ, и съ трудомъ глубоко вздохнула. Ей стало душно въ запертой, жарко натопленной комнатѣ и казалось, что вмѣстѣ съ наполняющимъ ее запахомъ цвѣтовъ она вдыхала ядъ. Она быстро подошла къ дверямъ и, пріотворивши ихъ, выглянула въ длинный, богато убранный, натопленный, какъ теплица, коридоръ, который въ эту минуту былъ совершенно пустъ и слабо освѣщенъ горѣвшими кое-гдѣ лампами.

* * *

Отель былъ погруженъ въ сонъ; большой городъ, окружавшій его, также спалъ. Легкіе шаги

нни Линдъ, ступавшей по ковру, который застилалъ комнату, похожую на длинный коридоръ, не производили ни малѣйшаго шума; бѣлый шелкъ ея платья волочился за ней также безъ малѣйшаго шороста и только еще оставшіяся на немъ кое-гдѣ вѣтки сирени распространяли изъ своихъ увядающихъ лепестковъ острое благоуханіе. Изъ плотно закрытыхъ дверей, что двумя рядами шли по обѣ стороны коридора, ничего не было слышно. Звонки, раздававшіеся здѣсь до поздняго вечера, смолкли, лампы, горѣвшія до ночи сильнымъ свѣтомъ, порѣдѣли, и свѣтъ ихъ уменьшился. Огромное зданіе, населенное отъ крыши до подваловъ, казалось безлюднымъ и отъ него вѣяло меланхоліей вещей, которыя послѣ бурной жизни погружаются въ молчаніе и мракъ.

Анни Линдъ довольно долго двигалась, какъ бѣлое привидѣніе, среди тишины и сумрака съ опущенной головой и сложенными руками, какъ вдругъ стукъ отворяемыхъ и снова затворяемыхъ внизу дверей прервалъ глубокую тишину, и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ снизу донесся тихій, но довольно ясный мужской голосъ, который напѣвалъ:

— Dahin, dahin, möcht ich mit dir, mein geliebter ziehn... ja... dahin!

Пѣніе постепенно удалялось и замолкло въ глубинѣ зданія. Анни Линдъ остановилась вверху между двумя украшавшими лѣстницу статуями и слушала, — такъ внимательно слушала, что даже наклонила голову и смотрѣла внизъ по тому направленію, откуда долетало пѣніе. Это былъ, навѣрное, одинъ изъ ея сегодняшнихъ слушателей, все еще напѣвавшій тотъ мотивъ, которымъ она наполнила его душу. Это была одна изъ покоренныхъ ею душъ, ко

торая уносила съ собой въ ночную тьму исходящій отъ нея лучъ свѣта. Въ этомъ большомъ городѣ было множество такихъ людей, которые уснули или уснутъ съ ея образомъ передъ глазами и звуками ея голоса въ головѣ.

Когда она выпрямилась и подняла голову, то снова была полна радости и торжества. Она пошла дальше такъ легко, какъ будто бы вовсе не касалась земли, мысленно повторяя слова Рауля: „Возьми меня своимъ проводникомъ! я знаю жизнь, свѣтъ и искусство". — Какъ это вѣрно! Да, онъ правъ... Я создана для искусства и любви и ничего не обязана дать міру, кромѣ красоты и любви. Кто осмѣлится требовать отъ меня дани, которую обыкновенные люди приносятъ обычнымъ обязанностямъ? Dahin, dahin, mit dir...

О, чудное видѣніе! Онъ и Италія. Съ нимъ въ земномъ раю... Искусству любовь необходима, какъ дыханіе. Если бы я отвернулась отъ любви, искусство...

Тутъ до слуха ея снова долетѣлъ человѣческій голосъ, совершенно непохожій, однако, на тотъ, который за минуту передъ тѣмъ воспѣвалъ ей хвалу. На этотъ разъ онъ былъ женскій, старый, слегка охрипшій, тихо, но очень ясно произнесшій:

— Гдѣ-то запахло сиренью! Владекъ, ты слышишь запахъ сирени?

Мужской, низкій, но молодой голосъ такъ же тихо отвѣтилъ:

— Ну, какая тамъ сирень! Это вѣрно запахъ духовъ донесся изъ какихъ-нибудь дверей. Откуда здѣсь можетъ быть сирень!

Фигура пѣвицы, дышащая ароматомъ сирени, немного наклонилась впередъ. Ея тонкія ноздри рас-

рились, какъ будто бы и до нея долетѣлъ какой-
неожиданный и странный запахъ. На какомъ язы-
разговариваютъ между собой тѣ люди, фигуры
торыхъ виднѣются тамъ, въ глубинѣ ниши, слабо
тѣщенной догорающей на стѣнѣ лампой? Анни
ндъ давно уже не слыхала этого языка, но от-
сно понимаетъ его. Нѣсколько лѣтъ напряженной
боты и два года, наполненныхъ однимъ желаніемъ
вы и стараніями добиться ея, она провела среди
вноязычной толпы. Она такъ рѣдко говорила на
мъ языкѣ, который звучалъ въ мрачной нишѣ,
онъ почти совсѣмъ исчезъ изъ ея памяти. Но
черь она быстро подвинулась впередъ и стала
отивъ ниши въ тѣни колонны, у подножья кото-
й изъ мраморной вазы возвышались листья паль-
. Бѣлая и тихая, какъ мраморъ, она, казалось,
илась въ одно цѣлое съ колонной и внимательно
ушала; въ ея воображеніи возникали давно неви-
нныя стѣны, деревья, сады, поля и луга, кусочекъ
лубой рѣки и разсыпанный по немъ дождь сол-
чныхъ искръ... рой видѣній, затеряхшихся въ
ошломъ, давно покинутыхъ, забытыхъ среди тру-
въ и волненій жизни, и теперь воскресающихъ въ
отическомъ безпорядкѣ, но въ яркихъ очертаніяхъ
краскахъ, съ какой-то навязчивой силой.

Сидѣвшая на низенькой скамеечкѣ въ глубинѣ
ниши въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея старая жен-
щина снова начала говорить:

— Говорю тебѣ, что сирень! Вотъ и теперь
пять запахло... еще сильнѣе, чѣмъ раньше. Ого!
азвѣ я не помню всѣхъ тѣхъ запаховъ, которые у насъ
сть! Если бы я прожила сто лѣтъ, то и то не за-
ыла бы ихъ. Ты, можетъ быть, и забылъ! А? тебѣ
ыло семь лѣтъ, когда мы оттуда уѣхали, такъ что

ты, можетъ быть и не помнишь, какъ пахнетъ си рень? Правда?

Мужской, низкій, но звучный и молодой голос ответилъ!

— Конечно, не помню! Есть что помнить! Ка кую-то тамъ сирень!

На старушкѣ, сидѣвшей на низкой скамеечкѣ былъ черный, довольно поношенный, салопъ обильно отдѣланная бѣлымъ тюлемъ черная шля па, изъ-подъ которой на сильно сморщенный лоб падали сѣдыя пряди волосъ. Остальныя черты ея ли ца тонули въ темнотѣ, изъ которой виднѣлись еще двѣ маленькія руки, сложенныя на салопѣ, и стоявшій на землѣ возлѣ салопа глиняный горшокъ. К этому горшку приближалась каждый разъ грубая большая мужская рука и съ легкимъ стукомъ мѣшала въ немъ оловянной ложкой. Вмѣстѣ съ тѣмъ мужской голосъ, слегка заглушаемый работой челюстей, кончавшихъ что-то пережевывать, раздался снова:

— Что отцу сегодня лучше?

— Да, лучше, лучше, слава Богу! Съ фабрики онъ вернулся утомленный и охалъ, но когда я его хорошо накормила, когда начала возлѣ него топтаться, заговаривать съ нимъ о томъ, о семъ, онъ и повеселѣлъ, немножко поговорилъ съ дѣтьми и спокойно легъ спать. А я — сейчасъ за горшокъ и прибѣжала сюда къ тебѣ.

Молодой человѣкъ сидѣлъ рядомъ съ ней на низкой скамейкѣ; на немъ былъ надѣтъ спускающійся отъ шеи до пятокъ фартукъ отельнаго служителя; у него были бѣлокурые волосы, бѣлый лобъ, а глаза подъ падающими на нихъ лучами свѣта отъ лампы свѣтились голубымъ цвѣтомъ незабудокъ. Черты его лица и фигура смутно виднѣлись въ полу-

тѣ, въ которой ясно вырисовывались только длин-
, желтые, густые усы. Худенькая старушка каза-
крошечной по сравненію съ нимъ, онъ же по
внію съ ней — огромнымъ. Отирая грубой ру-
желтые усы, онъ проговорилъ:

— Да ужъ если бы не вы, бабушка, то мы бы
пропали послѣ смерти покойницы матери!

— Ну ужъ такъ бы и пропали! Богъ не оста-
ъ бы васъ и безъ меня. Но вѣрно, что живу не
чего-нибудь иного, а только для того, чтобы
очь въ чемъ-нибудь вамъ, бѣднякамъ. Вотъ ужъ
у мы тамъ бросили, бѣду и нашли... Но все-та-
тамъ было лучше... по крайней мѣрѣ, въ родной
ѣ. Владекъ! помнишь ли ты еще хоть немножко
нашу избу?

Послѣ минутнаго молчанія внукъ отвѣтилъ:

— Говоря по правдѣ, не помню.

— Ну, конечно! Развѣ ты могъ бы помнить! Я—
дѣло другое! Вотъ и теперь уже ушла бы отсю-
да этотъ запахъ сирени такъ долетаетъ сюда отку-
го, что какъ будто что-то гвоздемъ меня прибило къ
мейкѣ. Точно я сижу въ нашемъ садикѣ, нюхаю
ень и смотрю на Нѣманъ. А Нѣманъ ты помнишь
ь немножко, Владекъ, а?

Послѣ нѣкотораго молчанія онъ нерѣшительно
тѣтилъ:

— Помню, бабушка...

Но ея голова съ обильной отдѣлкой на шляпѣ
ргично закачалась.

— Неправда! По голосу слышу, что неправда!
о! я тебя знаю! Ты его не помнишь: отъ Дуная
могъ бы отличить, а говоришь такъ, чтобы уго-
ть мнѣ. Не нужно этого... не люблю! Всегда го-
рю тебѣ: не лги!.. что бы съ тобой ни случилось,

хоть самое хорошее, хоть самое скверное, — не лг
даже въ шутку! Такъ меня училъ мой покойны
отецъ, такъ и я учу тебя, а ты не слушаешь. Т
солгалъ! Не хорошо... не люблю!

Голова съ русыми волосами и бѣлымъ лбом
низко наклонилась, а желтые, могучіе усы прильнул
къ маленькимъ рукамъ, сложеннымъ на черномъ са
лопѣ.

— Прости, бабушка! я больше не буду...

— Ну, ужъ хорошо, хорошо! Я всегда должн
поворчать немного. На молодыхъ нужно иногда по
ворчать, особенно на такихъ, которые, какъ птенцы
сильнымъ вѣтромъ выброшены изъ родного гнѣзда
Что бы ты зналъ, бѣдняга, что бы ты умѣлъ и
чемъ бы ты помнилъ, если бы не мои старанья
воркотня! Отецъ, какъ запряженный волъ, мать —
въ могилѣ: я одна надъ вами, какъ курица...

— Да! — прервалъ онъ, — если бы не вы, ба
бушка, то развѣ я получилъ бы такое хорошее мѣсто
въ отелѣ!

— Хорошее, не хорошее, но и за такое благо
дареніе Богу! Ну, а теперь молитву! Поздно! И
такъ сегодня засидѣлась съ тобою... Ну, Господи
Іисусе, какъ эта сирень пахнетъ! Нѣтъ-нѣтъ, да
залетитъ! Ну, Владекъ, молитву!

— Хорошо, бабушка!

Большой парень, въ большомъ фартукѣ, с
большими усами, какъ по командѣ, опустился на ко
лѣни, такъ что даже раздался стукъ, и сразу на
чалъ:

— Во имя Отца и Сына...

Но она прервала его:

— Подожди, подожди! Всегда первый начи
наешь, а потомъ такъ летишь и спѣшишь, что от

ого нѣтъ ни Богу хвалы, ни тебѣ пользы. По-ожди! Я буду говорить, а ты за мной, медленно, имательно, думая Богѣ и своей безсмертной ушѣ, а не о какихъ-нибудь тамъ глупостяхъ...

Маленькая рука ея поднялась съ салопа къ смор-енному лбу.

— Во имя Отца и Сына... — сталъ говорить арый, немного охрипшій голосъ, а мужской свѣжій сталъ вторить ему; наконецъ, молитва ихъ слилась.

— Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ!.. да пріидетъ царствіе Твое...

Звукъ этихъ двухъ сдержанныхъ голосовъ ясно аздавался въ тиши длиннаго коридора и, сливаясь ъ чудную гармонію съ сумракомъ, наполнявшимъ го, замиралъ въ далекихъ темныхъ углахъ. Ниша все больше принимала видъ часовни, въ полумракѣ оторой виднѣлись двѣ фигуры съ сложенными на руди руками и по временамъ лучи догоравшей ампы падали то на русые, то на сѣдые волосы.

— И не введи насъ во искушеніе..

— Во искушеніе...

— Но избави насъ отъ лукаваго...

Тутъ женскій голосъ оборвался и черезъ нѣ-сколько секундъ съ тревогой произнесъ:

— Владекъ! кто-то плачетъ! ты слышишь?

— Это вамъ показалось, бабушка! Ничего не слышно...

— Что ты мнѣ болтаешь! Теперь уже не слышно, а раньше кто-то заплакалъ... гдѣ-то очень близко...

Опять настала тишина, и старая женщина снова продолжала произносить молитвы: на этотъ разъ онѣ были не длинны и скоро закончились повтореніемъ заповѣдей.

— Не убій!

— Не убій!

— Не укради!

— Не лжесвидѣтельствуй!

— Боже! будь милостивъ...

Тутъ къ словамъ присоединились протяжные вздохи и звуки ударовъ кулакомъ въ грудь. Парень такъ низко наклонилъ голову, что волосы упали ему на лобъ и блестѣли, какъ блѣдное золото. Онъ сильно билъ себя въ грудь и, вздыхая, говорилъ:

— Боже! будь милостивъ ко мнѣ грѣшному.

— Владекъ! слышишь? Снова кто-то плачетъ!

На этотъ разъ и онъ услышалъ что-то, хотя неясно.

— Да, какъ будто бы... Но это вѣрно гдѣ-нибудь за дверями...

Они прислушались: никто не плакалъ. Глубокая тишина и все большій мракъ водворялись въ безконечно длинномъ коридорѣ. Они опять начали:

— Во имя Отца и Сына...

Потомъ вмѣстѣ произнесли: Аминь! — и оба встали, онъ съ колѣнъ, она со скамейки.

— Ну, хорошо! — сказала она. — Я всегда бываю спокойнѣе, когда скажу съ тобой вечернія молитвы. Вотъ ты тутъ хвалишь свое мѣсто, говоришь, что оно хорошее: это вѣрно, что ты зарабатываешь порядочныя деньги; но только я не скажу, чтобы это было хорошее мѣсто... Содомъ и Гоморра... Ты самъ знаешь, не разъ разсказывалъ. Скверно! Смотришь тутъ на Содомъ и Гоморру: всякой гадости человѣку легко научиться, очень легко...

— Э! что вы, бабушка, выдумываете! этого никогда не будетъ!

— Эге! это можетъ быть, но только ты помни, обы этого не было. Видишь, родной избы не мнишь, сирени не помнишь, Нѣмана не помнишь.. споди Іисусе! опять сиренью запахло! Все бы за-улъ, если бы я тебѣ не напоминала! Ого! я тебя аю! Но я напоминаю... напоминаю тебѣ о Богѣ, родномъ языкѣ, на которомъ не съ кѣмъ тебѣ говорить, о бѣдномъ отцѣ, который на старости тъ долженъ опираться на тебя, какъ на посохъ. отъ о чемъ я тебѣ напоминаю...

Она старательно увязывала горшокъ съ оло-нной ложкой въ ситцевый платокъ и говорила льше:

— Можетъ быть, ты еще и вернешься когда-ни-удь въ родную землю, гдѣ спятъ твои прадѣды омни же, чтобы ты не вернулся туда шалопаемъ, отому что ты сынъ честной семьи, и чтобы ты не ришелъ туда нѣмцемъ, потому что ты не нѣмецъ. отъ о чемъ еще я тебѣ напоминаю. А теперь, рощай! Завтра я опять приду и принесу вкус-ыхъ галушекъ.

— Я провожу васъ съ лѣстницы, бабушка!

— Не смѣй! Иди спать сейчасъ же! Ого, я ту лѣстницу хорошо знаю! А какъ выйду на лицу, то черезъ десять минутъ буду дома!

Старушка въ черномъ салопѣ и обильно отдѣ-анномъ капорѣ, держа въ рукѣ увязанный въ пла-окъ горшечекъ, мелкими, но бодрыми шагами шла по устланному ковромъ коридору. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея отдѣлилась отъ бѣлой колонны съ альмой у подножья женщина въ длинныхъ волнахъ бѣлаго шелка, съ ангельскимъ лицомъ, обрамленнымъ олотыми волосами, осыпанными вянущей сиренью, Идя одна за другой, онѣ прошли часть коридора и

очутились возлѣ двухъ статуй, между которыми Анни Линдъ четверть часа тому назадъ слушала доносившееся снизу эхо своей пѣсни и славы. Теперь она также остановилась и, вытянувъ шею, слѣдила взглядомъ за сходившей съ лѣстницы старушкой. Она спускалась съ трудомъ. Ея старые глаза видѣли плохо, усталыя ноги тревожно искали каждую ступеньку лѣстницы, а увядшая рука тяжело опиралась о барьеръ. Анни Линдъ двумя прыжками очутилась рядомъ со старушкой и осторожно, но сильно подхватила ее подъ руку. Старушка съ удивленіемъ поглядѣла на неожиданную помощницу и спросила по-нѣмецки:

— Что это? Кто вы, сударыня?

Анни Линдъ отвѣтила на томъ языкѣ, на которомъ старушка молилась съ внукомъ:

— Я помогу вамъ сойти съ лѣстницы!

Лицо старушки освѣтилось радостью; сіяющими глазами она осмотрѣла фигуру артистки.

— Господи! — воскликнула она своими увядшими, провалившимися губами: — барышня изъ Польши!

— Да! — шепнула пѣвица и прибавила, — уже давно!

Она осторожно и заботливо вела старушку, вся бѣлая и немного наклоненная впередъ, идя рядомъ съ ея чернымъ салопомъ, и тихо говорила:

— И моя родная изба стоитъ надъ Нѣманомъ...

— Надъ Нѣманомъ! — повторила старуха.

— Около нея каждую весну цвѣтетъ множество сирени... У меня также была бабушка, которая по вечерамъ говорила со мной молитвы... она уже умерла. Есть тамъ также тополь... растетъ подлѣ стараго амбара... такой высокій!.. на немъ въ маѣ

сегда поетъ соловей... такъ чудно поетъ! Чудно! учше всѣхъ пѣвицъ на свѣтѣ!

— Пѣвицъ?

Это слово поразило старушку. Она, какъ вкованная, остановилась среди лѣстницы и устремила любопытный взглядъ на свою помощницу.

— Такъ, можетъ быть, вы, барышня, та пѣвица, о которой сегодня разсказывалъ Владекъ! Господи! Первый разъ вижу... Ага, я угадала! это вы, моя барышенька, та знаменитая... та, которой все носятъ и носятъ цвѣты, и къ которой все ходятъ и ходятъ большіе господа... Господи! Первый разъ вижу такъ близко такую знаменитую и такую...

Она съ секунду искала слова и кончила:

— Такую великую особу... потому что, кто знаменитый, тотъ и великій... И барышня меня съ лѣстницы...

Ея рѣчь прервалъ шопотъ, похожій на тихій шелестъ вѣтра:

— Я, бабушка, маленькая... маленькая... такая слабая!.. И Богъ знаетъ, что со мной будетъ!

Тутъ старушка заговорила:

— Ага! Это отъ васъ, барышня, идетъ такой запахъ по отелю... Господи! сколько сирени въ волосахъ! Вянетъ уже, а еще пахнетъ и такая прекрасная!

Анни Линдъ остановилась почти у самаго конца лѣстницы.

— Возьми ее, бабушка, возьми всю... я сейчасъ отдамъ ее тебѣ, сейчасъ!

И такъ же, какъ часъ тому назадъ въ великолѣпной концертной залѣ, ея худенькія, полуобнаженныя руки начали ловкими, быстрыми движеніями снимать и отрывать отъ платья еще кое-гдѣ оставшіеся

на немъ цвѣты. Потомъ онѣ поднялись къ волосамъ.

— У меня было сегодня много-много сирени... Я вся была такъ усыпана ею, что люди назвали меня кустомъ сирени... Это было очень забавно, но теперь, бабушка, мнѣ очень грустно... Рада только тому, что могу дать тебѣ немножко сирени... только немножко... я ее раздала... ахъ, какъ мнѣ жаль, что я ее раздала и могу дать тебѣ такъ мало... Но возьми, возьми! Это ничего, что она завяла. Нужно ее сейчасъ же поставить въ воду, и она оживетъ и завтра еще будетъ пахнуть... О, я когда-то была хорошо, хорошо знакома съ сиренью, и знаю всѣ ея свойства! Она, навѣрное, отойдетъ! Вотъ еще одна вѣточка! Сейчасъ! сейчасъ! Иногда она такъ крѣпко держится за волосы, что трудно ее вынуть! сейчасъ, сейчасъ... еще одна, маленькая, но такая прелестная! А вотъ еще одна побольше, только такъ крѣпко держится за волосы... нѣтъ, я все-таки выну! сейчасъ, сейчасъ!

Вмѣстѣ съ цвѣтами она вынимала изъ волосъ придерживавшія ихъ шпильки, такъ что ихъ золотыя пряди начали по одной спадать на плечи, спину, какъ струи солнечнаго свѣта. Какъ будто въ отвѣтъ на эти золотыя струи, по сморщеннымъ щекамъ старушки, какъ стекляныя бусы, потекли одна за другой мелкія слезы. Бормоча какія-то неясныя слова, она, какъ драгоцѣнности, собирала цвѣты въ свои маленькія, увядшія руки.

* * *

Когда она шла назадъ къ дверямъ своей квартиры, по ковру, застлавшему коридоръ, на лицѣ ея не было алаго румянца: глаза ея стали бездонно

глубоки, а на бѣлый, какъ лилія, лобъ выступила морщинка боли и борьбы.

Вся воплощеніе трагедіи, она вошла въ маленькую гостиную, гдѣ лампы погасли, а на столѣ, заставленномъ стекломъ и фарфоромъ, горѣло только нѣсколько свѣчей. Въ мутномъ свѣтѣ на полу вянулъ букетъ пышной гвоздики. Анни Линдъ внимательно взглянула на него, а потомъ подобрала платье руками такъ, какъ будто бы боялась дотронуться до него даже краемъ одежды, и такъ пошла къ противоположнымъ дверямъ. Но едва она сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ повернулась и, быстрымъ движеніемъ поднявъ цвѣты съ земли, погрузила въ нихъ свои губы, цѣлуя и вдыхая ихъ. Прижимая губы къ цвѣтамъ, съ морщинкой на лбу, она долго думала, пока яркая гвоздика не стала понемногу выскользать изъ ея рукъ и не упала снова на землю.

За окнами, внизу, громадный Рингъ засыпалъ въ темнотѣ, слабо освѣщенный рѣдкими въ эту пору огнями фонарей; надъ нимъ разстилалось широкое небо, свѣтившееся звѣздами, среди которыхъ одна, самая большая, сіяла, какъ блестящій, спокойный глазъ! Какъ спокойна и чиста эта звѣзда! Она плыветъ среди такой тишины и съ такой высоты смотритъ на земныя звѣзды, столь же мелкія и слабыя, какъ нестройный звонъ струнъ арфы, словно задѣваемыхъ порывами вихря.

Анна Липская опустилась на колѣни, высоко подняла сложенныя руки, протягивая ихъ къ небесной звѣздѣ и, какъ бѣдный, жалующійся, взывающій о помощи ребенокъ, съ плачемъ заговорила:

— Отче! Отче! Отче, нашъ, иже еси на небесѣхъ...

Конецъ.

Звенья.

Разсказъ.

Звенья.

Снѣгъ, покрывавшій крыши и улицы, началъ сѣ-
ѣть въ раннихъ зимнихъ сумеркахъ; въ оконныхъ
текахъ большого и красиваго дома засіяли яркіе
гоньки. На золотомъ фонѣ оконъ выдѣлялся бога-
ый узоръ занавѣсей, виднѣлись высокіе постаменты
ампъ, группы растеній и движущіяся тѣни челов-
ческихъ фигуръ.

Когда замолкъ грохотъ колесъ на улицѣ, сквозь
ти окна съ двойными рамами стали проникать сла-
бые звуки фортепьяно. Легко было угадать, что въ
домѣ веселились, что гости, вставъ изъ-за стола, раз-
влекаются музыкой и болтовней...

Подлѣ воротъ стояло нѣсколько щегольскихъ
экипажей, съ кучерами въ ливреяхъ, которые дре-
мали, свѣсивъ головы, или хлопали себя озябшими
руками по плечамъ и бокамъ. Вдругъ изъ воротъ
выбѣжалъ лакей во фракѣ и отдалъ кучерамъ при-
казаніе ѣхать по домамъ. Колеса заскрипѣли по
снѣгу; застоявшіеся кони рванулись, и кареты гусь-
комъ потянулись по улицѣ, на которой между сѣ-
вѣющимъ снѣгомъ и еще голубоватымъ небомъ на-
чали зажигаться два ряда фонарей.

Потомъ на улицѣ все стихло; только изрѣдка съ
тихимъ скрипомъ проносились одноконныя санки;
изъ оконъ магазиновъ на бѣлый тротуаръ падали
неподвижныя полосы свѣта: изрѣдка мелькали си-
луэты пѣшеходовъ.

Изъ воротъ освѣщеннаго дома вышелъ мужчина, сѣдая борода котораго бѣлымъ пятномъ, словно комъ снѣгу, лежала на его груди. Мѣховое пальто съ дорогимъ воротникомъ плотно обхватывало его довольно высокую, слегка сгорбленную фигуру; а его мѣховая шапка была низко надвинута и закрывала весь лобъ до желтой оправы очковъ. Одежда, движенія и даже манера надѣвать перчатки — все указывало въ немъ человѣка, принадлежащаго къ высшимъ слоямъ общества. У него была сѣдая борода, сгорбленная спина и очки на глазахъ; но быстрая походка, которой онъ шелъ по бѣлому тротуару не согласовалась съ этими признаками старости. Въ этой походкѣ и жестахъ, которые онъ дѣлалъ, выражалась досада и какъ будто бы желаніе поскорѣе уйти какъ можно дальше отъ того дома, изъ котораго онъ вышелъ.

Каждый разъ, когда салоны его дочери наполнялись шумомъ блестящихъ, легкихъ и пустыхъ разговоровъ, а въ комнатахъ зятя разставлялись столики для картъ, его охватывало чувство неудовольствія, печали, скуки, и онъ старался по возможности удаляться на это время изъ ихъ дома, который былъ также и его домомъ.

Значило ли это, что онъ, постарѣвъ, утратилъ любовь къ свѣту или же, что свѣтъ отвернулся уже отъ него? Въ обоихъ этихъ предположеніяхъ было много правды. Для него, человѣка, имѣвшаго взрослыхъ внуковъ, даже отцы и матери семействъ были молодежью.

Это бы еще ничего: вѣдь можно любить молодежь и быть любимымъ ею. Но онъ уже плохо понималъ жизнь этихъ молодыхъ поколѣній. Когда-то у него были дорогіе идеалы, съ точки зрѣнія которыхъ онъ судилъ о людяхъ и вещахъ. Но когда

нъ измѣрялъ этой мѣрой свою дочь, зятя и внуковъ, то оказывалось, что всѣ они люди необычайно малаго масштаба. Онъ не хотѣлъ быть несправедливымъ, да и отцовская любовь говорила въ немъ. и дочь, ни зять, ни внуки и внучки не были полными ничтожествами. У нихъ свои достоинства, свои привлекательныя стороны и свои таланты, но онъ рѣдко могъ въ чемъ-нибудь согласиться съ ними. У нихъ были свои особые взгляды и вкусы, собственныя воспоминанія. Они заснули бы со скуки, если бы онъ началъ разсказывать имъ о томъ, что днемъ ночью занимало его воображеніе. Онъ жилъ съ дочерью и зятемъ въ роскоши и блескѣ, но каждый день былъ для него тягостью, которую онъ охотно сбрасывалъ съ плечъ, и жизнь тянулась для него почти такъ же медленно, какъ онъ самъ шелъ въ эту минуту по тротуару, такъ какъ, выйдя изъ воротъ пѣшнымъ шагомъ, онъ поплелся потомъ, едва передвигая ноги.

Когда онъ проходилъ по тѣмъ мѣстамъ, на которыя изъ оконъ магазиновъ падалъ яркій свѣтъ, то на его шеѣ блестѣлъ бобровый воротникъ, на глазахъ сверкали золотые очки, а въ рукѣ — рѣзной набалдашникъ палки. Но когда онъ входилъ въ пространство, погруженное въ полумракъ, всѣ эти блестящіе предметы стушевывались, и тогда его сгорбившаяся фигура проходила мимо пѣшеходовъ словно тѣнь; бѣлоснѣжная борода казалась комомъ снѣга на его груди и такимъ же комомъ ложились на воротникъ его серебристые волосы, падавшіе изъ подъ шапки. Между тѣмъ освѣщенныя мѣста становились все рѣже, а промежутки, погруженные во мракъ, все длиннѣе. Движеніе на улицѣ стихало, грохота колесъ совсѣмъ не было слышно, и только изрѣдка

раздавался скрипъ саней. Казалось, что даже фонари горѣли здѣсь слабѣе за мутными стеклами; тротуары также стали уже, безлюднѣе, стѣны домовъ ниже; въ окнахъ горѣли немногочисленные огни, а сквозь стекла не было видно высокихъ лампъ и роскошныхъ вазъ и не доносилось звуковъ музыки.

Это была часть города гораздо болѣе бѣдная, чѣмъ та, въ которой находилась роскошная квартира его дѣтей и его самого. Здѣсь еще не было городской нищеты, но царила весьма близкая къ ней бѣдность, а если и попадалась зажиточность, то весьма скромная. Вмѣсто магазиновъ съ роскошными витринами здѣсь были скромныя лавочки; ихъ слабо освѣщенныя пестрыя вывѣски мелькали надъ старыми воротами и небольшими окнами; нѣкоторыя изъ нихъ, качаясь отъ вѣтра, скрипѣли надъ головами прохожихъ.

Надъ одной изъ такихъ лавочекъ покачивалась и поскрипывала доска съ нарисованнымъ на темномъ фонарѣ ея большимъ бѣлымъ циферблатомъ, похожимъ на старое заплаканное лицо. Полинявшія цифры и стрѣлки напоминали собой морщины, вырытыя временемъ, а лѣтняя пыль и осенніе дожди оставили на немъ множество черныхъ пятенъ, похожихъ на засохшія слезы.

Взглядъ стараго господина въ бобровомъ воротникѣ случайно упалъ на заплаканное лицо часовъ, которое слегка закачалось и заскрипѣло отъ порыва вѣтра. Это было что-то въ родѣ приглашенія, произнесеннаго жалобнымъ тономъ. Часы на вывѣскѣ! Часовыхъ дѣлъ мастеръ! Это отлично! Его часы какъ разъ требуютъ починки. Съ нѣкотораго времени они все опаздываютъ и опаздываютъ каждый день на нѣсколько минутъ больше. Онъ самъ уже

много разъ ставилъ, поправлялъ, передвигалъ ихъ, — ничто не помогало. А вѣдь онъ зналъ толкъ въ часахъ, и всѣ часы въ домѣ находились подъ его непосредственнымъ и исключительнымъ наблюденіемъ. Но для этого стараго друга необходима была помощь врача. Онъ поднялся на нѣсколько ступенекъ, отворилъ дверь магазинчика, но, заперши ее за собой, не сразу отошелъ отъ порога; нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ и слушалъ.

Маленькая низенькая комнатка была отъ пола до потолка наполнена страннымъ, монотоннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безпокойнымъ и быстрымъ шопотомъ. Это былъ не шумъ, а шопотъ, не повышающійся и не понижающійся, но все время однообразно безъ малѣйшаго перерыва наполняющій комнату сверху до низу. Здѣсь больше ничего не было слышно: ни уличнаго шума, ни скрипѣнія вывѣсокъ, ни одного звука изъ живого міра. Ничего, кромѣ наполнявшаго всю комнату не то разговора, не то совѣщанія часовъ, висѣвшихъ на стѣнахъ и говорившихъ другъ вслѣдъ за другомъ сухими и стучащими голосами: „такъ - такъ ... — такъ - то - такъ ... такъ - то - такъ“ ...

Въ комнатѣ, наполненной шумомъ этой бесѣды, казавшейся безпрерывной, у одного изъ оконъ возлѣ столика, на которомъ, освѣщая множество блестящихъ крючковъ, кружочковъ и пружинъ, горѣла лампа съ высокимъ стекломъ, сидѣлъ человѣкъ въ длинномъ потертомъ сюртукѣ съ бѣлоснѣжной бородой и бѣлоснѣжными волосами, падавшими на шею изъ-подъ бархатной ермолки. Онъ сидѣлъ, съ какимъ-то тонкимъ инструментомъ въ рукѣ и, надвинувъ на носъ большіе очки, работалъ надъ блестящими мелкими предметами. Его лобъ былъ покрытъ морщи-

нами, губы оттопырены, а въ глазахъ его, блестѣвшихъ серебряной искрой изъ-подъ сѣдыхъ бровей и покраснѣвшихъ вѣкъ, выражалось глубокое вниманіе. Его уши, должно быть, такъ привыкли къ стучащему разговору часовъ и такъ сжились съ нимъ, что съ трудомъ различали всѣ другіе звуки: онъ не слышалъ, какъ вошелъ чужой человѣкъ.

Черезъ минуту среди шума раздался громкій, звучный, необыкновенно живой и свѣжій голосъ, который закричалъ на всю комнату: „ку-ку“, а потомъ сталъ мѣрно повторять: „ку-ку! ку-ку!“ — и умолкъ только послѣ восьмого раза; комната снова наполнилась шумнымъ, и несмотря на свою равномѣрность, поспѣшнымъ и тревожнымъ перешептываніемъ часовъ.

Старый еврей съ бѣлоснѣжными волосами поднялъ голову, его сосредоточенно оттопыренныя губы растянулись въ привѣтливую улыбку, и взглядъ, выразившій удовольствіе, встрѣтился со взглядомъ пришедшаго, который также улыбнулся. Тогда часовщикъ слегка приподнялся съ табурета, дотронулся до своей ермолки и произнесъ:

— Что вамъ угодно?..

Потомъ, замѣтивъ дорогую шубу, золотую оправу очковъ и хотя сгорбленную, но все же изящную высокую фигуру посѣтителя, онъ поправился:

— Что угодно вашему сіятельству?

Но господинъ вмѣсто отвѣта подошелъ прямо къ стѣнѣ со стучащими часами и остановился передъ тѣми, изъ которыхъ раздавался голосъ кукушки.

— Откуда у тебя эти часы? Это древніе часы! Особенный циферблатъ! Откуда они у тебя? Чьи они?

Еврей вскочилъ съ табурета, какъ на пружинѣ,

и быстрыми шагами подошелъ къ старому господину, стоявшему передъ высокимъ футляромъ чернаго дерева, изъ-за стекла котораго выглядывало на свѣтъ Божій лицо часовъ съ кукушкой.

— Чьи эти часы? А чьи же они могутъ быть! Они мои! Какъ сынъ принадлежитъ своему отцу, другъ своему другу, такъ они принадлежатъ мнѣ! Вы, можетъ быть, думали, что эти часы отданы въ починку? Что сейчасъ кто-нибудь придетъ и возьметъ ихъ отсюда? Ай, ай! Я бы палкой ударилъ того, кто захотѣлъ бы взять у меня эти часы! Если бы у меня кто-нибудь отнималъ ихъ, то я бы надѣлалъ такого крику, что сбѣжались бы люди и должны были бы прогнать того, кто ихъ отнималъ, потому что они мои...

Онъ говорилъ съ необыкновенной живостью, съ увлеченіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ хитрымъ смѣхомъ; но вдругъ онъ умолкъ и сталъ внимательно смотрѣть на гостя, который, не обращая на него вниманія, поднялъ голову и, чуть-чуть открывъ ротъ, всматривался въ часы.

— Дай-ка табуретъ и лампу, потому что я не могу разсмотрѣть пейзажа на циферблатѣ; вижу, что онъ тамъ нарисованъ, но не могу разсмотрѣть, какой... — сказалъ онъ наконецъ.

Онъ взобрался на табуретъ, поднесенный ему евреемъ, причемъ сдѣлалъ это такъ быстро, какъ будто былъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ.

— Давай лампу! — сказалъ онъ,

— Сейчасъ, сейчасъ, ваше сіятельство!

Говоря это, старый еврей съ лампой въ рукѣ очутился возлѣ гостя на другомъ табуретѣ.

— Женева! — сказалъ старый господинъ — такъ, такъ! Швейцарская фабрика; не знаешь, какая?

— Какъ же мнѣ не знать? Могу ли я чего-нибудь о нихъ не знать?

Онъ съ торжествомъ произнесъ названіе фабрики, давно уже прекратившей свое существованіе.

— Это была такая фабрика, какихъ теперь нѣтъ на свѣтѣ!

— Это правда, ахъ! какая правда! Такихъ фабрикъ уже нѣтъ на свѣтѣ! А какъ они заводятся?

Въ рукѣ стараго еврея мгновенно очутился ключъ, точно онъ вытряхнулъ его изъ рукава. Онъ вынулъ его изъ потайнаго ящика, находящагося въ шкафу.

— Вотъ какъ они заводятся! Видите, ваше сіятельство! Какъ хорошо, что я еще не заводилъ ихъ сегодня, и могу показать вашему сіятельству. Ахъ, файнъ! Такой старый ключъ, а ходитъ какъ по маслу!

— Такъ! Ага! А я думалъ, что они заводятся съ той стороны, потому что такіе часы...

— Ошибаетесь, ваше сіятельство... такіе часы никогда не заводятся съ той стороны... съ той стороны заводятся совсѣмъ другіе... А теперь я покажу вашему сіятельству эти карнизы, какая это тонкая работа и какая это рѣзьба и позолота.. файнъ...

— Empire! — шепнулъ старый господинъ

— Ампиръ! ха, ха, ха! По моему мнѣнію, ваше сіятельство, вы такъ же хорошо понимаете въ часахъ, какъ, съ позволенія сказать, часовыхъ дѣлъ мастеръ! Чистый ампиръ! Имъ уже около ста лѣтъ...

— Подожди! подожди! а это что за пружина?

— Ну, это такая пружина, что если ее прида-

ить, то сейчасъ же изъ часовъ вылетитъ птица, за-лопаетъ крыльями и начнетъ кричать...

— Ага, — правда! я видѣлъ разъ такой меха-измъ.

— Если вы видѣли разъ, ваше сіятельство, то я окажу вашему сіятельству еще разъ...

Оба старика, неодинаковаго роста, такъ какъ озяинъ былъ и ниже и худѣе гостя стояли рядомъ а табуреткахъ. Свѣтъ отъ лампы, которую еврей ержалъ въ высоко поднятой рукѣ, падалъ на эти ва лица съ различными чертами, но одинаково по-рытыя морщинами. У обоихъ были очки на глазахъ, стремленныхъ на часы и выражавшихъ одинаковое миленіе. Вдругъ надъ ихъ сѣдыми головами и смор-денными лицами, вылетѣла металлическая птица, по-инуясь дѣйствію нажатой пружины; она захлопала рыльями и начала выкрикивать на всю комнату уди-ительно звонкимъ и свѣжимъ голосомъ: „ку-ку!", „ку-ку!" Еврей первый сошелъ съ табурета на емлю и помогъ гостю сдѣлать то же самое; по-омъ, забывъ поставить лампу на столъ, онъ снова ачалъ вглядываться въ старика.

— Съ позволенія вашего сіятельства, — шепнулъ онъ несмѣло, — можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что мои старые глаза узнали ваше сіятель-ство...

— Постой, постой, — живо отвѣтилъ старый го-сподинъ — я также что-то припоминаю. Развѣ я тебя когда-нибудь зналъ?

— Ваше сіятельство графъ Ксаверій изъ Стру-меницы...

— Ну, а ты? Я никакъ не могу вспомнить?

— Я Беръ, сынъ Шимшеля, который въ Стру-меницѣ держалъ аренду.

— Беръ! не можетъ быть. Да вѣдь я отличн помню! Ты служилъ моей сестрѣ моделью для ка кой-то картины...

Еврей утвердительно кивнулъ головой; онъ по ставилъ лампу на столъ, потому что у него начал дрожать руки; вытащивъ изъ угла старое кресло с продавленнымъ сидѣньемъ и съ надломленными руч ками, онъ пригласилъ гостя сѣсть. Онъ чмокалъ гу бами и смѣялся; его красныя вѣки быстро мигали подъ сѣдыми бровями, какъ будто бы его ослѣпил яркій свѣтъ. Наконецъ онъ сѣлъ, всматриваясь в гостя и издавая неясные звуки, которыми выража лись радость и удивленіе. Старый господинъ такж удивленно всматривался въ него.

— Можетъ ли это быть? Ты Берко... ты... тотъ Берко съ золотыми вьющимися волосами, ру мяными дѣвичьими щеками и съ глазами, похожими на бирюзу? Моя сестра рисовала съ тебя какую-т фигуру въ картинѣ, а потомъ ты часто приходилъ въ домъ... Такъ это ты?

— Я... я самъ, ваше сіятельство! А вы тотъ самый паничъ, который никогда не всходилъ на лѣ стницу, иначе, какъ перескакивая черезъ четыре ступеньки. Когда меня рисовала ея сіятельство гра финя, то стоило, бывало, графу Ксаверію войти въ ту комнату, гдѣ мы были, какъ въ комнатѣ точно солнце взойдетъ. Ай, развѣ я не помню, какъ графъ Ксаверій ѣздилъ верхомъ и танцовалъ съ барышнями! Сколько бы паничей ни ѣхало на лошадяхъ, вы всегда были впереди всѣхъ, и сколько бы ни было барышень, всѣ хотѣли танцовать только съ вами. Я все это видѣлъ, хотя смотрѣлъ изъ-за забора или стоялъ подъ окномъ...

— Ну да, ну да, — подхватилъ графъ, — имен-

со въ такомъ видѣ я тебя яснѣе всего помню: ты стоишь возлѣ изгороди двора или сада и смотришь на все глазами, полными наивнаго любопытства и радости... Мы часто говорили съ сестрой о тебѣ, что у тебя такой видъ, какъ будто бы ты радовался всему міру и никогда не могъ нарадоваться ему...

Еврей тихо засмѣялся:

— А развѣ вы, ваше сіятельство, не радовались всему міру?

Графъ задумался и вздохнулъ.

— Конечно, — отвѣтилъ онъ, — молодость... Мы оба были молоды, мой Берко!

Не спуская глазъ съ графа, еврей опять тихо спросилъ:

— А теперь?

— Теперь?.. что жъ? Теперь мы оба стары...

Еврей оперся ладонями о колѣни, устремивъ глаза въ землю, сгорбился и сталъ какъ будто меньше.

— Це! Це! — чмокнулъ онъ, — почему же намъ не состариться вмѣстѣ, если мы вмѣстѣ были молоды? Каждый человѣкъ на свѣтѣ, — и еврей, и христіанинъ, и великій, и малый, — имѣетъ молодость и старость... и для каждаго молодость — радость, и старость такая печаль, которую нельзя сбросить съ себя до самой могилы... Такъ бываетъ съ каждымъ...

Онъ умолкъ. Графъ также молчалъ. Только часы на стѣнахъ издавали сухой и тревожный стукъ: „такъ-такъ“, „такъ-то-такъ“, такъ-то-такъ“, „такъ-то-такъ“...

Одни изъ нихъ глубокимъ басомъ начали бить: разъ, два, три! Но едва они успѣли пробить три,

какъ къ нимъ присоединился другой, очень высокій голосъ: разъ, два! При шестомъ ударѣ звонило уже три голоса, а при седьмомъ — шесть. Семь, восемъ, девять, — пробили они хоромъ, который потомъ превратился въ три и въ два голоса. Графъ съ улыбкой поглядѣлъ вокругъ:

— Концертъ! — шепнулъ онъ, а потомъ задумчиво прибавилъ:

— Берко! сколько часовъ уже пробило время для тебя и для меня!

— Ну, — отвѣтилъ еврей, — отчего бы ему и не пробить ихъ? Мы были далеко другъ отъ друга, никогда не видались и забыли другъ о другѣ, а время все шло, и всякій пробитый часъ былъ и для графа, и для меня, потому что онъ бьетъ для всѣхъ...

Онъ помолчалъ, а потомъ, поднимая глаза на гостя, робко началъ:

— Знаете ли вы, ваше сіятельство, что я вашихъ родителей помню такъ, какъ будто бы ихъ сейчасъ видѣлъ? Графъ, отецъ вашъ, былъ небольшого роста, но лицо у него было такое гордое; а у графини были такія руки, о которыхъ я всегда думалъ, что это бѣлые цвѣты... тѣ, которые росли въ саду... Садовникъ говорилъ ,что это лиліи... можетъ быть, я плохо помню... лиліи... лиліи... такіе бѣлые, прекрасные цвѣты, которые отлично пахнутъ... У графини были руки, похожія на эти лиліи. Не разгнѣвайтесь, ваше сіятельство, если я спрошу, живы ли еще старые графъ и графиня?

Графъ отвѣтилъ съ горькой усмѣшкой:

— Ну, что ты, мой Берко! Возможно ли, чтобы мои родители были еще живы? Тѣ бѣлыя лиліи, о которыхъ ты говоришь, давно уже въ землѣ.

Его голосъ дрогнулъ, но, подавляя свое волненіе, онъ участливо спросилъ:

— А твои родители? Отца я почти не помню, но мать помню очень хорошо! Худая, невысокая женщина, состарившаяся отъ труда, съ увядшимъ лицомъ, но съ черными, еще прекрасными, огненными глазами...

Еврей помолчалъ, потомъ, указывая на землю своимъ сухимъ и темнымъ пальцемъ, тихо произнесъ:

— Эти огненные глаза, которые помнитъ графъ, давно уже въ землѣ!

Часы все выбивали свое „такъ-такъ“, „такъ-то-такъ“, „такъ-то-такъ“!.. Оба старика молчали: души ихъ были погружены въ эту музыку времени.

Еврей первый очнулся отъ задумчивости и спросилъ:

— А чему же я обязанъ той великой милостью Божіей, что ко мнѣ пришелъ такой старый знакомый?

Графъ вынулъ изъ кармана старинные часы и положилъ ихъ на столъ. Еврей съ наслажденіемъ взялъ ихъ въ руки и, съ улыбкой разсматривая, спросилъ:

— А въ чемъ ихъ вина? Чѣмъ они согрѣшили? Они отстаютъ? Ваше сіятельство пробовали поправлять ихъ и это не помогло! Це-це! я ужъ вижу, что ихъ дѣла плохи: они очень больны. Ихъ нужно разобрать и лѣчить...

Глаза графа блеснули изъ-за очковъ. Онъ обезпокоился и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовался.

— Можешь ли ты сдѣлать это сейчасъ?

— Отчего же? Я буду очень радъ, если вы, ваше сіятельство, немного посидите у меня, и сами

увидите, что я не сдѣлаю ничего дурного этому больному. Только я зажгу большую лампу, потому что для такой работы при этой лампѣ мои глаза слишкомъ слабы.

Графъ, который приходилъ все въ лучшее настроеніе, воскликнулъ:

— Хорошо тебѣ, что ты можешь зажечь большую лампу, а у меня нѣтъ съ собой тѣхъ очковъ, которыя я надѣваю для того, чтобы поправлять часы...

— Ай, ай, что за бѣда? У меня есть нѣсколько паръ разныхъ очковъ: подберите себѣ самые подходящіе... Развѣ глаза вашего сіятельства также просятся въ отставку?

— О, да! мой Берко, даже очень просятся... и это меня чертовски раздражаетъ. Безъ очковъ нельзя сдѣлать ни шагу, да и въ очкахъ по временамъ трудно.

Еврей вынулъ изъ ящика нѣсколько паръ очковъ и сказалъ:

— Это точь въ точь, какъ у меня. Наши глаза одновременно постарѣли.

Черезъ нѣсколько минутъ оба они сидѣли, наклонившись надъ столикомъ, разбирали часы и разсматривали различныя части ихъ, совершенно погрузившись въ свою работу. Роговая оправа очковъ пересѣкала темными линіями ихъ сморщенные лбы, щеки и виски, и исчезала за ушами въ сѣдыхъ волосахъ. Глаза ихъ, глядѣвшіе изъ за большихъ стеколъ, принимали все болѣе сосредоточенное выраженіе, а свѣтъ лампы зажигалъ въ нихъ серебристыя искры. Работая, они разговаривали, но только о предметѣ своей работы, потому что въ эту минуту все остальное вылетѣло изъ ихъ памяти. По вре-

намъ они умолкали и, всматриваясь, пробуя, пе-
ставляя, начинали даже громко и протяжно дышать
ъ большого напряженія вниманія. По временамъ
и обмѣнивались между собой отрывистыми фра-
ми:

— Видишь, видишь: вотъ гдѣ бѣда!

— Если здѣсь, то мы выгонимъ ее отсюда!.. Но
нѣ кажется, что бѣда въ другомъ мѣстѣ

По временамъ они начинали спорить.

— Что ты дѣлаешь? не такъ!.. — тревожно
оворилъ графъ.

Еврей успокаивалъ его:

— Не пугайтесь, ваше сіятельство... вы сейчасъ
видите, что изъ этого выйдетъ...

— Ничего изъ этого не выйдетъ!.. ты подави..
ынь оттуда...

Тогда еврей возвышалъ голосъ и почти кри-
алъ:

— Ошибаетесь, ваше сіятельство... Тутъ такія
онкія пружинки, что вы ихъ не видите...

Графъ также возвышалъ голосъ:

— Это мнѣ нравится! Я могъ бы чего-нибудь
не замѣтить въ этихъ часахъ...

Но видя, что еврей дѣлаетъ по своему, и все
выходитъ хорошо, онъ тихо бормоталъ:

— А правда, правда! ты былъ правъ!

Тотъ, успокоившись, также ворчалъ себѣ подъ
носъ:

— Когда дѣло идетъ о моей работѣ, то я всегда
правъ...

Они снова умолкали, всматривались, работали,
близко наклоняли другъ къ другу головы и лица,
изрѣзанныя глубокими морщинами и пересѣченныя
темными линіями очковъ, и переплетали свои старыя

руки, дѣлая тонкія и осторожныя движенія сухи пальцами; ихъ громкіе и протяжные вздохи соед нялись съ неумолчнымъ стукомъ часовъ.

Вдругъ на фонѣ этого сухого и поспѣшнаго ст ка раздался басовой чистый голосъ, который пр билъ: разъ! два! три! При четвертомъ ударѣ нему присоединился, какъ будто бы голосъ юнош къ голосу взрослаго человѣка, тоненькій дискант и прокричалъ: разъ, два!.. При третьемъ удар къ нимъ присоединились другіе голоса, къ этим еще новые, пока наконецъ цѣлый хоръ не пробил согласно нѣсколько разъ и потомъ перешелъ в три и наконецъ въ два голоса, которые пробил десять.

Оба старика подняли головы и опустили руки н колѣни. Еврей проговорилъ съ улыбкой:

— Ну, вы, ваше сіятельство, понимаете толкъ в часахъ... Я уже вижу, что вы, ваше сіятельство такъ же любите теперь часы, какъ прежде любили быстрыхъ лошадей и красивыхъ баришенъ.

Графъ весело отвѣтилъ:

— Это правда, мой Берко, это правда; пристра стился къ нимъ, самъ не знаю, какъ и для чего? На старости проявляются разныя странности...

Еврей поморщился и началъ недовольно ворчать:

— Странности! Какъ это странности? Почему это странность? Часы — это прекрасная машина; она дѣлаетъ честь тому уму, который изобрѣлъ ее. Развѣ она убиваетъ кого-нибудь, какъ, къ примѣру, ружье или пушка? Развѣ она отравляетъ кого-нибудь, какъ тѣ машины, что въ большихъ фабрикахъ сыплютъ людямъ въ ротъ всякія гадости? Часы — другъ человѣку, — они всегда съ нимъ: и тогда, когда ему весело, и тогда, когда ему грустно,

ни показываютъ ему, когда что дѣлать; они гово-
ятъ тогда, когда никто не заговоритъ съ человѣ-
омъ; они говорятъ человѣку, что время идетъ и
го онъ самъ вмѣстѣ съ этимъ временемъ, какъ по
ольшой рѣкѣ, также плыветъ въ огромное море...

Онъ махнулъ рукой и закончилъ:

— Знаете что, ваше сіятельство? Они для чело-
ѣка иногда бываютъ лучшимъ другомъ, чѣмъ дру-
гой человѣкъ, потому что они никогда не кусаютъ!
ій, хи, хи!

Онъ тихо засмѣялся, а графъ, задумчиво слу-
авшій его рѣчь, утвердительно кивнулъ головой и
казалъ:

— Это ты умно сказалъ: эта говорящая машина
не разстается съ человѣкомъ ни въ веселыя, ни въ
грустныя минуты Знаешь ли ты, что эти часы бы-
ли у меня уже тогда, когда я, какъ ты говоришь,
имѣлъ пристрастіе къ быстрымъ лошадямъ и краси-
зымъ баришнямъ...

— Ай, ай, — зачмокалъ еврей, — у такого
молодого панича были уже такіе дорогіе часы!

Графъ усмѣхнулся.

— У меня никогда не было недостатка въ доро-
гихъ вещахъ, но мнѣ часто не хватало дорогихъ
людей... Я никогда не забуду предсмертныхъ ча-
совъ моей матери... Докторъ сказалъ, что смерть
станетъ приближаться съ той минуты, когда нач-
нетъ слабѣть пульсъ; послѣ этого онъ пошелъ
отдохнуть, потому что былъ страшно утомленъ. Я
одинъ остался у постели больной и часто спраши-
валъ себя, держа часы въ одной рукѣ, а ея руку
въ другой: приближается ли? Чѣмъ ближе подхо-
дила роковая минута, тѣмъ рѣже были удары пульса,
и мнѣ казалось, что тѣмъ быстрѣе двигалась стрѣлка

часовъ. Она двигалась, а въ той лиліи, которую ты помнишь, пульсъ слабѣлъ, слабѣлъ и, наконецъ остановился: пришло то, что приближалось. На часахъ было пять минутъ и три секунды перед ва́го...

Еврей утвердительно качалъ головой; глаза его были влажны, а часы на стѣнахъ хоромъ стучали „такъ-такъ“, „это-такъ“, „это-такъ“, „это-такъ“.

Преодолѣвъ свое волненіе, графъ пошутилъ:

— Ты не повѣришь, мой Берко, какая на нихъ по временамъ нападала живость! Когда я былъ однажды влюбленъ въ одну женщину, съ которой могъ видѣться всегда только очень короткое время, то какъ только, бывало, взгляну на нихъ случайно, такая на меня нападаетъ злоба, что, если бы только можно было, ударилъ бы ихъ о землю. „Не лезьтите же такъ, глупые! Постойте, отдохните, и пусть вмѣстѣ съ вами остановится время!“ — говорилъ я имъ. Но они не слушали: и счастье мое... улетѣло!...

Еврей тихо спросилъ:

— А вы, ваше сіятельство, всегда хорошо спали ночью?

Графъ съ ироніей махнулъ рукой.

— А когда вы не спали, ваше сіятельство, у васъ всегда были веселыя мысли? Ну, я самъ знаю, что у васъ бывали по временамъ невеселыя мысли. Такъ вотъ, когда вы лежали въ темнотѣ съ невеселыми мыслями въ головѣ, то тогда, можетъ быть, часы ваши шли очень медленно?

— Однако, все же шли, — отвѣтилъ графъ, — и скверныя ночи проходили...

— А пока тѣ ночи тянулись, всѣ спали, только часы одни разговаривали съ вашимъ сіятельствомъ...

что они говорили? Они утѣшали васъ, говоря, что это трудное время пройдетъ...

— Какъ все проходитъ... — кончилъ графъ и глубоко задумался. Онъ вдругъ почувствовалъ удивленіе: для чего онъ такъ долго сидитъ здѣсь и такъ довѣрчиво разговариваетъ съ этимъ лапсердакомъ?

Онъ зналъ его когда-то? Такъ что же? Вѣдь нихъ не можетъ быть общихъ воспоминаній и вообще ничего общаго. Онъ не былъ гордъ и имѣлъ врожденную симпатію къ народу но все же сознавалъ, какая пропасть отдѣляетъ его отъ Берка, нѣкогда сына арендатора, а теперь часовыхъ дѣлъ мастера въ глухой улицѣ города. Они были во всемъ различны и между ними не было никакого сходства. Онъ зашелъ сюда, чтобы отдать часы въ починку, и просидѣлъ здѣсь нѣсколько часовъ. И, что еще болѣе странно, ему не хотѣлось уходить... Онъ почти неожиданно для самого себя спросилъ:

— Какъ же тебѣ жилось, мой Берко? Какъ живется теперь? Есть ли у тебя семья и средства къ жизни?

Еврей поблагодарилъ за участливый вопросъ и началъ отвѣчать довольно пространно.

Онъ не былъ богатъ, не скопилъ себѣ капиталовъ, но имѣлъ кое-какія средства къ жизни и не терпѣлъ нужды. Онъ еще работалъ и зарабатывалъ столько, сколько нужно для жизни, а сколько ему тамъ нужно теперь, когда онъ уже одинъ, — съ нимъ живетъ только внучка, которая ухаживаетъ за нимъ и сама также зарабатываетъ шитьемъ! У него большая семья — нѣсколько дѣтей и множество внучатъ, — но все это...

Онъ махнулъ рукой.

— Знаете что, ваше сіятельство? Есть одна за
гадка и мнѣ очень интересно знать, знаете ли вы
ее, или нѣтъ... Какимъ образомъ можетъ быть
чтобы у человѣка была семья и вмѣстѣ съ тѣмъ не
было семьи?

Говоря это, онъ устремилъ на лицо графа вопро
сительный и нѣсколько лукавый взглядъ:

— Ну, знаете ли вы эту загадку?

— Я знаю эту загадку, Берко... очень хорошо
знаю.

Еврей ударилъ обѣими руками по колѣнямъ и
съ огорченіемъ воскликнулъ:

— Ой, зачѣмъ вы ее знаете, ваше сіятельство? Ее
лучше не знать! Ну, если мы оба ее знаемъ, то я
уже не буду разсказывать вамъ о моей семьѣ. Они
порядочные люди и честные люди, а нѣкоторые даже
образованные и богатые, но они не мои... они
принадлежатъ самимъ себѣ, всему свѣту, но не
мнѣ...

У него было нѣсколько дочерей, изъ которыхъ
только одна никогда не переставала принадлежать
ему. Она любила его и заботилась о немъ, была
свѣтомъ и утѣшеніемъ для его глазъ; но онъ уже
давно не видѣлъ ея и никогда больше не увидитъ.
Ее постигли неудачи и несчастья въ торговлѣ. Она
уѣхала съ мужемъ и дѣтьми въ Америку, чтобы
искать лучшей судьбы. Онъ иногда получаетъ письма
отъ нея, но что значатъ письма? Онъ никогда боль-
ше не увидитъ ея, и это такое горе, которое можно
перенести спокойно только потому, что оно исхо-
дитъ изъ Божьихъ рукъ. Что же дѣлать?

На его сѣрыхъ, мутныхъ глазахъ, которые были
когда-то, по словамъ графа, голубыми, какъ бирю-
за, заблестѣли подъ красными вѣками слезы. Но

скорѣ онъ овладѣлъ своимъ волненіемъ и, благодаря графа за его участливые вопросы, несмѣло спросилъ:

— Не разгнѣвайтесь, ваше сіятельство, если я прошу о вашей сестрѣ, о той графинѣ, которая когда-то меня, бѣднаго еврейчика, рисовала на картинѣ. Ахъ, какая это была прекрасная барышня! Я помню ее. Какъ мнѣ ее не помнить, если я никогда въ жизни не видѣлъ больше такой прекрасной барышни? Это былъ ангелъ! Она была такая красивая, и такая добрая, и такая тихая и нѣжная, какъ ангелъ! Я помню, что вы, ваше сіятельство, были съ ней въ большой дружбѣ. Какъ мнѣ этого не помнить, если я потомъ никогда больше не видѣлъ такой дружбы! Жива ли она? Гдѣ она живетъ? Что дѣлаетъ? Какъ ей живется?

Графъ помолчалъ, а потомъ, устремивъ взглядъ въ землю, отвѣтилъ:

— У меня были три сестры, но съ той, о которой ты говоришь, мы больше всего любили другъ друга. Она жива и ей хорошо живется, но я давно не видѣлъ ея и, можетъ быть, больше никогда не увижу. Она вышла за англичанина и живетъ въ Англіи; она никогда не пріѣзжаетъ сюда, а меня скоро ждетъ самая большая дорога, и мнѣ трудно уже пускаться даже въ недалекій путь... Она для меня умерла, хоть она и жива... Что же дѣлать?...

Еврей внимательно слушалъ и печально качалъ головой.

— У вашего сіятельства такое же горе, какъ и у меня. И вы сказали вѣрно: она умерла, хоть и жива. Я то же самое думаю о своей Малкѣ. Я думаю, что люди умираютъ разно: одни отъ болѣзней, дру-

гіе уѣзжая, третьи измѣняясь, четвертые... Но зачѣмъ я все это говорю вашему сіятельству, если вы и сами это знаете...

Онъ махнулъ рукой и замолчалъ, а графъ, не поднимая глазъ, коротко отвѣтилъ:

— Знаю...

Оба они умолкли, а часы, не переставая, повторяли: „такъ“, „такъ“, „такъ - то - такъ“, „такъ - то - такъ“, „такъ - такъ“; внезапно на всю комнату раздался звукъ, заглушающій тиканье часовъ: „ку - ку - ку - ку“!..

Графъ всталъ и, подойдя къ часамъ, остановился возлѣ нихъ.

Онъ разстегнулъ пальто, потому что ему стало жарко въ душной комнатѣ, и снова одѣлъ свои очки въ золотой оправѣ.

Онъ поднялъ голову и долго смотрѣлъ черезъ очки на старинные часы и, наконецъ, сказалъ:

— А сколько ты хочешь за эти часы?

Еврей, сидѣвшій у стола, поднялъ голову, усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Сколько я за нихъ хочу? я за нихъ ничего не хочу.

— Какъ такъ? вѣдь ты же торгуешь часами?

— Вы говорите правду, ваше сіятельство. Я торгую часами, но эти часы не для продажи.

Графъ съ удивленіемъ оглянулся на него.

— Почему? Это предметъ, имѣющій значительную цѣнность. Я самъ охотно купилъ бы ихъ.

Еврей утвердительно кивнулъ головой.

— Я знаю, что это дорогіе часы и что я могъ бы взять за нихъ хорошія деньги, только я ихъ не продамъ. Развѣ вы слышали когда-нибудь, ваше сіятельство, чтобы другъ продавалъ своего друга?

Графъ смотрѣлъ на говорящаго, остолбенѣвъ отъ изумленія.

— Можетъ ли это быть? — воскликнулъ онъ, — вы вѣдь не богачъ и притомъ еврей, а евреи цѣнятъ только деньги.

Еврей тихо отвѣтилъ:

— Вы ошибаетесь, ваше сіятельство.

Графъ засмѣялся и спросилъ:

— Въ чемъ же я ошибаюсь? Что ты такъ высоко цѣнишь въ этихъ часахъ, что не хочешь ихъ продать? Вѣдь у тебя ихъ такъ много! Почему же эти для тебя такъ важны или дороги?

Онъ былъ такъ заинтересованъ и удивленъ, что снова сѣлъ передъ столомъ въ кресло съ продавленнымъ сидѣньемъ и сломанными ручками.

Еврей началъ медленно разсказывать:

— Если вы, ваше сіятельство, захотите послушать мою болтовню, то я все разскажу. Скоро уже исполнится сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я пріобрѣлъ эти часы. Я купилъ ихъ дешево и купилъ для того, чтобы продать дороже! Тогда мой Моше— онъ уже давно теперь купецъ и ведетъ большую торговлю хлѣбомъ — былъ маленькимъ мальчикомъ, и ходилъ еще въ хедеръ; у меня тогда не было сыновей, кромѣ него, и я очень боялся, что Богъ не дастъ мнѣ ихъ больше и очень любилъ его. Ахъ, какой это былъ ребенокъ, этотъ мой Моше! Если бы вы, ваше сіятельство, знали его, то сами удивлялись бы, что такой ребенокъ можетъ быть на свѣтѣ. А когда я купилъ эти часы, то въ тотъ же самый день мой Моше вернулся изъ хедера такой больной, такой печальный и такой худой, что мнѣ стало страшно, чтобы онъ не захворалъ и чтобы Богъ не взялъ у меня моего единственнаго сына.

Пришелъ мой Моше изъ хедера, сѣлъ въ углу, ѣсть не хочетъ, смотритъ въ землю и говоритъ, что у него очень болитъ голова и что онъ въ хедерѣ очень усталъ, что меламедъ очень строгій и что онъ больше не хочетъ жить на свѣтѣ. Ай, ай, чтобы такой ребенокъ не хотѣлъ жить! Это удивительно, это страшно и это большой грѣхъ! Когда онъ сказалъ это, я схватился за голову и его мать схватилась за голову, а его сестры начали плакать оттого, что Моше не хочетъ жить, и что мы сидимъ, держась за головы и раскачиваясь отъ великаго горя. Тутъ вдругъ эти часы закуковали. Это было десять часовъ, такъ что они долго куковали, — цѣлыхъ десять разъ. Съ первымъ разомъ Моше поднялъ голову и удивился, съ другимъ онъ уже не смотрѣлъ въ землю, а смотрѣлъ на нихъ, за третьимъ разомъ глаза у него засвѣтились, и онъ крикнулъ: „Ай, ай! тате, что это? откуда ты это взялъ?“ и онъ началъ такъ смѣяться, глядя на часы, какъ, напримѣръ, смѣется человѣкъ, котораго долго держали въ темнотѣ, когда увидитъ солнце. Я былъ очень доволенъ, что онъ смѣется, вскочилъ на табуретку и надавилъ ту пружинку, которую знаете ваше сіятельство, а когда я ее надавилъ, то изъ часовъ выскочила птица и начала хлопать крыльями и куковать еще громче. Ну, когда онъ увидѣлъ эту птицу, мой Моше, то онъ уже совсѣмъ выскочилъ изъ угла, схватилъ старшую сестру обѣими руками и началъ съ нею танцовать возлѣ часовъ, а видя, какъ онъ танцуетъ съ старшей сестрой, двѣ младшія, такія маленькія, что едва ихъ видать было отъ земли, схватились за руки и также начали танцовать. Они не только танцовали, но отъ радости, что увидѣли такую красивую птицу, смѣялись на всю ком

нату, а когда они смѣялись, то и мать ихъ, которая готовила обѣдъ возлѣ печи, тоже начала смѣяться. Я не слѣзалъ съ табуретки и смотрѣлъ, какъ они всѣ танцовали и смѣялись. Птица куковала, и я, стоя возлѣ часовъ на табуреткѣ, мысленно благодарилъ Бога, что Моше уже не боленъ и уже хочетъ жить, и что въ моемъ домѣ такая великая печаль превратилась въ такую великую радость.

Это, должно быть, была дѣйствительно великая радость, потому что и теперь спустя сорокъ лѣтъ, отблескъ ея освѣтилъ глубокія морщины на этомъ лицѣ, и эхо ея отозвалось въ его тихомъ и протяжномъ смѣхѣ. Онъ повеселѣлъ, глаза его заблестѣли, и онъ продолжалъ:

— Ну, развѣ я могъ тогда продать эти часы, если мнѣ Богъ черезъ нихъ послалъ такую радость? Я немного боялся продавать ихъ, чтобы не отвратить отъ себя этого счастья и мнѣ было немного жаль дѣтей, для которыхъ эта птица, которая пѣла въ часахъ, была такой забавой и такой радостью, что когда она начинала куковать, то они сейчасъ же начинали танцовать . . . Покупатели на нихъ находились, но я все думалъ себѣ: пусть это будетъ попозже! пусть они еще немного побудутъ у насъ! Но тутъ Богъ послалъ мнѣ тяжкую болѣзнь . . .

Онъ глубоко вздохнулъ, поднялъ глаза къ потолку и продолжалъ:

— Когда Богъ послалъ на меня эту болѣзнь, то я почти цѣлый мѣсяцъ не спалъ. Знаете ли вы, ваше сіятельство, что это значитъ, когда человѣкъ, имѣющій въ своемъ тѣлѣ великую боль, а въ головѣ черныя мысли, лежитъ цѣлую ночь съ открытыми глазами и смотритъ въ темноту? Я видѣлъ

много разныхъ вещей въ той темнотѣ! не дай Богъ никогда видѣть ихъ доброму человѣку! Я видѣлъ предъ собою смерть и видѣлъ своихъ дѣтей, которыя останутся безъ меня въ нищетѣ; видѣлъ свои грѣхи, которыми я оскорбилъ Бога, и очень боялся того, что меня ждетъ за нихъ на томъ свѣтѣ!.. И когда я такъ лежалъ и смотрѣлъ на все это открытыми глазами, то какъ только бывало эта птица закукуетъ въ часахъ, сейчасъ же эти картины, которыя рисуются въ темнотѣ, смѣняются другими. Догадываетесь ли вы, ваше сіятельство, что я видѣлъ въ темнотѣ, когда эта птица куковала? Я видѣлъ тогда Струменицы и самого себя стоящимъ у забора во дворѣ и смотрящимъ на тотъ лѣсъ, который шелъ сейчасъ же за дворомъ ... Ахъ, какое чудное лѣто! Такой зеленый садъ, за которымъ виднѣется бѣлый домъ, а изъ сада долетаетъ такой пріятный запахъ ... Надъ домомъ, на такомъ высокъ деревѣ такая большая птица съ длиннымъ клювомъ стоитъ на такомъ большомъ гнѣздѣ и кормитъ своихъ дѣтей жабами, которыхъ приноситъ изъ луга, а въ томъ лѣсу, на который я смотрю, кукуетъ другая птица, совершенно также кукуетъ, какъ въ этихъ часахъ ... Я смотрѣлъ на эти картины, смѣялся имъ, какъ ребенокъ, когда ему показываютъ игрушку, и благодарилъ Бога за то, что онъ мнѣ далъ такую неживую вещь, которая въ темнотѣ рисуетъ предо мной такія свѣтлыя картины ...

Онъ умолкъ и довольно долго сидѣлъ, опершись руками о колѣни и свѣсивъ голову ...

Графъ, положивъ голову на руку, внимательно слушалъ его рѣчь; теперь онъ также молчалъ; надъ сѣдыми головами обоихъ слышалась неустанная му-

ыка времени, „такъ-такъ“, „это-такъ“, „это-такъ“, „это-такъ“.

Наконецъ, на фонѣ этого шума раздался сноза голосъ еврея, онъ сказалъ тихо, почти шопотомъ:

— Я вашему сіятельству могъ бы цѣлую недѣлю разсказывать разныя вещи объ этихъ часахъ и все-таки не разсказалъ бы всего. Но я разскажу еще одно. Пусть ваше сіятельство терпѣливо выслушаетъ это одно.

Онъ разсказалъ, что когда его любимая дочь, Малка, уѣзжала въ Америку, то онъ не провожалъ ее на вокзалъ, потому что чувствовалъ, что не удержится отъ слезъ и не хотѣлъ, чтобы люди жалѣли о его старыхъ глазахъ, которые должны такъ плакать. Поэтому дочь и ея дѣти попрощались съ нимъ здѣсь, въ этой самой комнатѣ, и ушли, а онъ какъ мертвый сидѣлъ въ углу, вотъ въ этомъ углу, и, схватившись обѣими руками за голову, качался и плакалъ, стоналъ и жаловался Богу на то, что Онъ послалъ ему такое большое несчастье. Но вдругъ онъ подумалъ о томъ, что сюда слышенъ тотъ свистъ, такой долгій и рѣзкій, съ которымъ отходятъ поѣзда, и ему страшно захотѣлось услышать этотъ свистъ. „Я хочу услышать этотъ свистъ! — думалъ я, — хочу знать, когда моя Малка и ея дѣти уѣдутъ отсюда... когда они совсѣмъ пропадутъ для меня...“ Онъ зналъ точно, въ которомъ часу и въ какую минуту раздается обыкновенно этотъ свистъ, сидя въ углу и охвативъ голову руками, онъ началъ смотрѣть на часы ... на эти часы съ птицей. Смотрѣлъ и думалъ: черезъ четверть часа, черезъ десять минутъ, черезъ пять, черезъ три минуты ... Наконецъ, раздался свистъ и такой рѣзкій, что поразилъ его серд-

це: его Малки уже нѣтъ здѣсь!.. уже она умерла для него, хоть и жива...

— Повѣрите ли, ваше сіятельство: я помню, что тогда было двадцать три минуты десятаго...

Графъ задумчиво всталъ.

— Мой Берко! — сказалъ онъ, — я хорошо понимаю, почему ты не хочешь продать эти часы: ты на нихъ такъ же читаешь свое прошлое, какъ я на своихъ....

Еврей закивалъ головой съ явнымъ удовольствіемъ.

— Вы сказали правду, ваше сіятельство: вы читаете прошлое на своихъ часахъ такъ же, какъ я на своихъ. У каждаго свое прошлое...

Теперь они стояли другъ противъ друга. Имъ нужно было разстаться, но они оттягивали минуту прощанья, чувствуя присутствіе невидимаго кузнеца, который неожиданно для нихъ обоихъ ковалъ звенья, соединявшія ихъ, а надъ ихъ сгорбленными, безсильными фигурами волна времени плыла съ неустаннымъ стукомъ, „такъ-такъ“, „это-такъ“, „это-такъ“, „это-такъ“.

Графъ снова сѣлъ и даже такъ облокотился въ креслѣ, какъ будто бы готовился къ длинному разговору, а изъ моря звуковъ, наполнявшихъ комнату, выдѣлился басовый, очень чистый голосъ и началъ бить: разъ, два, три! За четвертымъ ударомъ къ нему присоединился, какъ будто мальчикъ къ взрослому, тоненькій дискантъ и выкрикнулъ: разъ, два... За третьимъ ударомъ къ нему присоединились другіе голоса, къ которымъ сейчасъ же пришло на помощь еще нѣсколько: цѣлый хоръ согласно ударилъ нѣсколько разъ, потомъ снова превратился въ три и въ два голоса, которые кончили бить одиннадцать.

* * *

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Была ранняя весна; стоялъ солнечный день. Старый Берко вышелъ изъ комнаты, наполненной вѣчнымъ тиканьемъ часовъ, и сталъ у дверей на ступенькахъ, которыя вели на тротуаръ. Солнечный свѣтъ заливалъ крыльцо, и на его золотомъ фонѣ выдѣлялась невысокая, слабая, слегка сгорбленная фигура, въ длинномъ потертомъ сюртукѣ, въ поношенной фуражкѣ съ кривымъ козырькомъ. Изъ-подъ козырька выглядывало, также облитое солнечнымъ свѣтомъ, круглое увядшее лицо, съ небольшимъ румянцемъ на сморщенныхъ щекахъ, въ очкахъ, роговая оправа которыхъ пересѣкала черными линіями его носъ и виски и терялась за ушами въ сѣдыхъ волосахъ. Сѣдая борода блестѣла на груди старика, какъ серебристый кудель.

Онъ стоялъ, грѣясь на солнцѣ и радуясь свѣту, и смотрѣлъ черезъ большія стекла очковъ на узкую улицу, надъ которой сіяло голубое небо. Былъ полдень. Всюду царило оживленіе; съ ближайшихъ улицъ, болѣе людныхъ, чѣмъ эта, долеталъ хорошо извѣстный шумъ и грохотъ, въ которомъ ухо еврея начинало различать какіе-то менѣе обычные звуки. Это было басовое пѣніе, то стихавшее, то усиливавшееся, то снова плывущее ровными торжественными звуками.

Берко прислушивался, потомъ кивнулъ головой въ знакъ того, что онъ понялъ значеніе этого пѣнія: гдѣ-нибудь недалеко шла погребальная процесія, которая все приближалась. На узкой улицѣ началось такое движеніе, какое бываетъ обыкновенно, когда народъ сбѣгается посмотрѣть на интересное зрѣлище. По тротуару застучали поспѣшные шаги и зазвучалъ громкій говоръ.

Берко спокойно стоялъ на крыльцѣ, поднимавшемся надъ тротуаромъ, и смотрѣлъ въ ту сторону, откуда приближалось торжественное пѣніе. Разстояніе шаговъ въ двѣсти отдѣляло его отъ конца улицы, мимо котораго обыкновенно проходили погребальныя процессіи.

Вскорѣ потянулось похоронное шествіе. Изъ-за высокой стѣны каменнаго дома показалось сначала нѣсколько фигуръ въ бѣломъ, черный крестъ выдѣлился на фонѣ золотого воздуха, запестрѣли красныя и желтыя хоругви, зажженные фонари заблестѣли цѣпью желтыхъ, мертвыхъ, печальныхъ огней. Раздалось траурное пѣніе, которое соединилось съ медленнымъ и глухимъ грохотомъ колесъ. Показались траурныя вуали; на погребальномъ катафалкѣ, запряженномъ шестью лошадьми и окруженномъ людьми въ траурныхъ одеждахъ, стоялъ гробъ, богато украшенный серебромъ.

Потомъ за медленно удалявшимся хоромъ, хоругвями, фонарями и пышнымъ катафалкомъ показался длинный рядъ паръ, медленно выступающихъ въ глубокомъ траурѣ. Тяжелыя женскія платья, которыя волочились по уличной грязи, черныя вуали, спускающіяся отъ головы до пятъ, черный крепъ на блестящихъ мужскихъ шляпахъ, въ рукахъ молитвенники, въ переплетахъ, украшенныхъ слоновой костью и золотомъ ... Длинный рядъ такихъ паръ тянулся между пыльными тротуарами, на которыхъ толпились любопытные.

Это были однѣ изъ самыхъ пышныхъ и богатыхъ похоронъ, какія когда-либо происходили въ этомъ городѣ.

Берко спокойно смотрѣлъ черезъ большія стекла очковъ на процессію и только по временамъ за-

мчиво качалъ головой. Но когда нѣсколько фразъ, произнесенныхъ въ толпѣ, поразили его слухъ, онъ дрожалъ, выпрямился и началъ спрашивать, самъ не зная, кого:

— Васъ, васъ? веръ? Кто такой? графъ! Какой графъ? Что это такое ... Кто это умеръ? чьи это похороны?

Съ этими вопросами, которые срывались съ его побѣлѣвшихъ губъ, онъ очутился на тротуарѣ и преградилъ путь какому-то прохожему.

— Ну, что? Не задерживай меня, еврей! Чьи это похороны? Графа Струменицкаго похороны! Ну, такъ что же? Чего ты держишь меня за полу? Какого Струменицкаго? Отца ... отца ... стараго графа Ксаверія? Пусти меня, — я спѣшу ...

Берко выпустилъ полу прохожаго, откинулъ голову и, смотря на голубую полосу неба, говорилъ, почти крича:

— Онъ умеръ? Графъ Ксаверій умеръ? Какъ это можетъ быть? Почему онъ умеръ ... Онъ былъ совсѣмъ здоровъ, когда онъ приходилъ ко мнѣ! Онъ былъ когда-то такой молодой, такой красивый, такой веселый, а теперь умеръ? Откуда это взялось, что онъ умеръ?

Прохожіе, спѣшившіе поглядѣть на пышныя похороны, толкали его и съ удивленіемъ смотрѣли на старика съ трясущейся серебряной бородой, который, глядя сквозь большіе очки въ самое небо, стоналъ и задавалъ вопросы. Онъ спрашивалъ неизвѣстно кого и неизвѣстно о чемъ. Кто-то, быстро проходя, оттолкнулъ его къ самой стѣнѣ дома; нѣсколько еврейскихъ мальчиковъ, проходя, закричали: зей, зей, а мешигенеръ! Но все это длилось недолго, потому что старый еврей, какъ бы влекомый какой-

то непреодолимой силой, началъ бѣжать, какъ тольк
могъ, въ ту сторону, куда потянулось погребальное
шествіе. Подхвативъ руками полы своей длинной
одежды, онъ бѣжалъ съ тротуара на тротуаръ, с
улицы на улицу, сгорбившись, вытянувъ свою жи
листую шею, съ трясущейся сѣдой головой. Онъ
страшно спѣшилъ. Онъ не думалъ ни о чемъ, и хо
тѣлъ только догнать погребальное шествіе; онъ не
чувствовалъ ничего, кромѣ этого желанія.

Шествіе подвигалось медленно: догнать его было
нетрудно. Берко вскорѣ догналъ его послѣдніе ря
ды, но этимъ онъ не удовольствовался. Онъ все
бѣжалъ, ловко лавируя среди толпы, а тамъ, гдѣ
она была очень густа, онъ даже работалъ локтями
и, наконецъ, очутился рядомъ съ мужчинами и да-
мами, идущими попарно за гробомъ.

За гробомъ шли близкіе и дальніе родственники
умершаго, друзья дома, близкіе знакомые, старые и
молодые, высокіе и низкіе, красивые и некрасивые,
но всѣ изящные, въ глубокомъ траурѣ, съ печаль-
ными и торжественными лицами. Тяжелыя платья
женщинъ волочились по грязи улицы, длинныя вуали
достигали земли, на блестящихъ шляпахъ мужчинъ
виднѣлся черный крепъ, въ рукахъ, набожно сложен-
ныхъ, блестѣли золотомъ молитвенники. За ними
тянулся рядъ каретъ, а по мостовой въ отдаленіи
шелъ простой народъ.

По обѣимъ сторонамъ катафалка, покрытаго кре-
помъ, и ряда одѣтыхъ въ трауръ паръ, тянулись
пустые тротуары, облитые солнечнымъ свѣтомъ. Бер-
ко убавилъ шагу и началъ идти по одному изъ тро-
туаровъ, рядомъ съ вереницей мужчинъ и дамъ. Они
шли ровно и торжественно; онъ сѣменилъ ногами
и иногда спотыкался о камни. На фонѣ ихъ чер-

ныхъ одеждъ, его потертая одежда казалась тряпкой, выброшенной въ помойную яму. На его старой шапкѣ не было креповой повязки, а изъ-подъ кривого козырька виднѣлась черная линія очковъ пересѣкающихъ сморщенную кожу лба и висковъ стараго еврея. Онъ казался каплей, которая брызнула изъ сѣрой массы, шедшей въ отдаленіи и упала здѣсь возлѣ гроба, украшеннаго серебромъ, возлѣ изящныхъ и тяжелыхъ траурныхъ платьевъ.

Но онъ все-таки шелъ. Можетъ быть, на него обращали вниманіе и удивлялись, зачѣмъ онъ идетъ и откуда онъ взялся, но онъ все-таки шелъ. Надъ всей церемоніей въ ясномъ воздухѣ возвышалась темная линія креста, и раздавалось торжественное костельное пѣніе; онъ все шелъ ... Вскорѣ онъ самъ началъ думать:

— Ну, откуда я здѣсь взялся? чего я бѣжалъ, какъ сумасшедшій? зачѣмъ я иду?

И, однако, шелъ. Пока онъ бѣжалъ и протискивался сквозь толпу, онъ ни о чемъ не думалъ, влекомый чувствомъ, которое было инстинктивной, неясной, но непреодолимой силой. Теперь онъ началъ удивляться самому себѣ и тому, за гробомъ котораго онъ, спотыкаясь о камни, плелся рядомъ съ его родными и близкими друзьями.

— Но почему онъ тогда сидѣлъ у меня нѣсколько часовъ почти цѣлую ночь? Почему онъ разговаривалъ со мной, какъ съ братомъ? Почему я летѣлъ за этимъ катафалкомъ, когда узналъ, что это онъ ѣдетъ на немъ? Почему я теперь иду за нимъ? ..

Онъ думалъ такъ, удивлялся все больше и больше и себѣ, и ему, и, однако, шелъ.

За городомъ стало просторно, свѣтло, чисто и

свѣжо. Поля съ зелеными посѣвами разстилались по обѣимъ сторонамъ, молодыя березы засеребрились своей бѣлой корой и зашумѣли каскадами своихъ молодыхъ листьевъ; легкій вѣтерокъ рѣялъ въ золотомъ воздухѣ, разнося благоуханіе травъ, поднимающихся изъ земли, рѣка блеснула такимъ горячимъ синимъ цвѣтомъ, что изъ-за зеленыхъ холмовъ казалась упавшимъ кускомъ неба.

Берко уже очень давно не выходилъ изъ города, а теперь, какъ только онъ вышелъ въ поле, на него повѣяло Струменицей. Вѣтеръ, березы, лучи, разсѣянные въ воздухѣ, шептали ему въ уши: Струменица! Струменица! Онъ стоитъ у забора и смотритъ на такія же самыя березы, на такой же самый кусокъ голубой воды и слушаетъ, какъ птица кукуетъ въ лѣсу ...

Онъ устремилъ глаза на гробъ, украшенный серебромъ.

— Это было начало ... мое и твое...

Черезъ ворота, открытыя настежь, процессія вошла на кладбище и пошла среди могилъ, усѣянныхъ фіалками, по лѣсу могилъ и крестовъ. Тогда Берко, охваченный тревогой, остановился, а когда волна людей прошла, остался одинъ. Кладбище поросло множествомъ деревьевъ; старый еврей стоялъ среди березъ съ опущенной головой, съ растопыренными пальцами на повисшихъ рукахъ, думая и даже шепча вполголоса:

— Ну, чего я сюда пришелъ? Откуда я здѣсь взялся? Зачѣмъ я сюда влѣзъ?

Но онъ не уходилъ и чувствовалъ, что между нимъ и опущеннымъ въ землю гробомъ невидимый кузнецъ куетъ невидимыя звенья.

Въ противоположномъ концѣ кладбища, гдѣ про-

цессія остановилась, раздавалось торжественное пѣніе и свѣтился новый крестъ надъ высокимъ надгробнымъ холмомъ.

Старый еврей, низко понуря голову, долго бродилъ средь кладбищенскихъ березъ и все разговаривалъ съ самимъ собой. Ворота были еще раскрыты, но Берко не думалъ о томъ, что надо уходить. Онъ даже присѣлъ въ тѣни березъ отдохнуть.

Подъ плакучими березами, покрытыми множествомъ мелкихъ листочковъ, среди бѣлыхъ пней, надъ могилой, осыпанной фіалками, сѣрѣла неподвижная фигура сидѣвшаго на землѣ стараго часовщика въ измятой фуражкѣ, въ очкахъ, оправленныхъ рогомъ и съ ворохомъ серебристой кудели на груди.

Кладбище было расположено надъ рѣкой, за которой виднѣлись зеленыя поля и желтые пески. Берко вытянулъ шею и сталъ пристально вглядываться въ сторону песковъ.

— Что это?.. ворчалъ онъ себѣ въ бороду, — что это значитъ?.. Вотъ оно гдѣ!.. А я и не зналъ, что отсюда его видать.

На желтыхъ пескахъ высилась площадь, обведенная низкой каменной оградой и испещренная бѣлыми, неровно торчащими каменными плитами. Тамъ не было ни памятниковъ, ни деревьевъ; не видно было ничего, кромѣ множества каменныхъ плитъ, разрозненныхъ, торчащихъ на желтой поверхности песка и облитыхъ красными горячими лучами солнца. То было еврейское кладбище.

Берко, оперевъ локоть о колѣно и прильнувъ лицомъ къ ладони лѣвой руки, покачивался взадъ и впередъ, мысленно вторя этими движеніями ударамъ

молота того невидимаго кузнеца, который продолжалъ ковку звеньевъ.

— Вотъ твой и мой конецъ, — шепталъ старикъ.

Долго еще сидѣлъ онъ надъ могилой, осыпанной фіалками, окруженный зеленью, вслушиваясь порою въ щебетанье птицъ.

Общее высокое, широкое небо соединило общимъ тѣснымъ и крѣпкимъ звеномъ два кладбища, — одно, украшенное деревьями, крестами и памятниками, и другое, желтое, песчаное и покрытое торчащими каменными плитами.

Конецъ.

Одна сотая.

I.

Итакъ, докторъ, вы обѣщаете мнѣ только нѣсколько недѣль или даже нѣсколько дней жизни. Хорошо . . . Я благодарю васъ за искренность, о которой я просилъ васъ по важнымъ причинамъ, и не удивляюсь, и не печалюсь. Я пилъ жизнь двойными глотками, и поэтому выпилъ ее въ два раза скорѣе, чѣмъ другіе; она текла шумнымъ и бурнымъ потокомъ, неудивительно поэтому, что уплыла такъ рано. Это очень просто. Я принимаю это такъ, какъ человѣкъ, не окончательно лишенный разсудка, долженъ принимать проявляющійся на немъ законъ природы. Впрочемъ, можетъ быть, я и не былъ бы такъ разсудителенъ, если бы мной овладѣло отчаяніе, т. е., если бы, лишаясь надежды на жизнь, я также лишался бы надежды на счастье или хотя бы на мимолетныя наслажденія. Но на что я — развалина и душой, и тѣломъ — могъ бы надѣяться въ будущемъ, если бы оно существовало для меня? На длинную вереницу безсонныхъ ночей, дней, полныхъ отвращенія ко всему на свѣтѣ, страданій, бьющихъ по изнуреннымъ нервамъ? Ваша наука не обладаетъ средствами, нужными для того, чтобы вернуть мнѣ силы и здоровье, и поэтому смерть можетъ только освободить меня отъ мученій. Я спокоенъ . . . и даже болѣе: я чувствую себя пріятнѣе

и оживленнѣе, чѣмъ когда-либо за все послѣднее время.

Наконецъ-то я встрѣчаюсь съ чѣмъ-то новымъ, неизвѣстнымъ; смотрю въ глаза чему-то интересному и величественному. Что чувствуетъ и думаетъ умирающій человѣкъ? Дѣйствительно ли въ тотъ моментъ, когда вы, докторъ, скажете обо мнѣ: онъ мертвъ! — я перестану чувствовать и думать всѣми самыми мелкими атомами моего тѣла? А, можетъ быть, во мнѣ еще довольно долго будетъ продолжаться нѣкоторое частичное движеніе, смутно отражающее въ себѣ внѣшніе звуки и доносящее до моего мозга неясныя, смутныя, можетъ быть, прекрасныя, а, можетъ быть, мучительныя видѣнія, воспоминанія, мечты? Я очень хотѣлъ бы знать это; но я знаю, что и эти послѣдніе отзвуки и призраки жизни, — если только они существуютъ, — будутъ слабѣть, отдаляться, стихать, исчезать . . . а что же потомъ?

Ваши губы готовятся произнести слова: не знаю! и я повторяю ихъ за вами. Несмотря на всѣ свои безумства, у меня всегда хватало разсудка на то, чтобы своимъ ничтожнымъ и празднымъ разумомъ не разрѣзать того узла, развязать который еще не удалось никому! Я не говорилъ ни да, ни нѣтъ, ни что жизнь будетъ продолжаться, ни что она уничтожится.

Я не знаю, но именно эта неизвѣстность и дѣлаетъ это состояніе безконечно интереснымъ. Какой это имѣетъ видъ? Что тамъ на днѣ? Кто изъ тѣхъ, которые здѣсь утверждаютъ и пишутъ, правъ, а кто ошибается? Ни одна частица матеріи не погибаетъ: это уже, кажется, вѣрно. Я слышалъ о какой-то теоріи, которая утверждаетъ, что каждый изъ ато-

ковъ обладаетъ своей особенной сознательной жизнью, т. е. мыслью и чувствомъ, хотя бы въ зачаточной формѣ. Разсѣюсь ли я на столько обособленныхъ существованій, т. е. мыслей и чувствъ, сколько въ тѣлѣ моемъ атомовъ?

Я читалъ въ какой-то книжкѣ предположеніе, что, можетъ быть, частицы матеріи, отдѣлившіяся отъ разложившагося тѣла Елены, прекрасной жены Менелая, находятся теперь въ шерсти бѣлаго медвѣдя, обитателя сѣверныхъ льдовъ, и, по крайней мѣрѣ, одну изъ частицъ, составлявшихъ мозгъ Сократа, я могъ бы найти, если бы умѣлъ искать, — въ ткани моего халата. Куда бы я хотѣлъ послать мои атомы? Къ какому цѣлому присоединить ихъ? Съ чѣмъ слиться черезъ нихъ? Въ чемъ принять участіе черезъ ихъ посредство?

Ха, ха, ха! какъ умно и коварно блеснули ваши глаза, докторъ! Вы, навѣрное, подумали, что, мечтая о метампсихозѣ, я вижу передъ собой „прозрачную ткань, которая обвиваетъ ея грудь“, т. е. грудь прекрасной женщины, губы, прильнувшія къ краю бокала, пять пальцевъ, сжимающихъ колоду картъ и т. д., и т. д. Знаю, знаю! Я навѣрное могъ бы лучше васъ перечислить все это, если бы хотѣлъ. Но я не хочу . . . не хочу!

Toujours des perdrix! [1] Смертельная скука. Передъ моими глазами виднѣется что-то совсѣмъ другое . . . что-то такое, что я и теперь уже вижу смутно и издали. Горящій костеръ, а на верхушкѣ его человѣкъ стоитъ среди клубовъ дыма, какъ непоколебимый столбъ вѣры, какъ статуя восторга . . . Два окна городского каменнаго дома, высоко надъ

[1] Вѣчно куропатки!

улицей, освѣщенной газомъ и полной шума экипажей, отъѣзжающихъ отъ театра, блестятъ одинокой лампой ... Старая женщина, въ ситцевомъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ на головѣ, пробирается черезъ лѣсной папоротникъ съ корзинкой грибовъ въ одной рукѣ и съ букетомъ вереска и иммортелей въ другой. Голубые глаза мужика, не какого-нибудь необыкновеннаго, но самаго простого мужика, глядящіе на меня изъ-подъ жесткихъ густыхъ волосъ съ такой благодарностью ... благодарностью ... Ахъ! и за что была эта благодарность? Но это было и есть такое воспоминаніе, что ... О, докторъ! почему у меня нѣтъ больше такихъ воспоминаній? Зачѣмъ я такъ глупо, такъ низко погубилъ свою жизнь? Зачѣмъ я долженъ умирать и не могу уже ничего измѣнить, исправить, передѣлать? Грустно ... Ненадолго хватило мнѣ моего разсудка! Захватило духъ ... Морфію!.. Чортъ возьми — какая невыносимая боль и какъ мнѣ грустно! — Морфію, докторъ!..

II.

Когда я проснулся сегодня утромъ послѣ мучительнаго двухчасового сна, то на меня напалъ безумный смѣхъ при воспоминаніи о томъ, какимъ удивленіемъ наполнила васъ, докторъ, моя болтовня. Мнѣ уже давно кажется смѣшнымъ всякій, кто удивляется. Когда-то я въ самомъ себѣ чувствовалъ совершенно неожиданныя и необъяснимыя вещи, и, однако, долженъ былъ знать, что онѣ истинны. Это напоминало мнѣ гдѣ-то слышанную или вычитанную мысль, что вы, ученые, похожи на людей, которые поднимаютъ и разсматриваютъ мелкіе камешки на

ерегу моря, тогда какъ все неизмѣримое дно мор-
ское остается для васъ невѣдомой и недоступной
йной. Принимая въ соображеніе такое состояніе
шего знанія, какъ можете вы удивляться явле-
ямъ, встрѣчающимся въ первый разъ? Вы смѣшны
ъ этимъ удивленіемъ, потому что вы, наоборотъ,
олжны каждую минуту и на каждом ъшагу ожидать
стрѣчи съ новой, еще неизвѣстной вамъ формой
ущности, перемѣной въ вещахъ, появляющихся изъ
ой пропасти, надъ краемъ которой вы собираете
вои камешки. Вы удивлялись вчера, что я, такой
звѣстный любитель жизни, такъ спокойно перенесъ
звѣстіе о близкой смерти; что такой свѣтскій, пу-
той человѣкъ и вѣтрогонъ проявилъ желаніе по-
ять смерть и вѣчность. Нѣсколько неясныхъ ви-
дѣній, которыя смутно возникли въ моей памяти,
вы приняли просто за болѣзненный и безсознатель-
ный бредъ. Однако, вы сами отлично знаете, что
болѣзнь моя не принадлежитъ къ числу тѣхъ, кото-
рыя лишаютъ сознанія. Я, къ счастью, избѣжалъ раз-
мягченія мозга, у меня не бываетъ также и жара.
Почему же вы удивились и приняли мои воспоми-
нанія за бредъ? Лучше послушайте объ интерес-
ныхъ вещахъ, — по крайней мѣрѣ, во мнѣ возбу-
ждающихъ интересъ.

Что? снова докторскій и дружескій совѣтъ, что-
бы я не ухудшалъ своего состоянія излишними раз-
говорами или, чего Боже сохрани, волненіями? И за-
чѣмъ, докторъ, такъ безплодно употреблять такой
великій даръ природы, какъ человѣческій языкъ?
Вѣдь вы хорошо знаете, что всю свою жизнь, прав-
да, недолгую жизнь, я дѣлалъ все, къ чему чувство-
валъ не охоту даже, а лишь самое легкое желаніе,
и что именно поэтому моя жизнь будетъ короткой.

Могъ ли бы я, даже если бы хотѣлъ, въ самомъ концѣ измѣнить тонъ и окраску своей природы или привычекъ? Но я совершенно не хочу этого! . . зачѣмъ? Вы говорите, что я буду больше страдать благодаря этому? Но отъ этого я потерялъ больше чѣмъ половину жизни! Неужели я теперь сталъ бы сдерживаться и умѣрять себя, чтобы уменьшить наполовину мои страданія? Когда они придутъ, я буду стонать и даже кричать . . . вы усмирите ихъ морфіемъ — вотъ и все. А теперь, когда они оставили меня, можетъ быть, на цѣлый часъ, я буду говорить, потому что я хочу, потому что мнѣ такъ нравится.

Это даже удивительно, какое я чувствую огромное влеченіе къ разговорамъ! Натуралисты утверждаютъ, что изъ всѣхъ существъ самое болтливое человѣкъ и навѣрное по слѣдующей причинѣ: такъ какъ онъ знаетъ, что скоро долженъ будетъ навсегда закрыть ротъ, то и стремится наговориться досыта. Сократъ, передъ тѣмъ какъ выпить ядъ, велъ очень длинный разговоръ со своими учениками. Тразей разговаривалъ съ Деметріемъ . . .

Ха, ха, ха! Вы снова удивляетесь, что я знаю и вспоминаю о Сенекѣ, Тразеѣ и т. д. Мой дорогой, хотя я и не надъ книгами проводилъ ночи, но все же я былъ человѣкомъ, принадлежавшимъ къ такъ называемому просвѣщенному классу; въ первой молодости о моемъ воспитаніи заботились дорогіе учителя, какъ напримѣръ, l'abbé Rivière изъ Парижа и sir Wight изъ Лондона, а потомъ я также встрѣчался съ книжками. Впрочемъ, знанія мои такъ малы, что не наполнили бы даже вашего глаза, когда вы широко открываете его, удивляясь тому, что я обладаю даже и такими. Итакъ, греческіе

илософы разговаривали передъ смертью со своими еениками, римскіе осужденные — со стоиками, а отомъ многочисленныя поколѣнія христіанъ шепли свои послѣднія признанія на ухо людямъ въ танахъ и стихаряхъ. Теперь времена стали болѣе розаичны. Возлѣ меня нѣтъ ни плаща и бороды оика, ни живописнаго одѣянія священника. Для таихъ, какъ я, мѣсто всего этого занимаютъ такіе оди, какъ вы, докторъ. Можетъ быть, это нагоняетъ на васъ скуку, но это также приноситъ вамъ есть. Впрочемъ, вы навѣрное не соскучитесь, поому что, какъ истинный ученый, вы должны интесоваться всѣми явленіями міра, а проникнуть въ душу человѣка такого сорта, какъ я, хотя и легко на видъ, но въ сущности очень трудно, въ чемъ вы убѣдитесь, когда я примусь за продолженіе моей болтовни подкрѣпленный этимъ бульономъ, приготовленнымъ по вашему рецепту . . .

III.

Какимъ я казался свѣту и какимъ въ 99 случаяхъ моей внутренней и внѣшней жизни дѣйствительно былъ, объ этомъ я не буду долго разсказывать вамъ, потому что кто же въ нашей странѣ и даже въ нѣсколькихъ странахъ Европы не слыхалъ о безумномъ молодомъ милліонерѣ, который въ теченіе десяти лѣтъ, въ теченіе одного только третьяго десятка лѣтъ своей жизни, сумѣлъ прожечь и свои милліоны, и свою жизнь? Исторіи, подобныя моей, тысячами возникаютъ и исчезаютъ, закипаютъ и остываютъ на улицахъ всѣхъ столицъ міра и тысячи людей разсказываютъ, критикуютъ и описываютъ ихъ.

Подобныя зрѣлища повторяются на сценѣ жизни

съ тѣхъ давнихъ временъ, когда библейскій мудрец предостерегалъ молодыхъ людей отъ винной пѣни и запаха женскихъ волосъ. Впрочемъ, такихъ лю дей, которые, какъ они могутъ, ловятъ наслажденіе въ его разнообразныхъ формахъ, полно не только на той общественной ступени, которая была моей но и на всѣхъ другихъ. Я смѣло могу сказать, что имя мое легіонъ и не стану распространяться о причинахъ, создающихъ такое заурядное явленіе, такъ какъ онѣ общеизвѣстны. Унаслѣдованные отъ предковъ гордость и своеволіе, слишкомъ скудная умственная жизнь, лѣность, являющаяся слѣдствіемъ привилегіи ничего не дѣлать, страсти, возвышаемыя, раздражаемыя и умножаемыя легкостью ихъ удовлетворенія, милліонъ капризовъ, порождаемыхъ этими страстями, изъ которыхъ каждый превращается въ неотложную потребность и т. д., и т. д.

Моралистъ могъ бы почерпнуть отсюда содержаніе для длинной проповѣди о порокѣ, педагогъ — для разсужденія о воспитаніи, соціологъ — для размышленій о существующемъ раздѣленіи богатствъ. Я самъ могъ бы сказать кое-что о моихъ родителяхъ, которые, впрочемъ, нисколько не были хуже другихъ людей ихъ положенія и круга, и еще больше обо всякихъ домашнихъ, которые льстили мнѣ уже тогда, когда у меня еще слюни текли на подвязанную на шею салфетку, объ урокахъ l'abbé Rivière'a и sir Wight'a, надъ которыми я смѣялся еще тогда, когда меня считали необыкновеннымъ ребенкомъ. Но все это вещи ясныя, какъ день, и мнѣ даже не пристало критиковать нѣкоторыя изъ нихъ предъ смертью. Поэтому — passons!

Скажу только то, что на двадцать второмъ году отъ рожденія я принялъ въ свое полное распоряже-

ее милліонное состояніе и самого себя и, достигнувъ идцати трехъ лѣтъ, потерялъ три четверти наслѣдства, а черезъ нѣсколько недѣль долженъ потерять самого себя. Скажу также то, что нѣтъ на землѣ акого лакомства, котораго я не попробовалъ бы за ти одиннадцать лѣтъ, нѣтъ такого типа женской красоты, хотя одного экземпляра котораго я не держалъ бы въ своихъ объятіяхъ, нѣтъ такой достопримѣчательности, которой я не видѣлъ бы, нѣтъ такого интереснаго мѣста, котораго я не посѣтилъ бы въ погонѣ за новыми ощущеніями, нѣтъ такого удовольствія, наслажденія, приключенія, такого безумія и увлеченія, которыхъ я не коснулся бы хоть краемъ губъ. Все это именно и составляло девяносто девять сотыхъ моего существа и моей жизни, о которыхъ больше не скажу ни слова. И самъ я буду вспоминать и предоставлять на вашъ просвѣщенный судъ только ту одну сотую, крошечную одну сотую, которая была такъ непохожа на остальныя, какъ будто бы совсѣмъ не принадлежала мнѣ...

Но теперь я долженъ отдохнуть минутку. Велите опустить занавѣсъ у окна. Въ полусвѣтѣ скорѣе отдохнетъ мой мозгъ, въ которомъ я уже два раза почувствовалъ зловѣщія колики. Можетъ быть, вы опять дадите мнѣ немного морфію, докторъ? Я никогда такъ покорно не просилъ свою мамку дать мнѣ грудь, когда чувствовалъ голодъ въ своемъ младенческомъ тѣлѣ, какъ теперь прошу васъ дать мнѣ этотъ райскій наркотикъ! Наоборотъ, я отъ нетерпѣнія такъ царапалъ ея лицо, что она разъ чуть не лишилась одного глаза... Diable! когда вы такъ долго возитесь съ вашимъ докторскимъ инструментомъ, то я очень хотѣлъ бы сдѣлать и съ вами то же самое, только это неприлично...

IV.

Въ моей головѣ, когда-то такой гордой, веселой и, какъ говорятъ, красивой, а теперь такъ постарѣвшей и ставшей такой жалкой и несчастной, по временамъ обрывается нить мыслей, и я не знаю, съ чего я хотѣлъ начать... Но все равно! Пусть это будетъ тотъ случай, который произошелъ почти въ началѣ моего блестящаго и славнаго пути. Я говорю: случай, потому что вы должны знать, докторъ: моя одна сотая очень рѣдко давала мнѣ о себѣ знать безъ какого-нибудь внѣшняго повода. Конечно, это доказываетъ ея слабость. Но зато часто достаточно было самыхъ мелкихъ причинъ, чтобы она всплыла наверхъ, что свидѣтельствуетъ, съ другой стороны, о ея твердости и скрытой силѣ. Итакъ, вотъ случай, всплывшій теперь въ моей памяти.

Мнѣ еще не было 25-ти лѣтъ, и я уже три года жилъ за границей; всѣ мои сношенія съ родиной ограничивались тѣмъ, что управляющіе и арендаторы присылали мнѣ оттуда деньги. Большую часть этого времени я провелъ въ Вѣнѣ, такъ какъ, во-первыхъ, всегда чувствовалъ большую слабость къ этому городу, а, во-вторыхъ, былъ безумно влюбленъ въ одну жившую тамъ прекрасную итальянку. Это была женщина, равная мнѣ по общественному положенію, а, можетъ быть, даже, вслѣдствіе высокихъ чиновъ своего мужа дипломата, стоявшая нѣсколько выше меня; поэтому связь съ ней давала мнѣ много впечатлѣній, благодаря необычайнымъ препятствіямъ и опасностямъ. Конечно, это увеличило ея серьезность и продолжительность. У меня не было времени на то, чтобы пресытиться, такъ какъ его никогда не хватало на то, чтобы насладиться.

Я видѣлся съ ней рѣдко, и свиданія наши были коротки, а въ промежуткахъ я развлекался спортомъ, картами и обществомъ пріятелей, а иногда и пріятельницъ — такихъ... чему вовсе не мѣшала та любовь, такъ же какъ и онѣ ей. Все это было для меня еще довольно ново и очень забавляло меня. Мои прекрасныя лошади обращали на себя всеобщее вниманіе, у меня былъ отличный поваръ, остроумные пріятели, разнообразныя пріятельницы, короткія, но полныя наслажденія свиданія съ возлюбленной. Меня очень удивилъ бы тотъ, кто сказалъ бы мнѣ, что мнѣ чего-нибудь не хватаетъ для настоящаго счастья. Я былъ еще молодъ и переживалъ медовый мѣсяцъ пребыванія на своемъ новомъ поприщѣ. Въ глазахъ вашихъ, о педантъ, я читаю вопросъ, что же это было за поприще? Ахъ, сжальтесь, дайте ему названіе сами! Вѣдь вы знаете, чѣмъ я занимался! Я говорю только о моемъ тогдашнемъ полномъ довольствѣ, которое, однако, неожиданно омрачилось, хотя, впрочемъ, на короткое время.

Это было такъ: однажды вечеромъ я вышелъ изъ одного изъ самыхъ большихъ театровъ столицы съ такимъ чувствомъ, какъ будто выходилъ изъ горячей ванны. Моя голова и грудь пылали. Играли пьесу Шекспира, котораго я всегда страстно любилъ и которому, ради впечатлѣнія, которое онъ на меня производилъ, я прощалъ даже то, что для меня было ужаснѣе отцеубійства: грубость. Я пошелъ въ театръ только съ цѣлью посмотрѣть на мою итальянку, царившую въ бенуарной ложѣ во всемъ блескѣ своихъ брилліантовъ и прекрасныхъ обнаженныхъ плечъ. Но я недолго смотрѣлъ на нее. Въ этотъ вечеръ она была окружена поклонниками и страшно кокетничала; это возбудило во мнѣ не то ревность, не то злость, и я

подумалъ, что, какъ бы тамъ ни было, а Шекспиръ стоитъ побольше этой великосвѣтской кокетки. Я вышелъ изъ театра, взволнованный судьбой Коріолана и въ первый разъ недовольный своей собственной судьбой. Это было очень неясное недовольство, и я приписывалъ его разочарованію въ своей возлюбленной. Сегодня она рѣшительно не понравилась мнѣ со своими кокетливыми улыбками и огненными взглядами, разбрасываемыми множеству глупцовъ. Когда я выходилъ изъ театра, пріятели мои тянули меня ужинать и играть въ баккара, чѣмъ я тогда сильно увлекался; но меня ни къ чему не влекло: я отказался, и, отдѣлавшись отъ надоѣдливыхъ друзей, пошелъ одинъ безъ всякой цѣли по тротуарамъ ярко освѣщенныхъ и шумныхъ улицъ.

Вдругъ я почувствовалъ вокругъ себя что-то пріятное и удивительно успокаивающее то нервное раздраженіе, которое овладѣло мною и было тѣмъ болѣе невыносимо, что я испытывалъ его въ первый разъ; откуда-то явилось вдругъ облегченіе, подобное тому, которое даетъ свѣжій вѣтеръ въ жаркій душный день. Тутъ я замѣтилъ, что, самъ не зная, какъ, я зашелъ въ одну изъ узкихъ улицъ старой Вѣны, окаймленную съ двухъ сторонъ очень высокими стѣнами и спускавшуюся отлогимъ склономъ къ Дунаю. Городской шумъ уже совершенно умолкалъ здѣсь въ это время; рѣдкіе фонари да звѣздная ночь создавали пріятный полусвѣтъ. Изъ шума и грохота я попалъ въ тишину, изъ яркаго свѣта — въ сумракъ и въ первый разъ понялъ ихъ прелесть. Я пробудился отъ своихъ размышленій, въ которыхъ несчастный Коріоланъ и вѣроломная итальянка безсвязно чередовались между собой, раздражая нервы. Почти безъ всякихъ мыслей я началъ разсматривать

поднимавшіеся съ обѣихъ сторонъ каменные дома и заглядывать въ ихъ темныя окна.

Жители этой части города рано ложатся спать, а теперь было уже далеко за полночь; поэтому почти во всѣхъ окнахъ было темно и только черезъ какіе-нибудь четверть часа, я увидѣлъ на верху одного изъ домовъ два слабо освѣщенныхъ окна. Они свѣтились очень высоко, на пятомъ или шестомъ этажѣ, и вслѣдствіе оптическаго обмана, казалось, сливались съ виднѣвшейся надъ крышами узкой полосой усѣяннаго звѣздами неба. Я вдругъ почувствовалъ огромное влеченіе къ этимъ окнамъ и еще большее любопытство. Кто тамъ живетъ и чувствуетъ за этими окнами? Зачѣмъ мнѣ было это знать? Конечно, это было совершенно ненужно, но мнѣ такъ сильно захотѣлось это знать, какъ иногда хотѣлось баккара, шампанскаго или любовницы.

Чистая фантазія! Но я слишкомъ привыкъ исполнять каждую свою фантазію; поэтому безъ тѣни колебанія я позвонилъ въ ворота дома. Я создавалъ приключеніе и притомъ того сорта, какой я больше всего любилъ. Впрочемъ, въ сравненіи съ другими приключеніями, въ которыя я пускался на каждомъ шагу, объ этомъ не стоило бы даже и вспоминать.

Вы знаете вѣжливость вѣнцевъ и ни съ чѣмъ несравнимую силу денегъ... Я вскорѣ очутился на лѣстницѣ дома и побѣжалъ по ней такъ быстро, какъ будто въ концѣ ея меня ожидалъ рай Магомета. Я не могъ ошибиться относительно квартиры, въ которую я хотѣлъ попасть: это былъ одинъ изъ тѣхъ очень узкихъ каменныхъ домовъ, какихъ такъ много въ старой части Вѣны; въ его верхнемъ этажѣ были только два окна, эти мои интересныя два окна. Я зажегъ спичку и увидѣлъ старинныя,

тяжелыя, низкія двери и слегка постучалъ въ нихъ.

— Herein! — сейчасъ же отвѣтилъ голосъ изнутри.

Я вошелъ. — Повѣрите ли вы, докторъ, что я сдѣлалъ это безъ малѣйшаго колебанія, безъ малѣйшаго стѣсненія или робости, наоборотъ — съ необыкновенно веселымъ и пріятнымъ чувствомъ, съ которымъ я всегда дѣлалъ что-нибудь необыкновенное и интересное. Я невольно улыбался, приготовляясь сказать, — разумѣется, по-нѣмецки, — слѣдующія слова:

„Милостивый государь или сударыня! я, величайшій вѣтрогонъ, безпутный повѣса, заинтересовался вашими окнами, свѣтящимися среди ночной темноты, и пришелъ посмотрѣть, кто и какъ живетъ за ними. Я не задушу и не обокраду васъ, хотя я и пришелъ какъ преступникъ ночью въ незнакомую квартиру; удовлетворивъ свое любопытство, я скажу вамъ спокойной ночи и вѣжливо удалюсь!“

Я собирался сказать все это, но не сказалъ и, переступивъ черезъ порогъ, остановился, превратившись, какъ Лотова жена, въ соляной столбъ, — въ статую удивленія. Я увидѣлъ знакомое лицо человѣка, котораго я видѣлъ въ дѣтствѣ, и котораго узналъ потому, что такихъ людей, какъ онъ, мало на свѣтѣ.

Нѣмецкое: herein! — которое я услышалъ изъ-за дверей, совершенно не подходило къ его физіономіи; это были наши, польскія черты: открытое, добродушное лицо, въ которомъ еще проглядывала врожденная, хотя давно уже угасшая веселость, съ высокимъ лбомъ, прорѣзаннымъ частыми морщинами, съ глубоко впавшими, но даже издали блестѣвшими

своимъ бирюзовымъ цвѣтомъ глазами, съ крупными губами, надъ которыми торчали твердые короткіе, русые, сѣдѣющіе усы. Словомъ: лицо веселаго малаго, который перенесъ мученичество, и честнаго хлѣбопашца, выросшаго въ рыцарскомъ ремеслѣ. Но теперь онъ занимался совсѣмъ другимъ ремесломъ. Онъ сидѣлъ на низкомъ табуретѣ, и сгорбивъ свою худощавую, хотя и плечистую фигуру, одѣтую въ фланелевую куртку, шиломъ и дратвой пришивалъ подошву къ старому башмаку.

Первая мысль, мелькнувшая у меня въ головѣ была: почему онъ теперь сталъ сапожникомъ? а потомъ, самъ не зная, какъ, какъ только взгляды наши встрѣтились, я тихо произнесъ: „Извините“. Я просилъ извиненія, не у дамы, которой наступилъ на шлейфъ или недостаточно скоро поднялъ упавшій платокъ! Но этотъ человѣкъ когда-то принадлежалъ къ обществу и хотя онъ былъ небогатымъ шляхтичемъ, владѣвшимъ всего нѣсколькими десятками дворовъ, но его вездѣ принимали ради того уваженія, которымъ онъ пользовался и родственныхъ связей, соединявшихъ его съ нашей сферой. Онъ бывалъ даже у моихъ родителей. И съ какой стати онъ возится съ этимъ старымъ сапогомъ? Неудивительно, что онъ не запираетъ дверей на ключъ и сейчасъ же говоритъ: „herein“ — человѣку, стучащему ночью.

Комната, какъ пустыня: голая и холодная. Бѣдность ея просто кричитъ. Немного ломаной мебели, множество отвратительной старой обуви и лампа, которая ярко горѣла на столѣ, освѣщая раскрытую книгу, грязную чернильницу и мелко исписанный листъ бумаги. Услышавъ мое „извините!“ — этотъ старикъ — нѣтъ! я плохо выразился: онъ еще не

былъ старикомъ, но цѣлый вѣкъ пережитыхъ страданій, казалось, приросъ къ его лицу, — выпустивъ изъ рукъ дратву и сапогъ, слегка поднялся со скамейки и тихо сказалъ:

— Очень пріятно видѣть соотечественника...

Я такъ быстро и низко поклонился, какъ будто меня кто-то ударилъ кулакомъ въ спину, а онъ, удивленный и встревоженный этимъ ночнымъ визитомъ, спросилъ:

— Что же могло привести васъ сюда въ такой поздній часъ?

О, всѣ святые, придите мнѣ на помощь! Что было дѣлать? Весело посмѣяться надъ этимъ человѣкомъ, какъ я собирался сдѣлать со всякимъ, кого бы ни нашелъ? Солгать? Но я почувствовалъ какое-то странное отвращеніе и къ одному, и къ другому пріему, — странное, потому что я, обыкновенно, съ утра до вечера насмѣхался и лгалъ, безъ чего, впрочемъ, не можетъ обойтись ни одинъ человѣкъ, ведущій образъ жизни, подобный моему. Я сказалъ ему правду. Съ нѣсколько дѣланной свободой и веселостью я разсказалъ ему все, какъ было. Онъ, совершенно не приглашая меня сѣсть, сидѣлъ на своей скамейкѣ и, поднявъ ко мнѣ глаза, внимательно смотрѣлъ на меня и слушалъ, а когда я пересталъ говорить, онъ снисходительно кивнулъ головой и такъ же тихо, какъ и раньше, сказалъ:

— Молодость... легкомысліе... Вы не сдѣлали ничего дурного, но это немного невѣжливо... — Затѣмъ онъ ласково, даже предупредительно спросилъ:

— Съ кѣмъ имѣю удовольствіе?..

Я сказалъ ему мою фамилію. Онъ вскочилъ съ табурета, какъ на пружинѣ, и выпрямилъ во весь ростъ свою худую, плечистую фигуру. Его густыя

брови сошлись надъ глазами, которые заблестѣли. Онъ нѣсколько разъ пошевелилъ усами и началъ говорить уже не тихимъ и ласковымъ, но порывистымъ, съ трудомъ сдерживаемымъ голосомъ:

— Знаю! знаю... слышалъ! Кто же не слышалъ? Такъ это вы живете здѣсь такъ роскошно и шумно и такъ сыплете деньгами, что изъ-за васъ надъ всѣми нами смѣются даже нѣмецкія вороны. Отлично! Я радъ, очень радъ познакомиться съ такимъ знаменитымъ мужемъ, доставляющимъ намъ такъ много чести! Еще немного такой жизни, и вы заслужите себѣ памятникъ!

Пусть мнѣ каждый день снится Вельзевулъ, если я при этихъ словахъ не открылъ ротъ, какъ послѣдній мальчишка. Я не понималъ, что дѣлается со мной, такъ это было ново. Мной овладѣвали и смѣхъ, и гнѣвъ, и еще другія чувства, характера которыхъ я совсѣмъ не понималъ, но которыя испытывалъ съ большимъ неудовольствіемъ. Между тѣмъ онъ подошелъ ко мнѣ и такъ прямо и проницательно смотрѣлъ мнѣ въ глаза, что я опустилъ свои, и, дотрагиваясь до моей руки своей огрубѣлой и затвердѣвшей рукой, спросилъ:

— Вы давно были тамъ?

Какъ ученикъ, у котораго строгій учитель спрашиваетъ урокъ, я тихо отвѣтилъ:

— Я не былъ тамъ уже три года.

— Вотъ какъ! — протяжно произнесъ онъ и покачалъ головой. — Имѣя возможность быть тамъ, вы сидите здѣсь... Боже мой! а я не могу...

Онъ снялъ ладонь съ моей руки и, приложивъ ее вмѣстѣ съ другой ко лбу, закачался въ обѣ стороны. — Не могу! — повторялъ онъ, — не могу!.. не могу!.

Я видѣлъ, какъ изъ-подъ темныхъ ладоней двѣ большія капли медленно потекли по его щекамъ. Но вдругъ онъ однимъ шагомъ приблизился къ столу, взялъ въ свои обезображенные работой пальцы листъ бумаги и, садясь и указывая мнѣ другой табуретъ, порывисто сказалъ:

— Садитесь и слушайте!

Письмо, которое онъ прочиталъ мнѣ, писала жена его сына, или, вѣрнѣе, вдова его сына и мать трехъ его внуковъ. Въ немъ не было ничего необыкновеннаго. Они потеряли состояніе и находились въ большой бѣдѣ. Она давала въ городѣ уроки языковъ и музыки, и на это всѣ они жили, но когда одинъ изъ мальчиковъ тяжело заболѣлъ, а мать должна была долго ухаживать за нимъ, они впали въ окончательную нищету. Вслѣдствіе этой нищеты другой мальчикъ пересталъ ходить въ школу, а старшая дѣвочка иногда ходила просить милостыню и слишкомъ приходилась по вкусу милосерднымъ людямъ. Все это кончалось короткимъ крикомъ: „спаси!“

Прочитавъ письмо, старикъ вскочилъ и указывая на разбросанную на полу и скамейкахъ старую обувь, воскликнулъ:

— Я! спасти ихъ! Я, жалкій сапожникъ!.. Я дѣлалъ все, что можно было дѣлать: пилилъ дрова, билъ камни, носилъ тяжести, умиралъ съ голоду... Усталъ... теперь уже только это могу дѣлать... На это нужно немного силъ... каждый день ѣмъ хлѣбъ, а иногда и мясо... Но помогать другимъ!.. Съ ума сошла женщина. Прежде — другое дѣло! Эхъ мои золотыя поля, зеленый лѣсъ, пятьдесятъ дойныхъ коровъ! Воспоминанія, старыя сказки!

Тутъ онъ опомнился, пришелъ въ себя и, снова

устремивъ на меня полные слезъ глаза, продолжалъ уже спокойнѣе:

— Но дѣло не въ этомъ... повѣрьте мнѣ, что не на это я хотѣлъ обратить ваше вниманіе, т. е. не на себя и не на своихъ... но...

Онъ снова закипѣлъ и увлекся; ударивъ пальцами по письму, онъ воскликнулъ:

— Но тамъ такихъ тысячи, десятки тысячъ, — а вы...

Его голосъ прервался.

— Вы... вы...—повторялъ онъ, и, наконецъ, окончилъ: — вы сидите тутъ, и обогащаете нѣмецкихъ шарлатановъ и балеринъ... Развѣваете повсюду свои силы, разумъ, имущество. Неужели въ васъ нѣтъ человѣческихъ сердецъ? — Негодяи!

Докторъ, далъ ли я пощечину этому человѣку или вызвалъ его на поединокъ? Вѣдь въ теченіе десяти лѣтъ у меня было четыре поединка и я показалъ свѣту, на что я способенъ. Можетъ быть, я и тогда доказалъ бы, если бы мнѣ это пришло въ голову. Но этого не случилось. Я схватилъ исписанный листъ бумаги, съ жадностью прочелъ и запомнилъ названіе того городка, откуда оно пришло и, ни слова не говоря, спиной сталъ отступать къ двери, какъ это дѣлаютъ вѣрующіе, отходя отъ папы.

Я вышелъ на улицу такимъ маленькимъ и какъ-то пришибленнымъ, какъ будто сталъ вдвое ниже и на спинѣ у меня словно выросъ огромный горбъ. Я чувствовалъ, что иду, сгорбившись; ноги мои были словно въ цѣпяхъ.

Когда я вернулся въ свою прекрасную квартиру, то прежде всего выругалъ лакея нѣмца, о которомъ зналъ, что онъ меня страшно обкрадываетъ; а затѣмъ разбилъ въ мелкіе кусочки японскую вазу, ко-

торую нѣсколько дней тому назадъ пріобрѣлъ за баснословную сумму и видъ которой теперь привелъ меня въ бѣшенство. Оба эти поступка были очень глупы, — я отлично знаю объ этомъ, — но я былъ такъ потрясенъ, что самъ не зналъ, что дѣлаю, и чувствовалъ потребность излить на людяхъ и вещахъ то бѣшеное раздраженіе, которое овладѣло мной.

Къ счастью, тогда у меня еще всегда были деньги, на другой день утромъ я послалъ въ этотъ городокъ такую сумму, о какой эта женщина навѣрное никогда не смѣла мечтать, и это немного успокоило меня, хотя нѣсколько дней послѣ этого я серьезно подумывалъ о томъ, не вернуться ли туда и не поселиться ли въ своихъ имѣніяхъ...

Но черезъ нѣсколько дней произошли различныя обстоятельства, и я забылъ объ этомъ, а съ тѣмъ человѣкомъ я больше...

Слышите докторъ? Что это? Тутъ нѣтъ никого, кромѣ насъ двоихъ: Тамъ, въ углу комнаты, за моей постелью кто-то сказалъ: „негодяй“.

Не спорьте! Я ясно слышалъ! Какъ же не слышать? Вѣдь я не глухой, да и слово это, произнесенное такъ, обладаетъ такой силой, что если бы имъ наполнить молотъ, онъ раздробилъ бы скалы! Такъ вы не слышали? Вы полагаете, что это галлюцинація слуха?.. Да, правда... Она уже не разъ была у меня. Теперь я уже ничего не слышу, но мнѣ такъ грустно!.. Морфію, докторъ!

V.

Вотъ уже два дня, какъ я не разговаривалъ съ вами ни о чемъ, кромѣ страданій моего тѣла, которыя вы уменьшаете такъ искусно и дружелюбно.

Чувствуете ли вы себя счастливымъ или по крайней мѣрѣ довольнымъ, когда уменьшаете страданія людей, и иногда случайно и совсѣмъ побѣждаете ихъ? Да? Ну, конечно! Почему я не выучился медицинѣ? Я былъ бы теперь здоровъ такъ же, какъ вы, и, по меньшей мѣрѣ, доволенъ. Но это пропало, и, все равно! Я раньше, вы позже... оба окончимъ одинаково.

Не стоитъ отчаиваться: все суета. Въ первый разъ я подумалъ о томъ, что все суета, года черезъ два послѣ разсказаннаго вамъ случая и непосредственно послѣ сыгранной мною съ моей чрезвычайно достойной и, какъ я слышалъ, чрезвычайно богатой теткой, шутки, надъ которой весь Парижъ смѣялся до упаду.

Послѣ лѣта, проведеннаго въ Ниццѣ и Монте-Карло, я проводилъ зиму въ Парижѣ, потому что кромѣ многихъ другихъ причинъ меня удерживала тамъ балерина Роза, которой я былъ счастливымъ, хотя временнымъ обладателемъ. Въ то время это была очень извѣстная и приводившая съ восторгъ столицу міра игрушка, вещь, поступавшая во владѣніе человѣка, дающаго больше всѣхъ: съ ней все сводилось къ цифрѣ. Я начертилъ концомъ пальца самую высокую цифру на ея бѣленькой маленькой ладони, и эта ладонь обхватила мои пальцы, а остальные кандидаты пожелтѣли отъ зависти. Я даже самъ не знаю, что мнѣ больше нравилось: эластичныя отъ упражненій ножки балерины или пожелтѣвшія отъ зависти лица пріятелей?

Что вы говорите? Вы спрашиваете о той, объ итальянкѣ? Неужели и я былъ бы такъ наивенъ, если бы я былъ докторомъ?! Въ такомъ случаѣ я ужъ менѣе огорченъ, что этого не случилось. Итальян-

янка итальянкой, а Роза Розой. Та уплыла, а эта приплыла, какъ ласточки подъ небомъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою весну и свою осень.

Я сошелся съ Розой осенью и, показавшись всему лучшему свѣту въ ея обществѣ, начиналъ уже пресыщаться счастьемъ и славой, какъ вдругъ рѣшила пріѣхать въ Парижъ моя тетка. Вы немного знаете ее. Олицетвореніе величія, не правда ли? Знающіе ее близко, знаютъ также, что это за злой языкъ. Она говоритъ такъ же величественно, какъ и ходитъ, но язвительно. Хроника свѣта когда-то записала нѣсколько строкъ изъ ея молодости и подъ старость она изо всѣхъ силъ старается стереть ихъ крыломъ строгой добродѣтели. Это очень обыкновенный и при своей обыкновенности антипатичный типъ. Впрочемъ мы всегда чувствовали взаимную антипатію другъ къ другу, кажется, получившую свое начало въ томъ обстоятельствѣ, что, если бы не мое появленіе на свѣтъ, то она, за отсутствіемъ наслѣдниковъ по мужской линіи, получила бы наслѣдство послѣ своего брата, а моего отца. Замѣтьте, что она и безъ того очень богата. Вы, можетъ быть, считаете алчность исключительнымъ свойствомъ бѣдняковъ; Наоборотъ: l'appetit vient en mangeant, а долгое пребываніе на поверхности земли такихъ величественныхъ фигуръ, какъ моя тетка, влечетъ за собой вовсе не меньше расходовъ, чѣмъ кратковременный полетъ такихъ вѣтрогоновъ, какъ я.

Въ то время, о которомъ я говорю, наши отношенія были хуже, чѣмъ когда-либо. Она, при воспоминаніи обо мнѣ, произносила негодующія фразы; я насмѣхался надъ ней. Она всячески преувеличивала непристойность моего поведенія и пріукрашала его множествомъ искусно выдуманныхъ прибавленій;

акимъ образомъ ей удалось поссорить меня съ нѣколькими членами нашей семьи, расположеніемъ которыхъ я дорожилъ, — я же, лишенный всякаго таланта къ интригамъ, не могъ отомстить ей такимъ же образомъ. Я нашелъ другой способъ, свойственный моему характеру. Все это, конечно, находится въ полномъ противорѣчіи съ патріархальными понятіями и обычаями, но что вы хотите? Когда съ одной стороны стоитъ зависть къ большому богатству, съ другой — неограниченное своеволіе, то всякая патріархальность должна пропасть. Впрочемъ, даже въ самыя патріархальныя времена Сарра ссорилась съ Авраамомъ, а Іаковъ обманывалъ Исаака. Такъ все идетъ на свѣтѣ. Итакъ, какъ только я узналъ о высочайшемъ прибытіи въ столицу моей тетки, то моей величайшей заботой стало узнать о томъ, какимъ образомъ она будетъ проводить свои драгоцѣнные дни. Когда мнѣ сказали, что до тѣхъ поръ пока ея довольно долгое пребываніе въ Парижѣ не урегулируется соотвѣтственнымъ образомъ, она обѣдаетъ въ такомъ-то ресторанѣ, у такого-то table d'hote'a, я подскочилъ отъ радости и молніей полетѣлъ къ Розѣ. „Одѣвайся! — крикнулъ я ей, — и быстро! быстро! одѣнь на себя все, что есть самаго vlan chic и chè-ché. Поѣдемъ!“ Ей только это и нужно было! Бѣлое платье, на-крестъ обшитое красными лентами, на волосахъ, причесанныхъ самымъ оригинальнымъ образомъ, еще болѣе оригинальная шляпа, ножки, виднѣющіяся болѣе чѣмъ достаточно, въ рукахъ хлыстъ, — словомъ, все, что только можетъ быть самымъ совершеннымъ vlan и chè-chè! Я даже обнялъ ее, — такой это былъ законченный образецъ полусвѣта.

У меня былъ тогда экипажъ, конструкцію кото-

раго я изобрѣлъ самъ, стараясь сдѣлать его какъ можно болѣе похожимъ на журавля. Это былъ такой смѣшной экипажъ, что когда я ѣхалъ на немъ, то множество народу останавливалось и показывало на него пальцами. Мы съ Розой сѣли на нашего журавля; она правитъ, groom за нами! Подъѣзжаемъ къ указанному ресторану. Еще не успѣли мы войти въ залъ, какъ сидѣвшіе у оконъ заговорили: „Журавль!“ Журавль и моя фамилія и имя Розы, какъ шумъ славы, наполнили высокія стѣны. Мы входимъ. Я веду Розу подъ руку и ищу глазами тетку. При ней находится ея мужъ, который сидитъ противъ нея, притомъ такъ, что какъ разъ рядомъ съ этой парой остаются два свободныя, предварительно занятыя мною мѣста. Въ залѣ находится человѣкъ триста и всѣ изъ такихъ, которые отлично знаютъ характеры, отношенія и высокіе подвиги нашего свѣта. Поэтому всѣ заинтересовались и стали смотрѣть то на одну, то на другую пару.

Веселая Роза выступаетъ рядомъ со мной такими шагами, какъ будто бы сейчасъ собирается выскочить на средину залы и сдѣлать нѣсколько entre-chas, я же, прослѣдовавъ черезъ всю залу, останавливаюсь передъ теткой и, согнувшись вдвое, сначала выражаю ей мое величайшее удовольствіе по поводу ея прибытія въ Парижъ и спрашиваю о ея драгоцѣнномъ здоровьи, а потомъ, указывая на мою спутницу которая между тѣмъ, опираясь на мою руку, отъ нетерпѣнія и отъ радости бьетъ хлыстомъ по своему платью, я провозглашаю, что имѣю честь представить своей почтенной теткѣ mademoiselle Розу Воріенъ, артистку театра de la Gaieté, — украшеніе Парижа и первую звѣзду современнаго хореографическаго искусства.

Конечно, я говорю все это съ выраженіемъ высочайшаго почтенія и по-французски, потому что, во-первыхъ, тетка моя употребляетъ только этотъ языкъ, а, во-вторыхъ, я хочу, чтобы меня всѣ понимали. Пользуясь изумленнымъ молчаніемъ той, которой я говорю, я прибавляю еще нѣсколько связныхъ и вполнѣ серьезныхъ словъ о высокомъ значеніи, какое имѣетъ для нашей цивилизаціи вышеупомянутое искусство и о томъ, что даже древніе очень любили и уважали его, и о томъ, наконецъ, что собственно mademoiselle Роза Воріенъ довела его до высшей степени совершенства и завоевала этимъ поклоненіе всего цивилизованнаго міра.

Я говорю все это съ такимъ глубокимъ проникновеніемъ и съ такой добродушной болтливостью, которая въ каждаго изъ слушателей вселяетъ убѣжденіе, что я готовъ пожертвовать головой, чтобы доказать правду своихъ словъ; окончивши, я сгибаюсь вдвое, Роза дѣлаетъ самый низкій реверансъ, и мы садимся такъ, что Роза смотритъ прямо въ глаза теткѣ, а ея мужу черезъ узенькій столъ.

Какой видъ имѣла тогда тетка, я не стану вамъ описывать, потому что я ни за что на свѣтѣ не сумѣлъ бы описать ея лица, побагровѣвшаго до самыхъ накрашенныхъ волосъ, вытаращенныхъ метавшихъ искры глазъ, и трепетавшихъ на груди черныхъ лентъ. Если бы на мѣстѣ мужа былъ кто-нибудь другой, то это окончилось бы поединкомъ; но такъ какъ я старался смотрѣть въ глаза не льву пустыни, а баловню судьбы, нѣсколько угнетенному величіемъ своей жены, то онъ старательно избѣгалъ моего взгляда и предпочиталъ обратиться въ глыбу льда, чѣмъ въ пылающій вулканъ. Что же ей оставалось дѣлать? Встать изъ-за стола и уйти — это значило

еще увеличить скандалъ, который и безъ того былъ громаденъ. Она поняла это; пришлось остаться и имѣть удовольствіе просидѣть весь длинный обѣдъ за однимъ столомъ съ маленькой особой, которая, быстро смекнувъ мои планы, такъ держала себя, такъ болтала и выдѣлывала разныя чудачества, что я даже долженъ былъ сдерживать ее, потому что она начала уже слишкомъ оскорблять даже мой собственный вкусъ.

Мнѣ не хочется вспоминать и разсказывать о томъ, сколько послѣ этого обѣда по уходѣ одной изъ присутствовавшихъ паръ было болтовни, удивленія, благодарностей, скандальныхъ поздравленій и какой взрывъ хохота покатился по всей столицѣ; скажу только то, что, выходя изъ ресторана, я чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ, что и не удивительно, потому что, во-первыхъ, месть есть пріятное чувство, а, во-вторыхъ, я совершилъ смѣлый и оригинальный поступокъ и долженъ былъ, не смущаясь ложной скромностью, признавать передъ самимъ собой все свое величіе.

Что вы говорите, докторъ? Вы хотите, чтобы я пересталъ говорить и отдохнулъ немного? Ни за что на свѣтѣ! Воспоминаніе о дорогой теткѣ придаетъ мнѣ жару. Скоро ея дѣти получатъ послѣ меня остатки моего состоянія! Если бы можно было устроить это иначе... но, кажется, нельзя. На стражѣ блеска великихъ родовъ стоятъ законы, которые да благословитъ Богъ! — потому что во что обратился бы міръ, если бы онъ лишился такихъ украшеній, какъ я и моя тетка? Но то, что случилось послѣ моего только что разсказаннаго поступка, является для меня самого такой интересной загадкой, что я долженъ о ней говорить, долженъ, долженъ... Не

мѣшайте мнѣ! Вѣдь это послѣднее угощеніе, которое я устраиваю себѣ изъ различныхъ, очень различныхъ блюдъ моего прошлаго!..

Сердце мое было полно счастья, когда я оставилъ ресторанъ и уже собирался сѣсть на журавля вмѣстѣ съ Розой; вдругъ, кто-то остановилъ меня и назвалъ по имени. Это былъ одинъ изъ людей, наиболѣе любимыхъ мною за всю жизнь: молодой художникъ съ большимъ талантомъ, веселый, немного разгульный и сердечный малый. На этотъ разъ онъ обрушился на меня, какъ ястребъ на ласточку, схватилъ меня обѣими руками за клапаны моего сюртука и, стараясь перекричать шумъ экипажей, заговорилъ быстро и непрерывно о какой-то необыкновенной, прекрасной, чудной картинѣ.

— Ты еще не видѣлъ „Гусса передъ судомъ?“ Sapristi! Ты варваръ, повѣса, шалопай, не стоющій ломанаго гроша! Ну, влѣзай же на журавля! влѣзай, скорѣе! Поѣзжай! посмотри! полюбуйся!

Теперь уже онъ держалъ меня за плечи своими цѣпкими руками и трясъ меня, какъ грушу.

— Я уже больше никогда не влѣзу на журавля, если ты мнѣ поломаешь кости!

— Да, правда! Mille pardons! Но этотъ „Гуссъ передъ судомъ“ ... — Не замѣчая даже, что правитъ Роза, а не кучеръ, онъ повелительно крикнулъ: „Au salon!“ — а самъ, какъ собаченка, побѣжалъ впередъ. „Au salon“ — повторила моя спутница.

Черезъ четверть часа послѣ этого мы очутились въ зданіи, гдѣ помѣщалась выставка картинъ. Та картина, къ которой привелъ меня мой деспотическій пріятель, была написана не французомъ, однако, занимала почетное, особенное мѣсто.

— А вы знаете ее? Видѣли? Тѣмъ легче вамъ

будетъ понять то, чего я никогда не понималъ. — Сначала я смотрѣлъ на полотно весело и со смѣхомъ и мысленно уже придумывалъ, какъ я буду критиковать его и дразнить этимъ страстнаго поклонника картины. Но черезъ минуту со мной что-то сдѣлалось. Словно какое-то сильное дуновеніе вдругъ загасило огонь моей веселости.

Какой онъ блѣдный, простой и спокойный! Онъ стоитъ передъ своими судьями въ черной одеждѣ, съ блѣднымъ спокойнымъ лицомъ и въ немъ нѣтъ ни заносчивости, ни тревоги, ни гордости, ни покорности, а есть только сила вѣры и готовность идти за нее на все. И это естественно, потому что онъ не думаетъ о себѣ, а думаетъ только о томъ, что стоитъ передъ его глазами, какъ столбъ свѣта и огнемъ любви горитъ въ его сердцѣ. Онъ такъ спокоенъ, а между тѣмъ онъ весь — огонь; такъ простъ, а между тѣмъ импонируетъ величіемъ борьбы на жизнь и смерть.

Я зналъ его исторію нѣсколько смутно и очень неточно, но зналъ, что онъ кончилъ на кострѣ. Какъ! Въ ожиданіи этого ужаса, онъ стоитъ передъ людьми, которые готовятъ ему его, безъ гнѣва и безъ страха и говоритъ съ ними безъ криковъ, безъ порывовъ, безъ угрозъ, безъ просьбъ? Его ноги не слабѣютъ и голосъ не пресѣкается. Правда, онъ блѣденъ, но это святая блѣдность сдерживаемой страсти и милосердной жажды подарить людямъ милостыню правды.

Геній художника и собственное воображеніе сдѣлали его для меня такимъ пластичнымъ, что черезъ минуту мнѣ казалось, что я смотрю на живого человѣка. Тутъ въ моей головѣ вдругъ возникъ вопросъ: какъ онъ будетъ горѣть? И такъ же отчетливо, какъ его самаго, я увидѣлъ подъ его ногами костеръ изъ

дерева, объятый моремъ огня, изъ котораго подни-
мались языки пламени и клубы дыму. Среди клу-
бовъ дыма онъ стоялъ такой же блѣдный, простой
и спокойный въ своей черной одеждѣ, а огненные
языки вились вокругъ его ногъ и пояса.

Все это я увидѣлъ необыкновенно ясно и почув-
ствовалъ такъ сильно, что закрылъ глаза руками и,
кажется, крикнулъ. По крайней мѣрѣ, Роза и мой
пріятель художникъ, которые отрывали мои руки
отъ глазъ, отчасти со смѣхомъ утверждали, что я
крикнулъ.

Въ эту минуту я въ первый разъ взглянулъ на
Розу съ тѣхъ поръ, какъ началъ смотрѣть на кар-
тину. Фу! какъ эта самка была противна мнѣ рядомъ
съ этимъ человѣкомъ! Рѣшительно съ меня было
довольно ея любви! И зачѣмъ я съ ней, и отчасти
по ея поводу, устроилъ часъ тому назадъ эту шутку?
Фу! Какъ это было глупо, ничтожно и суетно! Нѣтъ,
положительно съ меня довольно всего этого.

Роза скучала и настаивала на какой-то поѣздкѣ.
Я могъ сказать ей только одну фразу:

— Садись на журавля и поѣзжай, куда хочешь...
Я возвращаюсь домой.

Но прежде, чѣмъ вернуться домой, я заѣхалъ къ
Hachette'у и велѣлъ принести себѣ сейчасъ же все,
что у нихъ было о Гуссѣ.. Когда же, почти одно-
временно съ моимъ возвращеніемъ домой, принесли
громадный пакетъ книгъ, я сорвалъ бумагу, въ кото-
рую онѣ были завернуты, и сказалъ лакею:

— Не пускай сюда ни одной собаки!

Слуга, пользовавшійся нѣкоторымъ довѣріемъ и
знавшій обо всѣхъ моихъ дѣлахъ, таинственно спро-
илъ:

— И mademoiselle Розы также?

— Меньше, чѣмъ кого бы то ни было!..

Не подумайте, чтобы я тогда въ первый разъ встрѣчался съ большой пачкой книгъ; на меня и прежде находили припадки жажды знанія, и я зачитывался по цѣлымъ ночамъ не только безнравственными или порнографическими романами. Это случалось не часто и продолжалось не долго, поэтому я и употребляю слово „припадки“. Этотъ припадокъ, о которомъ идетъ рѣчь, длился дольше, чѣмъ предыдущіе и оставилъ во мнѣ самые большіе слѣды.

Я гораздо сильнѣе влюбился въ героя лихорадочно перечитанныхъ книгъ, чѣмъ когда-либо влюблялся въ какую бы то ни было женщину; когда я встрѣчалъ на страницѣ книги одно его имя, по мнѣ какъ бы пробѣгалъ электрическій токъ. Я по цѣлымъ днямъ разлагалъ его жизнь и душу на мельчайшіе атомы и при этомъ занятіи на меня иногда находила такая экзальтація, что я чувствовалъ себя и готовымъ, и способнымъ сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ, хотя и не имѣлъ ни малѣйшаго представленія за что, зачѣмъ и какимъ образомъ это могло бы случиться? И это незнаніе доводило меня до отчаянія. У меня было такое чувство, какъ будто бы въ рукахъ у меня было нѣчто великое и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего; при этомъ мною овладѣвала невыразимая тоска.

Я казался самъ себѣ ребенкомъ, который пускаетъ на воздухъ мыльные пузыри и забавляется ими, пока они не лопнутъ, а когда лопнутъ, пускаетъ другіе, и такъ далѣе, и такъ далѣе, отъ рожденія до самой смерти — да, отъ рожденія до смерти, потому что, что же другое могъ бы я...

Когда одинъ разъ я подумалъ, нельзя ли жить иначе, я прыснулъ отъ смѣху и назвалъ себя идіо-

сомъ. Не поступить ли въ школу учиться или не начать ли пахать землю моихъ предковъ? Можетъ быть, сдѣлаться монахомъ? Это послѣднее понравилось мнѣ больше всего, уже хотя бы по своей оригинальности, но я не видѣлъ цѣли. Вмѣсто развлеченій — праздность; вмѣсто страссбургскаго паштета — жаркое на маслѣ, обсыпанное сушеной булкой. Не стоитъ возни!

Если бы я въ то время услышалъ о какомъ-нибудь великомъ учителѣ, который ходитъ по свѣту и собираетъ учениковъ, то я упалъ бы ему въ ноги... Не усмѣхайтесь, докторъ, вспомните о Магдалинѣ... но мнѣ некому было упасть въ ноги и не за кѣмъ пойти, самъ же я ничего не могъ придумать въ этомъ направленіи.

Я провелъ около двухъ недѣль въ такихъ волненіяхъ и размышленіяхъ, но потомъ махнулъ рукой, велѣлъ уложить свои вещи и поѣхалъ въ Египетъ, котораго еще не видѣлъ. Это путешествіе очень интересовало меня, но я несъ съ собой смутное сознаніе глубокаго горя.

VI.

Когда я три года тому назадъ пріѣхалъ въ свое имѣніе съ намѣреніемъ провести въ немъ нѣсколько мѣсяцевъ и съ надеждой упорядочить свои дѣла, которыя пришли въ большой безпорядокъ, я уже совершенно ясно чувствовалъ себя несчастнымъ. Пустота жизни самымъ мучительнымъ образомъ начала соединяться съ пустотой кармана и одинаково надоѣдали мнѣ. Кромѣ того, меня раздражало начало той болѣзни, которая теперь приходитъ къ своему и моему концу, а перспектива провести нѣсколько мѣсяцевъ

въ пустынѣ не улучшала моего расположенія духа, что легко можно себѣ представить.

Что тутъ дѣлать? Чѣмъ жить и какъ заглушать себя, чтобы не чувствовать своей личности? Сначала я имѣлъ намѣреніе взять съ собой въ тѣ мѣста кого-нибудь изъ тѣхъ, съ кѣмъ я тамъ больше всего жилъ, но когда я началъ выбирать, то пришелъ къ тому заключенію, что всѣ они были мнѣ близки и очень пріятны лишь взятые вмѣстѣ, а каждый въ отдѣльности представлялся такимъ далекимъ и скучнымъ, что присутствіе его доставило бы мнѣ больше принужденія, затрудненія и расходовъ, чѣмъ удовольствія.

Здѣсь же я никого не зналъ и не имѣлъ ни малѣйшей охоты знакомиться. Я былъ совершенно неспособенъ взяться за что-нибудь, ни за чтеніе ни, вообще, за что бы то ни было, существующее подъ солнцемъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, у меня былъ отличный поваръ, но при этомъ плохой аппетитъ; въ конюшняхъ я нашелъ прекрасныхъ лошадей, изъ которыхъ нѣкоторыя были даже очень хороши, но ихъ было некому показывать; нѣсколько хорошенькихъ дѣвушекъ, дочерей служащихъ, которыя бѣгали по двору и по садамъ, сразу обратили на себя мое вниманіе, но я сейчасъ же замѣтилъ, что хотя у нихъ и модныя платья, но ногти въ траурѣ, и эта дисгармонія внушила мнѣ полное отвращеніе къ нимъ.

Прекраснымъ дополненіемъ къ этому періоду моей жизни были безконечные разговоры и совѣщанія съ управляющими, арендаторами, добрыми родственниками, которые обѣщали поддержать меня въ несчастьи совѣтомъ или деньгами, и, наконецъ, съ кредиторами, которые, вѣроятно, изъ уваженія къ моему историческому имени, щадили меня въ первые дни моего пребыванія подъ кровлей предковъ, но

потомъ — я хорошо зналъ это — они слетятся на эту крышу, какъ вороны на падаль...

Какъ же было не чувствовать себя несчастнымъ при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ? Я лежалъ въ постели до двѣнадцати часовъ, а потомъ бродилъ по заброшенному, пустому дому, бралъ въ руки разныя книжки и бросалъ ихъ, курилъ папиросы, пока совершенно не исчезалъ въ ихъ дымѣ; чаще всего я лежалъ на диванѣ, съ лицомъ, обращеннымъ къ потолку и съ руками, заложенными за голову, и чувствовалъ только одно, необыкновенное сильное желаніе — впасть въ безчувственность и неподвижность индѣйскаго факира, чтобы, въ моемъ рту и носу загнѣздились пчелы. Такимъ образомъ, я былъ бы нуженъ хотя какому-нибудь существу на свѣтѣ, а самъ пересталъ бы чувствовать тяжесть собственной особы и ея неслыханнаго несчастья.

Такъ прошло нѣсколько дней; однажды я невольно взглянулъ въ окно и испыталъ такое чувство, какъ будто бы мнѣ улыбнулся кто-то очень красивый. Это былъ прекрасный осенній день. Я схватилъ шапку, быстро прошелъ черезъ дворъ, потомъ прошелъ немного лѣсомъ, немного лугомъ и вошелъ въ лѣсъ, который, по совѣту моего дяди, собирался продать, чтобы этими деньгами заплатить часть самыхъ неотложныхъ долговъ. Но теперь онъ еще не былъ срубленъ и именно онъ да солнечный свѣтъ и летавшая надъ лугомъ серебряная паутина потянули меня на эту прогулку.

Говоря, что этотъ видъ потянулъ меня на прогулку, я вовсе не хочу сказать, что я сталъ удивляться красотамъ природы и восхищаться ими. Правда, я не разъ удивлялся имъ и восхищался ими; чтобы видѣть ихъ, я ходилъ надъ пропастями, взби-

рался на головокружительныя высоты, спускался въ пропасти; но все это я дѣлалъ, во-первыхъ, въ молодости, а, во-вторыхъ, въ Альпахъ, Пиренеяхъ, надъ Рейномъ, надъ Дунаемъ.

Но въ этотъ день я совершенно не чувствовалъ никакого восторга, потому что я самъ былъ уже слишкомъ старъ, да и хорошо зналъ, что на этой плоской, прозаичной землѣ я не увижу ничего красиваго, и, наконецъ, все было для меня такъ безразлично. Я инстинктивно почувствовалъ, что прекрасный осенній день, голубое небо и лѣсъ, улыбаются мнѣ; инстинктивно вышелъ изъ дому, инстинктивно зналъ уже на лугу, что въ лѣсу мнѣ будетъ лучше и веселѣй, что я вздохну свободнѣе и что у меня перестанетъ болѣть голова.

Я снялъ шапку и съ открытой головой вошелъ въ лѣсъ, гдѣ сильный запахъ лѣсныхъ травъ такъ захватилъ мнѣ духъ, что я долженъ былъ глубоко и сильно вздохнуть.

Видите ли, дорогой докторъ, бываютъ такіе осенніе дни, когда все снова расцвѣтаетъ и, — правда, на короткое время, — благоухаетъ какъ весной. Я помню, что, когда я глубоко вдохнулъ въ себя лѣсной ароматъ, я почувствовалъ въ груди боль, по которой понялъ, какъ измучена была эта грудь. Бываютъ также и такія весны. Мнѣ было тогда только двадцать девять лѣтъ. Однако же, у меня дѣлалось все свѣтлѣе въ глазахъ, которые увидѣли сначала пышную осину, съ шумомъ осыпающую свои кровавые, дрожащіе, блестящіе листья. Потомъ я увидѣлъ черныя вѣточки брусники съ ягодками, краснѣющими на фонѣ сѣдого мху, а между ними пучечки золотистыхъ иммортелей и бѣлоснѣжныя головки лѣсного клевера. Какая-то довольно боль-

шая птица зашелестѣла въ вѣтвяхъ, и когда я поднялъ голову, я увидѣлъ ея голубыя и зеленыя крылья, исчезавшія въ вѣтвяхъ стараго дуба.

Я почувствовалъ, что смѣсь самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были очень ярки, а другіе необыкновенно мягки и нѣжны, начала занимать мое зрѣніе, какъ вдругъ неожиданно услышалъ и увидѣлъ нѣчто такое, что меня заинтересовало еще больше. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ меня, за нѣсколькими рѣдкими деревьями, находился высокій кустъ папоротника, всевозможныхъ красноватыхъ оттѣнковъ, отъ цвѣта блѣднаго тѣла, позолоченной бронзы и темнаго орѣха до ярко-краснаго и зеленоватаго. Но это былъ, очевидно, заколдованный папоротникъ, потому что, когда я всматривался въ него, изъ его глубины вдругъ раздалось пѣніе... ахъ, не подумайте, что это пѣніе имѣло какое-нибудь сходство съ пѣніемъ морскихъ и не морскихъ сиренъ. Правда, это было женское пѣніе, но въ немъ не было слышно ни молодости, ни свѣжести, ни тоскующаго сердца, ни меланхоліи. Въ немъ слышались двѣ особенности, о которыхъ мы воображаемъ, что онѣ никогда не бываютъ вмѣстѣ: веселость и старость. Самое забавное было то, что старый дрожащій голосъ, поющій веселую пѣсню, слышался неизвѣстно откуда и принадлежалъ совершенно невидимому существу. Казалось, что это самъ папоротникъ поетъ пѣсенку, которую я потомъ выучилъ на память и которую помню еще и теперь:

Шелъ я рощей, по холмамъ,
Красавицу встрѣтилъ тамъ, —
Предъ ней голову склонилъ,
Куда бѣжитъ? спросилъ.
Гей-га! Гей-га!

Бѣгу, бѣгу, сама не зная,
Откуда и куда...
Со мной стряслась бѣда:
Съ дороги сбилась я...
Гей-га, Гей-га!

Взялъ ее за бѣлу ручку,
Вывелъ на лужокъ,
Вотъ, моя ты крошка,
Здѣсь твоя дорожка!
Гей-га, Гей-га.

Что это, докторъ? Я запѣлъ кажется? Да, правда, я пѣлъ и какимъ голосомъ! У меня до сихъ поръ стоитъ хрипъ и свистъ въ ушахъ, отъ моего собственнаго пѣнія. И, однако, вы представить себѣ не можете, какой у меня былъ прекрасный голосъ. Я бралъ уроки пѣнія въ Вѣнѣ и въ Парижѣ, а дамы, слушая мое пѣніе, плакали и млѣли. Жаль! Пустяки и все же жаль!.. Природа была для меня доброй матерью и дала мнѣ все, что... Не могу говорить больше! О, моя милая бабушка, отчего ты раньше... отчего ты дольше... Не могу больше... Трудно дышать и такъ грустно!.. Морфію, докдоръ!..

VII

Сегодня мнѣ лучше. Вчера я очень страдалъ, но сегодня мнѣ лучше.

Не дѣлайте строгой физіономіи, потому что она вамъ не идетъ и притомъ она нисколько не поможетъ. Я буду говорить, потому что я хочу. И вы также хотите меня слушать, только долгъ велитъ вамъ... и т. д., и т. д. Не говорите общихъ фразъ, вникните глубже въ мою душу, поймите ея неотложную потребность и слушайте.

О чемъ я говорилъ и на чемъ я остановился? А! знаю... слушайте!

Поющій папоротникъ зашелестѣлъ и изъ глубины тѣлесныхъ, бронзовыхъ и красныхъ листьевъ вынырнула до пояса довольно широкоплечая и тяжелая фигура въ порыжѣломъ кафтанѣ, большое лицо, похожее на захваченный морозомъ цвѣтокъ шиповника, румяное, сморщенное и обрамленное сѣдыми волосами и высокой оборкой бѣлаго чепца, а также двѣ темныя руки, изъ которыхъ одна держала небольшую корзину съ грибами, а другая — большой пучекъ вереска. Стоя до пояса въ папоротникахъ эта сѣдая, какъ лунь, старушка прищурила свои покрасиѣвшіе глаза и съ напряженіемъ всматривалась въ меня. Я смотрѣлъ съ веселой усмѣшкой на эту забавную, милую старушку. Вѣроятно, несмотря на разстояніе, она замѣтила, что я улыбаюсь ей, кивнула головой и бодро проговорила:

— Слава Богу!

Но не успѣлъ я еще отвѣтить, какъ она уже направилась ко мнѣ черезъ папоротникъ, говоря:

— Откуда же вы тутъ взялись, барчукъ? Господи Боже, кажется, знаю всѣхъ людей во всемъ околоткѣ, а паныча не знаю и никогда не видала. Вы, можетъ быть, молодой Женскій?

Это была фамилія моего управляющаго, который какъ разъ жидалъ откуда-то одного изъ своихъ сыновей. Я зналъ объ этомъ и воспользовался этими свѣдѣніями.

— Да, — отвѣтилъ я, — я пріѣхалъ къ моему отцу.

— Это хорошо, это хорошо! — обрадовалась она, — отецъ ждалъ и дождаться не могъ... но вѣрно вы недавно, недавно пріѣхали, голубчикъ мой

потому что вчера васъ еще не было... Экономъ Королькевичъ говорилъ, что молодого Женскаго еще не было во дворѣ.

— Я пріѣхалъ нѣсколько часовъ тому назадъ.

— Это хорошо, это хорошо!.. Это большое утѣшеніе для папаши! А я сегодня пошла въ лѣсъ съ самаго утра собираю грибы... потому ни о чемъ и не знала... не знала.

Говоря это, шла черезъ папоротникъ, высоко поднимая свои большія ноги; я замѣтилъ, что ея ноги обернуты тряпками и только немного покрыты чѣмъ-то вродѣ грубыхъ порванныхъ туфель. Но тряпки, замѣнявшія ей чулки, были бѣлы, какъ снѣгъ, а юбка, такая порванная, что я не могъ понять, какъ она держится на ней, была очень чиста; только на нее, такъ же какъ и на порыжѣлый кафтанъ, нацѣпились маленькія вѣточки, листья и лѣсныя травы, ароматомъ которыхъ она вся пропиталась.

— Вы уже знаете, бабушка, кто я... — началъ я, — я хотѣлъ бы въ свою очередь знать вашу фамилію.

Съ грибами въ одной рукѣ и верескомъ въ другой, она подняла на меня свои веселые глаза и улыбнулась своими увядшими, желтыми съ синими жилками губами.

— Почему же нѣтъ, голубчикъ? Съ удовольствіемъ... Мнѣ очень пріятно... Я Кулешова вдова, — здѣшняго прежняго эконома. Мой покойный мужъ, — царство ему небесное! — тридцать съ лишнимъ лѣтъ служилъ экономомъ въ этомъ имѣніи, а когда онъ умеръ десять лѣтъ тому назадъ, еще покойный баринъ — царство ему небесное! — оставилъ меня на пенсіи и велѣлъ до смерти давать мнѣ квартиру, картофель и муку на хлѣбъ. Когда по-

покойный баринъ — царство ему небесное! — умеръ, это молодой баринъ — дай Богъ ему за это здоровья, богатства и всякаго счастья! — утвердилъ всѣ отцовскія распоряженія и не отнялъ у меня мою пенсію. Дай ему Богъ за это красивую жену, потому что, говорятъ, онъ и самъ очень красивъ!

Мы медленно шли рядомъ по лѣсной тропинкѣ. Я снова взглянулъ на ея порванную юбку и виднѣвшіяся изъ-подъ нея ноги въ тряпкахъ и порванныхъ сношенныхъ туфляхъ, и мнѣ захотѣлось смѣяться. Дѣйствительно, было за что меня благословлять! И сколько еще другихъ благословеній она высыпала за-разъ. Очевидно, это уже такая благословляющая натура.

Значитъ, она сорокъ лѣтъ просидѣла въ этомъ дворѣ на одномъ мѣстѣ! И какъ это могутъ нѣкоторые люди быть такими грибами! Можетъ быть, она, по крайней мѣрѣ, издалека пріѣхала сюда. Я спросилъ ее, откуда она родомъ? — Не издалека, не издалека; наоборотъ, изъ деревни, находящейся всего въ трехъ верстахъ отсюда. Ея покойный мужъ Владиславъ Кулеша — царство ему небесное!.. былъ изъ другой деревни и сейчасъ же послѣ женитьбы пошелъ съ нею на службу въ это имѣніе. Имъ было очень хорошо. Покойникъ баринъ — вѣчный ему покой! — былъ добрый и управляющіе, которыхъ онъ держалъ, были порядочные, справедливые и добрые люди; а теперешній молодой баринъ, кажется, лучше всѣхъ людей на свѣтѣ; онъ не выгналъ ни одного изъ отцовскихъ слугъ, оставилъ всѣ пенсіи и говорятъ, что со всѣми такой вѣжливый и справедливый, и пріятный какъ голубь.

Смѣхъ все больше овладѣвалъ мной. За что она меня такъ хвалила? и сколько еще другихъ похвалъ

высыпала она за-разъ? Оптимистическая натура. Теперь нужно опускаться въ такія долины и низины, чтобы встрѣтиться съ оптимизмомъ. Пока я это думалъ, моя спутница подняла на меня глаза, и вѣки ея заморгали съ лукавствомъ восемнадцатилѣтней дѣвушки!

— Что же это вы, мой голубчикъ, такъ нахмурились и головку опустили, какъ будто на землѣ булавокъ ищете? Вижу я, охъ, вижу, что вамъ невесело! И чего бы, кажется, такому молодому и прекрасному кавалеру печалиться на этомъ свѣтѣ? Вѣрно влюблены! Ну какъ же! Конечно! Засіяло хорошенькое личико, въ красивыхъ глазкахъ улыбнулась добрая душенька, а молодое сердце сейчасъ: тукъ-тукъ, тукъ-тукъ! И отъ этого разныя тревоги и печали! А что? Я старуха, а такія вещи умѣю угадывать! Ха, ха, ха! Угадала, какъ по картамъ! Ха, ха, ха!

Она смѣялась, и ея полныя плечи въ порыжѣломъ кафтанѣ тряслись, а на лбу шевелились морщины. Я хотѣлъ ей сказать, что она совсѣмъ не угадала, потому что я именно отдалъ бы половину того состоянія, которое у меня еще осталось, за то, чтобы мое сердце забилось ради кого-нибудь или ради чего-нибудь. Но зачѣмъ было говорить? Я заглянулъ въ ея корзинку и, невольно подражая ея говору, обратилъ ея вниманіе на корзину, полную грибовъ...

— А какъ же, голубчикъ, — конечно, полная.... Въ этомъ году много грибовъ, а въ особенности рыжиковъ. Благодареніе за это Господу Богу!

Господи! Можно ли такъ горячо благодарить Бога за обиліе рыжиковъ! Но вскорѣ я убѣдился, что это имѣло свое основаніе. Безъ тѣни жалобы и ни на минуту не допуская, что это была нищета,

она разсказала мнѣ, что въ грибную пору она живетъ одними грибами и приберегаетъ на зиму картофель, который ей выдаютъ со двора. Подсыпаетъ только немного крупки, подложитъ луку и выходитъ отличный супъ. Съѣстъ его тарелку съ хлѣбомъ— и сыта. Иногда для разнообразія она печетъ ихъ на угольяхъ и ѣстъ съ солью и это уже самое великолѣпное кушанье. Соли ей даютъ немного во дворѣ изъ милости, потому что этого въ пенсіи не выговорено; но Женскій очень добрый и справедливый человѣкъ и иногда велитъ прибавить даже два-три фунтика сала... Дай ему Богъ здоровья и всего хорошаго!

— А гдѣ вы живете, бабушка?

— А въ той коморкѣ, что надъ конюшней...

— Покажите мнѣ вашу квартиру.

— Хорошо, хорошо! Будьте добры, зайдите ко мнѣ... это для меня будетъ большая честь ... только, голубчикъ, туда входить очень неудобно.. Я уже привыкла, но вы, голубчикъ, какъ бы не упали съ лѣстницы.

Дѣйствительно, это была обыкновенная стоячая лѣстница, поставленная такъ неустойчиво, что было чудомъ, какъ старушка, взбираясь по ней каждый день, не сломала себѣ шею. Опередивъ меня, она взбиралась по ней даже довольно быстро, пока мы оба не взошли на чердакъ конюшни; онъ раздѣлялся на два отдѣленія: въ одномъ изъ нихъ спали конюхи, въ другое она провела меня черезъ узенькія двери, въ которыхъ было множество щелей. Четыре шага въ длину и четыре въ ширину, толстыя балки у потолка, который былъ такъ низокъ, что я долженъ былъ согнуть плечи и шею, чтобы не удариться головой; кровать изъ простыхъ досокъ, деревян-

ный сундукъ, столикъ, выкрашенный въ черную краску, нѣсколько горшковъ въ одномъ углу и травы, разсыпанныя на кускѣ полотна въ другомъ, маленькое отверстіе въ толстой стѣнѣ, имѣющее форму полумѣсяца съ крошечными стеклами. Кромѣ того, запахъ ременной упряжи, наполнявшей чердакъ и махорки, которую курили конюхи за тонкой перегородкой, смѣшанный съ сильнымъ сладкимъ ароматомъ сушившихся травъ.

— Прошу садиться, прошу садиться, мой голубчикъ... только, право, не знаю, гдѣ... вотъ, можетъ быть, на кровати, или на сундукѣ...

Я сѣлъ на низкій сундукъ, она — возлѣ меня на кровать, но, прежде чѣмъ усѣсться, она наполнила горшочекъ водой, стоявшей въ ведрѣ, и, помѣстивъ въ него свой букетъ вереска, поставила его на столѣ. Корзинку съ грибами она положила возлѣ себя на кровати.

— Вамъ, вѣрно, тутъ не очень удобно, бабушка?.. — замѣтилъ я.

Она засмѣялась и махнула рукой.

— Конечно, не очень удобно! При жизни моего покойнаго мужа — царствіе ему небесное! — я жила въ прекрасныхъ комнатахъ во флигелѣ. Теперь дѣло другое. Но для бѣдной вдовы, не имѣющей никакого пристанища, и это хорошо. Что бы я дѣлала, если бы меня отсюда выгнали? а? на паперть пошла бы?.. Развѣ мнѣ одной приходится страдать на свѣтѣ? Бываютъ и еще бѣднѣе меня. Такая ужъ видно моя судьба, какъ въ той пѣсенкѣ.

Она засмѣялась и, такъ же, какъ тамъ, въ лѣсу, запѣла немного охрипшимъ, дрожавшимъ голосомъ. Мотива этой пѣсни я не помню, но слова помню, потому что она потомъ повторила ихъ два раза.

Надъ колыбелью моей судьба склонилась
И, взявши на руки меня, сказала такъ:
„Будешь въ нуждѣ ты свой вѣкъ коротать,
Жизнь твоя съ горемъ сроднилась;
Будешь, подружка, цвѣты собирать
Будешь вѣнки и букеты сплетать.
А твоя нажива:
Два гриба и крапива!"

Произнося послѣднюю фразу, она такъ забавно развела руками, показывая на свою корзинку съ грибами и горшючекъ съ верескомъ, что я засмѣялся и надъ этимъ жестомъ, и надъ ея потѣшной миной, и надъ ея пѣсенкой — такъ искренно, какъ давно уже не смѣялся.

— Повторите, бабушка, эту пѣсенку! — попросилъ я.

— Почему не повторить? Охотно... — И она повторила ее два раза подъ-рядъ.

— А теперь ту, которую вы пѣли въ папоротникахъ...

Самъ не знаю, когда и какъ я взялъ ея руку, покрытую грубой, темной кожей, и держалъ ее въ своихъ рукахъ, и пока она охотно повторяла пѣсенку, которую пѣла въ папоротникахъ, я смотрѣлъ съ восхищеніемъ въ ея лицо и чувствовалъ, что это восхищеніе все возростало.

Боже мой, какое это было ясное и доброе лицо! Этотъ старый и сморщенный лобъ такъ и блисталъ ясностью, а еще больше какой-то невыразимой невинностью, которая дѣлала его похожимъ на дѣтскій лобъ: глаза, несмотря на покраснѣвшія вѣки, смотрѣли быстро и свѣтились; увядшія, пожелтѣвшія губы имѣли спокойное очертаніе, какъ будто бы этой женщинѣ никогда ничто не надоѣдало и у нея никогда ни въ чемъ не было недостатка. Съ тѣхъ

поръ, какъ я живу, я въ первый разъ видѣлъ существо, въ наружности котораго не отразилась ни одна капля желчи.

— Ага, вамъ понравились мои пѣсенки! Это всегда такъ бываетъ съ молодыми, а особенно съ влюбленными. А вы, голубчикъ, влюблены... я уже это хорошо вижу... иначе почему бы вамъ быть такимъ худымъ и печальнымъ... О любовь, любовь!... будь ты проклята! И изъ какой части свѣта ты взялась?.. Ха, ха, ха!

И откуда она взяла всѣ эти пѣсни и присказки? Откуда? Эге! Она отъ самаго рожденія слышала ихъ въ своей деревенькѣ! Нельзя и пересчитать, сколько она ихъ еще знаетъ, — и духовныхъ, и свѣтскихъ! И какъ запоетъ себѣ какую-нибудь изъ нихъ, то и на сердцѣ какъ-то легче станетъ.

— Значитъ, и у тебя, бабушка, бываетъ иногда тяжело на сердцѣ?

— А какъ же, голубчикъ? У кого же на этомъ свѣтѣ нѣтъ своихъ печалей и бѣдъ! У меня тоже были родители, братья, мужъ. Одни отправились на тотъ свѣтъ, другіе забыли обо мнѣ. Двое дѣтей лежатъ на кладбищѣ, двое другихъ отправила въ далекіе края и рѣдко имѣю о нихъ вѣсти, а помощи отъ нихъ уже никакой. Я и не удивляюсь этому, потому что они бѣдны и имъ самимъ тяжело на свѣтѣ, но по временамъ сердце болитъ и тоскуетъ... родныхъ также нѣтъ поблизости: есть племянники и племянницы, но я ихъ почти никогда не вижу, надоѣдать имъ не хочу, а они сами не помнятъ обо мнѣ.. Какъ же! Кто тамъ будетъ помнить о такой старухѣ? Къ тому же они всегда въ работѣ, бѣдняги; каждый кусокъ хлѣба получаютъ въ потѣ лица отъ святой земли... Пусть ихъ благословитъ Богъ и

пошлетъ имъ все хорощее! Но мнѣ иногда грустно, что я одна, какъ перстъ, осталась на свѣтѣ. Тогда утѣшаюсь, какъ могу, то молитвой, то пѣсенкой, то вспоминаю о своихъ хорошихъ временахъ... Потому что, голубчикъ мой, всякія времена проходятъ, а кому Богъ удѣлилъ хоть каплю радости на этомъ свѣтѣ, тотъ долженъ спокойно и съ благодарностью сносить свою долю, хоть бы ему потомъ и горько приходилось. Развѣ я королева, чтобы мнѣ всегда было прекрасно? или святая, чтобы меня уже на землѣ ангелы вѣнчали своимъ блескомъ?

Я не зналъ, сплю ли я, или бодрствую; устами этой старой простой женщины говорилъ духъ мудреца или сердце ангела? Никому никакихъ нареканій, ни на кого ни одной жалобы; только тихій вздохъ и сейчасъ же свова благословеніе всему и всѣмъ!

— Вы и зимой живете здѣсь, бабушка?

— А какъ же, голубчикъ, здѣсь, здѣсь...

— Но я не вижу здѣсь печи...

— Ха, ха, ха, голубчикъ мой, какой ты смѣшной! Трудно видѣть то, чего нѣтъ. Тутъ, голубчикъ, печи нѣтъ и никогда не было.

— Но какъ же въ морозы?...

Повѣрите ли, докторъ, что задавая этотъ вопросъ, я такъ дрожалъ, какъ будто бы холодъ пронизывалъ меня до костей? А съ моимъ сердцемъ дѣлалось что-то такое, что должно дѣлаться съ убійцей, которому показываютъ останки его жертвы. А она снова засмѣялась и начала разсказывать:

— Да, голубчикъ, и въ морозы... Эти щели въ дверяхъ вездѣ мхомъ протыкаю, чтобы черезъ нихъ не проходилъ вѣтеръ... Окно закрою доской и оставлю только такую щелочку, чтобы не было со-

всѣмъ темно... Надѣну на себя всѣ теплыя тряпки, какія имѣю, скорчусь на постели и, если могу, вяжу чулки, а если уже слишкомъ костенѣютъ пальцы, говорю молитвы или такъ себѣ раздумываю о разныхъ разностяхъ. Въ большіе морозы, ложась спать, наложу себѣ столько сѣна на одѣяло, что спрячусь въ немъ съ головой, а въ самые сильные холода переночую и проведу день гдѣ-нибудь у добрыхъ людей: то у писарши, то у жены повара, то у которой-нибудь изъ служанокъ; потому что все это, дорогой мой, очень добрые люди, которые охотно даютъ пріютъ бѣдному человѣку... Дай имъ, Господи, всего хорошаго! А я имъ за то, что они меня иногда погрѣютъ и накормятъ, чулки вяжу, собираю и сушу травы отъ кашля или отъ коликъ, за дѣтьми присматриваю и при больныхъ посижу... Что могу, голубчикъ, что могу, то и дѣлаю, въ благодарность чтобы отслужить... вотъ какъ! Вѣдь не среди волковъ живу — среди людей; вотъ и не замерзла до сихъ поръ и съ голоду не умерла, хотя, насколько могу, обхожусь своимъ, чтобы не надоѣдать и не одолжаться очень... потому что брать отъ людей и не отдавать, это грѣхъ и стыдъ, голубчикъ мой. Хуже всего мнѣ съ водой: очень тяжело съ ведромъ взбираться на лѣстницу... а также, чтобы сготовить обѣдъ, приходится каждый день ходить къ писаршѣ... Хорошо, что она такая добрая и позволяетъ готовить въ своей кухнѣ, — пусть ее за это Богъ наградитъ... только это опять туда и назадъ по лѣстницѣ... Но что жъ, разъ нельзя иначе, то я и такъ еще кое-какъ справлюсь... Я, голубчикъ, хоть и старая, а бодрая... ха, ха, ха...

Я смотрѣлъ на нее, смотрѣлъ, слушалъ, и моя голова пылала.

— Но тотъ молодой баринъ, который васъ содержитъ въ такой нищетѣ въ своемъ дворѣ, негодяй, не правда ли, бабушка? — проговорилъ я какимъ-то страннымъ для самого себя, какъ бы не своимъ голосомъ.

Она приложила свой темный, узловатый палецъ къ губамъ и прошептала:

— Тише!

— Насъ никто не слышитъ...

— Слышитъ, или нѣтъ, голубчикъ, все равно, — никогда не нужно говорить такъ скверно о людяхъ. Фу, голубчикъ, какое гадкое и несправедливое слово ты сказалъ. Развѣ мы его знаемъ, пудъ соли съ нимъ съѣли, чтобы такъ сейчасъ и брякнуть: негодяй?

Она такъ разсердилась, что ея худыя, но румяныя щеки задрожали.

— Если бы мы, бабушка, — прервалъ я ее со смѣхомъ, — ѣли съ нимъ устрицы, то мы бы знали, что на тѣ деньги, которыя онъ заплатилъ только за нихъ, можно было бы сдѣлать такъ, чтобы тебѣ не приходилось ни лазить по лѣстницѣ, ни класть сѣна на одѣяло, ни ночевать изъ милости...

Она успокоилась и съ минуту подумала:

— Я не знаю, голубчикъ, что это за устрицы, но навѣрное что-то дорогое... Правда, люди говорятъ, что онъ очень кутитъ и мотаетъ свое состояніе... Это скверно! это не хорошо! Но скажи самъ, голубчикъ, развѣ это его вина, что его съ колыбели пріучили къ роскоши, всякимъ нѣжностямъ и удовольствіямъ? Можетъ быть, онъ и не святой, такъ что же? а ты святой?... а я святая? Только Богъ святъ, а мы люди, такъ или иначе, всѣ грѣшны, и когда одинъ браниТъ другого за грѣхи, то это все равно, какъ если бы одинъ быкъ упрекалъ

другого въ томъ, что у него есть рога. Бѣдняга онъ! Я слышала, что онъ нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ домой и сидитъ одинъ, какъ пустынникъ, въ пустыхъ комнатахъ; говорятъ, что онъ очень худой... вотъ, можетъ быть, такой, какъ и ты, голубчикъ, потому что и ты, хоть и красивый малый, но такой худой и блѣдный, какъ послѣ болѣзни... Я очень хотѣла бы его видѣть; но эта конюшня стоитъ далеко отъ дома, а онъ, говорятъ, рѣдко выходитъ изъ дому; поэтому я его еще и не видала. Люди говорятъ, что онъ боленъ и что у него много долговъ. Бѣдный! Что ужъ на него нападать! Если онъ согрѣшилъ, то теперь и несетъ наказаніе.. Но пусть Богъ милосердный сниметъ съ него кару... А если мнѣ и не хватаетъ чего-нибудь... то я благодарю его и за то, что онъ мнѣ далъ, за этотъ кровъ и кусокъ хлѣба... Пусть ему Богъ милосердный пошлетъ всякое счастье и добро, образумитъ его и сохранитъ отъ грѣховъ! Пусть Онъ благословитъ его во всѣхъ его намѣреніяхъ и поступкахъ!...

Христосъ, который возлюбилъ дѣтей и невинныхъ!... какъ я понялъ Тебя и какъ я преклонялся передъ Тобой въ эту минуту!... Смѣйтесь, докторъ: я очутился у ногъ этой женщины; губы мои прижались къ ея рукамъ. Значитъ, былъ кто-то на землѣ, кто мнѣ все простилъ и кто благословилъ меня! За что? За что?

Но она вдругъ догадалась, кто я, и сначала крикнула: — Господи! — а потомъ во всемъ величіи своей старости и своихъ терпѣливо переносимыхъ страданій, не стараясь поднять меня и не смущаясь моей смиренной позы, обняла меня за шею и начала цѣловать въ лобъ и въ волосы.

— Это баринъ, это самъ баринъ, мой голубчикъ... а я несчастная и не догадалась! Какъ же ты уважаешь мою старость, голубчикъ!... Господи, поцѣлуешь мнѣ руки... Пусть же тебя наградитъ Божья Матерь и всѣ святые!

Она плакала и все обнимала меня за шею, а я положилъ голову на ея грудь и чувствовалъ себя такъ, какъ будто былъ усталымъ ребенкомъ и послѣ капризовъ и слезъ отдыхалъ на колѣняхъ своей матери.

Черезъ четверть часа послѣ этого, я какъ молнія влетѣлъ къ Женскому, и съ гнѣвомъ набросился на него за то, что въ моемъ дворѣ старые слуги нашей семьи терпятъ холодъ и голодъ и велѣлъ, чтобы старой Кулешовой сейчасъ же дали удобную комнату во флигелѣ и все, все, что нужно для жизни.

Въ тотъ же самый день дядя сдѣлалъ мнѣ сюрпризъ: онъ пріѣхалъ раньше, чѣмъ я его ожидалъ, и привезъ съ собой жену и двухъ дочерей, которыя интересовались здѣшней мѣстностью и, какъ кажется, моей особой. Мой дядя человѣкъ добрый, довольно пріятный и я съ дѣтства любилъ его; кромѣ того, онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ добрымъ намѣреніемъ помочь мнѣ совѣтами, а, можетъ быть, одолжить мнѣ деньги. Хотя мнѣ и лѣнь было разговаривать съ нимъ, но я отчасти былъ ему радъ; только отъ его жены и дочерей я готовъ былъ спрятаться подъ землю, — такъ мнѣ не хотѣлось брать на себя бремя развлеченія дамъ.

Не слѣдуетъ думать, что въ томъ случаѣ, когда эти очаровательныя созданья дѣлаютъ намъ честь и въ первый разъ переступаютъ порогъ молодого, не женатаго мужчины, эта задача является легкой. Въ

этомъ случаѣ, каждая секунда, посвященная чему-нибудь другому, каждая минута задумчивости или, Боже сохрани, печали, является обидой, невѣжливостью, или даже дерзостью и грубостью. Радость и безграничная благодарность должны были овладѣть мною при одномъ ихъ видѣ и уже ни на минуту не оставлять меня на цѣлый день.

И они овладѣли мной. Я весь сіялъ отъ радости и благодарности, двигался проворно, говорилъ краснорѣчиво; какъ Весталка бережетъ святой огонь, такъ я изо всѣхъ силъ оберегалъ нить разговора, которая не должна была прерваться ни на мгновеніе ока, но, наоборотъ, пріобрѣтать все большую оживленность и интересность; вдругъ лакей тихо шепнулъ мнѣ, что пришла старая Кулешова, чтобы поблагодарить меня за всѣ милости. Я также тихо шепнулъ ему въ отвѣтъ, чтобы онъ сказалъ Кулешовой, что у меня гости и что я не могу видѣться съ ней въ эту минуту, а когда лакей уходилъ, я снова позвалъ его и прибавилъ: „Извинись только передъ ней, понимаешь? Извинись какъ можно вѣжливѣе и скажи, что завтра я приду самъ“.

Въ эту минуту я былъ увѣренъ, что завтра встану раньше дамъ и пойду къ ней.

Пока одна изъ кузинъ съ энтузіазмомъ разсказывала мнѣ о тенорѣ; котораго она слышала прошлую зиму, а другая нехотя бренчала на фортепіано и просила меня, чтобы я спѣлъ что-нибудь, въ головѣ моей роились нѣкоторыя намѣренія относительно старушки, и я улыбался имъ, а кузины думали, что я улыбаюсь имъ и ихъ прелестному щебетанью, и были вполнѣ довольны и собой, и мной.

Однако, на другой день я проспалъ и нашелъ дамъ уже одѣтыми и ожидавшими меня съ нѣкото-

рымъ неудовольствіемъ по поводу моего опозданія. Вскорѣ послѣ этого съѣхались новые гости, почтенные члены семьи, устроился формальный фамильный совѣтъ, который чрезвычайно огорчилъ и разстроилъ меня, и окончательнымъ выводомъ котораго явилась необходимость для меня какъ можно скорѣй ѣхать съ дядей и еще съ однимъ родственникомъ въ мои другія имѣнія, находящіяся довольно далеко.

Родственники приняли очень близко къ сердцу мое опасное положеніе и — конечно, съ цѣлью спасти мое состояніе — понемногу брали въ опеку мою особу.

Пусть ихъ наградитъ за это Богъ милосердный! — какъ говорила моя милая старушка, хотя въ концѣ концовъ они немного больше сдѣлали для меня, чѣмъ я для нея... ахъ! я ошибся! Они усмирили меня и притомъ необыкновенно деликатнымъ образомъ, чего я не сдѣлалъ по отношенію къ ней.

Въ концѣ концовъ я провелъ въ другихъ имѣніяхъ цѣлый мѣсяцъ, питаясь перцемъ и запивая его уксусомъ и совсѣмъ забылъ о моей Кулешовой. Только, когда черезъ мѣсяцъ я вернулся сюда и взглянулъ на лѣсъ, то вдругъ въ моей памяти воскресъ густой папоротникъ и виднѣющаяся изъ-за него фигура румяной старушки въ бѣломъ чепцѣ. При этомъ воспоминаніи мнѣ сдѣлалось такъ весело, какъ будто бы я, долго вращаясь среди чужихъ людей, встрѣтилъ родное, милое лицо.

Шелъ я рощей, по холмамъ,
Красавицу встрѣтилъ тамъ.
Гей-га! Гей-га!

За тѣ четверть часа, пока я шелъ къ ней, я вспомнилъ тѣ планы, которые бродили въ моей головѣ, когда кузины такъ мило щебетали. Я возьму

Кулешову къ себѣ, и она останется при мнѣ навсегда Пусть себѣ она сидитъ въ тихой комнаткѣ и вяжетъ чулки, а я время отъ времени зайду къ ней, все разскажу, все выскажу ей, поплачусь на судьбу, сколько захочу, положу себѣ на лобъ ея мозолистыя руки, какъ руки матери. Я, вѣроятно, проведу здѣсь всю зиму — и вотъ въ долгіе вечера старушка будетъ пѣть мнѣ свои пѣсенки и разсказывать, какъ тамъ живутъ такія, какъ она... а я ей за это всегда принесу чего-нибудь вкуснаго и скажу. „ѣшь, бабушка! это за твои грибы съ крупкой и съ лучкомъ!“ Подставлю мягкую скамеечку ей подъ ноги, закутаю ее теплымъ пледомъ и скажу: „А это, бабушка, за твою лѣстницу и порванныя туфли“. О Боже, безгранично довѣряться хоть одной человѣческой душѣ, доброй безъ границъ; хоть изъ однихъ устъ услышать благодарность и благословеніе! Быть чьей-нибудь поддержкой и вмѣстѣ съ тѣмъ ребенкомъ, ребенкомъ слабымъ, капризнымъ, даже преступнымъ, но знающимъ, что ему все, все простится!

Войдя въ домъ, я тотчасъ спросилъ встрѣтившаго меня Женскаго:

— Какъ поживаетъ Кулешова?

Онъ удивился и еще больше смутился.

— Мнѣ очень непріятно, такъ какъ я вижу, что вы принимаете участіе въ этой старушкѣ... но какъ разъ... къ несчастью... Мы похоронили ее недѣлю тому назадъ. Она умерла такъ неожиданно, отъ воспаленія легкихъ.

Моя рука была еще та же самая рука, которая въ припадлѣ бѣшенства разбила вдребезги японскую вазу. Однимъ ударомъ кулака я разбилъ мозаиковый столикъ, возлѣ котораго стоялъ, и когда испу-

анный Женскій исчезъ, какъ привидѣніе, я долго тоялъ одинъ въ большой пустой залѣ, на старинную мебель которой спускались сумерки.

VIII.

Не было ничего необыкновеннаго въ томъ, что семидесятилѣтняя женщина, съ виду пользовавшаяся добрымъ здоровьемъ, внезапно заболѣла и умерла. Для меня это былъ, можетъ быть, и благопріятный случай, хотя сначала я очень негодовалъ на него. Очень возможно, что если бы она жила дольше, она надоѣла бы мнѣ, какъ и все на свѣтѣ, я пересталъ бы обращать на нее вниманіе и не могъ бы теперь гордиться передъ вами и передъ самимъ собой тѣмъ, что хотѣлъ сдѣлать добро кому-то. Вы улыбаетесь, докторъ? Вы, вѣроятно, думаете, что то, о чемъ я вамъ уже нѣсколько дней разсказывалъ съ такимъ жаромъ, не стоитъ выѣденнаго яйца. Капризы избалованнаго молодого человѣка, барскія фантазіи! Какъ? Я предоставляю вамъ произнести окончательный приговоръ по этому дѣлу послѣ долгаго и глубокаго размышленія, а теперь, желая немного возвыситься въ вашихъ глазахъ, разскажу вамъ исторію о самомъ великомъ подвигѣ въ моей жизни, о томъ, какъ разъ я принесъ жертву — такую жертву, на которую, навѣрное, меня никто не считаетъ способнымъ.

Это было въ одинъ знойный лѣтній день. Кое-какъ устроивъ свои дѣла и просидѣвъ въ пустынѣ ужасныхъ десять мѣсяцевъ, я снова ѣхалъ за границу. До станціи желѣзной дороги было довольно далеко; посрединѣ этого пути стояла корчма, можетъ быть, даже принадлежавшая мнѣ, такое большое каменное

мрачное ветхое зданіе; я велѣлъ кучеру остановить возлѣ нея лошадей, чтобы дать имъ отдохнуть, а также потому, что, проѣхавшись въ душной запертой каретѣ, я почувствовалъ страшную жажду. Я вышелъ изъ кареты и, войдя въ отвратительную развалину, потребовалъ воды. Каково же, однако, было мое удивленіе и возмущеніе, когда я услышалъ отъ растрепанной шинкарки, что у ней нѣтъ ни капли этого простого элемента природы!

Не знаю ужъ по какой причинѣ, можетъ быть, вслѣдствіе особенностей почвы, возлѣ корчмы не было колодца и туда носили воду изъ родника, находившагося на разстояніи цѣлыхъ двухъ верстъ; но въ эту минуту ея тамъ не было ни капли. Правда, не только шинкарка, но всѣ, кто тамъ былъ, бросились, увидя меня и услышавъ мой голосъ, къ ведрамъ и кувшинамъ, чтобы бѣжать, летѣть за водой; но, не надѣясь особенно на быстроту ихъ ногъ, я послалъ своего слугу, велѣлъ ему отпречь отъ кареты одну изъ лошадей и галопомъ поскакать къ роднику, что онъ и сдѣлалъ во мгновеніе ока, взявъ съ собой ведро, которое шинкарка чуть не силой всунула въ его руки.

Раздосадованный и возмущенный такими первобытными порядками, я почувствовалъ, однако, что въ этихъ толстыхъ стѣнахъ въ тотъ день было немного прохладнѣе, чѣмъ на дворѣ: съ нѣкоторымъ отвращеніемъ я усѣлся на отвратительной скамьѣ у окна, чернаго отъ сидѣвшаго на немъ роя мухъ. Въ эту же минуту я увидѣлъ черезъ окно нѣсколько одноконныхъ возовъ, остановившихся у корчмы; они были тяжело нагружены кирпичомъ и ими правили мужики, которые, такъ же какъ и я, сейчасъ же вошли въ корчму и попросили воды. Но ихъ встрѣ-

тили совершенно иначе. Шинкарка рѣзко и надменно крикнула имъ, что воды нѣтъ и что вода здѣсь дорогая, потому что за ней нужно ходить за двѣ версты, что если они хотятъ пить, то пусть пьютъ водку, потому что она (шинкарка) здѣсь для того, чтобы продавать водку, а не для того, чтобы мужикамъ носить воду. Ихъ было пять или шесть душъ, всѣ они были босы, раздѣты почти до рубашекъ, и все-таки такъ облиты потомъ, что онъ текъ съ ихъ жесткихъ волосъ и сверкалъ на ихъ груди, виднѣвшейся изъ-за открытыхъ и мокрыхъ рубахъ.

И въ этомъ не было ничего удивительнаго. Стоялъ страшный зной и духота; въ воздухѣ не было ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка, а они шли пѣшкомъ за своими возами, вѣроятно, уже нѣсколько часовъ. Сначала они шумно обступили шинкарку и начали ее бранить, но потомъ, очевидно, поняли, что безполезно домогаться того, чего дѣйствительно не было и крикнули ей, чтобы она дала имъ ведро, такъ какъ одинъ изъ нихъ пойдетъ за водой. Но она не хотѣла имъ дать ведра. „Не можете напиться водки, хамы!“ Дѣло дошло бы, можетъ быть, до драки, потому что разъяренные мужики начали сжимать кулаки и сверкать глазами, какъ вдругъ къ корчмѣ подъѣхалъ мой человѣкъ и влетѣлъ въ ту комнату, гдѣ я сидѣлъ съ ведромъ въ одной рукѣ и съ моимъ дорожнымъ кубкомъ, вынутымъ изъ кареты въ другой. Мужики бросились къ водѣ, но шинкарка, ея мужъ и дочери, съ крикомъ бросились къ ведру.

— Это вода для барина! Это баринъ велѣлъ привезти!

— Баринъ... барину... для барина... — А баринъ громко закричалъ своему человѣку:

— Отдать эту воду этимъ людямъ!

Что за великодушіе, неправда ли? И пока они быстро, прежде чѣмъ мой лакей успѣлъ окунуть кубокъ въ воду, схватили ведро и начали пить изъ него, какъ быки, меня самого мучила адская жажда. Какая жертва! а? Конечно, баринъ и теперь могъ бы велѣть зачерпнуть кубкомъ воды и также напиться, но ея коснулись человѣческія губы, и это было для него невозможно. Поэтому онъ страдалъ и смотрѣлъ, какъ пили другіе, и къ собственному своему удивленію чувствовалъ, что это собственное страданіе въ соединеніи съ чужимъ удовлетвореніемъ доставляетъ ему удовольствіе.

Что же случилось потомъ? Почти ничего и, однако, для меня нѣчто незабвенное. Мужики, выпивъ воду почти до капли, выпрямились, глубоко вздохнули, вытерли рукавами свои лбы и лица, и тяжело медленно, одинъ за другимъ, направились къ двери.

Двое изъ нихъ даже уже вышли изъ корчмы, а другіе, толкая другъ друга, толпились у двери; но одинъ изъ нихъ, самый молодой и самый стройный, остановился, повернулся ко мнѣ лицомъ и, поклонившись, сказалъ:

— Спасибо, баринъ!..

При этомъ онъ довольно долгимъ взглядомъ посмотрѣлъ на меня своими голубыми бирюзовыми глазами, полными такой глубокой, ласковой, робкой благодарности, что я опустилъ глаза, и мною овладѣлъ стыдъ. Посмотрѣвъ такъ на меня, онъ повернулся и ушелъ за другими. Я же послалъ лакея второй разъ за водой и опять ждалъ.

Не правда ли, все это были пустяки? Можетъ быть, вы думаете даже, что это совсѣмъ безсмысленная исторія? Однако же, будьте такъ добры, скажите:

почему мною тогда овладѣлъ такой стыдъ? И почему въ благодарности, выражавшейся въ глазахъ этого мужика, меня больше всего поразила ея робость? И почему, когда возы, нагруженные кирпичомъ, отъѣхали уже довольно далеко отъ корчмы, я почувствовалъ въ себѣ страстное, горячее, неудержимое сожалѣніе о томъ, что я не пошелъ за этимъ мужикомъ и не обнялъ его? Сдѣлалъ ли бы я это, если бы онъ вдругъ очутился передо мной? Вѣроятно, нѣтъ: мнѣ былъ бы противенъ потъ, который обливалъ его, и онъ былъ для меня такимъ чужимъ, страшно далекимъ... Я опять такъ же страстно пожелалъ бы это сдѣлать, и горько пожалѣлъ бы о томъ, что не сдѣлалъ.

Ахъ, смѣйтесь, докторъ, не довѣряйте, думайте, что хотите! Я почувствовалъ тогда, что этотъ человѣкъ мой братъ и что я, можетъ быть, любилъ бы его, если бы зналъ...

„Спасибо, баринъ!..“ — Какія обыкновенныя слова! Почему же они звучатъ такъ сладко. Взглядъ простого мужика! Почему же онъ такъ тронулъ меня и остался такимъ понятнымъ?

Какъ же несчастенъ тотъ человѣкъ, которому въ трудные часы жизни только такія мимолетныя воспоминанія свѣтятъ, какъ единственныя звѣзды! Наканунѣ смерти я протягиваю къ нимъ руки и поспѣшно снимаю ихъ съ темнаго неба моего прошлаго, чтобы успѣть прижать ихъ къ моимъ губамъ, какъ реликвіи. Это небо было такимъ яркимъ, а теперь кажется мнѣ такимъ темнымъ! „Спасибо, баринъ!“ Это я благодарю тебя, братъ! Только посмотри на меня еще немного своими голубыми, полными благодарности глазами... только чтобы въ нихъ не было робости, потому что робость раздра-

жаетъ меня, а зачѣмъ раздражать умирающаго? Кто ты? Какъ твое имя? Гдѣ стоитъ твоя изба? Я не знаю. Но я хотѣлъ бы еще разъ увидѣть и обнять тебя. Конечно, я стеръ бы потъ съ твоего лица батистовымъ платкомъ, обрызгалъ бы тебя духами и— обнялъ. Можетъ быть, среди равныхъ тебѣ есть много такихъ, какъ ты, благородныхъ, симпатичныхъ... но я васъ не зналъ и уже не буду знать, потому что все кончено... Ахъ, какъ мнѣ грустно!

IX.

Зажгите лампу, докторъ, тамъ за моей кроватью, только скорѣе, скорѣе, потому что этотъ мракъ падаетъ мнѣ прямо на грудь и на голову, давитъ меня и почти лишаетъ меня сознанія. Я боюсь чего-то и чувствую себя очень слабымъ... Я угасаю. Можетъ быть въ эту ночь я умру... Вы совѣтуете, чтобы я выпилъ вина? Лучше бы вы дали мнѣ морфію... фи, какъ некрасиво вы сморщились! Я надоѣдаю вамъ этой просьбой гораздо чаще, чѣмъ ваша докторская совѣсть позволяетъ исполнять ее. О вы, отвратительные педанты, вѣчно помнящіе о совѣсти! Я немного думалъ о такихъ вещахъ и много выигралъ отъ этого, не правда ли?.. Ну пусть ужъ будетъ вино, а потомъ варенье... Обѣщаю вамъ много съѣсть его, потому что это единственная вещь, которая еще вкусна для меня.

Интересно мнѣ знать, почему тѣ, кто напивается, но не по-мужицки водкой, а по-барски, морфіемъ, такъ сильно любятъ сладости! Но пусть надъ этимъ ломаютъ голову физіологи... я предпочитаю констатировать фактъ, что этотъ вареный ананасъ великолѣпенъ.

А теперь сядьте противъ меня и поболтаемъ, — можетъ быть, уже въ послѣдній разъ. Я хочу сдѣлать только нѣсколько замѣчаній. Въ самомъ началѣ разговора съ вами я предупредилъ васъ, что въ 99-ти случаяхъ я былъ дѣйствительно такимъ, какимъ меня видѣлъ свѣтъ, и только одна сотая моей жизни была не похожа на остальныя и иногда выкидывала со мной неожиданныя штуки. Поэтому вы не должны были ожидать, что услышите больше того, что вы слышали. Однако, мнѣ страшно хотѣлось, чтобы кто-нибудь изъ живущихъ зналъ объ этой одной сотой, а откуда явилось это желаніе, — я самъ не знаю. Можетъ быть, это послѣдняя судорога самолюбія у человѣка, который имѣлъ его очень много, а можетъ быть, желаніе возстановить правду. Видите ли, демократическое направленіе мыслей и чувствъ обращаетъ теперь всеобщее вниманіе людей на ничтожныхъ и обиженныхъ. Я ничего, рѣшительно ничего не имѣю противъ этого, потому что, слишкомъ убѣдившись, что этотъ міръ вовсе не наилучшій изъ міровъ, я вѣрю на-слово каждому, кто мнѣ говоритъ, что онъ нуждается въ преобразованіяхъ. Но въ такомъ случаѣ нужно разсматривать ничтожныхъ и обиженныхъ въ ихъ различныхъ видахъ. Насколько великъ я, человѣкъ, сраженный на 33-емъ году жизни ужасной болѣзнью, не имѣющій ничего за собой, ничего передъ собой, ничего въ себѣ, ничего при себѣ, кромѣ воплощеннаго въ вашемъ образѣ долга — никого и ничего! — вы это знаете лучше всѣхъ. Развѣ я не обиженъ? Вы отвѣтите себѣ на этотъ вопросъ, когда, подумавши, рѣшите: могла ли бы моя одна сотая, при соотвѣтственныхъ условіяхъ, возрости на счетъ остальныхъ 99-ти, на пользу моему тѣлу и духу? Если рѣшите, что не могла, то плюньте на

меня и на всѣхъ мнѣ подобныхъ и выбросьте изъ памяти то, что я вамъ разсказывалъ. А если могла, то дѣло ясно: моя обида лежитъ, какъ на ладони. Кто мнѣ ее причинилъ? Кто въ ней виноватъ? Можетъ быть, никто, а, можетъ быть, также всѣ и все? Это дѣло другое и рѣшайте его сами. Но я рѣшительно требую равноправности для малыхъ и обиженныхъ, живущихъ какъ въ низинахъ, такъ и на высотахъ... требую, чтобы къ нимъ присматривались, не только съ критической точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія милосердія. Я хочу милосердія къ блестящимъ аристократамъ! Жалости къ милліонерамъ!

Что ужъ долго разговаривать! Вы очень учены, ваши головы полны разныхъ интересныхъ и мудрыхъ вещей, но о внутренней жизни и движеніяхъ человѣческихъ душъ такой вѣтрогонъ, какимъ былъ я, знаетъ больше васъ, если только у него есть хоть капля ума въ головѣ.

Что вы скажете, напримѣръ, о такомъ фактѣ?

Въ одной изъ столицъ я близко зналъ одного блестящаго, красиваго, богатаго молодого человѣка, происходящаго изъ одной изъ самыхъ богатыхъ фамилій въ странѣ и ведущаго чрезвычайно веселую жизнь. Онъ былъ пріятный и хорошій товарищъ: мы всѣ любили его. Онъ также страшно нравился женщинамъ, которымъ онъ кружилъ головы направо и налѣво; одна изъ нихъ понравилась ему больше всѣхъ, онъ обручился съ ней и скоро должна была состояться свадьба.

Его невѣста была такая же, какъ и онъ: свѣтская, красивая и богатая дѣвушка; она также очень нравилась мужчинамъ. Я никогда еще не видѣлъ его такимъ веселымъ, какъ въ то время; никогда еще счастье такъ не благопріятствовало ему, какъ въ то время.

Но разъ вечеромъ или, вѣрнѣе, ночью, я замѣтилъ въ немъ нѣчто необыкновенное. Впрочемъ, это была мелочь. Послѣ очень веселаго ужина и выгодно для него кончившейся игры, вставъ отъ зеленаго стола, онъ оперся на него ладонью и съ минуту стоялъ неподвижно, сморщивъ лобъ и смотря куда-то далеко своими прекрасными глазами, которые стали такъ прозрачны, какъ будто бы всѣ мысли его ушли въ глубь головы, оставивъ пустоту въ глазахъ. Онъ былъ такъ неподвиженъ и далекъ отъ всего, что не слышалъ, какъ его нѣсколько разъ окликнули по имени и фамиліи, а когда онъ, наконецъ, пробудился отъ своей каменной задумчивости, то я замѣтилъ, что онъ такъ скривилъ губы, какъ будто бы проглотилъ что-то невкусное, а потомъ махнулъ рукой и широко зѣвнулъ, какъ человѣкъ, который испытываетъ смертельную скуку.

Тогда случилось только это; но черезъ два дня послѣ этого тотъ человѣкъ застрѣлился. Почему онъ сдѣлалъ это?.. Безъ всякой видимой причины. Онъ не проигрался и не опозорилъ себя какимъ-нибудь поступкомъ, который приноситъ позоръ такимъ, какъ онъ и я. Его невѣста не измѣнила ему, а если бы онъ пересталъ желать женитьбы на ней, то легко могъ бы порвать. Почему же онъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ? Вы говорите, что это было, должно быть, результатомъ наслѣдственной маніи самоубійства? Хорошо: манія самоубійства... Я замѣчу этотъ терминъ и разскажу, что случилось разъ со мной самимъ.

Это было въ концертной залѣ. Игралъ самый знаменитый изъ современныхъ виртуозовъ. Я сидѣлъ возлѣ самой красивой женщины въ столицѣ; потоки электрическаго свѣта и блескъ брилліантовъ заливали залу. Въ началѣ концерта я былъ въ восторгѣ

отъ музыки, отъ сосѣдки, отъ залы и отъ своей собственной особы; но вдругъ, когда я закрылъ глаза, чтобы лучше вслушаться въ таинственно переплетавшіеся пассажи и аккорды, на фонѣ собственныхъ вѣкъ я увидѣлъ... что? — черную внутренность множества могилъ и стоящіе въ нихъ гробы. Вмѣсто того, чтобы открыть глаза и поскорѣе избавиться отъ этой печальной картины, я изо всѣхъ силъ старался удержать ее на своихъ вѣкахъ, думая: „да, все кончается этимъ! Міръ есть панорама появляющихся и исчезающихъ въ вѣчномъ мракѣ картинъ. Я не существовалъ, не существую, не буду существовать. „Суета суетъ и всяческая суета"!.. Когда, наконецъ, музыка утихла, загремѣли громкія рукоплесканія и я открылъ глаза, то кланявшійся публикѣ виртуозъ показался мнѣ неуклюжимъ; сосѣдка, охваченная восторгомъ — смѣшной, рукоплещущіе люди — сумасшедшими, потоки огней, заливавшіе залу — яркими и рѣжущими глаза. Правда, это длилось недолго, но все же было; что же это такое было? Проявленіе начинающейся истеріи — говорите вы... Хорошо: манія самоубійства и истерія. Я знаю, что вы все умѣете назвать, но что такое и то и другое въ человѣкѣ, само по себѣ и откуда это берется? — вы знаете объ этомъ столько же, сколько, напримѣръ, о томъ, что такое сама по себѣ и откуда берется сила тяжести, свѣтъ, теплота и другіе ингредіенты, изъ которыхъ состоитъ физическій міръ. Можетъ быть, я даже немного больше знаю объ этомъ. Одна сотая, мой дорогой, одна сотая...

Что тутъ долго говорить? Если извѣстно, что аскеты имѣли безумныя искушенія, влекшія ихъ къ грѣху, то кто можетъ знать, какое влеченіе къ до-

родѣтели и тоску по ней испытываютъ иногда рѣшники? Почему же они не удовлетворяютъ этого леченія? — спрашиваете вы. Вѣдь никто не мѣшаетъ имъ облечься въ бараньи шкуры и идти въ пустыню, чтобы питаться акридами и дикимъ медомъ! Никто, совершенно никто, кромѣ ихъ самихъ, т. е. ихъ 99-ти частей ихъ существа, борющихся противъ одной. И все-таки она есть... эта... эта одна злая, и иногда она суетъ въ руку человѣка револьверъ или рисуетъ передъ его глазами внутренность могилъ... или представляетъ ему весь свѣтъ въ видѣ большого мыльнаго пузыря. Что тутъ долго разговаривать? Если человѣкъ въ хорошую погоду жаждетъ бури, а среди бури проситъ погоды... хочетъ любить, когда уже нечѣмъ, или выкупаться въ ручьѣ, когда уже не можетъ вылѣзть изъ грязи... то... то онъ... что тутъ долго говорить...

Но мнѣ все труднѣе говорить... Я задыхаюсь, и такая страшная боль и въ головѣ, и въ спинѣ... Неужели я уже умираю?.. Неужели мое сердце уже сейчасъ... перестанетъ... какъ это она говорила? Тукъ-тукъ... тукъ-тукъ... О, моя милая бабушка, иди ко мнѣ, только скорѣе... благослови на далекую дорогу!..

„Спасибо, баринъ“... Это я благодарю тебя, братъ! Можетъ быть, ты обнимешь меня?.. Не смѣешь? Ха, ха, ха! Я такой важный!

Задыхаюсь... Боли прекратились... вѣрно ненадолго... но я совсѣмъ задыхаюсь и мнѣ такъ грустно! Немного, каплю... ради Бога; умоляю тебя твоими дѣтьми, милосердіемъ... хоть немного, хоть каплю морфію, докторъ!..

Конецъ.

